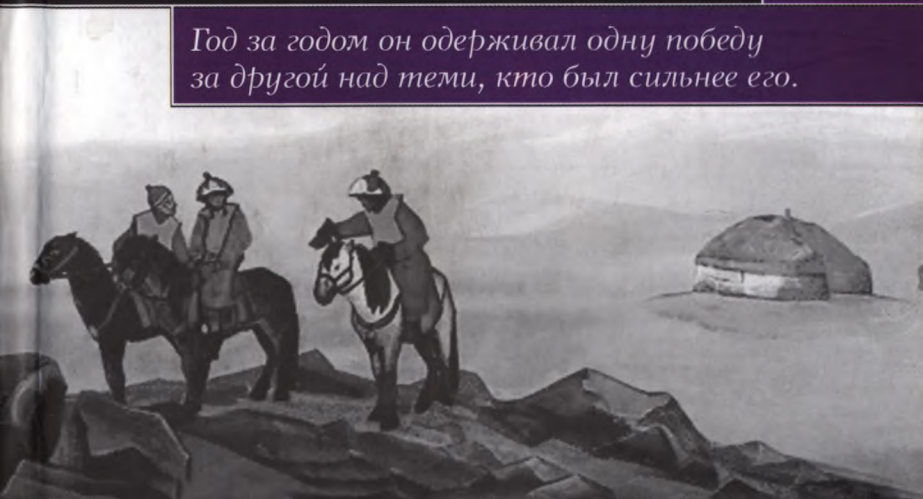

Джек УЭЗЕРФОРД

ЧИНГИСХАН
и рождение современного мира

*Год за годом он одерживал одну победу
за другой над теми, кто был сильнее его.*

ДЖЕК
УЭЗЕРФОРД

ЧИНГИСХАН
И РОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ВКП

Владимир

УДК 94(517)(092)
ББК 63.3(0)4-8
И90

Jack Weatherford
GENGHIS KHAN
AND THE MAKING OF THE MODERN WORLD

Перевод с английского Ефрема Лихтенштейна

Серийное оформление С.Е. Власова

Печатается с разрешения The Crown Publishing Group
и литературного агентства Synopsis.

*Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»
(Санкт-Петербург)*

Уэзерфорд, Дж.

И90 Чингисхан и рождение современного мира / Джек Уэзерфорд; пер. с англ. Е. Лихтенштейна. – М: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. – 493, [3] с.

ISBN 978-5-17-048486-7 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Ист. библиографическая)

ISBN 978-5-226-00500-8 (ВКТ)

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

ISBN 978-5-17-031548-2 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Ист. библиографическая)

ISBN 978-5-226-00501-5 (ВКТ)

Компьютерный дизайн Б.Б. Протопопова

Чингисхан.

Один из величайших завоевателей в мировой истории.

Правитель, покоривший множество стран и народов.

Сын нищих изгнанников, ставший могущественным монархом и непобедимым военачальником.

Но каким он был в реальности?

Ответ на этот вопрос вам предлагает великолепная книга Джека Уэзерфорда — известного американского ученого, работавшего в закрытых прежде для иностранцев районах Монголии — родины Чингисхана — и включившего в свое исследование уникальные материалы.

УДК 94(517)(092)
ББК 63.3(0)4-8

© Jack Weatherford, 2004

© Перевод. Е. Лихтенштейн, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2008

*Посвящается всем юным монголам.
Никогда не забывайте ученых,
отдавших жизнь
ради сохранения вашей Истории.*

ЧИНГИСХАН И РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Введение

ПРОПАВШИЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Чингисхан был человеком действия

Вашингтон-пост, 1989 год

В 1937 году в центральной Монголии из буддистского монастыря, расположенного в долине Лунной реки, у подножия горы Шанх, исчезла святыня, которая почиталась и хранилась там на протяжении столетий, — Душа Чингисхана. В тридцатые годы прислужники сталинизма репрессировали около тридцати тысяч монголов и проводили последовательную политику по уничтожению их культуры и религии. Вооруженные отряды подвергали разграблению один монастырь за другим, расстреливали монахов и насиловали монахинь, оскверняли святыни, опустошали библиотеки, сжигали священные тексты и разрушали храмы. Рассказывают, что кто-то тогда втайне спас вместилище души Чингисхана и спрятал его в Улан-Баторе. Там его след теряется окончательно.

На протяжении веков азиатские воины-кочевники несли по великой степи сульдэ — Духовное Знамя, копье, к древку которого чуть ниже наконечника были привязаны пряди гривы лучших коней. Где бы такой воин ни разбивал лагерь, он утверждал Духовное Знамя при входе в свой шатер, как свой герб и защитный амулет. Духовное Знамя всегда оставляли на открытом воздухе, под Вечно Синим Небом, которому поклонялись монголы. Развешивающиеся на степном ветру пряди вбирали в себя силу ветра, неба и солнца, силу, которую затем получал от сульдэ его владелец.

Ветер в конской гриве приносил воину честолюбивые мечты и помогал добиваться их воплощения. Вечно беспокойные пряди конского волоса всегда манили его в путь, на поиски лучшего пастбища, богатой добычи, славных свершений и лучшей доли в этом огромном мире. Союз воина и его Духовного Знамени становился настолько тесным, что после смерти дух воина переселялся в сульдэ. Пока воитель был жив, знамя из конского волоса несло его судьбу, в посмертии оно становилось его душой. Смертное тело быстро сливалось с природой, но душа вечно жила в этом знамени и служила напоминанием грядущим поколениям о великом прошлом.

У Чингисхана было два таких знамени: одно — из белого конского волоса — для мирного времени, другое — черное — для войны. Белое знамя было утрачено, но черное пережило века как посмертная обитель его души. Долгие годы после его смерти монголы

чтили знамя с его душой. В XVI веке один из его потомков, лама Дзанабадзар, построил монастырь, предназначением которого было хранить и защищать это знамя. Через бури и потрясения истории, вторжения и гражданские войны пронесли буддийские монахи из тибетской секты Желтых шапок это великое знамя, но и они не смогли ничего противопоставить тоталитарному режиму двадцатого столетия. Монахов перебили, а Духовное Знамя исчезло.

Небо не поднесло Чингисхану высокую судьбу, — он сам выковал ее для себя. Когда он родился, никому бы и в голову не пришло, что у него когда-нибудь будет столько коней, чтобы можно было сделать Духовное Знамя, и уж точно никто бы не поверил, что он пронесет его по всему известному миру. Мальчик, который потом стал Чингисханом, вырос в жестоком мире межплеменных войн, он рано узнал, что такое убийство, предательство и рабство. Сыну в семье изгнанников, брошенных на медленную смерть в степи, за первые годы жизни ему встретилась едва ли сотня-другая человек. Он не получил никакого систематического образования. Суровая жизнь рано обучила его самым сильным человеческим устремлениям в этом мире: страсти, гордыне и жестокости. Еще ребенком он убил своего единокровного брата, был захвачен и отдан в рабство соседним племенем, выжил и сумел бежать из плена. В этих чудовищных условиях мальчик показал недюжинный талант к выживанию и самосохранению, но, тем не менее, ранние события его жизни тоже не позволяли предположить,

какие великие свершения ждут его впереди. Ребенком он очень боялся собак и часто плакал. Его младший брат был сильнее его, лучше боролся и стрелял из лука, его сводный брат дразнил и тиранил его. Так, с голода, унижения и рабства, он начал свое долгое восхождение к власти над половиной мира. В подростковом возрасте у него установились отношения с двумя людьми, значение которых для его жизни невозможно переоценить. Он поклялся в вечной дружбе и преданности другому мальчику, чуть старше его, тому, кто стал его самым близким другом в годы юности и самым страшным врагом в зрелом возрасте. Тогда же он встретил девушку, которую полюбил на всю жизнь и сделал матерью императоров. Равная способность Чингисхана к дружбе и вражде, проявившаяся еще в юности, стала определяющей чертой его характера. Мучительные вопросы любви и отцовства, зародившиеся под бедным одеялом или в мерцающем свете семейного очага, были выброшены на арену мировой истории. Его личные и частные цели, желания и страхи поглотили весь мир.

Год за годом он одерживал одну победу за другой над теми, кто был сильнее его. Так он подчинил себе все племена в монгольской степи. К пятидесяти годам, когда все другие великие полководцы уже оставили позади свои войны и триумфы, Чингисхан последовал за своим Духовным Знаменем, позвавшим его покинуть родные земли и вступить в противоборство с войсками оседлых народов, которые столетиями порабощали и угнетали племена кочевни-

ков. В оставшиеся годы его жизни оно вело его от победы к победе из пустыни Гоби и долины Желтой реки в древнекитайские царства, а оттуда через населенные турками и персами земли Средней Азии, через Афганистан — к Инду.

Переходя от одного завоевания к другому, сражаясь сразу на нескольких фронтах, растянувшихся на тысячи километров, монгольская армия сделала войну явлением континентального масштаба. Чингисхан принес новую тактику и стратегию войны, которая легко превзошла облаченное в тяжелые доспехи европейское рыцарство, противопоставив ему согласованные действия отрядов легкой кавалерии. Мало полагаясь на защитные сооружения, он сделал своим неотразимым оружием на поле боя быстроту и внезапность. Он усовершенствовал искусство ведения осады до такой степени, что с ним завершилась эпоха городов, окруженных стенами. Чингисхан научил своих людей не только вести войну на необъятных просторах, но и поддерживать военные кампании годами и десятилетиями. За время его непрерывных войн успели смениться три поколения.

За двадцать пять лет армия монголов покорила больше царств и народов, чем Римская империя за четыре столетия. Чингисхан со своими сыновьями и внуками подчинили себе самые густонаселенные страны тринадцатого века. По всем параметрам, будь то общее количество побежденных, площадь завоеванных территорий или число покоренных царств, Чингисхан более чем вдвое превосходит любого другого

завоевателя в истории. Кони монгольских воинов пи-ли из каждой реки и озера от побережья Тихого оке-ана до Средиземного моря. В период расцвета его империя достигала около 11-12 миллионов квадрат-ных миль (территория равная по площади всему Африканскому континенту, и значительно больше всей Северной Америки, включая США, Канаду, Центральную Америку и Карибские острова). Она протянулась от заснеженной сибирской тундры до жарких равнин Индии, от рисовых плантаций Вьет-нама до пшеничных полей Венгрии, и от Кореи до Балкан. Сейчас большинство людей живут в странах, когда-то покоренных монголами. На современной карте империя Чингисхана покрывает тридцать госу-дарств с более чем тремя миллиардами жителей. Но удивительнее всего то, что число всех подчиненных ему монгольских племен не превышало одного мил-лиона человек, то есть было меньше стандартного штата многих современных корпораций. Из этого миллиона он и набирал свою непобедимую армию, в которую входило не более ста тысяч воинов, — все они вместе легко уместились бы на одном современ-ном стадионе.

В условиях Америки свершения Чингисхана мож-но было бы описать так: представьте себе, что Соеди-ненные Штаты создали не образованные торговцы и богатые плантаторы, а один из неграмотных рабов, который благодаря исключительно силе своей личной харизмы и решимости, освободил Америку от кон-троля Англии, объединил народ, изобрел алфавит, на-

писал Конституцию, установил абсолютную свободу вероисповедания, перевел искусство военных действий на принципиально новый исторический уровень, прошел со своей победоносной армией от Канады до Бразилии, и открыл новые торговые пути, проходящие через свободные экономические зоны, протянувшиеся через весь континент. На любом уровне и с любой точки зрения масштаб и величие свершений Чингисхана потрясают воображение и подходят к границам необъяснимого.

Когда конница Чингисхана прокатилась по тринадцатому столетию, она начертала за собой границы нового мира. Он был великим архитектором, но материалом ему служили не камни, а народы. Чингисхан объединял мелкие царства в большие страны.

В Восточной Европе монголы объединили дюжину славянских княжеств и городов в единую Русь. В Восточной Азии за время, пока сменились три поколения, они создали могучее государство Китай, сплетая остатки царств династии Сун на юге с землями джуршедов в Манчжурии, Тибетом на западе, королевством тангутов на границе Гоби, и землями уйгуров в восточном Туркестане. Расширяя границы своих земель, монголы создали такие страны как Корея и Индия, которые и по сей день существуют примерно в границах, созданных монгольскими завоевателями.

Империя Чингисхана соединила и спланировала множество подчиненных им цивилизаций в новый мировой порядок. К моменту его рождения в 1162 году

Старый Свет представлял собой множество региональных цивилизаций, каждая из которых буквально ничего не знала про другие, кроме разве что своих ближайших соседей. Никто в Китае не слышал про Европу, и ни единый человек в Европе не слышал про Китай, и, насколько нам известно, никто не совершал путешествий из Европы в Китай. К моменту его смерти в 1227 году он соединил их дипломатическими и торговыми узами, которые остаются действенными и по сей день.

Он уничтожил старую феодальную систему родовых прав и привилегий и создал новую уникальную систему управления, которая основывалась на личных качествах, преданности и достигнутых успехах. Он захватил разрозненные и вялые города по Великому Шелковому Пути и организовал на их основе величайшую в истории зону свободной торговли. Он снизил налоги для всех и полностью отменил их для врачей, учителей, священников и учебных заведений. Он проводил переписи населения и создал первую международную почтовую систему. Его империя не нагромождала богатства и сокровища в подвалах, он широко распространял добычу, захваченную в бою, так чтобы она могла вернуться в товарооборот. Он создал международное законодательство и признавал высший закон Вечно Синего Неба над всеми людьми. Во времена, когда большинство властителей полагали себя стоящими выше закона, Чингисхан создал законы, которые касались равно правителей и бедных пастухов. В своей империи он допускал абсо-

лютную свободу вероисповедания, но требовал полной преданности от подданных любой религии.

Он установил власть закона и отменил применение пыток, но устраивал большие рейды по розыску и уничтожению грабителей и убийц. Он отказался от традиции обмена заложниками и стал предоставлять дипломатическую неприкосновенность всем послам, включая представителей стран, с которыми в то время воевал.

Чингисхан оставил своей империи такую экономическую и социальную базу, что она продолжала разрастаться еще сто пятьдесят лет. Впоследствии, в течение веков после ее разрушения, его потомки продолжали править во множестве меньших империй и больших стран, от Руси, Турции и Индии до Китая и Персии. Им принадлежало множество титулов, таких как хан, шах, эмир, император, султан, король и Далай-лама. Остатки его империи оставались под властью его потомков на протяжении семи столетий. Как Моголы они правили в Индии до 1857 года, когда британцы изгнали Императора Багадур-шаха II и отрубили головы двум его сыновьям и внуку. Последний правящий потомок Чингисхана, Алим-хан, эмир Бухарский, оставался у власти в Узбекистане до 1920 года, когда его смела поднимающаяся волна большевистской революции.

История привела большинство завоевателей к жалкой безвременной кончине. В возрасте тридцати трех лет Александр Македонский умер при невыясненных обстоятельствах в Вавилоне, а его приспеш-

ники уничтожили его семью и растащили завоеванные земли. Юлия Цезаря зарезали в Сенате его бывшие союзники и друзья. После того, как все его завоевания и достижения рассыпались прахом, Наполеон встретил одинокую смерть в качестве пленника на одном из наиболее отдаленных и труднодоступных островов на планете.

Почти что семидесятилетний Чингисхан умер в своей походной постели, окруженный любящей семьей, верными друзьями и преданными воинами, готовыми умереть за него. Летом 1227 года во время военной кампании против тангутов, в верхнем течении Желтой реки, Чингисхан умер — или, как говорили монголы, у которых было не принято упоминать смерть или болезни, «поднялся на небо». В годы после его смерти появилось множество легенд о ее причинах, впоследствии выдававшихся за исторические факты. Пьяно ди Карпини, первый европейский посланник у монголов, пишет, что Чингисхан умер от удара молнии. Марко Поло, который много путешествовал по монгольской империи во время правления внука Чингисхана, Хубилая, сообщает, что Чингисхан погиб от вражеской стрелы, которая пронзила его колено. Некоторые источники утверждают, что его отравили тайные враги. Другие говорят, что его погубило злое заклятье тангутского царя, с которым тогда воевали монголы. Одна из историй, которые распространяли его недруги, утверждает, что тангутская царица поместила себе в вагину некое хитроумное устройство, которое оторвало Чингисхану гениталии,

когда он пытался заняться с ней сексом, и он умер в страшных мучениях.

Что бы ни говорили о его смерти, то, что он умер в таком же кочевом шатре, в каком появился на свет, показывает, насколько тщательно он стремился сохранить традиции и образ жизни своего народа. И в то же время, сохраняя его, он полностью изменил человеческое общество. Воины Чингисхана проводили тело своего хана назад на родину, в Монголию. После его смерти его соратники похоронили его в безымянной могиле в его родной земле. Они не возвели ни мавзолея, ни пирамиды, ни храма, не поставили даже небольшого надгробия, которое могло бы указать место его последнего упокоения. Согласно монгольским поверьям, мертвое тело не нуждалось в особых памятниках, поскольку душа уже его покинула. Она переселилась в Духовное Знамя. После похорон Чингисхан растворился в необъятных просторах Монголии, из которых когда-то пришел. Истинное место захоронения так и осталось неизвестным, зато в виду отсутствия достоверной информации зародилось множество цветистых и откровенно фантастических историй. Очень часто повторяют легенду о том, что воины его прощального кортежа убивали всякого человека и зверя, которые попадались им во время сорокадневного путешествия. Еще говорят, что после похорон восемьсот всадников тщательно вытоптали окрестности, чтобы скрыть точное место захоронения. Другие добавляют, что эти всадники были в свою очередь убиты другими воинами, а те, в

свою очередь, уничтожены другим отрядом, чтобы никто из них не мог открыть тайну могилы Чингисхана.

После тайных похорон войска блокировали весь район в несколько сотен квадратных миль. Никто не мог проникнуть туда, кроме членов семьи Чингисхана и племени специально обученных воинов, которые встали там лагерем, чтобы уничтожать всех нарушителей покоя умершего хана. Почти восемь веков оставался закрытым Их-Хориг, Великий Запрет, священное место в самом сердце Азии. Все тайны империи Чингисхана, казалось, похоронены вместе с ним, на его таинственной родине. Даже после того, как монгольская империя пала, и иностранные завоеватели вторглись в эту часть Монголии, монголы не позволяли никому тревожить прах своего великого предка. Несмотря на обращение монголов в буддизм, его наследники так и не позволили монахам построить гробницу, монастырь или памятник на месте захоронения.

В XX веке при советской власти могила Чингисхана хорошо охранялась, так как руководство беспокоилось, чтобы она не стала символом и местом встреч для националистов. Чтобы не употреблять термин Великий Запрет или другие исторические названия этого места, которые могли бы как-то ассоциироваться с Чингисханом, Советы использовали бюрократическое обозначение «зона особой секретности». Они исключили ее из территориального управления прилегающей провинции и подчинили прямому управ-

лению центрального правительства, которое, в свою очередь, тщательно контролировалось Москвой. Советы еще больше увеличили секретность в районе, окружив миллион гектаров «зоны особой секретности» еще одной секретной зоной такого же размера. В целях воспрепятствования передвижения людей по этой зоне коммунисты не строили там ни дорог, ни мостов. Между «зоной особой секретности» и Улан-Батором Советы построили укрепленную авиабазу для МиГов, и, вероятнее всего, хранилище для ядерного оружия. Въезд на закрытую территорию блокировала большая советская танковая база, а русские военные использовали «зону» для артиллерийских учений и танковых маневров.

Монголы не совершили никаких великих научных открытий, не основали никакой новой религии, не создали выдающейся литературы и не дали миру новой системы сельского хозяйства. Их собственные ремесленники не умели ткать материю, отливать металл, и даже не умели печь хлеб. Они не изготавливали ни глиняной, ни фарфоровой посуды, не имели ни живописи, ни архитектуры. Но, когда их армии покоряли одну культуру за другой, они бережно сохраняли ее умения и передавали от одной цивилизации к другим.

Единственные сооружения, которые строил Чингисхан, были мосты. Хотя он с презрением отвергал строительство замков, фортов или городов, он, наверное, построил больше мостов, чем любой другой исторический правитель. Он возвел мосты через со-

тни рек, чтобы ускорить передвижение своих армий и товаров. Монголы осознанно открыли миру новую форму торговли, где товаром выступали не вещи, а новые идеи и знания. Монголы привезли немецких горняков в Китай, а китайских врачей — в Персию. Торговля велась на всех уровнях. Всюду, куда бы они ни пришли, они распространяли моду на ковры. Они принесли персидские лимоны и морковь в Китай, а китайские лапшу, чай и игральные карты — в страны Запада. Они привезли мастера из Парижа, чтобы возвести фонтан в засушливых монгольских степях, наняли в свои войска английского дворянина в качестве переводчика, и научили персов китайскому методу дактилоскопии.

Они финансировали строительство христианских церквей в Китае, буддистских храмов и ступ в Персии и мусульманских медресе в России. Монголы прокатились по матерiku, как завоеватели, но в то же время, как несравненные распространители науки и культуры.

Монголы, которые унаследовали империю Чингисхана, показывали настоящий талант к перемещению товаров и объектов роскоши, но главное — к тому, чтобы создавать из них невиданные и высокоэффективные комбинации.

Когда их искусные инженеры из Китая, Персии и Европы соединили китайский порох и мусульманскую машину «греческого огня» и применили европейскую технику отливки колоколов, они произвели на свет пушку — принципиально новое вооружение,

от которого происходят все современные виды оружия, от пистолетов до ракет. Каждое изобретение было ценно само по себе, но монголы достигали невиданных результатов, выбирая и комбинируя их, чтобы получить необычные сочетания.

Монголы последовательно проводили интернационалистическую линию в сфере своих политических, экономических и интеллектуальных преобразований. Они стремились не столько покорить мир, сколько установить мировой порядок, основанный на свободной торговле, едином для всех законодательстве, и всеобщем алфавите, которым можно было бы писать на всех языках. Внук Чингисхана, хан Хубилай, ввел бумажные деньги, предназначенные для повсеместного употребления, и пытался создать систему общеобразовательных школ, чтобы обучить каждого ребенка грамоте. Монголы сравнили и свели воедино известные им календари и получили в результате календарь, рассчитанный на десять тысяч лет, который был более точен, чем любой созданный ранее. Они выделяли деньги на создание самых объемных атласов карт, которые когда-либо собирали. Монголы привлекали торговцев вести дела на территории их империи, а их специально снаряженные экспедиции добирались до самой Африки, стремясь расширить их экономические и дипломатические связи.

Практически в любой стране, которая испытала на себе монгольское влияние, изначальный ужас и потрясение, вызванные нашествием неизвестного варварского племени, быстро сменялись невиданным

ростом международной торговли, расширением культурных горизонтов и скачком в техническом развитии. В Европе монголы уничтожили аристократическое рыцарство, но были сильно разочарованы тотальной бедностью этой территории по сравнению с Китаем и мусульманскими странами и повернули назад, не беспокоясь покорять тамошние города, разграблять страны и включать их в свою огромную империю. Таким образом, Европа меньше всего пострадала от монгольского нашествия, зато получила все преимущества культурного контакта через своих торговцев, таких как венецианская семья Поло, и послов, которыми обменивались монгольские ханы и европейские Папы и короли. Новые технологии, знания и богатства породили Ренессанс, в котором Европа вновь обрела некоторые элементы своей прежней культуры, но, что более важно, получила книгопечатание, огнестрельное оружие, компас и счеты с Востока. Как отметил в XIII веке английский ученый Роджер Бэкон, монголы одерживали победы не столько благодаря своему военному превосходству, сколько «благодаря методам науки». Хотя монголы и «склонны к войне», они достигли столь многого, потому что «посвящали часы досуга принципам философии».

В Европе практически все стороны жизни — техника, искусство войны, одежда, торговля, пища, искусство, литература и музыка — подверглись в эпоху Возрождения серьезным изменениям в результате монгольского влияния. Вдобавок к новым формам

ведения войны, новым машинам и блюдам, даже самые обыденные аспекты каждодневного быта изменились, когда европейцы переключились на монгольские ткани, одев штаны и кафтаны вместо туник и балахонов, стали играть на своих музыкальных инструментах при помощи маленького степного лука-смычка, вместо того, чтобы щипать струны пальцами, и стали писать картины в совершенно новом стиле. Европейцы даже подхватили монгольский боевой клич «ура», в качестве возгласа одобрения и восторга.

При учете таких невиданных достижений монголов, неудивительным кажется то, что Джеффри Чосер, первый автор, который стал писать на английском языке, посвятил самый длинный из своих «Кентерберийских рассказов» азиатскому завоевателю Чингисхану. Текст Чосера проникнут искренним восхищением этим человеком и его деяниями. И в то же время, нам кажется удивительным, что образованный человек эпохи Возрождения мог так отзываться о монголах, которых весь мир теперь воспринимает типичными кровожадными варварами. Описание монголов оставленное Чосером и Бэконом имеет мало общего с теми образами, которые мы вынесли из более поздних книг или фильмов, которые изображают Чингисхана и его воинов дикими ордами жадных до золота и женщин варваров.

Хотя в последующие годы делалось множество изображений Чингисхана, не существует ни одного его прижизненного портрета. В отличие от всех дру-

гих завоевателей, Чингисхан никогда не позволял делать свои изображения на холсте, камне или монете. Словесные описания оставшиеся от его современников темны и малоинформативны. В современной монгольской песне о Чингисхане есть такие слова: «Мы представляем себе твое лицо, но наши очи не видят его».

Оставшись без портретов Чингисхана и каких-либо монгольских записей о нем, мир мог воображать его таким, каким ему было угодно. До того, как прошло полвека со времени его смерти, никто не решился изобразить его, а потом каждая культура произвела на свет свой собственный образ Чингисхана. Китайцы изобразили его добродушным пожилым человеком с тонкой бородкой и пустыми глазами. Он больше похож на рассеянного китайского мудреца, чем на яростного монгольского воина. Персидский миниатюрист изобразил его турецким султаном, восседающим на троне. Европейцы нарисовали его типичным варваром с жестоким лицом и злобными глазками, уродливым в каждой черте.

Склонность монголов к тайнам ставит сложную задачу перед любым историком, который хочет писать о Чингисхане и его империи. Биографам и историкам практически не на чем основывать свои исследования. Им известна хронология завоеванных городов и побежденных армий, но достоверных сведений о его происхождении, характере, побуждениях, личной жизни практически нет. На протяжении веков распространялись неподтвержденные свидетельства о

том, что все эти важные сведения о его биографии были записаны кем-то из его близких вскоре после его смерти. Китайские и персидские ученые ссылались на существование этого таинственного документа, а некоторые ученые даже утверждали, что видели его в период наивысшего расцвета монгольской империи. Примерно век спустя после смерти Чингисхана персидский историк Рашид ад-Дин описывает этот манускрипт, как «правдивую хронику», написанную «монгольским наречием и буквами». При этом он предупреждает, что документ хранится в строго охраняемой сокровищнице, куда его «сокрыли от глаз чужаков». Он особо подчеркивает, что «никто из тех, кто могли бы понять и проникнуть в смысл» монгольского текста, «не получил такой возможности». После падения монгольской империи следы этого тайного документа теряются, со временем большинство лучших ученых приходят к выводу о том, что такой текст вообще никогда не существовал, и что это всего лишь еще один из многих мифов о Чингисхане.

Как и художники разных стран, ученые изображали его по-разному. От Кореи до Армении они составляли разнообразные собрания легенд и фантастических преданий о жизни Чингисхана. В отсутствие достоверной информации их собственные страхи и фобии часто находили воплощение в его образе. По прошествии столетий ученые рассматривали жестокости и зверства, совершенные людьми вроде Александра, Цезаря, Шарлеманя или Наполеона, на фоне

их свершений или их особой миссии в истории. В случае Чингисхана и монголов, их достижения забываются, преступления и жестокость раздуваются стократ. Чингисхан превратился в стереотип варвара, кровожадного дикаря, безжалостного завоевателя, который получает наслаждение от самого процесса разрушения. Чингисхан, его орда и в немалой мере все народы Азии превратились в одномерные карикатуры, символ всего того, что лежит за пределами «цивилизованного мира».

В эпоху Просвещения, в конце XVIII века, этот грозный образ появляется в «Китайском сироте» Вольтера. Пьеса посвящена завоеванию Чингисханом Китая. «Его зовут царем царей, яростным Чингисханом, тем, кто превращает плодородные поля Азии в пустыню». В отличие от Чосера Вольтер описывает Чингисхана так: «Сей разрушительный тиран... который гордо... ступает по шеям царей», но «все же сам не более чем дикий скифский воин, рожденный для войны и кровопролития» (Акт I, сцена I). Вольтер изобразил Чингисхана человеком, которого злят высокие добродетели окружающей его цивилизации, и который одержим примитивным варварским желанием насиловать женщин и разрушать то, чего не может понять.

Племя Чингисхана получило множество имен — тартары, татары, мугалы, могулы, моалы, монголы — но какое бы имя им не давали, оно всегда несло на себе отпечаток ненависти и презрения. Когда ученые девятнадцатого века пытались доказать расовую не-

полноценность азиатских народов и американских индейцев, они классифицировали их как «монголоидов». Когда врачам необходимо было объяснить, каким образом женщины высшей белой расы могут рожать умственно отсталых детей, они тут же обнаруживали в чертах лица ребенка «очевидные» свидетельства того, что в его роду были женщины, изнасилованные монгольскими воинами. Такие ущербные дети совсем не принадлежали к белой расе, они были монголоидами. Когда безмерно богатые капиталисты гордо выставляли напоказ свое богатство и отвергали демократические и эгалитарные ценности, их называли «могулами», то есть персидским именем для монголов.

И, разумеется, монголы стали козлами отпущения для других народов в деле оправдания их собственных неудач и недостатков. Когда Россия не могла угнаться за техническим развитием стран Запада или военной мощью имперской Японии, виной тому было, конечно, ужасное Монголо-татарское иго, порожденное Чингисханом. Когда Персия отстала в развитии от своих соседей, это произошло потому, что монголы разрушили там ирригационные системы. Когда Китай оказался далеко позади Японии и Европы, причиной тому оказалась жестокая эксплуатация и репрессии со стороны его монгольских и маньчжурских правителей. Когда Индия оказалась не в состоянии противостоять британскому завоеванию, оказалось, что это стало возможным только из-за жадности хищных царей-могулов. В двадцатом веке,

арабские политики убеждают своих последователей в том, что мусульмане изобрели бы атомную бомбу раньше американцев, если бы только монголы не сожгли великолепные арабские библиотеки и не сравняли с землей их города. Когда американские бомбы и ракеты свергли власть Талибана в 2002 году в Афганистане, солдаты прежнего режима сравнивали американское нашествие с монгольским, и в форме мести перерезали тысячи хазаров, потомков монгольских завоевателей, которые жили в Афганистане восемь сотен лет. В следующем году, в одном из последних обращений к иракскому народу диктатор Саддам Хусейн высказал сходные обвинения против монголов, когда американцы выступили против него, чтобы лишить его власти.

Среди такой политической риторики, псевдонауки и ученых фантазий правда о Чингисхане оставалась скрытой и, казалось, потерянной для последующих поколений. Его родина и земля, где он пришел к власти, оставались закрытыми для внешнего мира коммунистами, которые хранили его тайны так же крепко, как и монгольские воины на протяжении прошедших веков. Собственно монгольские документы той эпохи, так называемая «Тайная история монголов», исчезли, растворились в глубинах истории еще более загадочным образом, чем могила Чингисхана.

В двадцатом столетии два открытия дали неожиданную возможность найти ответы на некоторые из этих вопросов и выйти на правильный путь к запи-

сям о Чингисхане. Первым открытием стала расшифровка рукописей, содержащих ценнейшую утраченную историю Чингисхана. Несмотря на предубеждения и невежество, распространенные в отношении монголов, ученые на протяжении веков сообщали о существовании знаменитого монгольского текста о жизни Чингисхана. Так же как и в случае сообщений о наблюдениях неких редких животных или ценных птиц, которые уже считаются вымершими, эти свидетельства вызвали больше скепсиса, чем объективного научного исследования. В конце концов, в XIX веке в Пекине был обнаружен документ, написанный китайскими иероглифами. Ученые легко распознали иероглифы, но текст казался абсолютно бессмысленным, так как в нем использовался специальный код, где иероглифами передавали звуки монгольской речи тринадцатого века. Ученым удалось прочитать только небольшие аннотации к каждой главе, написанные по-китайски. Из них можно было получить намеки на грандиозную важность этого текста, но сам он оставался загадкой. Из-за тайны, связанной с этим документом, ученые называли его «Сокровенным сказанием монголов». Под этим именем он известен и по сей день.

На протяжении всего XX века расшифровка «Сокровенного сказания» оставалась в Монголии смертельно опасным занятием. Коммунистический режим не позволял простым людям и ученым работать с этой книгой, опасаясь, что ее устарелый, ненаучный и антисоциалистический дух может создать у них не-

верные политические представления. Тем не менее, вокруг «Сокровенного сказания» выросло целое подпольное движение ученых. В кочевых лагерях в степи весть об обнаружении «Сокровенного сказания» передавалась из уст в уста, от костра к костру. Наконец, у них появилась история, которая была рассказана с монгольской точки зрения. Монголы были больше, чем дикие варвары, которые изводили окружающие цивилизованные народы. Для монгольских кочевников откровения «Сокровенного сказания» казались исходящими от самого Чингисхана, который вернулся к своему народу, чтобы принести надежду и силу духа. После более чем семи веков молчания, они вновь смогли услышать его слова.

Вопреки репрессиям, проводившимся официальным коммунистическим режимом, монгольский народ был решительно настроен не потерять эти слова вновь. На краткое время либерализация политической жизни, последовавшая за смертью Сталина в 1953 и принятием Монголии в ООН в 1961 году, придала монголам сил, и они обратились к новому открытию своей истории. В 1962 году был даже подготовлен небольшой тираж марок к восьмисотлетию Чингисхана. Томор-Очир, второй человек в правительстве, разрешил создание бетонного памятника на месте рождения Чингисхана неподалеку от реки Онон, также он профинансировал проведение научной конференции, целью которой была оценка позитивных и негативных аспектов исторического пути монгольской империи. На марках и на наброске па-

мятника было изображено пропавшее сульдэ Чингисхана, Духовное Знамя, под которым он совершал свои великие завоевания и в котором нашла вечное упокоение его душа.

По прошествии восьми веков сульдэ имело такое значение для монголов и некоторых завоеванных ими народов, что русские оценили сам факт его изображения как опасный знак националистической реакции и потенциальной агрессии. Советы отреагировали с иррациональной яростью, вызванной страхом, что их государство-сателлит может попытаться пойти собственным путем или, хуже того, перейти на сторону другого большого соседа Монголии, Китая, бывшего союзника СССР, который превратился во опасного врага. В Монголии коммунистический режим уничтожил марки и расправился с учеными. За преступное отклонение от линии «в форме проявления тенденций направленных на идеализацию образа Чингисхана» Томор-Очир был отстранен от власти и отправлен во внутреннюю ссылку. Затем его просто зарубили топором.

Очистив ряды партии, коммунисты сосредоточили внимание на монгольских ученых, которых клеймили как «китайских шпионов, саботажников, антипартийных элементов и паразитов». Вскоре была проведена кампания по борьбе с национализмом. Археолога Пэрлээ бросили в тюрьму, где содержали в бесчеловечных условиях, только за то, что он был учителем Томор-Очира, а также за тайные исследования в области истории монгольской империи. Учите-

ля, историки, художники, поэты и певцы оказывались в серьезной опасности, если только оказывались как-то связаны с историей времен Чингисхана. Власти тайно казнили некоторых из них. Другие ученые были уволены с работы, изгнаны вместе с семьями из своих домов и вынуждены скитаться в условиях жестокого монгольского климата. Им отказывали в медицинской помощи, и многих отправили во внутреннюю ссылку в разные концы Монголии.

Во время этой чистки Духовное Знамя Чингисхана окончательно исчезло. Возможно, его уничтожили Советы — в наказание монгольскому народу. Но, несмотря на жестокие репрессии, а может быть, именно благодаря ним, многие монгольские ученые занялись независимыми исследованиями «Сокровенного сказания». Рискуя жизнью, они пытались получить истинное представление о своем искаженном и забытом прошлом.

За пределами Монголии исследователи многих стран, в особенности России, Германии, Франции и Венгрии, вели работу по расшифровке этого текста и переводу его на современные языки. Их работа была очень затруднена отсутствием доступа к источникам внутри самой Монголии. В течение 1970-х годов по одной стали появляться главы «Истории» на монгольском и английском языках. Они публиковались под редакцией и Игоря де Рахевильца, самоотверженного австрийского исследователя древнего монгольского языка. В то же время американский ученый Фрэнсис Вудмен-Кливленд подготовил собственный очень

точный перевод, который был опубликован издательством «Гарвард Юниверсити Пресс» в 1982 году. Впрочем, для того, чтобы документы стали понятны современному читателю, было далеко не достаточно просто расшифровать и перевести их. Даже в переводах текст оставался крайне темным, поскольку он явно был написан для узкого круга людей из близких родственников Чингисхана. Это предполагало не только прекрасное знание культуры монголов XIII века, но еще и точной географии их страны. Исторический контекст и биографическое значение этого манускрипта оставалось недоступным, поскольку невозможно было провести тщательный анализ текста с изучением местности, где происходили описанные события.

Второе важное открытие произошло неожиданно в 1990 году, когда распался Советский Союз, и окончилась советская оккупация Монголии. Советская армия была выведена, самолеты эвакуированы и танки отогнаны. Мир внутренней Монголии вновь открылся для пришельцев извне. Постепенно люди стали пробираться в запретную зону. Монгольские охотники приходили туда ради кишашщих непуганой дичью долин, пастухи приводили свой скот на пастбища на границах зоны, забредали туда и просто случайные путники. В течение 1990-х годов несколько команд хорошо оснащенных иностранцев приезжали туда в поисках захоронений Чингисхана и членов его семьи. Ими были обнаружены несколько потрясающих находок, хотя конечной цели им добиться не удалось.

Мое исследование началось с изучения роли родовых обществ в истории мировой торговли и Шелкового пути, связывавшего Китай и Европу. Я посещал места археологических раскопок, библиотеки и научные конференции на всем протяжении этого маршрута — от Запретного города в Пекине, через Среднюю Азию, до дворца Топкапи в Стамбуле.

Начиная с путешествия в Бурятию в 1990 году, я шел по следу монголов, который вел в Россию, Китай, Монголию, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Я провел одно лето, повторяя пути древнего переселения тюркских племен, приведшего их из родной Монголии в Боснию. Затем я проследил морскую границу древней империи, следуя примерно маршруту Марко Поло — из южного Китая до Вьетнама, через пролив Малакка в Индию, арабские страны Персидского залива, а оттуда в Венецию.

Эти долгие путешествия принесли мне огромное количество ценных сведений, но так и не дали понимания, на которое я рассчитывал. Несмотря на это, я полагал, что исследование мое практически закончено, когда в 1998 году я приехал в Монголию, чтобы там завершить свой проект дополнительными данными с родины Чингисхана. Я думал, что это будет последняя и короткая экспедиция. Эта поездка принесла еще пять лет куда более напряженных исследований, чем я предполагал. Монголы были вне себя от счастья, получив долгожданную свободу после столетий иноземного господства. Одним из символов ос-

вобождения стало для них чествование памяти их великого предка Чингисхана. Невзирая на быструю коммерциализацию его имени, которое появилось на бутылках водки, шоколадных батончиках и сигаретах, так же как и появление популярных песен, посвященных ему, для истории его фигура не стала понятнее. Его образ был потерян и нашей и монгольской историографией, так же как и его душа, пропавшая из буддийского монастыря. Кем же он был?

Мне повезло: я приехал в Монголию в такое время, когда появилась возможность найти ответы на эти вопросы. Впервые за восемь столетий запретная зона, где он родился и был затем похоронен, стала доступной, и в то же время была наконец расшифрована «Тайная история монголов».

Ни один ученый не смог бы добиться цели в одиночку, но работая сообща, в команде людей, обладающих разными знаниями и навыками, мы могли найти нужные нам ответы.

Как культуролог и антрополог, я тесно сотрудничал с археологом, доктором Х. Лхагвасуреном, у которого был доступ к большой части информации, собранной его учителем, доктором Х. Пэрлээ, самым выдающимся археологом, занимавшимся Монголией XIII века. Постепенно, благодаря Лхагвасурену, я познакомился с другими учеными, проведшими многие годы в одиноких исследованиях, которые не могли записать или опубликовать. Член компартии, профессор О. Пурев использовал свое положение официального специалиста по истории партии, чтобы из-

учать монгольские традиции шаманизма, которые позволили ему распознать скрытый смысл «Тайной истории». Полковник Х. Шагдар, будучи отправлен по служебным делам в Москву, сравнил сведения о военной тактике и победах Чингисхана, почерпнутые из «Тайной истории», с ее описаниями в российских военных архивах. Монгольский политолог Д. Больд-Эрдене проанализировал политические приемы, которые Чингисхан использовал на своем пути к власти. Наиподробнее данные были собраны географом О. Сухбатором, который прошел более миллиона километров по всей Монголии в поисках истории Чингисхана.

Наша команда начала совместную работу. Мы сравнили большинство самых важных первичных и вторичных текстов, касающихся «Сокровенного сказания», на десятке разных языков. Мы изучали карты и обсуждали точные значения различных документов и древних комментариев к ним. Разумеется, мы столкнулись с огромным количеством расхождений и противоречий, которые было трудно привести к общему знаменателю. Вскоре я понял, что Сухбатор — буквалист, крайний эмпирик, для которого каждое слово «Сокровенного сказания» было истинной правдой. Он поставил себе целью найти тому веские научные подтверждения. С другой стороны, Пурев полагал, что в истории ничего нельзя воспринимать буквально. По его мнению, Чингисхан был самым могучим шаманом в истории, а текст на самом деле представлял собой мистический трактат, который в символи-

ческой форме описывал его путь к вершинам власти. Если разгадать этот язык символов, то будет вновь обретен шаманский рецепт по завоеванию и управлению миром.

С самого начала нашей совместной работы было очевидно, что мы не сможем отсеять противоречивые толкования без тщательного обследования конкретных мест, где происходили описанные события. Только так мы могли бы окончательно убедиться в достоверности того или иного текста. Книги могут вводить нас в заблуждение, но ландшафт никогда не лжет. Краткий и утомительный обзор основных мест событий принес ответы на некоторые вопросы, но поставил множество новых. Мы поняли, что нам придется не только найти правильное место, но и понять суть событий, которые там происходили, а для этого нам нужно будет наблюдать их в правильных погодных условиях. Мы многократно возвращались в одни и те же места в разное время года. Нужные нам точки были рассыпаны на площади в тысячи квадратных миль, но наиболее важные из них находились в той области, которая была закрыта после смерти Чингисхана. Из-за того, что Чингисхан вел кочевой образ жизни, наша работа переросла в мобильный проект, археологическое исследование передвижений, а не просто конкретных мест.

Спутниковые снимки показывают монгольский ландшафт практически лишенным дорог, но исчерченным множеством протоптанных троп и путей, идущих по степи во всех направлениях. Но все они

заканчиваются на границе Их-Хорига, Великого Запрета. Чтобы попасть на родину Чингисхана, нам пришлось пересечь буферную зону, которая была оккупирована и укреплена советскими войсками. После их ухода из Монголии свидетельством их присутствия остался сюрреалистический пейзаж, испещренный артиллерийскими воронками от снарядов, металлическими корпусами танков, сломанными грузовиками, разбитыми самолетами, использованными гильзами и неразорвавшимися снарядами. В воздухе висели тяжелые испарения, и часто поднимался туман. В несколько ярусов высились металлические каркасы, остатки сооружений неизвестного назначения. Полуразвалившиеся здания, в которых когда-то хранилось секретное электронное оборудование, теперь стояли пустыми среди песков. Оборудование прежних программ вооружения лежало брошенным в степи. Темные лужи неизвестных химикалий таинственно блестели на ярком солнце. В стоячей жидкости плавали потемневшие обломки каких-то вещей, а кости животных, высохшие скелеты, обрывки меха и слипшиеся комки перьев окружали берега таких водоемов. Но за этим кладбищем ужасов двадцатого века лежала его полная противоположность — закрытая, заповедная, нетронутая за долгие века родина Чингисхана, несколько сот квадратных миль девственного леса, гор, речных долин и степи.

Войдя на территорию «зоны особой секретности», мы не просто сделали шаг в прошлое, мы получили возможность взглянуть на мир Чингисхана,

практически такой же, каким он его покинул. Зона стала островком нетронутой природы, окруженным и защищенным кольцом худших технологических кошмаров XX века. Из-за поваленных деревьев, густого кустарника и огромных валунов большая ее часть остается непроходимой, а по другим за последние восемь веков проходили разве что случайные патрули. Эта заповедная земля — живой памятник Чингисхану. Когда мы путешествовали там, нам казалось, что он может появиться в любую минуту, — на излучине реки или на гребне холма, появиться, чтобы снова разбить лагерь на земле, которую так любил, пустить стрелу в бегущую газель, сделать прорубь для рыбной ловли во льду реки Онон, или склониться в молитве на Бурхан Халдун, священной горе, которая продолжает охранять его в смерти так же, как и в жизни.

Наша экспедиция приблизилась к Их-Хориг, как группа детективов к месту преступления. Нашим главным путеводителем стала «Тайная история монголов». Мы путешествовали по равнине, осматривая первозданный ландшафт с небольших холмов и курганов. В открытой степи, вдали от отчетливых ориентиров, таких как горы, реки и озера, мы полагались на пастухов, которые так же овладели искусством путешествий по степным просторам, как моряки — плаванием по просторам морей. Нас постоянно сопровождала вечно меняющаяся по составу группа из местных студентов, ученых, пастухов и коневодов, и они постоянно обсуждали между собой ответы на вопросы, которые я исследовал. Их суждения и ответы

всегда были лучше моих, и они задавали вопросы, которые никогда не пришли бы мне в голову. Они были знакомы с образом мышления кочевников, и хотя они находились на неизведанной территории, они легко находили места, где их предки разбили бы лагерь, и в каком направлении они бы двигались. Они легко определяли места, где было слишком много комаров для летнего лагеря, или слишком открытые места — для зимнего. Более того, они были готовы проверить свои догадки, например, проехать на коне из одной точки в другую, чтобы выяснить, сколько это займет времени, или как почва и трава отзываются на звук конских копыт в разных местах. Они знали, какой толщины должен быть лед, чтобы можно было пересечь замерзшую реку на коне, когда переходить пешком, а когда разбить лед и переходить вброд холодный поток.

Описательная сторона некоторых монгольских названий позволила нам перевести их обратно на монгольский и легко привести их в соответствие с ландшафтом вокруг нас. Текст говорит, что Чингисхан впервые стал вождем племени на озере Хох подле горы Хара Джируген, что означает Голубое озеро подле Горы-Сердца. Это название сохранилось в веках, и его было легко идентифицировать на местности. Другие названия, связанные с его рождением, такие как Грудной холм или Мрачное озеро, создали больше трудностей, поскольку было сложно определить, касалась ли характеристика его визуальных параметров или некоего события, которое там произошло. К то-

му же форма холмов и озер могла заметно измениться за восемь веков под воздействием ветра, эрозии и засушливого климата.

Постепенно мы реконструировали историю настолько точно, насколько это было возможно, основываясь на имеющихся у нас данных. Обнаружив место его рождения и проследив его путь событий по земле, мы сразу же смогли рассеять многие заблуждения, касающиеся его жизни.

Например, хотя мы и спорили по поводу того, на каком именно холмике возле реки Онон родился Чингисхан, было совершенно ясно, что поросшее лесом болотистое побережье реки сильно отличалось от открытой степи, где жило большинство кочевников, и где по соображениям большинства историков вырос Чингисхан.

Это отличие подчеркнуло разницу между ним и другими кочевниками. Стало тут же очевидно, почему «Тайная история» чаще упоминает охоту, чем коневодство. Сам по себе ландшафт связывает ранние годы жизни Чингисхана более с сибирскими культурами, от которых по утверждению «Тайной истории» произошли монголы, чем с тюркскими племенами открытых равнин.

Эта информация также серьезно углубила наше понимание военной тактики Чингисхана и объяснила тот факт, что он относился к враждебно настроенному гражданскому населению как к скоту, который надо пасти, а к вражеским солдатам — как к дичи, на которую следует охотиться.

На протяжении пяти лет наша команда регулярно совершала вылазки в заповедную зону. Мы прошли через множество опасностей и испытаний. Перепад температур составил более 150° — от более 100°F на сухих участках степи, лишенных тени, до -51°F, не считая ледяного ветра, в Хорхонагской степи в январе 2001 года.

Мы испытали на себе обычный набор несчастных случаев. Наш транспорт завязал в снегу зимой, грязи весной и песке летом. Иногда наш лагерь бывал разрушен ветром и снегом, иногда — пьяным буйством. Мы наслаждались там молоком и мясом в последние лета XX столетия. Но в начале нового века нам выпали самые трудные годы: разразился голод среди животных, по-монгольски он называется «зуд». Лошади и яки просто падали замертво вокруг нас, а животные всех мастей замерзали по ночам в стоячем положении.

Но за все это время в нашей команде ни на мгновение не возникло сомнения или страха. По сравнению с трудностями жизни, выпавшей на долю местных пастухов и охотников, с рождения живущих в этих землях, наши горести виделись просто мелкими неприятностями. И всегда какое-нибудь происшествие или эпизод учили меня новым вещам об этой нации и его земле.

Например, проскакав примерно пятьдесят миль за один день, я узнал, что пятнадцать футов шелка, обмотанные вокруг талии, помогли мне избежать тошноты и расстройства вестибулярного аппарата. Я

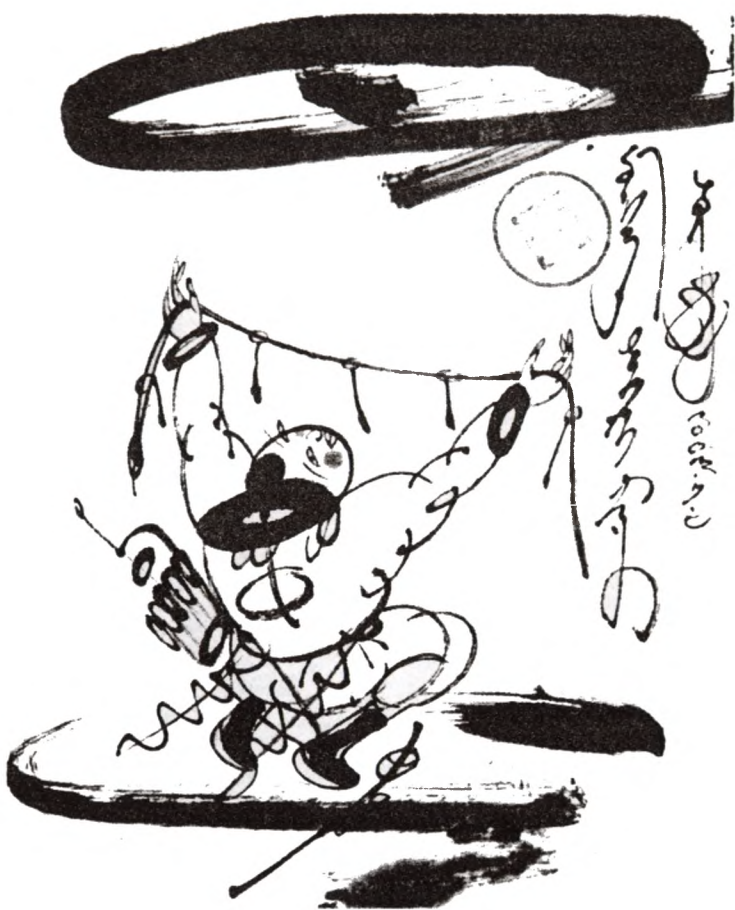
также познал всю важность ношения с собой сушеного йогурта на таких долгих маршрутах, поскольку времени на то, чтобы остановиться и приготовить еду, просто нет. Еще я вынужден был признать высокую практичность монгольского толстого халата «дила» при езде на деревянных седлах. Встреча с волком неподалеку от священной горы Бурхан Халдун была воспринята моими спутниками скорее как знак свыше, чем угроза. И бесконечные блуждания по степи, научившие меня важности выяснения направлений, ориентации на местности и терпения в ожидании, пока появится кто-нибудь знающий дорогу. Вновь и вновь я убеждался в том, насколько монголы сроднились со своим собственным миром, и как уверенно и безоглядно я могу доверять их мудрым суждениям, физическим возможностям и щедрой доброжелательности.

Эта книга расскажет об основных наших находках, не останавливаясь более на бытовых подробностях вроде погоды, питания, насекомых и болезней, с которыми нам пришлось столкнуться, или о личных причудах исследователей и тех людей, которых мы повстречали в пути. Внимание будет сосредоточено на главной цели нашей работы: понять Чингисхана и его место в мировой истории.

В первой части книги речь пойдет о его восхождении к власти над великой степью и силах, которые сформировали его жизнь и личность, с момента его рождения в 1162 году до того, как он объединил все монгольские племена в 1206. Вторая часть касается

того, как монголы вышли на мировую арену во время Монгольской Мировой войны, длившейся пятьдесят лет (с 1211 по 1261), до того, как внуки Чингисхана передрались между собой.

В третьей части мы рассмотрим столетие мира и Мировое Пробуждение, которое заложило основы политических, экономических и военных структур современного мира.

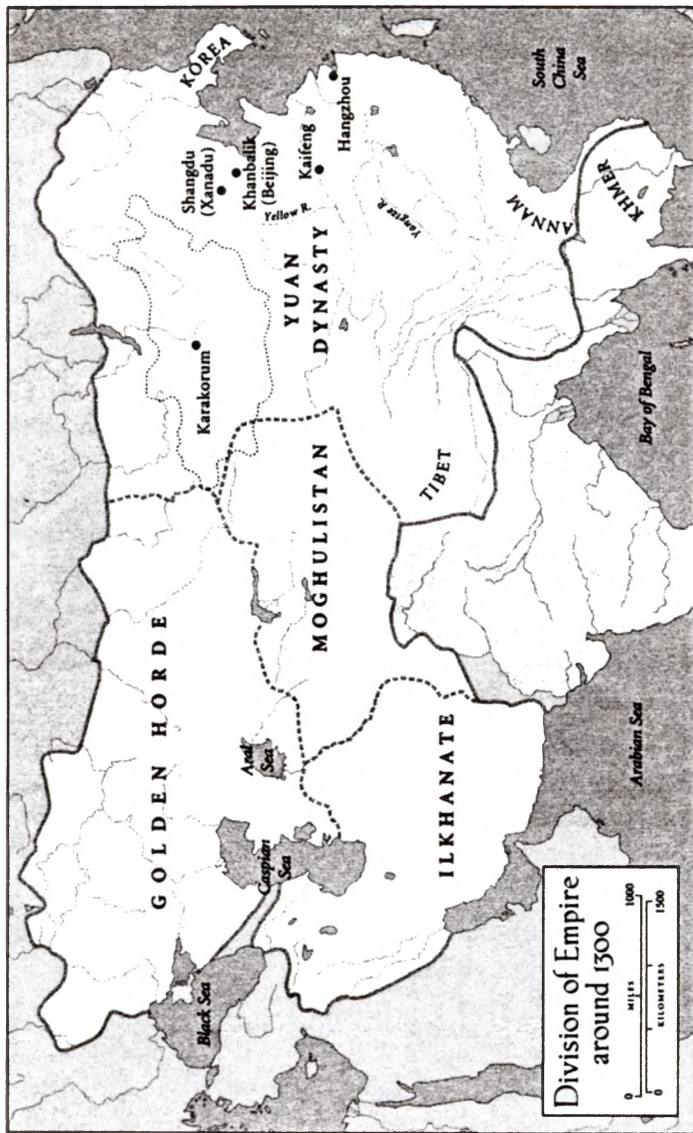
Handwritten signature and text in vertical columns, likely in Japanese or Chinese characters. The signature appears to be 'C. K. ...'.

ЧАСТЬ I

СТЕПНОЕ «ЦАРСТВО ТЕРРОРА»: 1162–1206

Народы! Какие народы? Татары!
И гунны! И китайцы!
Они кишат как Насекомые. Втуне историк
пытается увековечить их память.
Лишь ради одного человека столько людей
на свете. Мир населен отдельными личностями.

Генри Дэвид Торо
запись в дневнике от 1 мая 1851 года

1

СГУСТОК КРОВИ

Его взгляд что огонь, а лицо что заря

Сокровенное сказание монголов

Из тысяч городов, которые были покорены монголами, лишь один удостоился того, чтобы сам Чингисхан вошел в него. Обычно, когда он был уже уверен в победе, он вместе со своим двором уходил в какое-нибудь более спокойное место, покуда его воины заканчивали работу. В марте 1220, года Дракона, монгольский завоеватель нарушил это свое правило и во главе своих всадников проехал в самый центр только что покоренного города Бухары, которая была одним из самых важных центров, принадлежащих султану Хорезма.

Хоть Бухара не была ни столицей, ни торговым центром, она славилась в мусульманском мире как средоточие религиозного благочестия, «украшение и радость ислама». Полностью осознавая пропагандистскую ценность своих действий, Чингисхан с триум-

фом проехал через ворота города, мимо густонаселенных деревянных кварталов бедноты и лавок торговцев, прямо в каменное сердце города.

Его въезд в Бухару стал следствием успешного завершения наверное самого дерзкого из военных планов в истории. В то время как одна часть его армии пошла прямым маршрутом из Монголии, чтобы напасть на пограничные города султаната, сам он втайне повел другую часть войск в длиннейший поход — через две тысячи миль пустыни, гор и степей — глубоко в тыл врага, чтобы нанести удар там, где этого меньше всего ждали. Даже торговые караваны делали многотысячемильные обходы, чтобы только избежать красных песков Кызыл-Кума. И, разумеется, поэтому Чингисхан решил атаковать именно оттуда. Заручившись дружбой местных кочевников, он смог провести свою армию по доселе неизвестному маршруту через камни и пески пустыни.

Его цель, Бухара, стояла в центре плодородного оазиса, расположившегося по берегам одного из притоков Амударьи. Там жили в основном таджики и персы, но управлялся город тюркскими наместниками недавно созданной империи Хорезма (одной из многих мелких империй того времени). Султан Хорезма совершил чудовищную ошибку, вызвав вражду со стороны Чингисхана тем, что разграбил монгольский торговый караван и обезобразил лица монгольских послов, прибывших, чтобы договориться об условиях мирной торговли. Чингисхану тогда было уже за шестьдесят, но, услышав о насилии, свершив-

шемся над его людьми, он, не колеблясь ни минуты, собрал свое воинство и вновь поскакал по дорогам войны.

В отличие от всех остальных великих армий в истории человечества монголы отправлялись в бой налегке. Их войска не сопровождали обозы. Они дождались самых холодных месяцев, чтобы можно было пересечь пустыню с минимальными затратами воды. Зимой в пустыне по утрам выступала роса, позволившая появиться на свет траве, которая стала пищей для коней и привлекла диких животных, на которых охотились воины-монголы.

Вместо того, чтобы везти с собой тяжелые и медлительные осадные орудия, монголы брали с собой мобильный инженерный отряд, который мог соорудить все необходимые машины на месте из подручных материалов. Как только монголы покинули пустыню и встретили на своем пути первые деревья, они срубили их и сделали из них лестницы, осадные и другие орудия, необходимые им для покорения города.

Как только передовой отряд обнаружил на пути войска небольшое поселение, он тут же перешел на медленный шаг, двигаясь шумно и неторопливо, как торговый караван, а не армия завоевателей. Таким образом войска монголов свободно дотрусили до самых ворот города, когда жители поняли, в чем дело, и подняли тревогу.

После того, как его войска пересекли пустыню, Чингисхан не торопился немедленно нападать на самую Бухару. Он знал, что подкрепления не придут, так как не смогут оставить осажденные его армиями пограничные города, а значит, у него было время на то, чтобы полно использовать эффект неожиданности и сыграть на страхах и надеждах местного населения. Цель его манипуляций была всегда одна: запугать врага настолько, чтобы он сдавался на милость монголов, не вступая в бой. Захватив сначала несколько небольших городов в округе, Чингисхан вызвал приток беженцев в Бухару. Они не только переполнили город, но и заметно повысили страх и напряженность в городе.

Нанеся удар в тыл противнику, монголы мгновенно вызвали панику и разорение по всему султанату. По описанию персидского хрониста Ата-Малика Джувайни «куда они ни бросали взгляд, всюду всадники, и воздух черен как ночь от пыли, поднятой конями, и страх овладел ими, и царили ужас и безумие». Готовя психологическую атаку на город, Чингисхан наглядно продемонстрировал осажденным, что их ждет. Он предложил населению близлежащих городков и поселений почетные условия сдачи, и к тем, кто принял их, присоединившись к монголам, была проявлена большая мягкость. По словам персидского хрониста, «кто поклонится и подчинится им, тот будет защищен и свободен от ужаса и унижения их жестокости». С теми, кто отказался подчиниться, обращались очень жестко. Монголы гнали плен-

ных перед собой, используя их как пушечное мясо в дальнейших боях.

Среди тюркских защитников Бухары царила паника. Оставив в цитадели Бухары около пяти сотен солдат, более чем двадцатитысячная армия разбежалась, надеясь успеть спастись до прихода монголов. Так сработала ловушка Чингисхана: покинув крепость и рассеявшись во время бегства, хорезмские воины легко уничтожались всадниками монголов.

Гражданское население Бухары было сломлено. Жители города сдались и отперли ворота города. Тем не менее, небольшой контингент солдат укрылся в цитадели, рассчитывая, что за ее толстыми стенами они смогут выстоять против любой осады. Чтобы осторожно взвесить всю ситуацию, Чингисхан решил въехать в город. Первым его шагом после того, как он расположился в центре Бухары (как и в случае с любым другим покоренным народом), стал приказ жителям принести корм для его лошадей. То, что побежденные кормили монгольских воинов и их коней, воспринималось как знак их покорности, более того, принимая еду и корм для коней, Чингисхан давал понять, что он принимает своих новых подданных, а значит и обещает им защиту монгольской империи, как и всем другим ее жителям.

Со времени его среднеазиатских походов сохранилось одно из немногих словесных описаний Чингисхана, которому тогда было около шестидесяти. Персидский хронист Минхадж ал-Сирадж Джузджани, куда менее хорошо настроенный по отношению

к монголам, чем Джувайни, описывает его так: «человек высокого роста, сильный телом, с редкой седой бородой, с кошачьими глазами, в которых светится решимость, пронизательность, гений и понимание, внушающий благоговение, мясник, справедливый и непоколебимый, сокрушитель врагов, неустрашимый, кровожадный и жестокий». Учитывая удивительное умение Чингисхана повергать города и одерживать победы над армиями в несколько раз превосходящими численностью его собственную, хронист торопится заявить, что он — «адепт колдовства и обмана, который дружен с демонами».

По свидетельствам очевидцев, добравшись до центра Бухары, Чингисхан подъехал к мечети (самому большому зданию в городе) и спросил, не дом ли это султана. Когда ему сообщили, что это дом Бога, а не султана, он ничего не ответил. Для монголов единственным богом было Вечно Синее Небо, которое простерлось от горизонта до горизонта во все четыре стороны света. Бог возвышался над всей землей, его нельзя было запрятать в каменный дом, как пленника или плененного зверя, так же как нельзя было спрятать его живые слова в мертвые книги жителей городов. Чингисхан сам неоднократно чувствовал его присутствие, и слышал голос Бога, обращающийся непосредственно к нему, в холодном ветре гор своей родины. Следуя этим словам, он стал завоевателем великих городов и покорителем народов.

Чингисхан спешил и вошел в мечеть, наверное, единственное здание, в которое он входил за всю

свою жизнь. Затем он приказал, чтобы муллы и ученые накормили его коней, освобождая их таким образом от опасностей завоеванного города и помещая под свою защиту. Так он поступал практически со всеми служителями веры, которые оказывались в его власти. Затем он призвал к себе 280 самых богатых жителей города. Несмотря на то, что он мало разбирался в обычаях жителей городов, Чингисхан прекрасно знал, как устроена человеческая душа. Перед всеми собравшимися в мечети он поднялся на возвышение и оттуда, с места проповедника, обратился к элите Бухары. Через переводчиков он жестко отчитал их за все их грехи и злодеяния их султана. Во всех бедах виновны были не бедные и малые люди, но «великие и возвышенные среди вас совершили все эти грехи. Если бы вы не согрешили, то Бог не послал бы вам в наказание такого, как я». Затем он отдал каждого из богачей в распоряжение одного из своих воинов, чтобы те забрали их сокровища. Он посоветовал своим богатым пленникам не заботиться показывать те богатства, что лежат на земле и выше, потому что их монголы смогут найти и без их помощи. Он приказал вести монголов сразу к тем сокровищам, что спрятаны под землей.

Положив начало систематическому разграблению города, Чингисхан решил заняться засеваемыми в цитадели солдатами-тюрьками. Жители азиатских городов-оазисов, таких как Бухара и Самарканд, хотя и не сталкивались до этого с монголами, видели не одну армию варваров-завоевателей за свою историю. Каки-

ми бы храбрыми или они ни были, они никогда не представляли серьезной угрозы, пока у защитников за толстыми стенами крепостей и фортов оставались припасы. По всем параметрам монголы были не равня профессиональным солдатам Бухары. Хотя в целом у монголов были великолепные луки, каждый был сам в ответе за изготовление и состояние своего оружия, так что качество луков было разным. Также монгольская армия состояла исключительно из обычных кочевников, чья выучка основывалась на умении выращивать и пасти стада в крайне тяжелых природных условиях. Они, конечно, были отважны, дисциплинированы и преданны своему предводителю, но им не хватало профессионального отбора и обучения, которое получили защитники Бухары. Самым серьезным фактором, говорившим в пользу солдат, засевших за каменными стенами цитадели, было то, что до сих пор ни одна армия варваров не могла овладеть сложным искусством осадной войны. Но Чингисхану было, что показать им.

Штурм был разработан таким образом, чтобы продемонстрировать необоримую мощь монголов не столько уже покоренным жителям Бухары, сколько далеким армиям и населению Самарканда, следующего города на пути армии Чингисхана. Монголы подкатили только что собранные осадные орудия — катапульты, требушеты и мангонелы, которые метали за стены не только камни и огонь, как это делалось при осадах уже многие сотни лет, но и сосуды с горючей жидкостью, взрывные устройства и легковос-

пламеняющиеся материалы. Они перемещали с места на место огромную аркбаллисту на колесах, а огромные команды людей подтянули штурмовые башни с втягивающимися лестницами, откуда осаждавшие могли легко расстреливать защитников на стенах. Пока они вели нападение с воздуха, минеры вели подкопы под стены цитадели, чтобы обрушить их. Во время этой ужасающей демонстрации технического могущества в воздухе, на земле и под ней Чингисхан увеличил психологическое давление, принудив пленных, среди которых были и товарищи теперешних защитников цитадели, бросаться вперед на верную смерть. Их тела заполнили ров и образовали дамбы, по которым другие пленники толкали вперед осадные сооружения.

Монголы развивали и использовали оружие разных культур, с которыми сталкивались в ходе завоеваний. Это дало им возможность создать универсальный арсенал, применимый к любой военной задаче. Монголы экспериментировали с ранними формами огнестрельного оружия, которые впоследствии стали мортирами и пушками. В описании Джувайни чувствуется смятение свидетеля, который пытается понять, что же именно происходило перед его глазами. Так он описывает нападение монголов: «там были горячие красные печи, которые кормились большими палками снаружи, а из их чрева в небо били яркие искры». Армия Чингисхана соединяла обычную свирепость и быстроту конных воинов степи с изощреннейшей техникой Китая. Чингисхан использовал свою

молниеносную кавалерию против пехоты врага в открытом бою, а защиту крепостей и других фортификационных сооружений нейтрализовывал новейшей технологией артобстрела, используя огнестрельное оружие и невиданные машины разрушения. Когда на защитников цитадели с неба обрушились пламя и смерть, они, по словам Джувайни, быстро «потонули в море уничтожения».

Чингисхан признавал, что война — это не спортивное состязание между равными соперниками, а тотальное свершение одного народа против другого. Победа достается не тому, кто играет по правилам, она приходит к тому, кто создает правила и заставляет врага играть по ним. Триумф не бывает частичным, — либо абсолютным, полным и неоспоримым, либо просто пустым звуком. В бою это означало неограниченное использование страха и обмана. В мирное время — верность нескольким основным и непоколебимым принципам, которые гарантируют лояльность населения. Соппротивление ведет к смерти, верность гарантирует безопасность.

Его нападение на Бухару можно считать успешным не только потому, что горожане сдались, но и потому, что весть о военном могуществе монголов быстро достигла Самарканда, и столица султаната сдалась без боя. Султан бежал, а волна монгольского завоевания покатила дальше. Чингисхан сам повел основную часть войск через горы в Афганистан и дальше, к Инду, в то время, как другая часть обошла Каспийское море, перевалила Кавказские горы и уст-

ремилась на равнины средневековой Руси. Ровно семь столетий с того дня в 1220 году, вплоть до 1920, когда произошло советское вторжение, Бухарой правили ханы и эмиры из рода Чингисхана. Они стали одной из самых долгих династий в истории.

Умение Чингисхана управлять людьми и использовать технические новшества стало плодом почти сорока лет непрерывной войны. Он не получил в мгновенной вспышке просветления свой гений военачальника, умение вселять в людей веру и преданность, несравненную способность распределять ресурсы и знания на мировом уровне. Он не получил никакого теоретического обучения в области тактики и стратегии. Все его уникальные способности и умения пришли постепенно, через постоянные изменения и улучшения, многолетний опыт и трезвый практичный и целеустремленный ум. Его путь воина начался задолго до того, как родилось большинство его воинов, которые принесли ему победу под Бухарой, и в каждой битве он учился чему-то новому. В каждой схватке он приобретал новых союзников и дополнительные военные умения. В каждом бою он соединял новые идеи в вечно меняющийся набор тактических, стратегических и боевых приемов. Он никогда не повторял одну и ту же битву дважды.

История мальчика, которому было суждено стать величайшим завоевателем мира, началась за шестьдесят лет до того, как монголы захватили Бухару, в одной из самых отдаленных и затерянных точек на внутренних просторах Евразии, неподалеку от совре-

менной границы Монголии и Сибири. Согласно легенде, начало народу монголов было положено в горном лесу на берегах большого озера, где Серый Волк вступил в брак с Прекрасной Пестрой Ланью. Поскольку монголы навсегда закрыли эту мистическую родину для чужаков после смерти Чингисхана, у нас нет никакого исторического описания ее. Имена ее гор и рек практически неизвестны в исторической литературе, и даже современные карты не сходятся в названиях, предлагая множество разных написаний.

Территория монгольских кланов занимала лишь небольшую область на северо-востоке страны, известной теперь как Монголия. Большая часть страны теперь занимает высокое плато на севере Средней Азии. Туда не добираются влажные ветры с Тихого океана, которые орошают равнины земледельческих цивилизаций Азии. Наоборот, ветры, которые веют по монгольскому плато, приходят с северо-запада, из Арктики. Эти ветры теряют ту малую влагу, которую несут, в северных горах и оставляют южную часть страны сухой пустошью, которая называется «гови», или, как привычнее нам, — Гоби. Между засушливой Гоби и скудно орошаемыми дождями горами лежат широкие просторы степей, которые летом покрываются зеленью, если получают достаточно воды. По этим степям летом передвигаются кочевники, ищущие траву на прокорм своим стадам.

Монгольские горы Хентэй достигают всего десяти тысяч футов над уровнем моря, это один из самых старых горных хребтов на планете. В отличие от

зазубренных молодых Гималаев, подняться на которые можно только с помощью специального альпинистского оборудования, древние горы Хентэй были сглажены миллионами лет эрозии, так что летом на большинство вершин может подняться конь и всадник. Их склоны испещрены болотами. Во время долгих, суровых зим они замерзают. В глубоких ущельях на склонах скапливается снег и вода, которая, замерзая летом, превращается во что-то похожее на маленький ледник.

На время короткого лета они становятся прекрасными озерами небесно-голубого цвета. Весенняя оттепель переполняет озера и дает начало множеству небольших рек, которые текут вниз, в степь, которая, если выдастся удачное лето, покрывается изумрудной травой, но в худшие годы может на протяжении нескольких лет оставаться бурой выжженной пустошью.

Небольшие реки, текущие с Хентэйских гор, скованы льдом большую часть года — даже в мае лед обычно достаточно крепок, чтобы выдержать несколько всадников, а иногда и нагруженный джип. Широкие степи, которые тянутся по берегам этих рек, служили монголам дорогами в разные регионы Евразии. Отростки этих лугов тянутся на запад вплоть до Венгрии и Болгарии. На востоке они достигают Манчжурии, и доходили бы до Тихоокеанского побережья, если бы им не преграждали путь горы, отделяющие от материка Корейский полуостров. На южной стороне Гоби тоже травянистые равнины, которые тя-

нутся до самого сердца Азии, соединяясь с сельскохозяйственными территориями в долине Желтой реки.

Несмотря на мягкие очертания ландшафта, погода в Монголии суровая и очень резко меняется. Это земля крайностей и контрастов, где люди и их скот постоянно испытывают на себе выходки погоды. Монголы говорят, что в Хентэйских горах можно за один день пережить все четыре времени года. Даже в мае лошадь может по шею завязнуть в снегу.

На такой земле, на берегу реки Онон, родился мальчик, которому было суждено прославиться под именем Чингисхан. В противоположность природной красоте этой земли ее человеческая история представляла собой бесконечную череду борьбы и лишений задолго до его рождения в 1162, году Лошади по восточному календарю. На затерянном холме, возвышающемся над рекой Онон, молодая захваченная в плен девушка по имени Оэлун дала жизнь своему первому ребенку. Окруженная чужаками, Оэлун трудилась далеко от семьи, которая воспитала ее, и от мира, который знала. Это не был ее дом, а человек, который называл ее своей женой, не был тем, за кого она вышла замуж.

Некоторое время назад ее судьба круто изменилась. Она была женой молодого воина по имени Чиледу из племени меркитов. Он отправился в восточные степи, чтобы найти и сосватать ее у племени олхонутов, известного красотой своих женщин. Согласно закону степи, он преподнес ее родителям подарки и работал на них, вероятно, в течение несколь-

ких лет, прежде чем увезти их дочь в свое племя в качестве невесты. После свадьбы они отправились вдвоем домой в земли племени меркитов. Согласно «Сокровенному сказанию», она ехала в небольшой черной повозке, которую тянули быки или яки, а ее гордый муж скакал рядом с повозкой на своем мышастом жеребце. Оэлун было тогда, вероятно, не более шестнадцати лет.

Их путешествие по степи складывалось удачно, он двигались по течению реки Онон и собирались подняться в горы, которые отделяли их от меркитских земель. Еще несколько дней пути через извилистые горные долины и они спустятся на плодородные луга меркитов. Молодая невеста сидела в своей черной повозке, не подозревая, что на нее готовы наброситься всадники. Это нападение не только навсегда изменило ее жизнь, но и повернуло ход мировой истории.

Одинокий всадник, который выехал поохотиться со своим соколом, разглядывал из своего укрытия на склоне горы Оэлун и Чиледу. Девушка и ее повозка обещали ему лучшую добычу, чем та, которую ему могла принести его птица.

Не позволив молодоженам увидеть его, он вернулся в свой лагерь и нашел там двух своих братьев. Они были слишком бедны, чтобы позволить себе богатые подарки, необходимые для того, чтобы взять в жены такую девушку как Оэлун. А еще они, вероятно, отнюдь не хотели отрабатывать традиционные несколько лет на родителей невесты. Поэтому охотники

выбрали второй самый распространенный способ женитьбы в степи — похищение. Три брата бросились в погоню за своей еще ничего не подозревающей дичью. Когда они устремились к своим жертвам, Чиледу немедленно пустил лошадь в галоп, чтобы отвести преследователей от повозки. Как он и ожидал, они бросились за ним. Он попытался оторваться от них, обогнув подножие соседней горы, чтобы затем вернуться к своей невесте. Но даже Оэлун понимала, что ее муж не обманет преследователей на их собственной земле, и они скоро вернутся. Девочка-подросток решила, что чтобы дать своему возлюбленному шанс выжить, она должна остаться и сдаться похитителям. Если бы она попыталась бежать с Чиледу на одном коне, их бы скоро нагнали и захватили. А если она останется, в плен попадет только она.

«Сокровенное сказание» приводит такие ее слова, которыми она пыталась убедить своего мужа в правильности такого решения: «Если ты будешь жить, для тебя будут девы в любой стороне и в каждой повозке. Ты сможешь найти себе другую жену, и называть ее Оэлун вместо меня». Затем Оэлун быстро сбросила рубашку и приказала своему мужу «лететь быстрее ветра». Она бросила свою рубашку ему в лицо в знак прощания и сказала: «Возьми это с собой, чтобы тебя не покидал в пути мой запах».

Запах занимает важное место в культуре степи. Там, где люди других культур будут обниматься или целоваться во время встречи или расставания, степные кочевники обнюхивают друг друга. Этот жест

похож на поцелуй в щеку. Обнюхивание несет на себе сильный эмоциональный отпечаток на всех уровнях — от семейного обнюхивания между родителями и детьми, до эротического — между любовниками. Дыхание каждого человека, так же, как и его личный телесный запах, составляет по монгольским поверьям часть его души. Бросив мужу свою рубашку, Оэлун дала ему очень важный знак своей любви.

После того дня Оэлун прожила большую и полную событиями жизнь, но своего первого возлюбленного она так больше никогда и не видела. Пока Чиле-ду скакал прочь, он прижимал к груди ее рубашку и оборачивался так часто, что его косы бешено бились туда-сюда. Увидев, что ее муж скрылся за перевалом, Оэлун дала выход своему горю. Она кричала так громко, что (согласно «Сокровенному сказанию») «содрогнулась сама река Онон» и «леса и долины задрожали».

Тот, кто захватил ее и стал ее новым мужем, был Есугей, предводитель небольшого отряда воинов, которым суждено было стать великими монголами. Но в то время они были только членами рода Бориджин, подчиненного более могущественной семье тайджиутов. Но куда больше низкого положения нового супруга Оэлун беспокоило то, что у него была уже одна жена по имени Сочигел и сын от нее, а значит Оэлун придется бороться за свое положение в семье. Если ей повезло, то женщины, видимо, жили в разных герах (жилищах, похожих на вигвамы, покрытых войлочными одеялами). Но даже если и так, обеим жен-

щинам все равно пришлось бы тесно общаться каждый день.

Оэлун выросла на открытой обильной травами равнине, где паслись огромные стада коров и коз, табуны коней и отары овец. Она привыкла к изобильной пище степи, состоящей из молочных и мясных блюд. Небольшое племя ее нового мужа жило на северном краю кочевого мира, где степи сменялись лесистыми горами, и не было достаточно травы для того, чтобы прокормить большие стада. Теперь ей пришлось привыкать к диете охотников. В пищу шли сурки, крысы, птицы, рыба, а иногда олень или антилопа. У монголов не было долгой и славной истории среди кочевых племен. Они считались нищими бродягами, которые соревновались с волками в охоте на мелких зверей, а когда подворачивалась возможность, были не прочь украсть животных и женщин у степных пастухов. Оэлун была для них немногим более чем украденной вещью.

Согласно одной распространенной легенде первый ребенок Оэлун появился на свет, крепко сжимая что-то в кулачке правой руки. Его молодая мать нежно, но настойчиво разогнула его пальчики, чтобы обнаружить, что в руке у младенца был зажат большой сгусток крови. Откуда-то из теплого чрева своей матери мальчик принес его в этот мир. Как могла юная, неопытная, неграмотная и очень одинокая женщина истолковать этот странный знак? Прошло более восьми столетий, а мы и по сей день не знаем ответов на мучившие ее тогда вопросы. Был ли это

знак высокой судьбы или проклятья? Предрекал он добро или худо? Должна она была гордиться этим или ужасаться?

В XII столетии в степи жили десятки разрозненных родов и племен, которые по обычаю степи собирались иногда в нестойкие союзы. Из всех ближайшими родичами монголов были татары и хитаны на востоке, а также маньчжуры на северо-востоке и тюркские племена на западе. Эти три этнические группы были объединены языковыми и культурными связями с некоторыми народностями Сибири, от которых они, вероятно, произошли. Монголы, жившие между татарами и тюрками, с которыми их часто путали чужеземцы, были также известны как «голубые тюрки» и «черные татары». Как и всякий алтайский язык, их язык имел заметное сходство с корейским или японским, но не с китайским и другими тональными языками Дальнего Востока.

В то время как тюркские роды и татары объединялись в разнообразные племенные союзы, монголы были разделены на множество небольших кланов, которыми руководил вождь или хан, объединенных шаткими родственными связями. Монголы сами четко отделяли себя от тюрков и татар. Они возводят свою генеалогию к гуннам, которые основали первую большую степную империю в третьем веке. «Хун» — монгольское слово, обозначающее человека, а своих предков они зовут «хун-ну» — народ солнца. В IV-V вв. гунны вышли из монгольских степей и покорили множество стран от Индии до Ри-

ма, но не смогли сохранить связи между разными кланами и были быстро ассимилированы завоеванными народами.

Вскоре после того, как он захватил Оэлу, Есугей отправился в поход против татаров и убил воина по имени Тэмуджин Угэ. Вернувшись после рождения ребенка, он дал сыну имя Тэмуджин. Поскольку воин степи получал в жизни только одно имя, его выбор был очень важен и нес символический смысл, часто на нескольких уровнях. Имя даровало ребенку его характер, судьбу и удачу. Наречение ребенка Тэмуджином могло подчеркивать непримиримую вражду между монголами и татарами, но куда более сложная ученая дискуссия развернулась вокруг этимологии этого имени. Подсказкой к пониманию может служить монгольская традиция давать нескольким детям однокоренные имена. Из четырех последующих детей Оэлу младший сын носил имя Тэмуге, а младшая дочь — Тэмулун. Видимо, все три имени произведены от одного корня «тэмул», который встречается в нескольких монгольских словах, означающих «рваться вперед», «вдохновляться», «быть изобретательным» и даже «обладать развитой фантазией». Как мне объяснил один монгольский студент, значение этого слова можно проиллюстрировать так: «это взгляд коня, который скачет, куда будет его воля, невзирая на то, чего хочет всадник».

Несмотря на отстраненность монгольского мира, тамошние племена не были совершенно отрезаны от потока мировой истории. Столетиями до рожде-

ния Чингисхана представители китайской, индийской, мусульманской и даже христианской цивилизаций проникали в земли монголов. Тем не менее, мало что из их культуры оказалось применимым в жестких условиях жизни в степи. Кочевые племена были связаны дальними, но сложными торговыми, религиозными и военными взаимоотношениями с нестабильными государственными образованиями в Китае и Средней Азии. Монголы жили к северу от оживленных торговых маршрутов, которые в последующие века стали известны как Великий Шелковый Путь, шедший через пустыню Гоби от Китая до мусульманских стран. Впрочем, немало товаров просачивалось в Монголию, чтобы монголы имели представление о богатствах на юге.

Для кочевников торговля и война с соседями были неизменной составляющей ежегодного жизненного уклада, такой же, как и выращивание новорожденных животных весной, поиски пастбищ летом и вяление мяса осенью. Долгая холодная зима была временем охоты. Мужчины уходили из дому небольшими группами, чтобы обыскивать горы и леса в поисках добычи — кроликов, волков, соболей, лосей, горных козлов, архаров, кабанов, медведей, лис и выдр. Временами все поселение принимало участие в охоте, тогда они окружали максимально большую территорию и гнали всю живность на ней к центральной охотничьей площадке. Добыча давала не только мясо, перья и мех, но и рога, клыки и кости, из которых кочевники изготавливали множество украшений, инст-

рументов и оружия, а также высушенные внутренние органы животных, использовавшиеся в монгольской народной медицине. Лес предоставлял и товары для торговли и быта, включая охотничьих птиц, которых еще птенцами забирали из гнезд.

Кочевники вели торговлю дарами леса от семьи к семье и от шатра к шатру, на юг, а изделия цивилизованных народов, такие как металл и ткани медленно двигались на север из торговых центров на юге Гоби. Монголы обретались на самом севере этого мира, на границе между степью и северными сибирскими лесами. Они жили в равной степени охотой в лесу и животноводством в степи и проявляли самые яркие качества обеих культурных групп. Они цеплялись за тоненькие торговые ручейки, которые связывали северную тундру и степь с земледельческими и ремесленными центрами на юге. Настолько мало товаров проникали на север, что среди монголов человек, имеющий пару железных стремян, уже считался богачом и властительным господином.

Бывали годы неудачной охоты, в которые народ начинал голодать в начале зимы, не имея даров леса для продажи. В такие годы монголы тоже собирали охотничьи группы. Но вместо того, чтобы двигаться на север, в лес, они направлялись на юг, в степи, чтобы там начать охоту на людей. Если монголам нечем было торговать, они совершали набеги на скотоводов, которые попадались им в степи или в закрытых долинах. Они использовали в этих набегах ту же тактику, что и в обычной охоте на зверя. При первом же

признаке нападения жертвы обычно пускались в бегство, бросая свои стада и имущество. Постольку, поскольку целью таких набегов было обогащение, монголы обычно грабили геры и собирали стада, вместо того, чтобы преследовать беглецов. По той же причине смерти в таких набегам случались довольно редко. Молодых девушек захватывали в качестве жен, а мальчиков — в качестве рабов. Пожилым женщинам и всем маленьким детям в таких нападениях обычно ничего не угрожало. Мужчины, способные держать в руках оружие, как правило, спасались на самых быстрых и выносливых конях, потому что у них был наибольший шанс быть убитыми, а от них более всего зависело выживание всего рода.

Если спасшимся мужчинам удавалось достаточно быстро собрать союзников, они отправлялись вдогонку за нападавшими, чтобы отбить свое имущество. В противном случае, они собирали всех животных, которым удалось избежать жадных рук монголов, и продолжали жить, отложив свои планы мести до более подходящего времени.

У монголов боевые действия сводились к систематическим набегам, а не к полномасштабной войне или хотя бы постоянным кровным распрям. Месть часто служила поводом для набега, но редко была его истинной причиной. Удача в битве приносит победителю престиж, основанный на захваченной добыче, которую он потом разделит с семьей и друзьями. Война не была связана с какими-то абстрактными понятиями чести и боевого искусства. Воины-победите-

ли гордились поверженными врагами и помнили о них, но нет ни следа нарочитого собирания голов убитых или скальпов, ни даже традиции делать зарубки или каким либо другим образом демонстрировать число врагов, убитых в бою. Значение имели только богатства, убийство таковым не было.

Охота, торговля, животноводство и набеги составляли неразрывный цикл жизни для ранних монгольских племен. С того времени, как мальчик мог сесть на коня, он начинал постигать умения, необходимые для каждого из этих родов деятельности. Ни один клан не мог выжить, используя только один из них. Географическая карта набегов начинается на севере. Южные племена, которые жили ближе к Великому Шелковому Пути, всегда были богаче своих северных сородичей. Оружие южан было лучше, а значит, чтобы преуспеть в набеге против них, северянам нужно было быть быстрее, хитрее и жестче их. Сменяющиеся циклы торговли и набегов поддерживали тоненькую струйку изделий из ткани и металла, текущую с юга на север, где погода всегда была хуже, травы было меньше, а люди были злее и опаснее.

О раннем детстве Тэмуджина нам почти ничего не известно, однако, похоже, отец его не слишком ценил. Однажды он случайно забыл сына на месте старого лагеря, когда перебирался в новый. Его нашли люди из рода тайджиутов, и их предводитель Таргутай, Толстый Хан, взял его в свое хозяйство и некоторое время держал при себе. Впоследствии, когда Тэмуджин вырос и стал могуч, Таргутай хвастал,

что он обучал Тэмуджина с таким же осторожным вниманием и любящей строгостью, как обучал бы жеребенка, ценнейшее сокровище кочевника.

Последовательность событий и детали происшедшего неизвестны, но мы знаем, что семья Тэмуджина воссоединилась, то ли потому, что Толстый Хан отдал ребенка, то ли потому, что Есугей пристал к становищу Таргутая.

Следующий известный нам эпизод из жизни Тэмуджина относится к тому периоду, когда они с отцом отправились на поиски жены для него. Ему исполнилось тогда девять лет по монгольскому счету (восемь по западному). Есугей и Тэмуджин вдвоем отправились на восток в поисках рода Оэлун, которая, видимо, хотела, чтобы ее сын женился на девушке из ее родного племени или хотя бы знал ее семью. Но важнее желаний Оэлун было желание Есугея избавиться от сына.

Вероятно, отец предчувствовал вражду, которая затем вспыхнула между Тэмуджином и Бегтэром, его старшим сыном от Сочигел, его первой жены. Увозя сына так далеко, отец, видимо, хотел предотвратить неприятности, которые могло принести его маленькой семье соперничество между сыновьями.

У Есугея был только один конь, которого он мог преподнести в дар родителям потенциальной невесты, так что им нужно было найти семью, которая бы приняла Тэмуджина работником на несколько лет взамен свадебного выкупа. Для Тэмуджина это было, видимо, первое путешествие за пределы его родной

земли на берегах реки Онон. В незнакомой местности легко было потеряться, и путешественникам грозили три опасности — звери, погода и, в первую очередь, другие люди. Вышло так, что отец не озаботился проводить Тэмуджина до самого клана Оэлун. По дороге они гостили в семье, где была дочь по имени Бортэ лишь немногим старше Тэмуджина. Дети явно нравились друг другу, так что отец согласился на брак между ними. Во время своей выкупной службы за невесту Тэмуджин должен был жить под бдительным оком своих будущих родственников. Постепенно отношения между Тэмуджином и Бортэ становились все более и более близкими. Поскольку девочка была несколько старше мальчика, она постепенно вовлекла его в сексуальную связь, которая развивалась вполне приемлемым и естественным для обоих путем.

Во время долгого обратного пути Есугею встретился лагерь татар, в котором происходило какое-то празднество. «Сокровенное сказание» говорит, что Есугей захотел присоединиться к ним, хотя и знал, что ему нельзя открывать, что он их недруг, убивший их могучего воина, Тэмуджина Угэ, восемь лет тому назад. Он назвался ложным именем, но кто-то из татар узнал его и подсыпал ему яду.

Страдающий от яда Есугей кое-как добрался до родного поселения, и тут же послал гонца, которому было поручено немедленно найти Тэмуджина и вернуть его домой. Тэмуджин оставил Бортэ и поспешил к смертному одру отца.

К тому времени, как мальчик добрался до своего лагеря, его отец уже умер. Он оставил двух жен и семерых детей младше десяти лет. В то время семья все еще жила на побережье реки Онон вместе с родом тайджиутов, который последние три поколения господствовал над родом бориджинов, к которому принадлежал Есугей. Без Есугея, который бы помогал им сражаться и охотиться, тайджиуты решили, что им мало проку от двух вдов и семерых маленьких детей. В суровых условиях северной Монголии клан не мог позволить себе кормить девять лишних ртов.

По традиции степи один из братьев Есугея, который помогал в похищении Оэлун, должен был взять ее в жены. Согласно монгольской системе брака, даже старший сын Есугея от другой жены, Сочигел, мог бы быть подходящим для нее мужем, если бы был достаточно взрослым, чтобы содержать семью. Монгольские женщины часто выходили замуж за младших мужчин из семьи их погибшего мужа, поскольку это позволяло юноше получить опытную жену, не преподнося дорогих подарков ее семье и не отработывая долгий выкуп за нее. Хотя Оэлун была все еще довольно молодой женщиной двадцати пяти-двадцати шести лет от роду, у нее уже было больше детей, чем мог прокормить обычный мужчина племени. К тому же она была похищенной женой, так что не могла предложить своему мужу ни семейного богатства, ни выгодных клановых связей.

Поскольку ее муж умер, и никто не хотел брать ее в жены, Оэлун оказалась вне рода, и никто больше

не был обязан помогать ей. Знаком того, что она теперь изгнана из рода, послужила пища, которая у монголов часто символизирует разные аспекты отношений. Весной, когда две старухи, вдовы прежнего хана, собирали ежегодный пир во славу предков, они не позвали Оэлун, таким образом отказывая ей не только в еде, но и в членстве в клане. Она и ее семья теперь должны были сами заботиться о себе. Когда клан собрался перекочевывать вниз по течению реки Онон на летние пастбища, решено было оставить Оэлун и ее детей.

Согласно «Сокровенному сказанию», когда весь род снимался с места, он оставил двух женщин и семерых детей одних. Только один старик из незначительной в клане семьи открыто возражал против такого действия. Тогда и произошло событие, которое наложило заметный отпечаток на Тэмуджина. Один из уходящих тайджиутов заорал на старика, мол, не ему судить, что для рода правильно, а что нет, а затем повернулся и заколол его копьем. Увидев это, Тэмуджин, в то время ребенок не более чем десяти лет от роду, бросился к умирающему, пытаясь помочь ему. Но он ничего не мог поделать, и ему оставалось только плакать от обиды и гнева.

Оэлун, которая показала такую выдержку и взвешенность во время своего похищения, проявила такую же решительность и силу воли и в этой ситуации. Она предприняла последнюю яростную и дерзкую попытку пристыдить тайджиутов за то, что они бросают ее семью. Когда клан покинул свое станови-

ще, она вскочила на коня, схватила Духовное Знамя своего мертвого мужа и погналась за ними. Она несколько раз проскакала вокруг уходящих членов клана, бешено размахивая копьем над головой. Для Оэлун это было не просто демонстрацией символа своего погибшего супруга, но предъявлением самой его души взорам тайджиутов. Они и вправду устыдились в присутствии его души и, испугавшись сверхъестественного воздаяния за свои действия, временно вернулись в лагерь. Затем они дождались ночи и, один за другим, тайно ушли, забрав с собой также весь скот семьи Тэмуджина, таким образом обрекая обеих вдов и их детей на практически верную смерть зимой.

Но семья Оэлун не погибла. Совершив самый настоящий подвиг, она спасла их — всех их. Как говорит «Сокровенное сказание», она покрыла свою голову, подоткнула юбку и бегала вверх и вниз по течению реки день и ночь, чтобы только прокормить своих пятерых голодных детей. Она находила дикие плоды и выкапывала съедобные корни растений при помощи палки из можжевельника. Чтобы помочь прокормить семью, Тэмуджин сделал деревянные стрелы, снабдив их наконечниками из острых костей, и охотился в степи на крыс. Он согнул швейные иглы своей матери и сделал из них рыболовные крючки. Когда мальчики подросли, они стали охотиться на более крупную дичь. По словам персидского хрониста Джувайни, который посетил Монголию пятьдесят лет спустя и оставил нам одно из первых письменных свидетельств о жизни Тэмуджина, члены семьи «были

одеты в шкуры собак и мышей, а пищей им служила плоть этих животных и прочих мертвых тварей». Неважно, правдивы ли детали этих описаний, но все они показывают отчаянную, одинокую борьбу этих отбросов общества, на грани голодной смерти, живущих, как животные вокруг них. В этой суровой и жестокой стране они опустились до самого низкого уровня жизни в степи.

Как мог ребенок, живущий в таких условиях, находящийся на самой нижней ступени социальной лестницы, вырасти и стать Великим Ханом монголов? Исследуя свидетельства «Сокровенного сказания» о детстве Тэмуджина, мы находим знаки того, какую важную роль сыграл этот ранний травматический опыт в формировании его характера и, соответственно, в его пути к вершинам власти.

Трагедия, которую пережила его семья, зажгла в нем неистребимое желание сломать жесткую кастовую структуру степного общества, самому взять в руки свою судьбу и полагаться только на помощь доверенных союзников и друзей, а не родственников или клан.

Первым его доверенным другом стал чуть-чуть более старший мальчик по имени Джамуха, чья семья неоднократно располагалась лагерем возле стоянки семьи Тэмуджина на берегах реки Онон, а также происходила из рода Джадаран, который состоял в дальнем родстве с кланом отца Тэмуджина. В монгольской культуре родовые связи были высшей ценностью общества. Любой «неродич» автоматически счи-

тался врагом, а степень взаимопомощи и преданности людей определялась степенью родства. Тэмуджин и Джамуха были дальними родственниками, но они хотели стать ближе, стать братьями.

Дважды за свое детство они приносили друг другу клятву вечного братства, став, согласно монгольской традиции, кровными братьями. История этой обреченной дружбы и центральных событий раннего периода жизни Тэмуджина демонстрирует его удивительную способность преодолевать трудности и собирать силы, необходимые для того, чтобы окончательно подавить неконтролируемую агрессию одного племени против другого.

Тэмуджин и Джамуха крепко сдружились, когда вместе охотились, рыбачили и играли в игры, которым детей учили, чтобы развивать важнейшие навыки жизни в степи. Монгольские дети — и мальчики, и девочки — росли на лошадях. Практически с младенчества они учились ездить с родителями или старшими братьями и сестрами. Буквально спустя несколько лет они уже умели держаться в седле. Обычно к возрасту четырех лет дети уже умели ездить без седла, а иногда и стоять на конской спине. Стоя на спинах коней, они часто соревновались друг с другом, пытались сбросить другого на землю. Когда они уже доставали ногами до стремян, их учили стрелять на скаку из лука и ловить арканом животных. Они изготавливали мишени из мешочков с перьями, привешивали их к блинным шестам и соревновались в стрельбе на разных дистанциях и на разной скорости. Все эти

умения оказывались потом незаменимыми в жизни коневода.

Среди других игр можно назвать игру в бабки (нечто вроде игральных кубиков, сделанных из овечьих костей). Каждый мальчишка носил с собой набор из четырех таких бабок, которые можно было использовать для того, чтобы предсказывать будущее, разрешать споры, или просто для развлечения. К тому же Джамуха и Тэмуджин играли на льду замерзшей реки в более подвижную игру, чем-то напоминающую шотландский керлинг. Хотя в «Сокровенном сказании» и не упоминаются коньки, европейский путешественник в следующем столетии пишет, что охотники в этой местности часто привязывают кости к своим ступням, чтобы очень быстро передвигаться по замерзшему льду рек и озер — для забавы и для охоты.

Это умение впоследствии очень пригодилось монголам, поскольку в отличие от большинства армий того времени монголы легко передвигались и даже сражались на поверхности замерзших рек и озер. Замерзшие реки, такие как Волга или Дунай, которые европейцы считали своей надежной защитой от вторжения, стали для монголов торной дорогой, которая позволила им подъехать вплотную к стенам городов во время года, считавшееся в Европе наименее приспособленным для войны.

Большая часть юности Тэмуджина прошла в тяжелом труде и лишениях. Игры, в которые Тэмуджин и Джамуха играли на берегах реки Онон, — это единственные известные нам проявления легкомыс-

лия, которые он себе позволял. Когда Тэмуджин и Джамуха впервые поклялись в вечной верности друг другу, Тэмуджину было около одиннадцати лет. Мальчики обменялись игрушками в знак свершения клятвы. Джамуха отдал Тэмуджину бабку из кости козули, а Тэмуджин подарил ему мозаику с небольшим кусочком меди в ней, редкостное сокровище, которое наверняка проделало долгий путь, прежде чем оказаться в его руках. На следующий год они обменялись уже взрослыми дарами — наконечниками для стрел. Джамуха взял два куска бычьего рога и, проделав в них отверстия, сделал для Тэмуджина свистящие стрелы. Тэмуджин преподнес Джамухе изысканные наконечники, сделанные из кипариса. Как и многие другие охотники, Тэмуджин скоро узнал, как можно использовать свистящие стрелы для того, чтобы тайно обмениваться сообщениями при помощи звуков, которых непосвященные не слышат или просто не могут понять.

В качестве ритуала принесения второй клятвы мальчики часто делали по небольшому глотку крови другого, обмениваясь таким образом и частью своих душ. В случае клятвы Джамухи и Тэмуджина «Сокровенное сказание» приводит слова Джамухи, который утверждает, что они оба сказали друг другу слова, которые не могут быть забыты, и вкусили «пищи, которую невозможно переварить». После принесения этой клятвы они стали андами, преданность которых друг другу должна была превосходить даже верность родных братьев, поскольку анды добровольно согла-

шались на установление таких связей. Джамуха был первым и единственным андой, который был в жизни у Тэмуджина.

Клан Джамухи не вернулся следующей зимой, и в следующие годы мальчики были разделены. Тем не менее, эта клятва, данная в детстве, впоследствии стала важнейшим инструментом и одновременно препятствием на пути Тэмуджина к власти.

В противоположность ранней и искренней дружбе с Джамухой, дома Тэмуджин постоянно страдал от нападок со стороны своего старшего сводного брата Бегтэра. Вражда между братьями усилилась к тому времени, как они достигли отрочества. В монгольских семьях тогда, как и сейчас, царила строгая иерархия. Перед лицом ежедневных опасностей, которые порождались хищными животными и суровыми погодными условиями, у монголов развилась система, требующая от детей беспрекословного подчинения родителям.

На время отсутствия отца, на несколько часов или на много месяцев, его функции принимал на себя старший сын. Старший брат имел право контролировать любое их действие, давать им поручения, а также брать у них и давать им все, что ему вздумается. Он обладал над ними всей полнотой власти.

Бегтэр был немного старше Тэмуджина и после смерти отца стал постепенно использовать прерогативы власти старшего мужчины в семье. В одном эпизоде, известном только по «Сокровенному сказанию», мы видим как негодование и обида Тэмуджина проявляется в происшествии, которое на пер-

вый взгляд кажется вполне незначительным. Видимо Бегтэр отобрал жаворонка, которого подстрелил Тэмуджин. Он мог сделать это только для того, чтобы продемонстрировать свою власть над семьей; если так, то он сделал все, чтобы потерять контроль над Тэмуджином. Вскоре после этого Тэмуджин вместе со своим родным братом Хасаром, третьим по старшинству в семье, сели рыбачить вместе с двумя своими сводными братьями Бегтэром и Белгутеем. Тэмуджин поймал маленькую рыбку, но сводные братья украли ее. Обиженные и разозленные, Тэмуджин и Хасар бросились к своей матери Оэлун, чтобы рассказать ей о происшедшем. Но вместо того чтобы встать на сторону своих сыновей, она поддержала Бегтэра, сказав, что им следует помнить об их общих врагах тайджиутах, бросивших их на смерть, а не драться со своими старшими братьями.

То, что Оэлун поддержала Бегтэра, предвещало Тэмуджину будущее, с которым он не мог примириться. Как старший сын, Бегтэр мог не только во всем командовать своими младшими братьями, но и получал большой набор различных прерогатив, включая право на сексуальную связь со всеми вдовами отца, за исключением своей матери. Поскольку Оэлун не взял в жены ни один из братьев Есугея, ее наиболее вероятным партнером становился его старший сын от другой жены — Бегтэр.

Итак, в момент острейшего напряжения семейного конфликта Оэлун гневно напомнила сыновьям историю о легендарной прародительнице монголов

Алан Прекрасной, которая родила еще несколько сыновей после смерти мужа, оставившего ее жить с приемным сыном. Смысл этого рассказа был очевиден — Оэлун примет Бегтэра как своего мужа, как только он подрастет, и сделает его, таким образом, полноправным главой семьи. С таким развитием событий Тэмуджин смириться не мог. После яростной ссоры с собственной матерью по поводу Бегтэра Тэмуджин гневно отбросил в сторону войлочное одеяло, закрывавшее вход в их гер (жест, который у монголов считался крайне оскорбительным), и выбежал вон. Его брат Хасар последовал за ним.

Братья обнаружили Бегтэра сидящим на невысоком холме и скрытно подобрались к нему по густой траве. Тэмуджин приказал Хасару, который был лучшим стрелком в семье, обойти холм спереди, в то время как сам он поднимется на него сзади. Они подкрадывались к Бегтэру тихо и незаметно, как будто охотились на отдыхающего оленя или пасущуюся газель. Когда они подошли на расстояние верного выстрела, оба положили по стреле на тетивы своих луков, а затем одновременно поднялись из травы с оружием в руках. Бегтэр не попытался убежать или защищаться, он и не думал показать страх перед своими младшими братьями. Выговаривая им, в тех же выражениях, что и их мать, он напомнил им о том, что их главные враги теперь — это род тайджиутов, еще он сказал: «Я не ресница в твоём глазу и не препона у тебя во рту. Без меня у тебя не будет иного союзника, чем твоя тень». Он продолжал сидеть, скрес-

тив ноги, в то время как его братья приближались к нему. Прекрасно понимая, какая судьба его ждала, Бегтэр все еще отказывался драться. Вместо этого он попросил их сохранить жизнь его младшему брату Белугтею.

Оставаясь на некотором расстоянии от него, Тэмуджин и Хасар выпустили в него свои стрелы: Тэмуджин — в спину, а Хасар — в грудь. Не приближаясь к нему, чтобы запачкаться в его крови, лившейся на землю, они повернулись и ушли, оставив его умирать в одиночестве.

Автор «Сокровенного сказания» не говорит, быстро ли умер Бегтэр, или медленно истек кровью в холодной степи. В монгольской культуре упоминание крови и смерти были табуированы, однако убийство Бегтэра стало настолько важным событием в жизни Тэмуджина, что его описали в подробностях.

Когда Тэмуджин и Хасар вернулись домой, Оэлун тут же прочла на их лицах, что они сотворили, и стала кричать на Тэмуджина: «Убийца! Убийца! Даже из чрева моего ты вышел с руками обгаренными кровью!» И она обратилась к Хасару: «А ты — словно дикий пес, что грызет свой послед!» Ее гневные тирады составляют один из самых длинных монологов в «Сокровенном сказании». В них Оэлун сравнивает своих сыновей с животными: «Как кровожадная пантера, как бешеный лев, как чудовище, что пожирает живьем свою добычу». В конце концов, обессиленная, она повторяет слова Бегтэра, будто проклятие: «Теперь нет у тебя союзника иного, чем твоя тень».

Так, уже в юном возрасте Тэмуджин начал играть с жизнью и смертью не просто для получения чести или престижа, но ради победы. Он подкрался к своему брату, как к дикому зверю, на которого охотился (впоследствии он проявит талант в приспособлении охотничьих умений к военной тактике). Поставив лучшего стрелка Хасара спереди, он тоже проявил недюжинную тактическую смекалку. Уже в то время Тэмуджин решил, что он будет вести, а не следовать. Чтобы достичь высшего положения, он оказался готов нарушить обычай, забыть наказ матери и убить любого, кто встанет у него на пути, будь то чужак или близкий родич.

Убийство Бегтэра освободила Тэмуджина от тирании его старшего брата, но, подняв руку на старшего родича, он нарушил табу, а это ставило всю семью в большую опасность. Им следовало немедленно покинуть этот район, что они и сделали. Согласно монгольской традиции они оставили тело Бегтэра гнить на холме и избегали возвращаться туда до тех пор, пока там могли оставаться хоть какие-то следы его. Как и предрекали Бегтэр и Оэлун, Тэмуджин остался теперь без защитника или союзника, и скоро на него могла начаться охота. Он стал главой семьи, но он стал и преступником, которого по монгольским обычаям следовало покарать.

До этого времени семья Оэлун была группой изгнанников, но не преступников. Убийство все изменило. Оно давало право каждому в свою очередь перебить их самих. Тайджиуты считались знатным ро-

дом в долине реки Онон, и они послали отряд воинов для того, чтобы покарать Тэмуджина и предотвратить его дальнейшие действия. В степи негде было укрыться, и Тэмуджин попытался бежать в горы, но его преследователи все равно поймали его. Тайджиуты привезли его в свое главное стойбище, где пытались сломить его волю, надев на него «канг» (колодки, чем-то похожие на упряжку для быков, они позволяли пленнику передвигаться, но фиксировали его руки так, чтобы он не мог поднести ко рту еду или питье). Каждый день ответственность за его охрану брала на себя новая семья.

В клане тайджиутов было несколько подчиненных семейств других кровей, а также семьи военнопленных, ставших слугами рода. Именно к ним и был послан Тэмуджин, когда он стал пленником. В отличие от тайджиутов, которые относились к нему с презрением, в среде слуг и рабов Тэмуджин получил сочувствие и заботу.

Вдали от взоров предводителей клана они не только кормили его, но даже лечили: один из эпизодов «Сокровенного сказания» описывает некую старую женщину, которая осторожно обрабатывала открытые раны на его шее, оставленные «кангом». А дети одной из семей даже убедили отца снимать с Тэмуджина на ночь «канг», чтобы он мог спать спокойно.

История побега Тэмуджина — стала еще одной лептой в формирование его характера, ставшего затем основой его подъема к высотам власти. Однажды, когда тайджиуты напились, охранять его поручили про-

стодушному и физически слабому мальчику. Тэмуджин вдруг яростно взмахнул «кангом» так, что ударил его по голове и оглушил. Вместо того, чтобы принять практически верную смерть, пытаясь бежать пешком по степи, он спрятался в зарослях камыша в ближайшей реке. Вскоре после этого начались поиски Тэмуджина. Его легко нашел отец того семейства, которое отнеслось к Тэмуджину по-доброму. Он не поднял тревогу, а посоветовал бежать, когда стемнеет. С наступлением темноты Тэмуджин вылез из реки, но не убежал, а пришел в гер этой семьи, подвергнув их серьезной опасности. Несмотря на то, что они рисковали своими жизнями, они сняли с Тэмуджина «канг» и сожгли его. На весь следующий день они спрятали его в большой куче шерсти. В следующую ночь они отправили его в путь. Невзирая на их бедность, они приготовили ему в дорогу ягненка и дали лошадь, которая позволила ему избежать повторного пленения по дороге в отдаленный лагерь его матери.

Тэмуджин должен был обладать какой-то особой привлекательностью или способностью, чтобы эта бедная семья решилась рискнуть всем и подарила ему такие ценные в монгольском обществе вещи. С другой стороны, эти люди тоже произвели на него огромное впечатление. Тайджиуты, с которыми он состоял в близком родстве, сперва бросили его семью на верную смерть, а затем возжелали убить его самого. А эта скромная семья, которая не относилась к его родичам, оказалась способна рискнуть жизнью, чтобы только помочь ему. Это происшествие оконча-

тельно убедило его в том, что не следует доверять высокопоставленным вождям и ханам, и что некоторым людям вне твоего клана можно доверять так, как будто это твоя семья. В дальнейшей жизни он будет судить о людях в первую очередь по их делам, а не по тому, в какой степени родства с ним они находятся. Для монгольского общества это было неслыханное новшество.

Монгольские легенды и письменные источники признают только этот короткий период плена и рабства Тэмуджина, но китайский хронист того времени пишет, что он провел в рабстве более десяти лет. Возможно, он попадал в плен несколько раз, или рабство у тайджиутов заняло куда больший срок, чем предполагает «Сокровенное сказание».

Некоторые ученые предполагают, что такой долгий период рабства обусловлен отсутствием сколько-нибудь достоверных сведений о его детстве. В последующие годы время пленения было для Чингисхана позором, но еще важнее — этот эпизод представлял серьезную опасность для потомков всех людей, связанных с пленением Тэмуджина. Всем, кто имел к этому отношение, хватало причин, чтобы не афишировать свою причастность. Сокращение срока плена вполне укладывается в монгольскую традицию не упоминать о плохом и позорном, зато всячески воспевать героические деяния и благие поступки.

В 1178 году Тэмуджину исполнилось шестнадцать лет. Он не видел свою невесту Бортэ уже семь

лет — со времени смерти своего отца. Тем не менее он чувствовал себя вполне уверенным, чтобы попытаться найти ее вновь. Вместе со своим сводным братом Белгутеем он направился по течению реки Херлен на поиски ее семьи. Когда они нашли гер отца Бортэ Дэй-Сечена, Тэмуджин с радостью узнал, что она все еще ждет его, хотя в свои семнадцать или восемнадцать лет уже вышла по монгольским понятиям из брачного возраста. Дэй-Сечен был осведомлен о вражде Тэмуджина и рода тайджиутов, но, тем не менее, все еще был согласен выполнить старый уговор.

Тэмуджин и Белгутей отправились в обратный путь уже с Бортэ. По обычаю невеста везла в дом мужа подарок — одежду. Для кочевников объемные подарки были бессмысленны, зато хорошо выделанные одежды не только повышают престиж, но и выполняют вполне важную практическую функцию. Бортэ привезла с собой плащ из самого ценимого в степи меха — черного соболя. В обычных обстоятельствах Тэмуджин преподнес бы его своему отцу, но теперь он полагал более подходящим использовать плащ для оживления старинной дружбы, и таким образом, получить ценного союзника, который мог бы предоставить безопасность его увеличившейся семье.

Человек, к которому направился Тэмуджин, был Тогорил, в дальнейшем более известный как Он-хан из племени кераитов. Кераиты жили в плодородной степи в центральной Монголии между рекой Орхон и Черным лесом на побережье реки Туул. В отличие от разрозненных кланов монголов, кераиты создали

могучую межродовую конфедерацию, которая собрала множество разных племен под рукой одного хана. Широкие просторы степей к северу от Гоби были тогда разделены между тремя большими племенами. Центральные области держал Он-хан и его кераиты. Западными владели найманы под предводительством своего вождя Тайан-хана. На востоке жили татары Алтан-хана, бывшие вассалами джурshedов Северного Китая. Предводители этих трех великих племен заключали и разрывали союзы, а также вели войны с меньшими племенами на своих границах в вечном усилии подчинить их для войны против более сильных противников. Так, отец Тэмуджина Есугей не стоял в родстве с кераитами, но был в свое время «андой» Он-хана, с которым они вместе воевали против многих врагов. Связь между ними была сильнее, чем просто между вассалом и его господином, потому что во времена их молодости Есугей помог Он-хану стать главой рода кераитов, свергнув верховного правителя Гур-хана. К тому же они вместе воевали с меркитами и все еще были в союзе к моменту рождения Тэмуджина, когда Есугей сражался с татарами.

По обычаю степи все политические союзы оформлялись через метафорическое родство. Чтобы стать союзниками, мужчины должны были принадлежать к одному роду, поэтому всякий союз между воинами, которые не были связаны биологически, должен был быть превращен в церемониальное родство. Поскольку отец Тэмуджина и будущий хан кераитов были в свое время названными братьями, «андами», Тэ-

муджин теперь пытался достичь признания его приемным сыном Тогорила. Преподнося ему свадебный подарок своей невесты, он признавал его своим отцом, и если Он-хан примет дар, то и он признает своего нового сына, что давало бы Тэмуджину право на защиту. Для народов степи такие церемониальные родственные связи были не более чем дополнениями к их традиционному семейному укладу, но для Тэмуджина они уже показывали себя эффективнее, чем родство биологического толка.

Кераиты и найманы на западе страны представляли собой не только большие политические объединения, но и более развитые культуры, связанные с торговыми и религиозными сетями Средней Азии благодаря обращению в христианство несколькими веками ранее, благодаря проповедникам из Ассирийской церкви на востоке. У кочевников не было ни церквей, ни монастырей, они называли себя последователями апостола Фомы и полагались больше на странствующих монахов. Религиозные службы они справляли в тайных святилищах, в шатрах, где переносили ударение с теоретического богословия и жесткого канона веры на разнообразные чтения из Священного Писания и оказание медицинской помощи. Иисус вызывал у кочевников искреннее восхищение, потому что он исцелял больных и воскрес после смерти. Поскольку он был единственным человеком, победившим саму смерть, его считали очень сильным шаманом, а крест — священным символом четырех сторон света. Степные кочевники-животно-

воды прекрасно понимали пастушеские обычаи и верования древних иудеев Ветхого Завета. Но прежде всего, христианство было привлекательно для них потому, что христиане ели мясо, в отличие от вегетарианцев-буддистов, и в отличие от трезвенников-мусульман не только употребляли вино, но даже сделали его обязательной частью своей литургии.

Оставив свою невесту Бортэ в гере своей матери, Тэмуджин со своими братьями Хасаром и Белгутеем отправились в путь к становищу христианина Он-хана, который с радостью принял дар и, таким образом, признал всех троих юношей чем-то вроде своих приемных сыновей. Хан предложил Тэмуджину стать предводителем группы молодых воинов, но тот отказался, так как уже не испытывал никакого интереса к старой традиционной системе управления. Казалось, он хочет только одного, чтобы Тогорил предоставил защиту его семье. Как только это было улажено, он с братьями отправился в обратный путь к своему одинокому становищу возле реки Херлен. И там он, наконец, вкусил все радости семейной жизни, в которых ему было так долго отказано.

Казалось, горести и потрясения ранних лет Тэмуджина теперь позади. В его семье теперь все были достаточно взрослыми, чтобы так или иначе работать. Кроме братьев Тэмуджина в семью вошли еще два молодых человека. Боорчу присоединился к роду после случайной встречи с Тэмуджином, когда тот выслеживал украденных коней. Джелме был отдан Тэмуджину его отцом, хотя «Сокровенное сказание» не объясняет при-

чин этого. С ними в стойбище было семь мальчиков-подростков, чтобы охотиться и защищать его. Кроме Бортэ в семье Тэмуджина было четыре женщины: его сестра Тэмулун и три старших женщины, матриарх рода Оэлун, первая жена Есугея Сочигел, мать сводного брата Тэмуджина, Белгутея, и еще одна пожилая женщина неизвестного происхождения.

Согласно «Сокровенному сказанию» Тэмуджин желал бы остаться только предводителем этого маленького клана, но бурный мир межплеменных войн вокруг них не допускал таких идиллий. Из поколения в поколение племена в степи безжалостно грабили друг друга. Память о прежних обидах была жива.

Обида, причиненная любой семье в клане, служила на долгие годы поводом к возмездию. Какой бы малой и незначительной ни была семья, она все равно могла рассчитывать на то, что про нее не забудут и не спишут со счета.

После всего того, что уже вынесла его семья, теперь, по прошествии восемнадцати лет, меркиты, племя, к которому принадлежала когда-то Оэлун, решили отомстить за оскорбление. Меркиты не собирались требовать возвращения Оэлун. Им нужна была Бортэ, молодая жена Тэмуджина. Похитив ее, они бы воздали роду Есугея той же монетой. И вот союз, который Тэмуджин так дальновидно заключил с керитами, оказал решающее влияние на дальнейшую судьбу Тэмуджина, а испытание войной с меркитами поставило его на путь к величию и могуществу.

2

ИСТОРИЯ ТРЕХ РЕК

Было поднято знамя судьбы Чингисхана,
и они выступили в путь.

Ата-Малик Джувайни

Чингисхан: История покорителя мира

Как-то ранним утром, когда все члены семьи еще спали в своих шатрах, одиноко стоящих в степи неподалеку от истока реки Херлен, группа воинов из племени меркитов направилась к стойбищу. Старуха, которую они приютили, спала на земле и, как и всякая старая женщина в предрассветные часы, плыла между сном и явью, то просыпаясь, то снова проваливаясь в неглубокий сон.

Когда лошади подъехали ближе, она услышала топот копыт. Мгновенно проснувшись, она громко закричала и разбудила всех. Все семеро юношей вскочили и судорожно завозились, пытаясь натянуть свои сапоги, и бросились к своим лошадям, которые паслись неподалеку. Тэмуджин со всеми своими семью

спутниками, а также матерью и сестрой спаслись бегством, оставив в стойбище его жену Бортэ, приемную мать Сочигел и старуху, которая спасла их всех. В отчаянном мире кочевников, где смерть всегда была где-то рядом, никто не мог позволить себе такую роскошь, как искусственный кодекс благородного поведения.

По их вполне прагматическим соображениям, оставив этих троих женщин меркитам, они как минимум замедлили продвижение захватчиков настолько, чтобы остальные успели спастись. Для Тэмуджина и его отряда степь не могла предоставить укрытия, так что им пришлось долго скакать без перерыва, чтобы добраться до безопасных гор на севере.

К тому времени, как нападавшие достигли шатра, Тэмуджин и его маленький отряд уже умчались в предутреннюю темень. Впрочем, они очень быстро обнаружили Бортэ, спрятавшуюся в повозке, которую старуха пыталась отогнать подальше. В течение нескольких отчаянных дней, пока меркиты рыскали по округе, Тэмуджин оставался все время на ходу, передвигаясь по склонам и лесистым расселинам горы Бурхан Халдун. В конце концов, меркиты оставили поиски и направились на северо-запад в сторону своего стойбища на далекой реке Селенгэ, впадающей в Байкал. Опасаясь, что это было ложное отступление, целью которого было выманить его из укрытия, Тэмуджин послал Белгутея, Боорчу и Джелме, чтобы они в течение трех дней следили за меркитами и проверили, не собираются ли те вернуться.

Прячась в лесу на горе Бурхан Халдун, Тэмуджин оказался перед одним из самых важных решений в своей жизни. Он мог оставить всякую надежду на возвращение Бортэ (этого от него и ждали меркиты, поскольку его крошечному отряду было не по силам тягаться с большим кланом). В свое время Тэмуджин мог бы найти себе новую жену, однако, ему пришлось бы похитить ее, как это сделал в свое время его отец, так как ни одна семья не согласилась бы выдать свою дочь замуж за человека, у которого более сильный уже отобрал одну жену.

В прошлом Тэмуджин полагался больше на быстроту реакции и импульсивные решения, но теперь ему следовало холодно все обдумать и разработать план действий, который изменит всю его дальнейшую жизнь. Веря, что его только что спасла гора, на которой он прятался, Тэмуджин обратился с молитвой к духу этой горы. В отличие от других степных племен, которые приняли учения и писания буддизма, ислама и христианства, монголы оставались анимистами и молились духам окружающего мира. Они поклонялись Вечно Синему Небу, Золотому Свету солнца и мириадам духовных сил природы. Монголы разделяли мироздание на два плана — земной и небесный. Так же как и душа человека содержится не в неподвижных частях тела, а в подвижных эссенциях — крови, дыхании и запахе, душа земли принадлежит ее текучим водам. Реки текут по земле, как кровь течет по телу. И три таких реки брали начало из одной горы. Бурхан Халдун, в переводе «Бог-Гора», вы-

сочайшая вершина Хентэйских гор была ханом, царящим надо всей окружающей равниной, и одновременно она была земным местом, максимально приближенным к Вечно Синему Небу. А как источник трех рек Бурхан Халдун был также священным сердцем монгольского мира.

«Сокровенное предание» повествует, что Тэмуджин, благодарный за спасение от неминуемой гибели от рук меркитов, сначала возблагодарил защитившую его гору и солнце, скачущее по небу. Он отдельно возблагодарил захваченную меркитами старую женщину, которая спасла их благодаря своему тонкому, как у ласки, слуху. Чтобы поблагодарить духов, он, как это было заведено у монголов, плеснул молоком в воздух и на землю. Он развязал свой пояс и повесил его себе на шею. Пояс, который по обычаю носили только мужчины, был у монголов главным признаком достоинства мужчины. Сняв таким образом пояс, Тэмуджин как бы лишил себя силы и предстал перед духами горы слабым и беспомощным. Затем он снял шапку, сложил руки на груди и девять раз бросился на землю, воздавая высшие почести солнцу в небе и священной горе.

Для степных племен земная власть была неотделима от магической, поскольку и та, и другая происходили из единого источника — Вечно Синего Неба. Для того, чтобы победить и возобладать над другими, человеку должна была быть дарована сверхъестественная сила из мира духов. Чтобы его Духовное Знамя вело его к победе и власти, оно должно было

предварительно быть заряжено магической силой. Трехдневные моления Тэмуджина на Бурхан Халдун стали началом глубокой и искренней связи между ним и этой горой, которая, как он сам верил, давала ему силу и предоставляла защиту. Эта гора была источником его могущества.

Прежде чем наделить Тэмуджина силой, Бурхан Халдун поставил его перед трудным выбором. Каждая из трех рек, которые текли с горы, предлагала ему свой вариант действий. Он мог вернуться на юго-восток, вниз по течению реки Херлен, к своему старому становищу, но там, сколько бы скота и жен он ни получил, он всегда будет в опасности перед новыми набегамися со стороны меркитов или тайджиутов, или любых других кочевников, которым случится проезжать поблизости.

Река Онон, на берегу которой он сам появился на свет, текла на северо-восток и предлагала ему другой выбор. Онон текла по лесистым и заболоченным территориям, и поэтому предоставляла защиту от набегов, но там не было и обильных пастбищ для скота. Жизнь там потребовала бы от семьи огромных усилий, только чтобы кое-как сводить концы с концами, также как в детстве.

Жизнь на берегах реки Онон была бы безопасной, но бедной и безрадостной. Третья река — Туул — несла свои воды на юго-запад, в земли Он-хана, которому Тэмуджин подарил соболий плащ. В свое время Тэмуджин отклонил его предложение сделать его предводителем воинов под началом Он-хана. Теперь,

всего лишь год спустя, когда избранная им мирная жизнь была разрушена набегом меркитов, Тэмуджин все еще не желал бросаться вниз головой в водоворот междоусобных войн между ханами. Но другого способа вернуть Бортэ у него не было.

Хотя он хотел вести тихую жизнь вдали от вечных неурядиц степной войны, набег меркитов показал ему, что это просто невозможно.

Если он не хочет прожить всю жизнь бедным изгнанником, находящимся в полной власти любого грабителя, который окажется рядом с его становищем, ему придется сражаться за свое место в иерархии воинов степи. Ему придется включиться в жестокую игру вечной войны, которой он до сих пор избегал как мог.

Кроме политической, военной и духовной власти Тэмуджином двигала отчаянная тоска по Бортэ, единственному существу в его короткой и суровой жизни, которое принесло ему счастье. Несмотря на принятую среди монгольских мужчин сдержанность, которая полагала непозволительным проявлять сильные чувства, особенно в присутствии других мужчин, Тэмуджин дал непреложное подтверждение своей любви к Бортэ.

Он стонал и причитал, что меркиты не просто оставили его постель пустой, но взрезали его грудь и вырвали сердце.

И Тэмуджин принял решение — сражаться. Он вернет свою жену или погибнет сражаясь. После трех долгих дней сомнений, молитв и размышлений на

горе, он отправился по течению реки Туул, чтобы найти лагерь Он-хана и просить его о помощи. Но теперь он сделает это не как обездоленный изгнанник, а как полноправный сын, который уже принес своему отцу, могучему Он-хану, драгоценный соболий плащ и присягу в верности.

Когда Тэмуджин нашел Он-хана и сообщил, что он хочет совершить набег против меркитов, старый хан тут же согласился помочь. Если бы он не хотел воевать, Он-хан мог бы легко отказать и предложить Тэмуджину женщину из своего стойбища. Но у старого хана была своя долгая вражда с меркитами, и просьба Тэмуджина дала ему повод вновь напасть на них. Он-хан отправил Тэмуджина искать помощи еще и у нового союзника ханов — молодого монгола, который уже показал себя прекрасным воином и привлек заметное число последователей. Этим воином оказался никто иной, как старый анда Тэмуджина — Джамуха из рода Джадаран. Он с радостью откликнулся на призыв своего хана помочь своему юному кровному брату в войне против меркитов. Вместе они создали степной идеал войска — Он-хан вел правое (западное) крыло, а Джамуха — левое (восточное). Войска Он-хана и Джамухи соединились с маленьким отрядом Тэмуджина у истока реки Онон возле горы Бурхан Халдун, откуда, перевалив через горы, они лавиной обрушились на степные поселения меркитов, расположенные вдоль реки Селенгэ, впадающей в озеро Байкал.

Тэмуджин прошел через многие испытания в сво-

ей короткой жизни, но он еще ни разу не участвовал в набеге. И в этой первой своей настоящей войне он показал себя с лучшей стороны, хотя силы с самого начала были не равны, и неоспоримое преимущество было на стороне Он-хана и его союзников. Несколько меркитских охотников еще в горах заметили подступающую армию и бросились назад, чтобы предупредить своих родичей. Меркиты обратились в бегство по течению реки и паника покатила по цепочке меркитских поселений. Как только нападавшие начали разграбление меркитских гэров, Тэмуджин бросился вперед, выкрикивая имя Бортэ, но Бортэ, которую отдали в жены одному из пожилых меркитов, была отслана в повозке подальше от опасностей битвы. Она не знала, кто напал на ее новый род и не желала, чтобы ее вновь похитили. У нее не было повода надеяться, что целью набега может быть ее освобождение.

«Сокровенное сказание» во всех подробностях описывает, как внезапно среди шума и неразберихи Бортэ услышала голос, зовущий ее по имени. Она узнала голос Тэмуджина. Тот как безумный крутился в седле, вглядываясь в ночь и вновь и вновь выкрикивая во тьму имя жены. Он так обезумел от отчаяния, что даже не узнал ее, когда она бросилась к нему навстречу, а когда женщина схватила поводья его коня и вырвала их у него из рук, он чуть было не ударил ее. Но Тэмуджин тут же опомнился, и они «пали в объятия друг друга».

Хотя двух других женщин и не удалось освободить, Тэмуджин отвоевал свою жену, и все остальное

не имело для него значения. Он оплатил меркитам той же монетой и был готов возвращаться домой. В «Сокровенном сказании» приводятся такие его слова, обращенные к его воинам: «Мы принесли пустоту в их грудь... Мы принесли пустоту в их постели... Мы положили конец мужам и их потомкам... Мы насиловали остальных... Меркиты рассеяны, и мы можем отступить».

После этой решительной победы над меркитами и счастливого воссоединения Тэмуджина и Бортэ, молодожены, которым все еще не исполнилось двадцати лет, могли бы рассчитывать на дальнейшую мирную и счастливую жизнь. Но, как это часто бывает в жизни, решение одной проблемы принесло множество новых. Тэмуджин скоро выяснил, что Бортэ беременна. Вместо того, чтобы описать великое счастье воссоединившихся молодых супругов, «Сокровенное сказание» обходит молчанием время беременности Бортэ. Это сказалоь на монгольской внутренней политике последующих столетий, когда встал вопрос о том, кто был отцом первого ребенка Бортэ. Она родила сына в 1179 году, и Тэмуджин дал ему имя Джучи, что означает «Гость». Многие ученые признают это доказательством того, что сам Тэмуджин не верил в то, что ребенок от него. Но в то же время, он мог назвать так сына просто в знак того, что все они были тогда гостями в отряде Джамухи.

«Сокровенное сказание» подробно повествует о восстановлении сердечной дружбы между Тэмуджином и Джамухой. После освобождения Бортэ Тэмуд-

жин решил присоединиться к большому отряду Джамухи. Тэмуджин привел свою семью в стойбище Джамухи в плодородной долине Хорхонаг, расположенной между реками Онон и Керулен.

В третий раз за свою жизнь Тэмуджин и Джамуха поклялись быть друг другу братьями. Но теперь их клятвы были уже клятвами взрослых воинов и были принесены во время торжественной церемонии, свидетелями которой стали их семьи и приверженцы. Стоя под деревом на склоне, они обменялись золотыми кушаками и сильными конями. Обменявшись одеждой, они обменялись и запахами своих тел, а значит, и связали свои души. К тому же пояса символизировали их мужскую силу и достоинство. Он торжественно поклялись «любить друг друга» и соединить свои жизни в одну, чтобы никогда не покидать друг друга. В честь этой клятвы они устроили пир, после которого они отправились ночевать отдельно от других и спали под одним одеялом, как это заведено у братьев, выросших вместе.

Перебравшись из-под защиты гор в степи, Тэмуджин сменил жизнь охотника на жизнь скотовода. Хотя на протяжении всей своей жизни он всегда любил охоту, его семья никогда больше не зависела только от нее. Теперь они стали жить куда лучше, и перешли на более сытную пищу, которую давал их новый образ жизни. Тэмуджину многому пришлось научиться от народа Джамухи. Он должен был влиться в ритм существования скотоводов, который определялся множеством установленных традиций и обы-

чаев. Также ему пришлось получить специальные познания о разведении коров, яков, коней, коз, овец и верблюдов, которых монголы называли Пятью Носами, объединяя коров и яков в одну группу. Каждый из типов животных кроме пищи предоставлял важнейшие средства к существованию племени. Выше всего ценились кони, которых не использовали иначе, чем для верховой езды.

Разумеется, присоединившись к Джамухе, Тэмуджин принимал еще и жизнь степного воина, роль, в которой он преуспел более всех других. Как анда Джамухи Тэмуджин получил также и особый статус в общей степной иерархии, и присоединился к нему не как простой воин, а как равный. Поэтому, как повествует «Сокровенное сказание», он полтора года был удовлетворен жизнью под началом Джамухи и учился у него. Но очевидно, что для юноши, который предпочел убить своего старшего брата, чтобы только не принимать его главенства, такое положение вещей не могло долго оставаться приемлемым. И в этом снова сыграли свою роль степные обычаи и законы родовой иерархии.

В иерархии степи каждый род понимался как «кость». Близкие родичи, между родами которых были запрещены браки, считались «белой костью». Дальние кланы, из которых можно было брать жен, назывались «черной костью». Поскольку все они были связаны родственными узами, каждый клан возводил свое происхождение к какому-либо герою древности, впрочем, уверенность таких притязаний обычно зависела от силы и влияния каждого рода. Тэмуджин и

Джамуха состояли в дальнем родстве, поскольку их кланы восходили к детям одной и той же женщины, но от разных мужей. Род Джамухи происходил от ее первого мужа, который был степным коневодом, а род Тэмуджина — от лесного охотника, которого устная история знала под именем Бодончара Дурня, который похитил эту женщину, убив ее первого мужа. Опираясь на эту легенду, Джамуха мог утверждать, что, поскольку он происходил от первородного сына, отцом которого был воин степи, его род был выше. Такого рода истории использовались в степи, чтобы подчеркнуть по необходимости родственные связи, но также могут служить и поводом для вражды. В отношениях между Тэмуджином и Джамухой это предание сыграло обе роли. Родство было не столько фактором генетической связи, сколько общепринятой идиомой, регулирующей отношения между людьми и легитимизирующей их социальные претензии.

Поскольку клан Тэмуджина входил в отряд Джамухи, то род Джамухи считался белой костью, а род Тэмуджина — черной. Только если бы Тэмуджин организовал свой собственный клан, в центре которого стояла бы его семья, он мог бы считаться «белой костью». «Сокровенное сказание» повествует, что с течением времени Джамуха стал относиться к Тэмуджину не столько как к анде, сколько как к младшему брату, подчеркивая, что его семья произошла от старшего сына их общей праматери. Как уже было видно из истории семьи Тэмуджина, он был не из тех, кто долго терпит свое подчиненное положение.

Согласно «Сокровенному сказанию», в середине

мая 1181 года Джамуха объявил, что пора переносить их зимний лагерь ближе к дальним летним пастбищам. Джамуха и Тэмуджин как обычно ехали впереди длинной процессии их приверженцев и стад. Но в тот день Джамуха решил, что он больше не хочет делить свое положение предводителя с Тэмуджином. Возможно, он заметил, что Тэмуджин пользуется все возрастающей популярностью среди воинов клана, а может, просто устал от его присутствия. Джамуха сказал Тэмуджину, что сам он поведет ближе к горам стада коней, а Тэмуджин должен вести отары овец и коз и разбить другой лагерь ближе к берегу реки. Джамуха «белая кость» пытался таким образом утвердить свою власть коневода и ставил Тэмуджина на место простого пастушонка из «черной кости».

По свидетельству «Сокровенного сказания», когда Тэмуджин получил этот приказ, он отправился к своей семье, которая ехала вместе со своими стадами в самом конце процессии, и обратился за советом к Оэлун. Он был огорчен и не знал, как поступить. Но, услышав, как Тэмуджин описывает ситуацию матери, вмешалась Бортэ. Она перебила его и гневно потребовала, чтобы он немедленно порвал отношения с Джамухой, и чтобы их род и все, кто захотят следовать за ними, отправились жить отдельной от рода Джамухи жизнью. Позднее, когда Джамуха разбил лагерь, чтобы переночевать, Тэмуджин и его небольшой отряд втайне отправились в путь и двигались всю ночь, чтобы как можно дальше отойти от лагеря Джамухи на случай, если тот вздумает организовать

погоню. То ли согласно плану, а возможно и просто благодаря удачному стечению обстоятельств, многие из прежних приверженцев Джамухи ушли вместе с Тэмуджином. Разумеется, они забрали с собой и свой скот. Несмотря на то, что его отряд раскололся, Джамуха не стал преследовать их.

Распря между двумя юношами, которая родилась той летней ночью 1181 года, привела к двадцати годам войны между Тэмуджином и Джамухой, и выросла затем в горькую ненависть. После расставания с Джамухой Тэмуджин, которому исполнилось тогда девятнадцать лет, явно решил стать независимым военным предводителем, чтобы привлечь к себе сторонников и построить основу могущества, которое смогло бы потом помочь ему стать ханом, объединившим под своей властью все монгольские племена. На пути к этой цели главным соперником для него становился Джамуха, соперничество и вражда Тэмуджина с которым положила начало кровопролитной гражданской войне, которая коснулась всех монголов. Соперники провели следующую четверть века в бесконечных набегах друг против друга, похищая скот и женщин и убивая воинов-мужчин.

С течением времени вокруг Джамухи и Тэмуджина сформировались нестойкие группы семей и мелких кланов, которые были связаны с ними эфемерными союзами и договоренностями. Но ни одному из них не удалось объединить все кланы в единое племя, как это сделали более могущественные кераиты, татары и найманы. Согласно монгольскому пре-

данию некогда они все были объединены под властью единого хана, но с тех пор никому не удавалось объединить их. Летом 1189, года Петуха, восемь лет спустя с момента разделения родов Тэмуджина и Джамухи, двадцатисемилетний Тэмуджин решил начать борьбу за титул хана, вождя всех монголов, в надежде, что объявив притязания на титул, он привлечет на свою сторону больше сторонников Джамухи и таким образом, превратит титул в самовоплощающееся пророчество. В противном случае, такие претензии могли бы наконец вызвать последнее противостояние между двумя вождями, которое поставило бы точку в их многолетней вражде.

Он призвал своих приверженцев в степь подле Голубого озера у подножия Горы-Сердца, где соби-рался провести традиционный совет племен, кото-рый назывался «курултай». Семьи, роды и большие кланы голосовали просто своим присутстви-ем. Их присутствие служило официальным призна-нием Тэмуджина ханом, неявка считалась голосом, отданным против него. Победой стало бы простое собрание кворума. В таком случае был бы составлен список, который бы заучивался наизусть и свидетель-ствовал о результатах курултая. Тем не менее, никако-го такого списка до нас не дошло, что косвенно ука-зывает на весьма скромный результат собрания. Боль-шая часть степных кланов (а возможно, что и боль-шинство их) все еще поддерживали Джамуху.

Племя Тэмуджина, которое состояло теперь из его семьи, нескольких верных друзей и еще несколь-

ких небольших семей, было довольно мало по сравнению с другими племенами степи, а сам он все еще оставался вассалом Он-хана. Чтобы показать, что его попытка добиться титула хана никак не направлена против Он-хана, Тэмуджин послал гонца к предводителю кераитов. Тот должен был уверить Он-хана в том, что единственной целью Тэмуджина было объединение всех разрозненных монгольских племен под властью Он-хана и кераитов. Он-хан легко принял эту весть и, похоже, нимало не беспокоился об объединении монголов, покуда они оставались верны ему. Он-хану было на руку разделение монголов. Подпитывая амбиции обоих юношей, он добивался ослабления влияния обоих и укреплял свою власть над монголами.

Получив поддержку от хана кераитов, которую полагал достаточной, чтобы считаться ханом небольшой группы семей, Тэмуджин начал процесс радикальной перестройки системы управления внутри своего племени. В этом деле он опирался на уроки своей юности. Несколько гэров вождя, которые служили общеплеменным центром или двором предводителя, назывались «орда». В большинстве степных племен ханская «орда» состояла из его родичей и представляла собой своего рода степную аристократию. Нарушая эту неписаную традицию, Тэмуджин назначал на различные ответственные посты людей, ориентируясь на их личные способности и таланты, а не на степень родства с ними. Высшие должности своих личных помощников, нукеров, он отдал двум своим первым приверженцам — Боорчу и Джелме,

которые верой и правдой служили ему вот уже десять лет. Тэмуджин-хан отличался удивительной способностью верно оценивать потенциал человека и давать ему именно то задание, с которым он справится с наибольшим успехом.

Он назначил доверенных людей своими поварами (у монголов эта работа заключалась в основном в забое скота, разделке туш и перевозке огромных котлов). Сам Тэмуджин считал их своей первой линией защиты, так как побаивался, что его могут отравить, как и его отца до него. Другие его сторонники стали лучниками, а некоторым было вменено в обязанность стеречь стада, которые зачастую отгонялись на довольно значительное расстояние от основного лагеря. Он назначил своего большого и сильного брата Хасара одним из воинов, отвечавших за защиту лагеря, а своего сводного брата Белгутея поставил присматривать за большим табуном меринов, которых всегда держали поблизости от стойбища, чтобы использовать для верховой езды. Он создал элитный отряд из 150 телохранителей, 70 из которых должны были охранять лагерь днем и 80 — ночью. При Тэмуджине управление нарождающимся племенем монголов стало просто продолжением его личного хозяйства.

Невзирая на успехи Тэмуджина, который добился титула хана и установил новые порядки при своем дворе, Джамуха все еще правил своими сторонниками и отказывался признавать Тэмуджина ханом над всеми монголами. Для Джамухи и аристократических родов «белой кости» Тэмуджин все еще был ни-

кем иным, как зарвавшимся выскочкой, которого обожала «черная кость», и которому пришло время преподать хороший урок и поставить его на место. В 1190 году, всего год спустя со времени избрания Тэмуджина ханом, Джамуха использовал убийство одного из его сторонников во время набега приверженцев Тэмуджина как повод для того, чтобы призвать всех своих воинов для мести Тэмуджину. Каждая из сторон собрала армию. С каждой стороны вышло вряд ли более нескольких сотен человек. Впрочем, на этом этапе любые оценки численности войск — не более чем домыслы и теории. В последовавшей битве силы Джамухи обратили воинов Тэмуджина в бегство. Чтобы отбить у них охоту еще когда-либо выступать против него, Джамуха пошел на самые жестокие меры, какие только знали степные войны. Сначала он отрубил голову одному из пленных предводителей и привязал ее к хвосту своего коня. Пролитие крови и осквернение мертвой головы осквернили душу ушедшего, а привязывание головы рядом с нечистым местом коня опозорило всю его семью.

Сообщают, что Джамуха приказал сварить заживо семьдесят пленных юношей в котлах. Такая смерть должна была разрушить сами их души и таким образом полностью истребить их. Поскольку у монголов семь считается несчастливым числом, вся история про семьдесят котлов может быть просто поэтическим преувеличением зверств Джамухи, но, тем не менее, «Сокровенное сказание» однозначно указывает на то, что действия упоенного своей победой Джа-

мухи серьезно испортили ему имидж. Такая жестокость с его стороны еще больше усилила антагонизм между старыми аристократическими родами, которые унаследовали власть от предков, и малыми и незначительными семьями, которые могли рассчитывать только на свой талант и личную доблесть. Это происшествие оказалось решающим для Тэмуджина, который проиграл битву, но выиграл поддержку и популярность среди монголов, которые все больше опасались жестокости Джамухи. Воины Тэмуджина были обращены в бегство, но они постепенно вновь собрались под знаменем своего молодого хана.

Его соперничество с Джамухой не получило еще однозначного разрешения, но в 1195 году, когда Тэмуджину исполнилось тридцать три, ему представилась возможность принять участие в набеге, который бы сильно подкрепил его благосостояние и сильно увеличил бы его престиж как воина. Чжурчжени, правившие Китаем, часто вмешивались в степную политику, сея раздоры между племенами, чтобы поддерживать их вечные междоусобные войны и оберегать, таким образом, себя от угрозы со стороны кочевников. Хотя чжурчжени обычно поддерживали татар, они испугались растущего могущества этого племени и подговорили Он-хана собрать армию и совершить набег на татарские земли. Он-хан снова заручился поддержкой Тэмуджина и быстро заключил союз с Золотым Ханом чжурчженей, что позволило им совместно напасть и разграбить селения богатых татар.

Зимой 1196 года владыка кераитов Он-хан и Тэ-

муджин со своими монгольскими приверженцами выступили в поход против татар. Их набег, организованный в традиционной тактике степных войн, был более масштабным, чем обычно и принес быстрый и легкий успех. Тэмуджин был поражен богатством добычи, которую принес этот набег. Благодаря своей близости к царству чжурчженей и, соответственно, товарам из Китайской империи, у татар было куда больше товаров для торговли, чем у любого другого племени в степи. Среди захваченных богатств «Сокровенное сказание» упоминает окованную серебром колыбель, покрытую шелковым одеялом, украшенным серебряными нитями и жемчугом. Даже захваченные татарские дети были одеты в атласное платье, вышитое золотыми нитями, а один из мальчиков носил золотое кольцо в носу и еще два в ушах. Оборванные монголы никогда не видели такой роскоши.

Тэмуджин увидел, как могущественное царство чжурчженей сталкивает степные племена и использует их для войны друг с другом. В один год они заключают союз с татарами против кераитов, а в другой — с кераитами и монголами против татар. Сегодняшние союзники могут стать завтрашними врагами, как это произошло с Джамухой, и племя, которое ты покорил сегодня, завтра нужно будет покорять снова и снова. Ни одна победа не была окончательной, ни один мирный договор — вечным. Этот урок оказал важнейшее влияние на тот новый мир, который Тэмуджин построил из окружающего хаоса, но пока что превратности войны принесли ему неслыханное богатство и превознесли его среди монголов.

Тэмуджину все еще предстояла борьба с Джамухой за контроль над монголами. Богатства, привезенные им из набега, привлекли новых сторонников на его сторону. Теперь он начал наращивать свое влияние и расширять территорию. Он не мог пока претендовать на земли больших племен, но был в состоянии вытеснять небольшие семьи, такие как род джуркинов, чьи угодья располагались к югу от основного поселения Тэмуджина вниз по течению реки Керулен.

Когда Тэмуджин согласился участвовать в набеге на татар, он призвал на помощь и своих дальних родичей джуркинов, которые сначала согласились помогать ему. Но когда Тэмуджин приготовился выступить, он прождал шесть дней, но они так и не пришли. Так же как и в случае с курултаем, неявка семьи на военный сбор означала недоверие к предводителю войска, то есть в данном случае к Тэмуджину. Отношения между джуркинами и приверженцами Тэмуджина уже и так были натянутыми. Как и большинство других благородных семей, джуркины по родовитости превосходили чином Тэмуджина и его клан, и зачастую относились к его людям с нескрываемым презрением. В «Сокровенном сказании» приведена история, иллюстрирующая враждебность между этими семьями.

Тэмуджин пригласил джуркинов на пир незадолго до татарской кампании, но в результате завязалась драка, вызванная оскорблением, нанесенным сводному брату Тэмуджина. Белгутей был назначен хранителем коней в отряде Тэмуджина, и он стоял на вахте, когда начался пир. И вот, когда один из джуркинов

попытался украсть коня, Белгутей погнался за ним, но его остановил другой джуркин, которого звали Бури Борец. В знак того, что он готов сразиться с Бури, Белгутей стянул свою верхнюю одежду и обнажил торс. Но вместо того, чтобы бороться с ним (как того требовал обычай в споре между равными), Бури повел себя с Белгутеем как с низшим по роду и положению — он извлек из ножен саблю и ударил ею Белгутея по плечу. Пролить таким образом кровь, даже нанеся лишь крошечный порез, считалось смертельным оскорблением. Узнав, что произошло снаружи возле коней, пьяные гости передрались. По обычаю он пришли на пир безоружными, поэтому они стали швырять друг в друга блюда с едой и лупить друг друга лопатками, которые использовались для размешивания перебродившего лошадиного молока, которое было в ходу у монголов.

Джуркины не только отказались присоединиться к Тэмуджину в походе против татар, но еще и, воспользовавшись его отсутствием, напали на его стойбище, убили десятерых его сторонников и ограбили остальных. Таким образом, когда перед Тэмуджином после блистательной победы над татарами встал вопрос о расширении территорий, он не сомневался, куда нанести первый удар. Он начал войну против них в 1197 году и благодаря своему опыту и искусству военачальника легко одержал над джуркинами победу. В этой точке Тэмуджин провел вторую радикальную реформу в своем стиле правления, которая отметила следующий его шаг к верховной власти.

В долгой истории степной войны побежденное

племя обычно грабили, часть людей забирали в рабство, а остальных оставляли в покое. Победенные кланы быстро собирались с силами и наносили ответный удар или бежали и присоединялись к вражеским племенам. Тем не менее, после победы над джуркинами Тэмуджин повел себя вразрез с обычаями. В этом проявилась его твердая решимость прервать бесконечный цикл нападений и ответных набегов и создания и расторжения эфемерных союзов. Он собрал курултай своих сторонников и провел над высокими предводителями джуркинов показательный процесс, обвинив их в том, что они нарушили свое слово, отказавшись присоединиться к нему в походе против татар, и повели себя бесчестно, напав в его отсутствие на его стойбище. Когда они были признаны виновными, Тэмуджин приказал тут же казнить их в назидание другим и в знак цены верности и предательства. Также это было прозрачное послание ко всем родам «белой кости», которое сообщало им, что на привычные привилегии и особое обращение они больше могут не рассчитывать. После этого Тэмуджин совершил еще один беспрецедентный шаг — он захватил земли джуркинов, и распределил оставшихся в живых членов этой семьи между семьями своего клана. И хотя многие члены обоих родов решили, что пленных отдадут в рабство, как это было принято в степи, «Сокровенное сказание» утверждает, что Тэмуджин принял их в свой клан как равноправных членов. В знак этого решения он усыновил мальчика сироту из джуркинов и отвел его к Оэлун, чтобы та выращива-

ла его не как раба, а как своего сына. Таким же образом сыновьями Оэлун стали не только джуркины, но и побежденные меркиты, тайджиуты и татары. Тем самым Тэмуджин признавал их своими младшими братьями. Неизвестно, были ли первые такие усыновления вызваны сентиментальностью или холодным политическим расчетом, но Тэмуджин проявил прекрасное чутье, используя для объединения разрозненных кланов такую систему фиктивного родства. Так же, как он принимал детей в свою семью, он принимал побежденные народы в свое племя, чтобы они впоследствии на равных делили успехи и добычу в рядах его армии.

И, наконец, в знак своей новой силы Тэмуджин завершил войну с джуркинами обильным пиром как для победителей, так и для их новопринятых «родичей». На пир он призвал Бури-борца, который ранил Белгутея год тому назад, и приказал им бороться друг с другом. Никто еще не побеждал Бури, но он боялся гнева Тэмуджина и позволил Белгутею положить его. В обычной ситуации на том бы поединок и закончился, но у Тэмуджина и Белгутея были другие планы на этот счет. Белгутей схватил Бури за плечи и уселся к нему на спину, оседлав его как лошадь. По знаку Тэмуджина он уперся коленом в спину Бури и сломал ему хребет. После этого Белгутей оттащил парализованное тело Бури за пределы лагеря и оставил умирать в одиночестве.

Тэмуджин избавился от всех предводителей джуркинов. Это был ясный знак всем их родичам в степи.

Те, кто верно служат Тэмуджин-хану, получают награды и честь. Те, кто предают его, будут истреблены без жалости.

Одержав победу над джуркинами, Тэмуджин повел свой клан на их родовые земли вниз по реке Керулен. Он основал свой новый основной лагерь около слияния рек Ценкер и Керулен. Впоследствии этот лагерь стал его столицей, известной под названием Аварга, но в то время это было просто удаленное стойбище. Земля между двумя реками называлась «арал», что значит «остров». Поскольку земля между реками Ценкер и Керулен предоставляла широкие открытые пастбища, монголы называли ее Ходой Арал, что на современном монгольском означает «Дальний остров», но по-древнемонгольски значило «остров-пустошь», что неплохо описывает этот широкий кусок степи среди безлесной прерии.

Какой бы пустынной ни была Аварга, она представляет собой своеобразный рай для кочевника-скотовода. Такой коневод поставит свой гэр дверью к югу, чтобы принимать все теплые лучи южного солнца и заслониться от холодных северных ветров. Им нужна вода неподалеку, но не слишком близко. Лагерь, расположенный в полудне от реки, вполне подходит для того, чтобы с одной стороны не загрязнять воду продуктами человеческой жизнедеятельности, а с другой уберечься от внезапных летних паводков, которые частенько затопляют прибрежную равнину. В дополнение к этим неоспоримым преимуществам, она была довольно близка к родине Тэ-

муджина и священной горе Бурхан Халдун, которая возвышается на расстоянии примерно 130 миль вверх по реке Керулен. Аварга была идеальным местом для столицы и с 1197 года до самого конца его жизни служила Тэмуджину основной базой.

Хотя приверженцы Тэмуджина четыре года процветали в новом лагере, и число их заметно выросло, Джамуха все еще отказывался признавать его превосходство и стал центральной фигурой в движении кланов «белой кости», которым пришлось не по нраву те изменения, которые Тэмуджин вносил в их традиционный образ жизни. В 1201, году Петуха, Джамуха выдвинул свои претензии на роль правителя всех монголов. Бросив вызов Тэмуджину и даже его покровителю Он-хану, Джамуха созвал курултай, который присвоил ему древний и почетный титул Гур-ка или Гур-хана, что означает Вождь над вождями или Хан над ханами. Его люди принесли ему новую клятву верности, и чтобы освятить ее принесли в жертву коня и кобылу.

Джамуха выбрал этот древний титул не только из-за любви к старым традициям, у него был и еще один довольно зловещий повод сделать это. Последним ханом, который носил титул Гур-хана был дядя Он-хана, правивший кэраитами до того, как Он-хан поднял против него восстание и убил его и всех его братьев. Именно во время этого восстания отец Тэмуджина Есугей стал союзником Он-хана. Избрав этот титул, Джамуха во всеуслышание заявил про свои претензии на власть Он-хана, также как и его вассала Тэмуджина.

Если бы Джамухе удалось выиграть эту войну, он стал бы верховным правителем центральной степи. На его стороне были древние и уважаемые кланы, такие как тайджиуты, которым когда-то была подчинена семья Тэмуджина, и которые держали его в рабстве долгие годы. Борьба между двумя монгольскими политическими группами переросла обычный круговорот набегов и разграблений, она стала войной не на жизнь, а на смерть между Джамухой и Тэмуджином. Ставкой в этой войне стала верховная власть над степью. Как покровитель Тэмуджина, Он-хан собрал своих воинов, и сам отправился руководить кампанией против Джамухи.

Такого рода кампании должны были не столько уничтожать войска врага, сколько внушать им ужас перед численным перевесом противника и обратить их в бегство. Для достижения этой цели воины степи использовали различные тактические приемы. Например, они могли выставить перед своими войсками Духовные Знамена предводителей вражеского войска или их предков. Воины одного рода впадали в смятение, когда видели, что их противникам покровительствует их общий предок. Сражаться с ними было равносильно нападению на собственного прадеда.

В предшествующую битву пропаганду включались также и шаманы со своими барабанами и ритуальными принадлежностями. Перед битвой шаманы соперничающих армий предрекали будущее, читая его по трещинам на обожженных овечьих костях. Присутствие шамана показывало, что он предсказал

своей стороне победу, и сила такого предсказания зависела от его прошедших успехов в том, чтобы правильно угадать победителя. Тэмуджин уже привлек на свою сторону несколько шаманов, которые разгадывали для него сны. Среди них был один по имени Тэб Тэнгери, которому было суждено сыграть впоследствии важную роль в истории. Шаманы взбирались на возвышенные места и там били в барабаны и стучали по магическим камням, с помощью которых призывали на помощь духов и управляли погодой. Целью таких представлений было заставить воинов врага переменить сторону сильнейшего или бежать.

Когда Джамуха выставил свою армию против кeraitов, то очевидное численное преимущество было за Он-ханом и Тэмуджином. Позицию Тэмуджина усилили также опытные и уважаемые шаманы на его стороне, особенно после того, как перед битвой разыгралась неожиданная и яростная буря с громом и молнией, происхождение которой все воины единодушно приписали силе шаманов. Многие сторонники Джамухи в ужасе бежали, вынуждая его отступить. Воины Он-хана погнались за Джамухой и основной частью его армии, а Тэмуджину он приказал преследовать тайджиутов, которые пытались бежать обратно к реке Онон, в земли, которые Тэмуджин знал еще со времен своего детства.

Когда Тэмуджин настиг тайджиутов, оказалось, что победа не достанется ему так легко. В степи сражались прежде всего пуская друг в друга стрелы с коней или из-за какого-нибудь укрытия. Во время бит-

вы воины степи старались не запачкаться в крови, так что они крайне редко сходились в рукопашной схватке. Дыхание и запах врага несли в себе частичку его души, так что воины старались избежать даже запаха своих противников. Нападающие галопом неслись на врагов, осыпая их градом стрел, а затем поворачивали обратно, ни на мгновение не прекращая стрелять. Иногда защитники выезжали с длинными жердями наперевес и пытались выбить ими врагов из седла, чтобы затем застрелить их, когда они попытаются встать на ноги.

Войска Тэмуджина и тайджиутов сражались весь день, но ни одна из сторон так и не получила решительного преимущества. Тем не менее, воины Тэмуджина вселили в своих врагов великий страх. Согласно «Сокровенному сказанию» под вечер вражеская стрела попала Тэмуджину в шею. Когда стемнело, противники сложили оружие и разбили лагерь неподалеку друг от друга на том же поле, на котором сражались весь день. Это может показаться странным, но, оставаясь близко от врага на ночь, они могли легче следить за ним и, соответственно, предотвращать неожиданные нападения.

Хотя рана Тэмуджина была не такой уж и глубокой, он потерял сознание после заката. Такие раны несли высокий риск заражения, а возможно, что стрела была отравлена. Его верный спутник Джелме, его правая рука, оставался с ним весь вечер и отсасывал кровь из раны. Он боялся осквернить землю, выплевывая кровь, и потому глотал ее. Кроме чисто религи-

озных соображений Джелме руководствовался еще и желанием скрыть от других воинов, сколь серьезна была рана их предводителя. Лишь когда Джелме уже не мог больше глотать кровь, и она начала капать у него изо рта, он стал сплевывать ее на землю.

После полуночи Тэмуджин на некоторое время пришел в себя и попросил дать ему выпить арака (перебродившего кобыльего молока). Поскольку они разбили лагерь на поле боя, у Джелме не было никакого питья, кроме воды, но он знал, что в самом центре лагеря тайджиутов были выставлены в защитный круг несколько повозок с провиантом. Он разделся донага, пробрался через поле боя и нагим стал ходить среди вражеских солдат в поисках арака. У монголов нагота считалась крайне неприличной и унижительной, так что если бы кто-то из тайджиутов увидел его идущим по их лагерю ночью голым, он бы, скорее всего, решил, что это кто-то из своих выбрался на минуту, чтобы облегчиться. Из вежливости они бы, наверное, стали смотреть в другую сторону, чтобы не осрамить своего собственного соратника. Даже если бы они присмотрелись внимательнее и узнали его, Джелме собирался сказать, что его раздели и унизили его собратья монголы, и поэтому он пришел искать спасения в лагерь тайджиутов. Они бы, вероятно, поверили, поскольку не могли себе представить, чтобы воин пошел на такой позор добровольно.

Хотя тайджиуты не подняли тревогу, найти арак Джелме не удалось, зато он украл ведро кислого творога. Он вернулся в свой лагерь, смешал творог с во-

дой и кормил им Тэмуджина до самого утра. Когда пришло утро, Тэмуджин пришел в себя и увидел кровь на земле вокруг и своего полуодетого друга, он смутился и спросил, что все это значит. Услышав о том, что произошло ночью, Тэмуджин так растерялся и разозлился, увидев столько крови на земле так близко от него, что возмущенно спросил: «Ты что, не мог ее выплевывать куда-нибудь подальше?» Несмотря на некоторый недостаток благодарности, Тэмуджин никогда не забывал, что Джелме спас его, и впоследствии доверял ему руководство некоторыми из самых важных монгольских военных походов.

Это происшествие как нельзя лучше иллюстрирует удивительную способность Тэмуджина вселять в сердца подчиненных верность и преданность. Хотя в его времена степные племена переходили на другую сторону при малейшей провокации, а воины могли легко предать своего предводителя, ни один из военачальников Тэмуджина не покинул его на протяжении шести десятков лет непрерывной войны. В свою очередь, Тэмуджин никогда не карал и не казнил их. Среди величайших королей и завоевателей истории это и вправду уникальное обстоятельство.

Тайджиуты ничего не знали о ранении Тэмуджина, и за ночь многие из них тихо ускользнули с поля боя. К утру большинство воинов бежали, и Тэмуджин отправил своих солдат преследовать их. Он поступил с ними так же, как и с покоренными джуркинами: казнил большинство клановой аристократии, а остальных принял в свое племя. Почти тридцать лет

спустя после того, как он сам попал в плен к тайджиутам и носил «канг», он отблагодарил семью, которая спасла его, освободив их всех из рабства.

Покуда Тэмуджин сражался с тайджиутами, Джамуха сумел сбежать от воинов Он-хана. Хотя он и потерял тайджиутов, многие другие кланы все еще хранили ему верность, а сбежав в дальние области степи, он получил возможность обрести еще и новых союзников. Время последней битвы между ним и Тэмуджином еще не настало.

В 1202, году Собаки по восточному календарю, год спустя после покорения тайджиутов, Он-хан отправил Тэмуджина в еще один набег против восточных татар, а сам стареющий хан остался ближе к дому, направляя еще одну кампанию против меркитов.

В этой войне против татар Тэмуджин провел еще одну серию радикальных изменений в законах, которые царили в степи на протяжении столетий. Эти изменения, с одной стороны, оттолкнули от него нескольких традиционно настроенных сторонников из аристократических кланов, но с другой, укрепили стократно любовь и верность, которыми он пользовался у бедных и неблагородных родов, чью жизнь он улучшил. Совершая набег за набегом, Тэмуджин осознал, что повальное стремление к разграблению чужих гэров становится препятствием на пути к полной победе над врагом. Вместо того, чтобы преследовать убегающих воинов противника, нападающие обычно отвлекались на грабеж. Такая система ведения войны позволяла многим воинам спастись и со

временем вернуться, чтобы отомстить. В связи с этим, Тэмуджин решил приказать своим войскам отложить разграбление поселений до того момента, когда будет достигнута полная победа над татарами. Тогда можно было бы провести разграбление более организованно: вся добыча была бы собрана в его руках с тем, чтобы затем он справедливо распределил ее между всеми своими соратниками. Он делил захваченное добро согласно тем же законам, которыми по обычаю регулировался раздел добычи между охотниками после групповой охоты.

Другое его нововведение заключалось в том, что он приказал передавать долю погибших во время похода воинов их вдовам и сиротам. Сделал ли он это под влиянием воспоминаний о лишениях, которые перенесла его семья после того, как погиб его отец, или руководствуясь другими соображениями, но это его решение принесло удивительные плоды. Такая политика не только подарила ему поддержку со стороны беднейших людей в племени, но и усилила верность его солдат, которые были уверены, что даже если их убьют в бою, заботу об их семьях возьмет на себя хан.

После того, как татары были обращены в бегство, некоторые из приверженцев Тэмуджина пренебрегли его приказом и начали сами грабить шатры побежденных. Он тут же продемонстрировал серьезность своего решения, подвергнув их суровому наказанию. Он конфисковал все их имущество и лишил их доли в добыче от этого набега. Взяв на себя распределение всего награбленного богатства, Тэмуджин

снова урезал освященные обычаями привилегии благородных родов, которые обычно сами делили между собой добычу. Это вызвало у многих из них сильную ярость, и некоторые даже перешли на сторону Джамухи, еще более углубив вражду между «белой костью» и простыми кочевниками. Тэмуджин вновь показал, что вместо того, чтобы рассчитывать на кровные узы и силу обычая, члены его племени могут обращаться за помощью непосредственно к нему. Таким образом он заметно централизовал управление кланом и одновременно усилил преданность своих подданных.

Несмотря на небольшое недовольство в рядах монголов, новая система Тэмуджина сразу же доказала свою потрясающую эффективность. Отложив грабеж до окончания боевых действий, армия Тэмуджина собрала так много товаров и скота, как никогда прежде. Впрочем, новый способ ведения войны создал и некоторые трудности: монголы не только победили татар, но и захватили в плен почти всю их армию и всех мирных жителей.

Согласно традиционной практике степи, все люди, не связанные с племенем кровными узами, по умолчанию считались врагами. Врагами они и оставались бы, если только как-то не были бы приняты в клан, путем брака или усыновления. Тэмуджин хотел прекратить практику бесконечных взаимных набегов и стычек и собирался поступить с татарами так же, как и с джуркинами и тайджиутами, то есть казнить аристократов и принять остальных вместе с имуществом и скотом в свое племя. И хотя это прекрасно ра-

ботало с кланами, состоящими из сотен людей, татары были многотысячным народом. Чтобы провести такие массовые социальные изменения, Тэмуджину была нужна полная поддержка всех его сторонников. Он созвал курултай из своих победоносных воинов, и они согласились принять его план: казнить всех татар-мужчин ростом выше оси, держащей колеса повозки (это была не только мера, определяющая взрослых мужчин, но и символическое обозначение, образованное таким же образом, каким у морских народов возникали сравнения с кораблями для обозначения своего положения). И вновь вместе с массовыми казнями Тэмуджин потребовал принять всех остальных татар полноправными членами племени, а не рабами. Чтобы подчеркнуть это свое решение, он не только усыновил еще одного ребенка, но и положил начало смешанным бракам с татарами. До этого времени у него была только одна официальная жена — Бортэ, которая родила ему четырех сыновей и несколько дочерей, но теперь он взял еще двух жен из благородного татарского рода — Есуген и ее старшую сестру Есуй. Татары обладали куда большей репутацией, чем монголы, а после этой войны в племя Тэмуджина влилось столько татар, которые потом заняли важные посты в Монгольской империи, что это имя стало почти синонимом монголам, и многим было более известно. Поэтому на протяжении столетий татар и монголов часто путали.

Но смешанных браков и усыновлений было недостаточно для того, чтобы объединить два племени

в единый народ. Если родовые группы оставались крепко связанными друг с другом, то большие социальные формирования со временем проявляли тенденции к разделению. Поэтому в 1203, год спустя после завоевания татар, Тэмуджин провел еще одну даже более радикальную реформу монгольской армии и всего племени.

Он объединил своих воинов в особые отделения «арбаны», состоящие из десяти человек, которые должны были стать друг другу братьями. Вне зависимости от их происхождения и социального статуса, они обязаны были жить и сражаться вместе как родные братья. В знак крайней силы такой преданности ни один из них не должен был оставлять «братьев» пленниками на поле боя. Как и в любой семье, где есть много братьев, старший «брат» брал на себя руководство арбаном, но его люди могли перевыбрать его, назначив другого предводителя.

Десять таких отделений составляли взвод («ягун») из ста человек, один из которых избирался предводителем. И точно таким же образом, как отдаленные семьи вместе составляли клан, десять таких взводов составляли эскадрон («минган»). Десять минганов составляли «тумен» — армию в десять тысяч человек. Командующего каждым туменом Тэмуджин назначал лично, поскольку знал качества, которые нужны были для управления такой массой людей. Он позволял отцам, сыновьям, родным и двоюродным братьям оставаться вместе, но, помещая их в новые «семьи», состав которых никто не мог изменить, и выход из них под

страхом смерти, он сломил тысячелетнюю традицию родовых, клановых и племенных связей. К моменту проведения этой реформы в распоряжении Тэмуджина, насколько нам известно, находились девяносто пять минганов, но поскольку далеко не все отделения были полностью укомплектованы, общее число его войск вряд ли превышало восемьдесят тысяч человек.

Все огромное племя монголов было сплочено посредством армии. Согласно новой системе все члены племени, невзирая на возраст, пол и происхождение должны были выполнять некие общеплеменные функции. Если они не могли служить в армии, их обязывали отдавать один день в неделю на работы по выполнению общеплеменных проектов и поручений хана. Они могли пасти стада воинов, собирать кизяк для костров, готовить пищу, изготавливать войлок, чинить оружие или даже просто петь и развлекать войска. В этой новой организации племени все люди принадлежали к одной кости. Настрадавшийся от высокомерия и небрежения аристократов Тэмуджин теперь навсегда стер границу между белой и черной костью. Все его сторонники стали единым народом.

Существует множество теорий по поводу того, каким именно образом Тэмуджин пришел к идее десятичной организации своего войска. Некоторые ранние тюркские племена уже использовали сходную военную структуру, и Тэмуджин мог легко заимствовать ее у них. Впрочем, он не только ввел ее как организацию войска, но использовал как структуру, формирующую все общество в целом.

Решение Тэмуджина очень походит на то, которое нашел афинский законодатель и реформатор Клисфен почти на две тысячи лет ранее, но у нас нет повода полагать, что Тэмуджин когда-нибудь вообще слышал об этой истории. Для того, чтобы прервать бесконечные междоусобицы и кровную вражду в Афинах, Клисфен разрушил структуру родов и объединил всех граждан в десять групп по десять человек, превратив, таким образом, город родов в город-государство, которое вскоре стало самой внушительной военной, торговой и интеллектуальной силой на всем восточном побережье Средиземного моря. Практически такая же реформа принесла даже более ошеломительные результаты, когда монголы провели ее в степях Внутренней Азии. После того, как Тэмуджин провел реорганизацию своего войска, он принял еще одно важное решение. Сохраняя главный лагерь в Аварге на реке Керулен, он решил создать закрытую территорию — священную родину всего племени монголов. Эта священная земля находилась возле истоков рек Керулен, Онон и Туул, вокруг горы Бурхан Халдун, где он когда-то нашел спасение от меркитов. Он приказал: «Пусть же никто не разобьет лагерь свой у истока Трех Рек». С этого момента священная родина монголов была закрыта для всех, кроме семьи хана, которая хоронила там своих членов еще на протяжении двухсот лет и возвращалась туда для проведения тайных семейных ритуалов и советов. Монголы всегда считали гору, от которой брали начало три реки своей родиной, но с этим приказом она стала

тайным мистическим центром всей будущей Монгольской империи. Земли вокруг Бурхан Халдун теперь были объявлены законом священными, а сама гора стала не просто центром земли, но центром всей Вселенной.

Не используя некоего единого этнонима, Тэмуджин постоянно обращается к своим подданным как к Народу Войлочных Стен, указывая на материал, из которого они делали свои гэры. Появление этого названия после покорения татар дает первый знак того, что целью Тэмуджина было объединение всех народов степи.

После победы над могущественными татарами и меньшими кланами Тэмуджин приобрел очень высокий престиж в степи и большую власть, что уже не могло не беспокоить его давнего сюзерена Он-хана. В то время, как Тэмуджин еще только устанавливал власть над своим чрезвычайно быстро разросшимся племенем, его уже ждало еще одно серьезное испытание, которое должно было подвергнуть последней решающей проверке всю построенную им систему. Следующий его шаг привел его названного отца Он-хана в союз с его вечным соперником Джамухой и заставил выдержать последний бой за свою растущую власть и популярность в народе.

3

ВОЙНА ХАНОВ

И стали все племена одного цвета
и послушны приказам его

Ата-Малик Джувайни

Чингисхан: История покорителя мира

Всем было понятно, что звезда Он-хана уже закатывается, но никто не мог предположить, кто сменит его. После почти двадцати лет борьбы Тэмуджин контролировал большую часть монголов, но он не покорил еще своего соперника Джамуху. Он-хан, хотя и оставался союзником Тэмуджина, продолжал вести двойную игру, стравливая двух меньших ханов друг с другом. В 1203, году Свиньи по восточному календарю, год спустя после победы над татарами, Тэмуджин решил окончательно решить этот вопрос и попросил Он-хана выдать за него свою дочь. Если бы Он-хан дал согласие на этот брак, это стало бы явным свидетельством превосходства Тэмуджина над Джамухой.

По требованию Сенгуна, своего родного сына, у

которого не было политической сметки и собственных сторонников, Он-хан высокомерно отверг предложение Тэмуджина. Даже если Тэмуджин считал своих приверженцев Народом Войлочных Стен и отказывался признавать различия между родами и кланами, в глазах благородной ханской семьи кeraitов он все равно оставался только талантливым и иногда полезным простолюдином. Примерно сто лет спустя Марко Поло записал, если не точные слова, то сам тон ответа Он-хана, как его запомнили монголы: «Разве Чингисхану не стыдно искать женитьбы с моей дочерью? Разве не знает он, что он мой вассал и мой раб? Иди к нему и скажи, что я охотнее отдам мою дочь пламени огня, чем ему в руки женой».

Стареющий хан, тем не менее, довольно быстро раскаялся в своем грубом отказе и был сильно обеспокоен тем, как на него отреагирует Тэмуджин. Безусловно, Тэмуджин считался уже лучшим военачальником во всей степи, и Он-хан понимал, что не может себе позволить рисковать и вступать с ним в открытую войну. Поэтому он придумал план, который бы позволил ему избавиться от потенциальной опасности, которую представлял Тэмуджин, при помощи хитрости и коварства, так же, как татары убрали с дороги отца Тэмуджина Есугея. Он-хан отправил к Тэмуджину послание, в котором говорил, что он передумал и согласен на брак, который свяжет их семьи. Он назначил день и пригласил Тэмуджина с семьей приехать на празднование помолвки. Видимо, Тэмуджин доверял хану, который был его приемным от-

цом уже более двух десятков лет, и выступил вместе с небольшим отрядом на назначенную встречу, оставив свою армию позади. Этот брак, если бы он был успешно заключен, мог бы стать высшей точкой его пути объединителя всех народов степи, ведь он сделал бы Тэмуджина первым наследником Он-хана.

Всего лишь в одном дне пути от стойбища Он-хана Тэмуджин узнал, что приглашение на свадьбу было только коварным планом, призванным заманить его в ловушку, чтобы убить его и истребить его семью. Именно в тот миг, когда Тэмуджин уже предвкушал свой высший триумф, он узнал, что не только желанному браку не бывать, но и сама жизнь его и его семьи снова находится в опасности. С ним был только небольшой отряд почетной стражи, и он был далеко от основных своих сил, так что об открытом бое не могло быть и речи. Поэтому он поступил так, как люди степи всегда поступали перед лицом необоримой опасности: он приказал своему небольшому отряду рассеяться по степи во всех направлениях, в то время как сам он и небольшая группа его спутников как могла быстро отправилась на восток, прежде чем армия Он-хана начала их преследование.

Теперь Тэмуджину предстояло пройти величайшее испытание всех его способностей. Он снова вынужден был бежать, бежать, как и двадцать лет назад, когда меркиты похитили Бортэ. Бесконечный цикл степных войн и набегов, казалось, никогда не кончится. Несмотря на все то, что он сделал в своей жизни,

ничего не изменилось, раз он опять вынужден спастись бегством от тех, кто выше его по рождению и обладают большей политической властью.

Когда их предводитель ударился в бега, его недавно собранный воедино Народ Войлочных Стен оказался под угрозой исчезновения. Сможет ли он удержаться? Смогут ли люди из таких разных племен и родов сохранить верность и свою веру в Тэмуджина теперь, когда он бежал от врагов? Или они разбегутся назад по своим клановым землям или тут же спешно станут искать союза и защиты у Он-хана или Джамухи? События, которые последовали за его бегством, сохранились в памяти монголов как история величайшего испытания Тэмуджина, но и его величайшего в жизни триумфа.

Измощенные после нескольких дней постоянной скачки, оставшиеся без провизии, они достигли берегов мутного озера Балджун. Тэмуджин огляделся, чтобы понять, сколько его людей остались в живых. Он насчитал только девятнадцать человек. Теперь перед ними маячила перспектива голодной смерти в этом забытом уголке степи. Когда они остановились, чтобы отдохнуть у берегов озера Балджуна и решить, что же делать дальше, с севера неожиданно появилась дикая лошадь. В погоню за ней тут же устремился брат Тэмуджина Хасар. Он убил лошадь, и его спутники быстро освежевали тушу. У них не было дров, чтобы зажарить мясо, и горшков, чтобы сварить его, так что они использовали древний как сама степь способ. Он разделали тушу и положили мясо в им-

провизированный мешок из шкуры лошади. Затем они налили туда немного воды. Собрав кизяк, они развели костер, но не могли варить мясо в шкуре, поэтому они раскаляли камни до красна и бросали их внутрь своего «котла». Камни разогревали воду, но она же не позволяла им прожечь конскую шкуру. Через несколько часов оголодавшие воины пировали вареной кониной.

Не считая Хасара, все оставшиеся с Тэмуджином люди были его друзьями, а не родственниками. Часть его семьи временно потерялась в степи, но остальные родичи оставили его, чтобы присоединиться к Он-хану или Джамухе. В частности, его дядя, брат Есугея, который когда-то помогал ему в похищении Оэлун, встал на сторону Он-хана и пошел против своего племянника.

Будущее не сулило изможденным воинам ничего хорошего, тем более охотно они восприняли появление дикой лошади как знак сверхъестественного покровительства, дар неба. Будучи самым важным и почитаемым животным в мире монголов, лошадь придала этому случаю важность и послужила знаком божественного вмешательства и поддержки. Она стала символом силы судьбы Тэмуджина, и ее жертва, как и раньше любая большая битва или курултай, не только наполнило желудки его людей, но придала силы его Духовному Знамени. Им нечего было пить, кроме мутной воды озера Балджуна, но Тэмуджин-хан поднял одну руку к небу, а в другой воздел пригоршню этой мутной воды и произнес тост. Он

поблагодарил своих людей за их мужество и преданность и пообещал, что никогда их не забудет. Остальные тоже пригубили воды и поклялись в вечной верности ему. В устной истории этот эпизод сохранился под названием Завета Балджуны и приобрел мифический ореол, как самая низшая точка военной удачи Тэмуджин-хана, но и как событие, которое положило начало самой сути и форме Монгольской империи.

Это событие стало символическим воплощением многообразия монгольского народа, основанного на взаимной преданности и доверии, которые превосходят родство, происхождение и вероисповедание. Девятнадцать спутников Тэмуджина происходили из девяти разных племен, вероятно, только сам Тэмуджин и его брат Хасар были и на самом деле из монгольских кланов. Среди остальных были меркиты, кидани и кераиты. Хотя сам Тэмуджин был убежденным шаманистом и поклонялся Вечно Синему Небу и Богу-Горе Бурхан Халдун, среди его девятнадцати спутников оказались трое мусульман и несколько христиан и буддистов. Они были объединены только личной преданностью Тэмуджину и своей клятвой, данной ему и каждому из них. Клятвы, данные на берегу озера Балджуна создали тот тип братства, который так близок к современному понятию гражданства, основанном на личном выборе и доверии. Эта клятва стала метафорой нового типа общества среди последователей Тэмуджина, типа, который ляжет в основу единства всей огромной монгольской империи.

Пока Тэмуджин скрывался на берегах озера

Балджуна, он разработал свой план отмщения. Он знал, что должен действовать быстро, пока Он-хан все еще тешит себя мыслью, что он избавился от Тэмуджина. Тэмуджин распространил среди своих приверженцев, рассеянных по степи, слово о своем плане, и история наверняка сохранила каждую деталь волшебного появления лошади, которая спасла их от смерти. В течение следующих нескольких дней новая армия Тэмуджина, состоящая из десятков и сотен, собралась со всей степи даже быстрее, чем он мог надеяться. Когда Тэмуджин отправился с берегов озера Балджуна обратно в земли Он-хана, его люди приходили к нему со всех сторон. К тому же некоторые его родичи со стороны матери и жены, которые раньше были верными сторонниками Он-хана, теперь покинули владыку кераитов и стали искать Тэмуджина, чтобы присоединиться к нему.

А ничего не подозревающий Он-хан собрал большой пир в своем огромном роскошном золотом гэре, чтобы отпраздновать свою победу над Тэмуджином. Он был слишком уверен в своей власти над своими приспешниками и ничего не знал о том, что происходит в степи. Он-хан праздновал победу, думая, что сторонники Тэмуджина разобщены, а сам молодой хан скрывается как бродяга где-то далеко на востоке.

Армия Тэмуджина направилась к лагерю Он-хана. Верные сторонники располагались впереди них и держали свежих коней, которыми заменяли уставших. Меняя таким образом коней, армия Тэмуджина

скакала без передышки сквозь ночь и день. Он назвал этот поход «Молниеносным нападением». Вместо того, чтобы приблизиться к стойбищу кераитов напрямую из степи, Тэмуджин повел своих людей более дальним и трудным путем, про который он точно знал, что тот не охраняется.

Внезапно на пирующих кераитов как с неба свалился Тэмуджин, который должен был быть в нескольких днях езды оттуда, а его воины окружили лагерь. В течение следующих трех дней тяжелых боев кераиты отступали перед наступающей армией Тэмуджина. Многие прежние приверженцы Он-хана оставили его и переметнулись под знамя Тэмуджина, и он, как было у него заведено, принял их, покуда они не совершали предательства или иного вреда по отношению к своему прежнему господину, иного кроме того, что они оставили его и перешли на сторону Тэмуджина.

Армия Он-хана была не столько уничтожена, сколько просто проглочена войсками Тэмуджина. Двор кераитов разлетелся по степи, и каждый был сам за себя. Сын Он-хана бежал на юг и после того, как его покинули его собственные слуги, умер от жажды в пустыне, а Джамуха и его сильно уменьшившаяся армия бежали на запад в земли найманов, последнего великого племени степи, которое еще не покорилось Тэмуджину. Он-хан тоже попытался в одиночку добраться туда.

Монголы не только не смогли захватить предводителя своих врагов, но даже его сын ушел от них. Те-

перь им пришлось держать ответ за эту неудачу и всячески приуменьшать ее значимость. Приверженцы Тэмуджина стали распространять различные слухи, чтобы принизить репутацию Он-хана и убедить народ с обеих сторон, что он уже мертв и не представляет никакой опасности. Один из таких слухов гласил, что Он-хан благополучно добрался до границы найманских земель, но там один воин отказался поверить, что этот одинокий старик — это прославленный воин, хан кераитов, и убил его на месте. Еще говорили, что царица найманов, чтобы искупить вину своего народа за убийство Он-хана, забрала его голову и поместила ее на священном белом платке в дальнем углу своего гэра, а там приносила ей жертвы и молилась ей. Ничто не могло показаться монголам более отвратительным, чем такой кровавый тотем в доме, и ничто не могло быть опаснее головы, в которой содержалась душа Он-хана. Тем не менее, рассказывали, что она приказала музыкантам играть перед головой на «морин хуур», скрипке из конского черепа, в то время как ее невестки пели и танцевали для мертвой головы, царица даже церемонно предлагала голове вино, как будто Он-хан был все еще жив и пришел в ее гэр почетным гостем. Когда правитель найманов Таян-хан вошел в гэр и увидел отрубленную голову, он закричал в ужасе и гнев, потому что голова улыбалась ему. Затем он ногой сбросил голову со священного платка и растоптал ее.

Такие рассказы вселяли в людей уверенность, что старый хан и вправду умер, и одновременно нагнета-

ли страсти вокруг «гнусного и мерзкого» царского рода племени найманов, на которых Тэмуджин собирался двинуться в скором времени. Пропаганда и тонкий контроль общественного мнения скоро стали излюбленным оружием Тэмуджина. Монголы распространяли среди своих сторонников слухи о том, что пожилой Таян-хан впал в старческий маразм, что его жена и дети презирают его и прилюдно глумятся над ним. Чтобы вселить в своих сторонников ненависть к врагам, предводители монголов рассказывали им, что царица найманов презирает монголов и зовет их «вонючими и грязными дикарями». Еще они говорили, что сын Таян-хана называет его «старушкой Таян», и что хан не отходит от своего гэра дальше, чем беременная женщина, чтобы помочиться.

Очерняя царский род найманов, монголы старались поднять свой боевой дух рассказами о том, как же сильно их боятся найманы. Поскольку к найманам присоединился Джамуха, слухи описывали, как он пугает их воинами Тэмуджина. «Сокровенное сказание» с гордостью приводит ужасное описание монголов: «Есть у них резцы для носов и острые шила для языков. Могут они питаться росой и скакать верхом на степном ветре». Сам Тэмуджин уподобляется голодному соколу, а «тело его — из меди и железа, и столь крепка эта броня, что ни одно шило не пробьет ее».

В противоположность этим слухам, первый воин-монгол, которого захватили на своих границах найманы, ехал на такой худой лошадке и в таком

примитивном седле, что они посылали эту лошадь и седло из лагеря в лагерь, чтобы все они посмеялись и увидели, во что превратились монголы. Тэмуджин ответил на это еще одной хитростью. Поскольку численное преимущество было на стороне найманов, он приказал каждому из своих воинов разжигать по пять костров по ночам на холмах, где встала лагерем его армия. Издали маленькое войско казалось огромным, поскольку костров у них «было больше, чем звезд небесных».

Последняя битва за власть над всей Монголией произошла в 1204, году Крысы по восточному календарю, на расстоянии почти трех сотен миль от горы Бурхан Халдун. В предшествующие решительному бою дни, Тэмуджин часто испытывал свою новую систему организации армии. Вместо того, чтобы ввязаться в открытый бой с превосходящими силами найманов, он изводил их внезапными и быстрыми атаками. Он построил своих воинов в боевой порядок, который назывался «перекати-поле», и нанес удар за час до рассвета. Вместо того, чтобы бросать в бой большие подразделения, Тэмуджин приказал небольшим арбанам рассредоточиться и, незаметно приблизившись к противнику в предрассветной тьме, нападать с разных сторон. Такая тактика не позволяла врагу ни оценить число нападавших, ни дать им организованный отпор с какой-то одной стороны лагеря. Нанеся молниеносный удар и сколь возможно более серьезный урон противнику, арбаны так же быстро отступали в разные стороны, не давая врагу времени опомниться или организовать погоню.

После нескольких таких атак Тэмуджин построил воинов в боевой порядок, который назывался «озеро». Войска растягивались длинной цепью, передний ряд выпускал во врага стрелы залпом и тут же уходил назад, давая место следующей волне. Подобно прибою они накатывались на позиции противника, нанося удар и тут же исчезая в темноте. Отступившие пристраивались в заднюю часть колонны и формировали новую «волну». Такая тактика вынудила найманов растянуться в длинную цепь, чтобы защищаться от широких «волн». Как только их войска растянулись достаточно широко, Тэмуджин перешел к третьей части своего плана. Он перегруппировал отряды в боевой порядок, который назывался «шило», где воины вытраивались узким, но чрезвычайно глубоким строем, что позволяло сосредоточить всю силу удара в одной точке и прорваться через растянутые ряды найманов.

Эта метода ведения боя, как минимум частично, является сплавом старинных военных приемов и хитростей с теми, которые использовали монгольские охотники в лесах. В тоже время, полная неспособность сильной армии врага как-то противостоять такой форме ведения войны указывает, что Тэмуджин внес в нее достаточно много нового, чтобы считать ее его изобретением. Тэмуджин создал совершенно новый тип армии степи, изобрел для него уникальные боевые стратегии и тактические приемы и, что важнее всего, установил в армии строгую дисциплину. Если раньше кочевники бросались в бой, как тол-

па дикарей, теперь они шли в четких боевых порядках. Тэмуджин ввел определенный набор приемов, которыми должен был в совершенстве владеть каждый член его армии. Среди монголов ходила поговорка: «Если он пошлет меня в огонь и в воду, я пойду. За него — пойду». Эта поговорка отражает не идеал, а реальность того времени и новой формы степной войны. В такой ситуации дни найманов были сочтены.

Монголы получили серьезное преимущество, но Тэмуджин не спешил и не бросился к победе сломя голову. В ночь, за которой, как все думали, должна была последовать решающая битва, он сказал своим воинам крепко и спокойно спать. С другой стороны, найманы, которые оказались отрезаны от своих линий снабжения, растеряны и подавлены, стали один за другим пытаться бежать в ночной темноте. Солдаты Тэмуджина не преследовали их. Ночь выдалась темной, единственным путем к отступлению для найманов был крутой склон близлежащей горы. В темноте люди и кони оступались и падали в глубокие расселины. По словам «Сокровенного сказания» их тела скопились у подножия горы, как «куча гнилых бревен».

На следующее утро монголы легко разбили немногих оставшихся найманов и «прикончили Таян-хана». Среди тех воинов, которым удалось успешно бежать, были сын Таян-хана Гучлуг, нашедший спасения в дальних горах Тянь-Шань у племени Черных киданей, и Джамуха, который скрылся в лесах. Боль-

ше не осталось в степи сил, которые могли бы поддержать Джамуху, и его борьба закончилась не яростным последним боем, а медленной деградацией и угасанием в изгнании. Даже несколько последних родов меркитов были быстро поглощены растущей монгольской нацией, и сорокалетний Джамуха вынужден был вести жизнь отверженного изгоя, предводителя банды таких же пропащих людей, которые жили в лесу и кормились охотой на диких зверей. Судьба распорядилась так, что некогда знатный и уважаемый Джамуха оказался в конце жизни в том же жалком положении, как и Тэмуджин в юности после смерти своего отца. В 1205, году Быка по восточному календарю, год спустя после победы над найманами, приверженцы Джамухи отчаялись и решили сдаться на милость Чингисхана. Они связали его и доставили Тэмуджину. Несмотря на многолетнюю вражду, Тэмуджин снова показал, что ценит верность превыше всего. Он не только не наградил предателей, как они на то рассчитывали, но приказал казнить их всех перед лицом их предводителя, которого они предали.

Последняя встреча двух воинов, которые сражались друг с другом более двадцати лет, становится эмоциональной кульминацией «Сокровенного сказания». Тэмуджин не захотел мстить Джамухе теперь, когда тот не представлял больше для него угрозы, он предложил ему снова объединиться: «Станем же снова друзьями. Теперь, когда пути наши снова пересеклись, нам следует вспомнить то, о чем мы позабыли. Разбудить друг друга ото сна. Даже когда ты ушел и

был далеко от меня, ты был моим благословенным и добрым кровным братом. Несомненно, во дни убийств и смертей, живот и сердце твое болело за меня. Несомненно, во дни гибели и разрушений грудь твоя и сердце болели за меня».

Джамуха, казалось, был тронут словами своего бывшего младшего брата, который теперь был правителем всех земель, которыми когда-либо владел Джамуха, и еще многими. На мгновение он тоже впал в сентиментальные воспоминания о годах их детства. Он ответил: «Мы ели пищу, которую нельзя есть, и говорили друг другу слова, которые нельзя позабыть. Мы делили одно одеяло». Затем Джамуха возложил ответственность за их вражду на некое третье лицо: «Тот, кто разлил нас, обманул нас. Нас подгонял тот, кто пришел со стороны».

«Сокровенное сказание» приводит долгую исповедь и покаянную речь Джамухи, но сам высокий слог этого фрагмента и обилие деталей в описании сцены вызывают сомнение в его подлинности. «Теперь, когда мир уже готов принять тебя, — говорит Джамуха в этом тексте, — что толку тебе от моей дружбы? О нет, брат мой, в темноте ночи я буду тревожить твои сны, а на свету дня я буду беспокоить твое сердце. Я буду вошью на твоём загривке, я стану трещиной в твоей двери».

Точно как теперешний адвокат, который просит у присяжных снисхождения к обвиняемому, ссылаясь на психологические проблемы и эмоциональную нестабильность, Джамуха вспоминает свою юность,

пытаясь понять, почему его так влекло к Тэмуджину, и почему он затем его предал. Он кратко объясняет, что сам он потерял родителей, что у него не было братьев и сестер или доверенных друзей, а жена ему досталась сварливая и злая. Но вместо того, чтобы просить в конце речи о милосердии, Джамуха просит подарить ему смерть. Его последнее желание в том, чтобы его казнили как благородного воина, не проливая его кровь на землю, и не оскверняя ею солнце и ветер.

Хотя он и не был Тэмуджину верным другом при жизни, Джамуха обещает не подводить его в смерти. Он клянется, что если Тэмуджин похоронит его на высоком месте, он будет хранить Тэмуджина и всех его потомков: «Убей меня и положи мои мертвые кости на высоком месте. Тогда на веки вечные стану я защитником твоего семени и семени их, их спасением и благословением». Согласно легенде Тэмуджин похоронил Джамуху в золотом поясе, который он подарил ему, когда они клялись быть друг другу братьями.

Джамуха был первым соперником Тэмуджина, и теперь он закончил жизнь, как последний представитель «белой кости», который противостоял ему. После многолетней борьбы за власть над монгольскими кланами степи Тэмуджин покорил все племена степи и навсегда устранил угрозу со стороны благородных родов, уничтожив их мужчин и выдав их женщин замуж за своих сыновей и соратников. Он не мог терпеть над собой ничьей власти. Он убил Бегтэра, что-

бы управлять своей семьей. Он уничтожил меркитов, потому что они похитили его жену. Он перебил татар, которые отравили его отца и смотрели на монголов как на степных крыс. Он поверг во прах власть родов «белой кости» в среде своих родных монголов и подчинил древние и благородные семьи тайджиутов и джуркинов. Когда его приемный отец и покровитель отказал ему в браке, который бы связал их семьи, Тэмуджин уничтожил его и его племя. Когда царица найманов посмеялась над монголами и сочла их низшим народом, он напал на ее земли, убил ее мужа и отдал ее саму женой одному из своих военачальников. И, в конце концов, он убил Джамуху, одного из тех редких людей, которых он любил больше жизни, и вместе с ним уничтожил благородный род джадаран.

Тэмуджин теперь стал единовластным правителем огромной страны, протянувшейся от пустыни Гоби на юге до Арктической тундры на севере, и от маньчжурских лесов на востоке до Алтайских гор на западе. Его империя была огромным пастбищем, и в ней было куда больше скота, чем людей. Тем не менее, победа на поле боя еще не давала легитимной власти. Для того, чтобы узаконить свое управление Тэмуджин созвал курултай со всех концов страны. Если клан или род решал не присылать никого на курултай, он тем самым отказывался признавать власть собравшего его хана. Хан не мог тогда официально считаться их правителем, но, что важнее, они не могли больше рассчитывать на его защиту.

Тэмуджин выждал еще год, чтобы восстановить мирное существование народа и погасить распри и взаимные обиды. В 1206, году Тигра по восточному календарю, Тэмуджин вернулся к верховьям реки Онон возле священной горы Бурхан Халдун и созвал курултай – самый большой и самый важный за всю историю степи. Десятки тысяч голов скота выпасали на прилежащих лугах, чтобы доставить на курултай мяса и молока в достатке. Ряды гэрвов протянулись на многие мили во всех направлениях от центрального лагеря Тэмуджина. А в самом центре его стояло сульде, Духовное Знамя, которое вело Тэмуджина к этому дню. Дни торжественных церемоний сменялись пирами, состязаниями и музыкой. Придворные шаманы, включая Тэб Тэнгери, били в барабаны и пели днем, а музыканты выступали под вечер. Ночной воздух наполнился звуками традиционного монгольского пения, при котором они поют и вместе с тем издают низкий горловой звук, что позволяет вести сразу две темы одновременно. Как и на всяком большом собрании юноши состязались в борьбе, джигитовке и стрельбе из лука, традиционных монгольских игрищах, известных под названием «наадам».

Тэмуджин контролировал огромную территорию, размером с современную Западную Европу, но с населением всего лишь около миллиона человек и, вероятно, 15-20 миллионов голов скота. Он был не просто ханом татар, кераитов или найманов. Он стал властителем всего Народа Войлочных Стен, и для этой новой империи он принял имя, произведенное

от названия своего собственного племени. Он назвал ее Экэ Монгол Улус, Великий Народ Монголов. После объединения всех племен он отменил их традиционные титулы и звания. Все звания отныне принадлежали государству, а не отдельной семье или клану, и даровались самим правителем. Тэмуджин отказался от клановых титулов, таких как Гур-хан или Таян-хан, и принял имя, которым его последователи наверняка уже называли его — Чингис-хан. Монгольское слово «чин» означает «сильный, крепкий, непоколебимый и бесстрашный», а также оно схоже со словом «волк» (чино), именем легендарного предка монголов. Это был простой, но подходящий титул для нового хана.

Как и многие успешные властители, Чингисхан понимал политический потенциал торжественных церемоний и массовых празднеств. Но в отличие от них, его утверждение при власти проходило не во дворце или храме, а в открытой всем ветрам степи, на глазах сотен тысяч человек.

Монгольские общенародные церемонии производили сильное впечатление на чужеземцев, которые затем детально описали их. Наиболее полное из таких описаний принадлежит перу французского биографа XVII века Франсуа Пети де ла Круа, который был знаком с ныне утраченными персидскими и турецкими документами той эпохи. По его словам приверженцы Чингисхана «посадили его на черный войлочный ковер, который они расстелили на земле; а затем человек, которому было доверено быть Гласом Народа,

громко возгласил перед ним восторг народа». Глас Народа объявил Чингисхану, что «всякая власть, которой он будет наделен, происходит от Неба, и Бог благословит все его замыслы и деяния, покуда он будет править своими подданными хорошо и справедливо; но, если он злоупотребит данной ему властью, он будет обречен на нищету и презрение».

Этот ритуал произвел неизгладимое впечатление на его сторонников, которые подняли его вместе с ковром над собой и в буквальном смысле слова вознесли его на трон. Затем они «девять раз пали на колени перед новым Императором в знак обещанной покорности ему». Также как присутствие каждого рода давало Чингисхану его поддержку, присутствие каждого шамана доказывало, что духи и сны посоветовали ему служить новому хану. У монголов не было национальной религии, и поэтому шаманы сделали коронацию Чингисхана чем-то большим, чем простая политическая формальность. Их присутствие стало знаком того, что судьба Тэмуджина определена самим Вечно Синим Небом.

Шаманы били в барабаны, обращались к духам природы и плескали арак в воздух и на землю. Собравшиеся тысячи людей молились, обратив ладони вверх, к Вечно Синему Небу. Он завершали свои молитвы и посылали их в небо древней монгольской мантрой «хури-хури-хури», которой принято было заканчивать молитвы, как в христианстве принято говорить «аминь». Этот духовный акт сделал каждого из них частью прошедшего ритуала утверждения но-

вого хана и заключил магический завет не просто между ними и их правителем, но с самим миром духов.

Большинство правителей, будь то цари или президенты, выросли внутри неких социальных структур. Их свершения, как правило, включают реорганизацию и оживление тех институтов и государств, которые выпестовали их. Чингисхан же сознательно взялся за создание своего государства и всех его институтов с нуля. Часть из них он заимствовал из прежних обычаев своего племени, а часть придумал сам. Чтобы его империя не разрушилась, ему необходимо было создать крепкую организацию, и он начал с армии, которая и привела его к власти, — Чингисхан сделал войско мощным и четко подчинил его центральному командованию. При Чингисхане простые пастухи и кочевники становились военачальниками над тысячами и десятками тысяч воинов. Каждый здоровый мужчина в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет был одновременно и солдатом срочной службы. Он сделал то же, что и в то время, когда его впервые выбрали ханом племени, — назначил своих самых доверенных приверженцев начальниками минганов, а своих самых старых и проверенных друзей, таких как Боорчу, — предводителями туменов. Он награждал людей низкого происхождения и назначал их на высшие государственные должности за проявленную верность и храбрость в бою. Членам своей семьи он доверял меньшие подразделения в пять тысяч воинов. Такие отряды получила его мать, его младший брат и двое его младших сыновей —

Огедей и Толуй. Чагатаю достались восемь тысяч, а Джучи — девять, так что даже его старшие сыновья не получили полного тумена. Чингисхан назначил нескольких своих доверенных друзей наместниками некоторых своих родичей, а именно — своей матери, младшего брата и Чагатая. Он объяснил необходимость таких наместников тем, что «Чагатай упрям и мелок умом». Он повелел советникам «быть подле него днем и ночью».

Чтобы сохранить мир среди своих разнородных племен, он быстро провозгласил закон, который ликвидировал традиционные поводы для межплеменных войн и вражды. Великий Закон Чингисхана отличался от других, которые мы можем найти в истории. Он не оправдывал появление своего законодательства тем, что оно было получено как откровение от Бога или в наследство от некой оседлой цивилизации. Он заботливо отобрал древние обычаи степных кочевников, но решительно упразднил те из них, которые мешали бы функционированию нового общества. Он разрешал людям жить по местным законам постольку, поскольку они не нарушали Великий Закон, который становился верховным законодательством для всей империи.

Великий Закон, тем не менее, не представлял собой некой единой системы законов, но скорее изменчивый свод правил, который Чингисхан продолжал дорабатывать все оставшиеся двадцать лет своей жизни. Чингисханов закон не регулировал обыденную жизнь людей, он касался только самых важных и

опасных аспектов существования общества в целом. До тех пор, покуда мужчины похищали бы женщин, было бы невозможно остановить вражду и войны между семьями. Поэтому новый закон Чингисхана запрещал похищать себе жен, это стало, очевидно, реакцией на похищение его жены Бортэ. Последствия этого обычая все еще мучили Чингисхана внутри его собственной семьи, так как он не был уверен, кто был отцом первого сына Бортэ, и эта неуверенность принесла еще много горя впоследствии, когда Чингисхан состарился.

Кроме похищения женщин он запретил захват и порабощение любого из монголов. Он на своей шкуре испытал все ужасы рабства в клане тайджиутов, но, кроме того, понимал, что практика порабощения всегда служила бы источником ненависти и насилия среди племен степи.

Чингисхан хотел уничтожить все источники внутренних конфликтов среди своих подданных. Зная все трудности и горести, которые выпадают на долю незаконнорожденных детей, он объявил всех детей законными, вне зависимости от того, были ли они рождены женами или наложницами. Поскольку торговля женщинами часто вызывала споры и разногласия среди его воинов, он запретил ее. По тем же причинам он наложил запрет на нарушение супружеской верности, которую, впрочем, монголы понимали несколько иначе, чем другие народы. Туда не входили сексуальные связи между женщиной и близкими родственниками ее мужа, а также связи между мужчи-

ной и служанками жен других мужчин клана. Согласно слову Чингисхана дела гэра должны были решаться внутри гэра, а дела степи — в степи. Супружеской изменой считалась только связь между женатыми мужчинами и замужними женщинами из разных семей. До тех пор, пока такая неверность не приводила к межсемейным конфликтам и стычкам, она не считалась преступлением.

Похищение скота всегда считалось грехом, но все же оставалось весьма распространенной практикой среди степных кочевников и приводила к возникновению кровной вражды и взаимным набегам. Вероятно, под действием воспоминания о том, какие горести пришлось пережить его семье после похищения их девяти меринов, Чингисхан объявил, что кража скота будет отныне караться смертью. К тому же, он потребовал от всех, кто найдет чужое животное, вернуть его законному владельцу. Для этого он создал широкую систему поиска и возвращения потерянного скота, которая росла вместе с его империей. Любой человек, который нашел какие-либо товары, деньги или животных и не сдал их ближайшему надсмотрщику, считался вором, а наказанием за воровство была смерть.

Кроме споров из-за пропавшего скота, жители степи часто не могли поделить права на охоту на диких животных. Чингисхан ввел запрет на охоту с мая по октябрь, то есть в период спаривания диких животных. Кроме запрета на охоту летом, Чингисхан установил ограничения на зимнюю охоту — охотникам

разрешалось убивать животных ровно столько, сколько было необходимо для пропитания, но не больше. Закон регулировал также методы отлова дичи и способы ее разделки, чтобы ничего не пропадало зря.

Чингисхан понимал, что кроме секса, собственности и пищи, люди часто ссорятся из-за соперничающих религий. В той или иной форме практически все религии региона от буддизма до христианства и от манихейства до ислама были представлены среди его народа, и каждая из них претендовала не просто на истинность, но на исключительную правоту. Чингисхан ввел первый в истории мира закон о свободе совести. Хотя сам он продолжал поклоняться духам своей родины, он не стал делать их общегосударственным культом.

Чтобы предоставить всем религиям одинаковые права, Чингисхан избавил религиозных деятелей и их имущество от уплаты налогов и всех форм общественных отработок. Впоследствии он расширил эти привилегии на те профессии, которые сами по себе приносили пользу государству, включая мелких предпринимателей, врачей, законников, учителей и ученых.

Чингисхан создал несколько законов, которые должны были уберечь страну от борьбы за титул хана. Согласно этим постановлениям, хан всегда должен был выбираться курултаем, а любой член его семьи, который претендовал бы на этот титул без выборов, должен был быть казнен. Чтобы кандидаты на этот пост не убивали друг друга, он приказал, чтобы смертная казнь членам его рода могла выноситься

только по решению курултая, но не по решению кого-либо из родичей. Таким образом, он сам объявил вне закона те средства, которыми воспользовался в начале своего пути к власти.

Монгольский закон в версии Чингисхана признавал групповую ответственность и групповую вину. Отдельная личность не существовала в правовом поле вне своего рода и клана, таким образом, семья несла ответственность за действия каждого ее члена. Преступление, совершенное одним, могло принести наказание всем. Точно так же племя или подразделение солдат было ответственно за действия своих членов, таким образом, все общество, а не только армия или гражданские институты выполняли функцию поддержания закона и порядка в империи. Чтобы быть благочестивым монголом, человек должен был жить в благочестивом обществе.

Закону были подвластны все от самого бедного пастуха до самого хана. Таким образом, Чингисхан провозгласил принцип верховенства права. Подчинив даже верховного правителя закону, он достиг того, чего еще не достигала ни одна цивилизация до него. В отличие от большинства цивилизаций (в особенности, Западной Европы, где короли получали власть по воле Божией и полагали себя выше земных законов) Чингисхан четко постановил, что Великий Закон касается равно всех, включая правителей. Его наследники отменили это правило пятьдесят лет спустя после его смерти.

Чтобы эффективно управлять своей империей, а

точнее, чтобы записывать новые законы и проводить их в жизнь на всем огромном пространстве страны, Чингисхан приказал создать монгольскую письменность. Хотя письмо было представлено степным кочевникам несколько столетий назад мусульманскими купцами и христианскими странствующими монахами, мало кто из местных овладел этим искусством даже среди более развитых племен, таких как татары, кераиты или найманы. И насколько нам известно, до Чингисхана ни один монгол не знал грамоты. Во время покорения найманов Чингисхан узнал, что Таянхан держал при себе писца, который записывал его речения и прилагал потом к записи государственную печать. Писец происходил из уйгуров — народа, который зародился в монгольской степи, но затем переселился в оазисы земли, которая теперь включена в состав китайской провинции Синьцзян. Уйгурский язык был похож на монгольский, и их письменность оказалось довольно легко приспособить для записи монгольских слов. Эта система письма была создана на основе сирийского алфавита, который принесли в степь христианские миссионеры, и слова складывались скорее из букв, чем из иероглифов, но сам текст располагался на странице вертикальными столбцами, как в китайском.

Чтобы следить за соблюдением законности, Чингисхан создал должность верховного судьи для своего приемного брата Шиги-Хутуху, того самого татарского мальчика с золотым кольцом в носу, которого он отдал на воспитание своей матери. Чингисхан вме-

нил ему в обязанность «наказывать воров и опровергать ложь», а также вести записи о своих решениях, которые должны были заноситься на белую бумагу в специальные книги в переплете синего цвета, цвета Вечно Синего Неба. Такая четкая ассоциация между искусством письма и соблюдением закона в системе управления, которую создал Чингисхан, выражается в монгольском слове, которое обозначает книгу и происходит от греческого «nomos», что значит «закон». В мире монголов тринадцатого столетия записанное слово и закон значили одно и то же.

Пытаясь укрепить верность и сплоченность своего государства, Чингисхан восстановил древнюю традицию набора заложников. Он потребовал, чтобы каждый из командиров минганов и туменов прислал своих сыновей и их лучших друзей лично к нему. Из них он организовал личный минган. Вместо того чтобы угрожать смертью заложников в случае неверности чиновника, Чингисхан использовал куда более мудрую стратегию. Чингисхан воспитывал из своих заложников хороших администраторов и руководителей и держал их наготове, чтобы при необходимости заменить ими провинившегося подчиненного. Угроза такого смещения действовала намного более эффективно, чем угроза убить взятых в заложники родственников. Таким образом, Чингисхан изменил статус заложников, сделав их необходимой частью государственной системы, которая давала практически каждой семье непосредственный доступ к ханскому двору.

Чингисхан разделил этот элитный отряд на дневной дозор и ночной дозор. Как следует из названия, они отвечали за круглосуточную охрану хана и его лагеря, но они были не просто телохранителями. Именно они осуществляли контроль над юношами и девушками, которые работали в лагере, они организовывали пастухов и их стада, они следили за перемещением лагеря вместе со всем оружием и государственными регалиями — знаменами, пиками и барабанами. Они наблюдали за тем, как готовится пища и проводится забой скота, а также справедливо распределяли мясо и молочные продукты между людьми. Дозоры помогали организовывать собрания суда, приводить в исполнение приговоры и вообще поддерживать законность и порядок. Поскольку они контролировали входы и выходы из ханских шатров, они и составляли костяк имперской администрации.

Все члены личного отряда Чингисхана имели звание старших братьев по отношению к остальным девяти туменам, и, таким образом, они могли отдавать приказы любому из них. В отличие от других армий, где каждый солдат имел чин, в монгольском войске чин давался всему подразделению. Рядовой воин тумена Чингисхана был выше по чину предводителя других туменов. Точно также внутри туменов любой воин из отряда командира имел высший чин, чем предводитель остальных девяти минганов.

Чтобы организовать быструю передачу приказов и сообщений, Чингисхан создал особую систему гонцов, которых называли «посланниками стрел». Ар-

мия поставляла самих гонцов, а мирное население обеспечивало для них станции. Эта почтовая служба считалась такой же важной, как и армия, поэтому монголам было разрешено служить в ней на тех же основаниях, что и в войсках. В зависимости от ландшафта станции располагались примерно на расстоянии двадцати миль друг от друга, и для обеспечения каждой из них требовались усилия около 25 семей. Хотя такие почтовые станции были открыты для всеобщего использования, их общее число оставалось государственной тайной, и поэтому информация о нем до нас не дошла. Некоторое представление о ее протяженности мы можем получить по данным XVIII в., когда эта система еще работала: для того, чтобы пересечь всю Монголию от Алтая до Великой Китайской Стены требовалось двадцать шесть таких станций.

Чингисхан использовал также широкий спектр различных систем для передачи сообщений на близкие расстояния, таких как факелы, свистящие стрелы, дымовые сигналы, сигнальные костры и флаги. Они находили применение для практически мгновенной передачи команд в бою, на охоте или в походе. Скотоводы степи давно разработали сложный язык жестов, которые подавались руками, когда адресат сообщения уже давно выехал за пределы слышимости. Чингисхан использовал ее для координирования действий различных отрядов в бою.

Мир и процветание принесли Чингисхану свои проблемы. Шесть лет мира вызвали на свет много-

численные интриги и мелкие соперничества, которые угрожали свести на нет все усилия Чингисхана по объединению племен. Чем большую власть он обретал, тем больше конфликтов возникало среди его ближайших приверженцев, а особенно внутри его семьи, члены которой считали, что они имеют право на большую долю богатств и власти, чем союзники хана из других родов. В совете Чингисхана, в который входили его мудрейшие советники, почти не были представлены его родственники. Свою мать он отослал жить отдельно вместе с ее младшим сыном Тэмуге, который согласно обычаю получил звание Отчигин, что значит Князь Очага, и обязан был заботиться о своих родителях в старости.

Хотя армия была верна хану, порядок в его семье был наведен, а старых аристократов больше не осталось, новые трудности возникли из-за шамана Чингисхана Тэб Тэнгери. Он снова и снова провозглашал, что Вечно Синее Небо благоволит к Чингисхану и сделает его владыкой мира. Он истолковывал сны и всяческие знаки таким образом, чтобы подчеркнуть удачу хана и его важность. Чингисхан использовал не только сверхъестественную власть, которой обладал Тэб Тэнгери, но и его практические способности. Он назначил его надсмотрщиком во владениях Оэлун и Тэмуге Отчигина. Тэб Тэнгери использовал свое положение, чтобы обогатиться самому и составить состояние своим шести братьям, вместе с которыми он создал влиятельную коалицию. Благодаря его магической силе он сумел завоевать такую поддержку со сто-

роны монголов, с которой могла сравниться только их любовь и уважение к самому Чингисхану.

Как-то раз все семь братьев собрались вместе и избили брата Чингисхана Хасара. Потом Хасар пришел в гэр Чингисхана, пал на колени и попросил брата помочь ему. Чингисхан никогда не доверял своей семье и поэтому стал укорять брата и с издевкой спросил, как же так получилось, что Хасар, который долгие годы считался самым сильным человеком племени, не смог справиться с нападавшими. Согласно «Сокровенному сказанию» Хасар даже расплакался от стыда. Он выскочил вон из гэра и в гневе, страхе и от унижения не разговаривал с Чингисханом еще три дня.

Расхрабрившись после победы, одержанной над Хасаром, Тэб Тэнгери сообщил Чингисхану, что он видел сон, в котором Чингисхан правил всей империей, но в другом сне он видел на его месте Хасара. Он советовал Чингисхану немедленно принять меры против своего брата, чтобы устранить угрозу центральной власти. Тот немедленно приказал взять Хасара под арест и лишил его власти над воинами его отряда.

Мать Чингисхана, которая жила в одном дне езды от двора хана со своим младшим сыном, но она приехала, как только услышала о происшедшем. Она уже давно возмущалась тем, какую власть приобрел над ней Тэб Тэнгери, как надсмотрщик ее владений, а узнав о ссоре, которую он вызвал между ее сыновьями, он пришла в ярость. Несмотря на поздний час Оэлун впрягла своего белого верблюда в черную по-

возку и всю ночь ехала, чтобы на рассвете попасть в лагерь своего сына.

Согласно «Сокровенному сказанию» Чингисхан остолбенел от удивления, когда его мать влетела в его гэр, развязала Хасара, надела ему на голову шапку и помогла ему завязать пояс. Придя в еще больший гнев, она села на пол, распахнула полы своего одеяния и обнажила ссохшиеся морщинистые груди, которые, согласно «Сказанию», так износились от выкармливания пятерых детей, что несмотря на то, что она держала их руками, касались ее колен.

«Видишь? — кричала она Чингисхану. — Вот груди, которые ты сосал!» После этого она разразилась гневной тирадой в адрес своего сына. Практически в тех же выражениях, в которых она проклинала его за убийство его брата Бегтэра, она обвинила его в том, что он как животное грызет свою пуповину и пожирает своих младших братьев. Чтобы успокоить и умиротворить ее, Чингисхан вернул Хасару свободу и власть над частью его воинов.

Вскоре после этой ссоры с сыном Оэлун, которой было тогда около шестидесяти лет, умерла. Ее собственность должна была по обычаю перейти к ее младшему сыну, который хотел присоединить ее к своей, что дало бы ему власть над десятью тысячами воинов — больше, чем у любого другого члена семьи. Но Тэб Тэнгери и его шесть братьев, вероятно, с молчаливого согласия Чингисхана, отодвинули Тэмуге Отчигина и сами завладели имуществом Оэлун и ее отрядом. Когда Тэмуге попробовал получить обрат-

но своих воинов, Тэб Тэнгери и его братья прилюдно унизили его, заставив пасть на колени перед задницей шамана и молить о сохранении своей жизни.

Несмотря на неоднократные протесты со стороны своей семьи, Чингисхан продолжал покровительствовать Тэб Тэнгери. Единственным членом рода, к словам которого он еще склонен был прислушиваться, была его жена Бортэ. Она яснее мужа понимала опасность, которую представляют семь влиятельных братьев, которые держатся вместе и имеют сторонников среди монгольского народа. Узнав об унижении младшего брата Чингисхана, Бортэ гневно объяснила мужу, что из-за того, что он доверил Тэб Тэнгери такую власть, он поставил под угрозу даже безопасность своих родных сыновей. Так же, как некогда она настаивала, чтобы он порвал отношения с Джамухой, теперь она требовала, чтобы он перестал покровительствовать Тэб Тэнгери и его семье. Если Тэб Тэнгери может позволять себе такие выходки по отношению к брату Великого Хана, когда тот еще жив, спросила она своего мужа, что же он сделает с его вдовой и сыновьями, когда тот умрет?

В следующий раз, когда Тэб Тэнгери появился при дворе вместе со своими шестью братьями и отцом, Монгликом, Тэмуге Отчигин ждал его внутри гэра вместе с Чингисханом. Как только Тэб Тэнгери уселся, Тэмуге подошел к нему и крепко схватил за воротник его одеяния. Чингисхан, делая вид, будто двое мужчин решили посостязаться в борьбе, приказал им покинуть гэр и бороться снаружи. Но Тэмуге

не собирался бороться с Тэб Тэнгери, он хотел отомстить ему. Как только он вытащил шамана за двери, Тэб Тэнгери схватили ожидавшие там трое мужчин и сломали ему хребет. Чингисхан приказал воздвигнуть небольшой шатер над умирающим и всем покинуть это место.

Тэб Тэнгери был последним соперником, с которым Чингисхану пришлось столкнуться среди племен степи. Все, чем он не мог управлять, он уничтожил. Он нейтрализовал влияние своих родичей, истребил аристократические кланы и перебил соперников-ханов, смешал древние племена друг с другом и, наконец, позволил убить самого могучего шамана во всей степи.

Чингисхан назначил на место Тэб Тэнгери другого шамана, но это был более старый и опытный, менее амбициозный и куда более сговорчивый человек. Приверженцы Чингисхан тоже по-своему поняли произошедшее: их хан не только обладал несравненной военной силой, но и силой духовной, большей, чем у самого сильного шамана. В глазах многих своих последователей, Чингисхан показал себя могучим шаманом, — многие монголы верят в это и по сей день.

Теперь, когда все кочевые племена степи были объединены, а Чингисхан окончательно утвердился как их вождь и предводитель, было не совсем понятно, что должно произойти дальше. Он столько лет провел, сражаясь с Джамухой и Он-ханом, что без них вся его огромная империя оказалась лишенной

цели. Без врагов у его подданных не было стимула держаться вместе. Чингисхан искал новых врагов, но не мог найти ни одного племени, которое бы оказалось достойно его внимания.

Не зная, на кого двинуться теперь, Чингисхан отправил в 1207 году своего старшего сына, двадцатилетнего Джучи, во главе его тумена в Сибирь, чтобы покорить лесные племена и скотоводов, которые разводили северных оленей. Джучи вернулся с победой и привел с собой тысячи новых рекрутов для монгольской армии, а также вождей тамошних племен, с которыми Чингисхан договорился о нескольких политических браках, в частности, он выдал замуж за одного из них дочь самого Джучи. Кроме людей, Джучи привез богатую добычу, включая меха, охотничьих птиц и другие дары леса.

Экспансия на север не представляла особого интереса, кроме мехов и птичьих перьев. Внимание Чингисхана приковал к себе юг, где производили куда больше различных товаров — металл, ткани и украшения. Он получил первую партию таких товаров от уйгуров, которые жили в оазисах великой пустыни Таклимакан и соседних землях, которые входят теперь в автономный регион КНР Синьцзян.

Чингисхан принял их подданство и, как обычно, хотел включить их в свою семью. Он отдал свою дочь в жены уйгурскому хану, сделав его, таким образом, своим зятем.

Расширяя свое родство на сибирские племена и уйгуров, Чингисхан не просто заключал союзы между

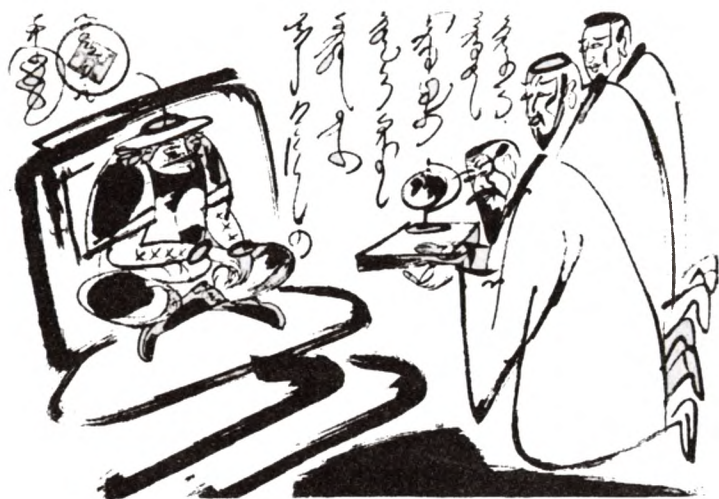
царскими семьями. Он принимал весь народ в состав своей империи, как родичей, поскольку в мышлении племен степи, породнившись с ханом, он принимал в семью и весь его народ. Так идея родства постепенно переросла в некое подобие гражданства. Поскольку Чингисхан продолжал эксплуатировать эту практику еще много лет, она приняла форму универсального гражданства, основанного не на религии, как это было среди христиан и мусульман, и не только на биологическом родстве, как это было в традиционных кланах степи. Оно было основано просто на верности, терпимости и преданности.

Со временем, все немонгольские царства Монгольской империи стали известны под названием Хари, произведенном от слова «черный» и обозначающим свойственников. Таким образом, некоторые народы, такие как уйгуры и корейцы, так же как и некоторые тюркские народности, были удостоены чести зваться свояками монголов, поскольку браки с семьями вне «черного родства» были запрещены.

Когда уйгурский хан прибыл ко двору Чингисхана для женитьбы примерно в 1209 году, он приехал вместе с караваном, груженным дорогими подарками, среди которых было золото, серебро и жемчуга разного цвета, размера и формы. Не владея искусством ткачества, монголы располагали только кожей, мехами и войлоком, который изготовлялся из спрессованной овечьей шерсти, так что самым драгоценным даром для них были удивительные ткани, такие как шелк, парча, дамаст и атлас. Эти дары уйгуров

подчеркнули контраст между богатством земледельческих цивилизаций и бедностью степных кочевников. Чингисхан командовал огромной армией, но правил он весьма бедным народом, в то время как на юге прерывисто, но регулярно бился пульс Великого Шелкового Пути. Хан был готов исправить эту вопиющую несправедливость и опробовать свою армию против других, но такой поход был связан с большим риском. Чингисхан жаждал попробовать свои силы, и скоро ему представилась такая возможность.

До сих пор никто из соседей не обращал внимания на этого нового правителя и его государство монголов. Вне великой степи мало кого интересовала смерть одного вождя варваров и коронация другого, а уничтожение одного дикого племени другим — и подавно. Драки мелких кланов, которые рвали друг другу глотки за коней, женщин и сверток-другой ткани не имели никакого значения для куда более судьбоносной борьбы между древними цивилизациями. Но такому положению вещей вскоре должен был прийти конец.

ЧАСТЬ II

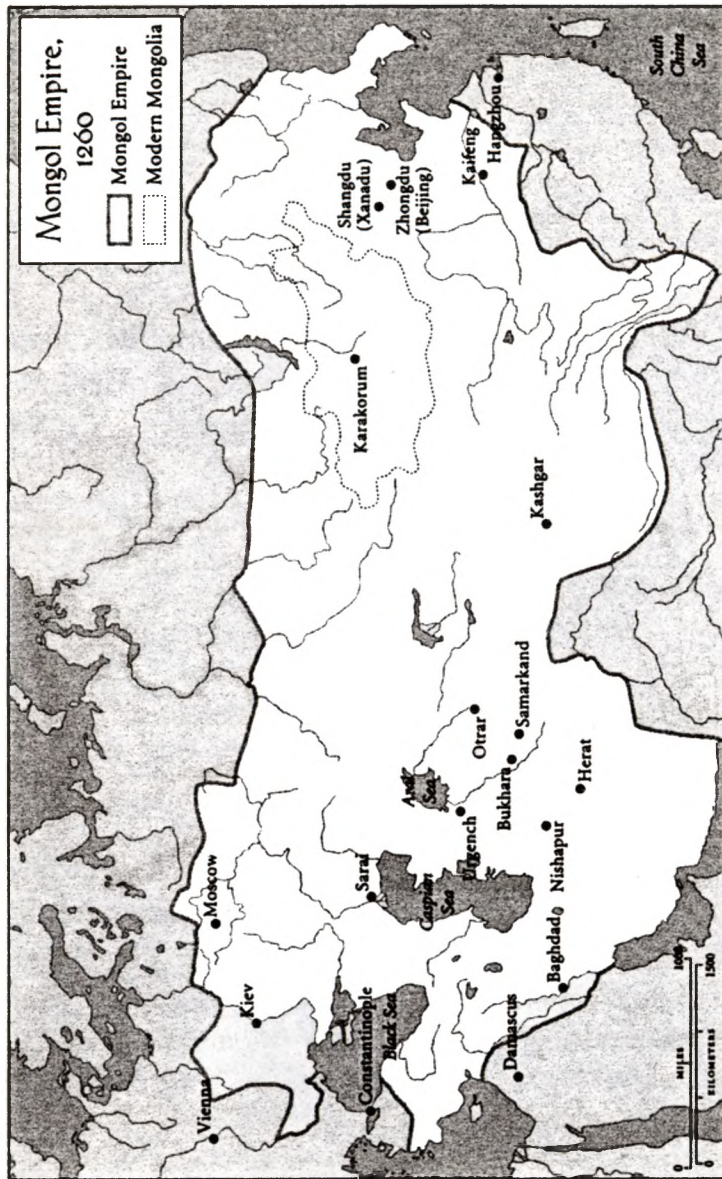
МОНГОЛЬСКАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 1211–1261

Руками Чингиза и его потомков был сотрясен
мир: пали троны султанов, халифы были
низвергнуты, а кесари дрожали
на своих престолах.

Эдуард Гиббон
Упадок и разрушение Римской Империи

Mongol Empire, 1260

- Mongol Empire
- Modern Mongolia

4

ДОСАДА ЗОЛОТОГО ХАНА

Копыта наших монгольских скакунов ступают
всюду. Они возносят нас на небеса
и погружают в море.

Елти Чукай, 1237 г.

В 1210, году Лошади по восточному календарю, сорок восьмом году жизни Чингисхана и четвертом году существования его новой империи, в монгольский лагерь прибыла делегация, которая сообщила о том, что новый Золотой Хан взошел на чжурчженьский престол и требует от Чингисхана и его монголов признания его сюзеренитета. Династия Чжурчжень, основанная в 1125 году, из своей столицы Чжунду (современный Пекин) правила Манчжурией и большей частью современной Внутренней Монголии и северного Китая. Поскольку сами они происходили из лесных родов Манчжурии, они претендо-

вали на высшую власть над всеми племенами степи. Он-хан в прошлом принял их власть, и теперь чжурчжени хотели утвердить свое владычество и над Чингисханом, который сменил Он-хана на посту самого влиятельного правителя степи.

Власть чжурчженей над степью основывалась не столько на военной мощи, сколько на полном контроле того потока товаров и материальных благ, которые добирались до варваров из мастерских и городов Китая. Положения хана в степи зависело от его умения побеждать в бою врагов и обеспечивать постоянный приток товаров в свое племя. Поскольку все товары производились на юге, Чингисхан мог либо принять вассалитет по отношению к одному из южных князей и получать товары, как воин на службе у царя, либо напасть на них и забрать все, что пожелает.

Чингисхан не доверял чжурчженям. Монголы были объединены куда более тесными этническими и языковыми связями с киданями, которых чжурчжени некогда покорили и подчинили себе. Чувствуя силу нового хана монголов, многие кидани бежали из чжурчженских земель, чтобы укрыться от их власти под рукой Чингисхана. В 1208 году четыре высокопоставленных чиновника убежали к монголам и уговаривали их напасть на чжурчженей, но Чингисхан опасался, что это ловушка или еще какой-то хитрый план и потому отказался от этой мысли.

Неожиданная смерть Золотого Хана в 1210 году и восшествие на престол его юного сына дало чжурчженям повод отправить к Чингисхану посла, кото-

рый с одной стороны оценил бы его силы, а с другой, потребовал бы от него серьезных знаков покорности. Следовало провести церемонию, похожую на ту, описание которой содержится в записи 1878 «Peking Gazette», посвященной возведению в должность монгольского чиновника послом маньчжуров, дальних потомков чжурчженей. Молодой монгол «чинно преклонил колени» и «с величайшей благодарностью» признал себя «монгольским рабом скромных дарований, совершенно неспособным даже в малой степени отплатить за те блага и расположение, которые его семья получала от Империи уже многие поколения», и объявил, что он «будет исполнять свой долг так хорошо, как только позволят его ничтожные силы». Затем он «обернулся лицом к Дворцу и отвесил поклон, коснувшись головой земли, в знак благодарности за дарованное ему Империей благоволение».

Чингисхан прекрасно умел подлизываться — он это делал на горе Бурхан Халдун, чтобы призвать благословение Вечно Синего неба. Но теперь, когда ему исполнилось уже почти пятьдесят лет, он не собирался кланяться ни одному человеку на земле, и никому на земле он не собирался становиться рабом. Говорят, что когда от него потребовали знаков покорности, Чингисхан повернулся на юг и плюнул на землю, а затем разразился бранью в адрес Золотого Хана. После он оседлал своего коня и умчался галопом на север, оставив недоумевающего посла задыхаться в пыли. Такое обращение с послами Золотого Хана было очевидным поводом для объявления войны между

монголами и чжурчженями. Чингисхану нужны были богатства южных земель, а требование Золотого Хана предоставило ему повод для нападения.

После встречи с чжурчженьским послом Чингисхан вернулся в свою столицу на реке Керулен и созвал курултай весной 1211, года Овцы по восточному календарю. Поскольку всем было известно, какой вопрос будет обсуждаться, то у народа была возможность наложить на это решение вето, просто не явившись на собрание. Если бы на курултай пришло слишком мало людей, у Чингисхана не было бы возможности продолжать кампанию. В народе широко обсуждался этот вопрос и, таким образом, все были так или иначе втянуты в процесс подготовки к войне, но, что более важно, все поняли, зачем эта война им нужна. Хотя от воинов на поле боя требовали беспрекословного подчинения начальству, даже обычных рядовых считали младшими партнерами, которым следовало понимать общую цель и иметь свой голос в решении таких вопросов. Командиры отрядов собирались на прилюдные обсуждения, а затем возвращались к своим солдатам и продолжали вести обсуждение уже с ними. Чтобы добиться от каждого воина полной преданности, нужно было донести до него общую цель и его место в общем плане действий.

На курултай были приглашены также представители союзных племен уйгуров и тангутов. Этим Чингисхан обеспечил безопасность границ своей империи на время нового завоевания. На внутреннем фронте ему тоже было необходимо вселить в людей

храбрость и понимание необходимости войны. Для достижения обеих целей Чингисхан обратился к их чести и необходимости отомстить за прежние обиды, но при этом он развернул перед ними красочную перспективу получения неограниченного доступа к несметным богатствам чжурчженьских городов. Согласно «Сокровенному сказанию», когда он убедился, что его воины и союзники согласны с ним, Чингисхан открыто покинул собравшихся, чтобы помолиться на ближайшей горе. Он снял шапку и развязал пояс, поклонился Вечно Синему Небу, и попросил совета у своих духов-хранителей. Он перечислил все горести, которые испытали многие поколения его народа по вину чжурчженей и красочно описал детали мук и убийств своих предков. Он отметил, что он сам не искал войны с Золотым Ханом, и не он начал эту вражду.

В его отсутствие монголы разделились на три группы, состоящие из мужчин, женщин и детей соответственно, чтобы поститься и молиться. В течение трех напряженных дней и ночей собравшиеся монголы ждали, голодные и с непокрытыми головами, решения Вечно Синего Неба и приказов Чингисхана. Днем и ночью они твердили древнюю монгольскую молитву «хури-хури-хури», обращенную к Небу.

На рассвете четвертого дня Чингисхан явился к ним с ответом: «Вечно Синее Небо обещало нам победу и отмщение».

Когда войска монголов выступили в направлении прекрасных городов Юга, их самоуверенные

враги чжурчжени уже ждали их и глумились над ними. «Наша империя как море, а ваша — как горсть песка» — говорил, по свидетельству китайского ученого, хан чжурчженей. «Нам ли бояться вас?»

Вскоре он получил ответ на свой вопрос.

В XIII веке области к югу от Монголии, которые теперь занимает Китай, представляли собой множество небольших независимых княжеств, в которых жило, наверное, около трети всего населения мира. Царство чжурчженей, население которого насчитывало 50 миллионов человек, было вторым по размеру из них. Самой богатой и густонаселенной территорией на юге владела древняя китайская династия Сун, со столицей в Ханчжоу. В их царстве проживало около 60 миллионов человек. Монгольское плато отделялось от сунского Китая цепочкой буферных княжеств. Каждое из них включало набор земледельческих и животноводческих областей, которыми правили бывшие кочевые племена, которые покорили местных земледельцев и осели возле них. Временами из степи приходило новое племя завоевателей, которое смещало ослабевших от многих поколений спокойной городской жизни прежних хозяев. В бесконечном цикле смены власти кочевые армии накатывались из степи на города Юга, покоряли тамошних землепашцев, создавали новую династию и через несколько десятилетий падали жертвами нападения уже следующей волны кочевников. Хотя названия племен завоевателей постоянно менялись, сама система управления существовала в таком виде уже тысячу лет.

К западу от земель чжурчженей располагались царства тангутов, уйгуров и, наконец, черных киданей, живших в предгорьях Тянь-Шаня. Уйгуры уже присягнули на верность Чингисхану, а тангутов он недавно покорил в своего рода тренировочной войне. Покорение тангутов прошло в форме серии набегов между 1207 и 1209 годами. Эта кампания стала генеральной репетицией будущей битвы с куда более сильной армией чжурчженей. Тангуты, тибетская народность, которая создала небольшую империю земледельцев и скотоводов у истоков Желтой реки на территории современной китайской провинции Ганьсу, сохраняли контроль над тонкой цепочкой оазисов во внутренней пустыне, по которым тек ручеек товаров с мусульманского запада на китайский восток. Торговые маршруты тонкими ленточками протянулись по пустыне и были единственным связующим звеном между великими цивилизациями востока и запада. Набеги на земли тангутов заставили Чингисхана овладеть новой формой ведения войны — войны против городов, окруженных стенами, рвами и крепостями. Тангуты не только владели секретами фортификации, их армия насчитывала примерно 150000 человек, то есть почти вдвое больше, чем привел с собой Чингисхан. В отличие от военачальников, которые выросли внутри городских стен и имели доступ к вековым традициям ведения осадной войны, Чингисхану пришлось изобретать свои собственные способы покорения городов. Он довольно быстро дошел до простых тактических приемов, таких как

необходимость отрезать осажденных от внешних источников продовольствия, но вскоре он придумал несколько совершенно оригинальных приемов. Например, во время осады хорошо укрепленной тангутской столицы он провел рукав от Желтой реки к городу, чтобы затопить его. Монголы мало что понимали в инженерном деле и потому вместо столицы тангутов смыли с лица земли собственный лагерь. Как бы там ни было, монголы пережили последствия своей роковой ошибки. Чингисхан учел ее и взял город штурмом. В будущем монголы еще неоднократно использовали этот прием, но с каждым разом они становились все более опытными инженерами и добивались лучших результатов.

Приняв в 1211 году решение пересечь Гоби и завоевать царство чжурчженей, Чингисхан не просто начал очередную пограничную войну: он разжег пожар, которому было суждено вскоре охватить весь мир. Никто, даже сам Чингисхан не мог предвидеть, какая новая эпоха наступает. Сам он не показывал никаких амбиций в отношении мирового господства, поскольку всегда вел одновременно только одну войну, и теперь просто пришло время воевать с чжурчженями. Эта кампания положила начало войне, в ходе которой прекрасно обученная и великолепно организованная монгольская армия прокатилась волной, смывающей все на своем пути, от Инда до Дуная, и от Тихого океана до Средиземного моря. За одно мгновение истории, всего за тридцать лет, воины монголов одержали победу над каждым войском,

захватили каждую крепость и завоевали каждый город, какой только попался им на пути. Христиане, мусульмане, буддисты и индуисты вскоре вынуждены были пасть на колени перед запыленными сапогами неграмотных монгольских всадников.

Чтобы пересечь пустыню Гоби, монголам следовало хорошо подготовиться. Прежде чем армия выступала в путь, вперед высылались специальные разъезды, которые должны были разведывать источники воды, наличие пастбищ и погодные условия. Китайский хронист отмечает, что такие разъезды обшаривали каждый холм и каждую долину, прежде чем прибывала основная армия. Они хотели знать всех людей в округе, быть в курсе всех ресурсов и всегда готовили себе свободный путь на случай отступления.

Монголы были идеально приспособлены для дальних путешествий — каждый воин вез с собой именно то, что было ему необходимо, и ничего больше. Кроме дэла, традиционного монгольского халата, они носили штаны, меховые шапки с ушами и сапоги с толстой подошвой. Кроме одежды, которая могла защитить воина в любую погоду, каждый из них вез с собой кремень, чтобы разводить костры, кожаные фляги для воды и молока, напильник для заточки оружия, аркан, чтобы ловить пленников или животных, иголку для починки одежды, нож, топорик и кожаный мешок, в который все это паковалось. К тому же каждый арбан вез с собой небольшой шатер.

Организация и манера передвижения монгольской армии отличалась от всех других армий мира

по двум принципиальным пунктам. Во-первых, монгольское войско состояло исключительно из кавалерии. Подавляющее большинство всех других армий традиционных цивилизаций больше чем наполовину состояло из пехотинцев. Приблизительно 65 тысяч монголов, которые были брошены на завоевание чжурчженей, столкнулись с примерно тем же числом всадников и еще 85 тысячами пеших солдат, которые давали чжурчженям численное превосходство два к одному, но лишали их армию преимущества монгольской мобильности.

Во-вторых, монгольские войска путешествовали без фуражиров и медленных обозов, если не считать большого запаса коней, который они всегда брали с собой. Во время переходов они доили животных и забивали их, чтобы затем использовать в пищу, а также кормились охотой и разграблением окружающих деревень. Марко Поло утверждает, что монгольские воины могли десять дней путешествовать, не останавливаясь, чтобы разжечь огонь и подогреть себе пищу, что они пьют лошадиную кровь, и что каждый солдат везет с собой десять фунтов засушенной молочной пасты, чтобы разводить по фунту в день во флаге воды и питаться полученной смесью. Воины также везли с собой полоски сушеного мяса и творога, которые они могли жевать во время езды, а когда у них было свежее мясо, но не было времени его приготовить, они клали его под седло, где мясо скоро размяччалось и становилось съедобным.

Китайцы были удивлены и напуганы способно-

стью монголов существовать на крайне малом рационе весьма долгий срок. Один хронист утверждает, что монгольская армия могла расположиться лагерь, не выдавая себя ни единым клубом дыма, так как им не нужны были костры, чтобы готовить пищу. По сравнению с солдатами чжурчженей монголы отличались лучшим здоровьем и были физически сильнее. Монголы постоянно питались мясом, молоком, творогом и другими молочными продуктами, а сражались они с людьми, которые ели зерновую кашу. Злаковая диета воинов-землепашцев замедляла рост костей и разлагала зубы, оставляя их уязвимыми для различных заболеваний. В то же время даже самый бедный монгольский солдат ел пищу богатую белком, которая укрепляла зубы и кости. В отличие от чжурчженей, которые зависели от углеводной диеты, монголы спокойно могли обходиться без еды по несколько дней.

Традиционные армии передвигались, вытянувшись в одну длинную колонну, за которой шли обозы. Монголы же растягивались на большие расстояния, чтобы обеспечить коням лучшие пастбища и дать солдатам максимальный шанс загнать какое-либо дикое животное. Чингисхан ехал в центре, а по бокам его защищали армиилевой и Правой руки. Меньшие отряды становились авангардом и арьергардом всей армии. Арьергард также охранял запасных коней всего войска. Десятеричная организация армии Чингисхана сделала ее очень гибкой и мобильной. Каждый тумен был устроен так же, как и отряд

самого хана. Командир десяти тысяч ехал в центре, защищенный с востока и с запада другими минганами, из которых по необходимости создавались также арьергард и авангард. Вместо того чтобы создать иерархию военных подразделений, Чингисхан организовал своих людей концентрическими кругами.

Хотя монголы часто меняли расположение своих лагерей, центральных лагерь подразделения всегда разбивался одним и тем же образом, так что новоприбывшие солдаты всегда знали, что где находится и куда им идти. Каждый минган вез с собой особый врачебный отряд, укомплектованный, как правило, китайскими лекарями. Все шатры располагались в особом установленном порядке, согласно своему названию и цели, и даже внутри палаток, все вещи располагались по одному шаблону. В конце дня, после перехода, сражения или охоты подразделение становилось на отдых, расставляя шатры офицеров в центре лагеря, окружая их палатками охраны и других солдат. Ночью лошадей всегда держали наготове, а по краю лагеря выставлялись дозорные.

В отличие от четкой структуры и организации центрального лагеря, большинство простых воинов разделялись на свои маленькие отряды и свободно располагались по округе. В сумерках они разжигали небольшие костры, стараясь сделать это тогда, когда было еще достаточно светло, чтобы огонь был виден на расстоянии, но уже достаточно темно, чтобы дыма не было видно издалека. На огне они торопливо готовили себе пищу. После еды они не засиживались и

уж точно не спали возле костров. Они разделялись на еще меньшие группы по три-пять человек, которые спали в скрытых углублениях в земле. На рассвете следующего дня они восстанавливали свои порядки и продолжали движение в обычном режиме.

Поскольку войска были сильно растянуты, перед монголами остро стояла проблема координации действий отрядов и передачи им приказов. Обычные армии передвигались и останавливались на отдых большими колоннами, а их командиры могли легко общаться друг с другом при помощи записок и письменных приказов. В войске монголов даже старший командный состав был преимущественно неграмотным, а сама армия была куда больше растянута в пространстве. В таких условиях все коммуникации должны были быть сугубо устными. Приказы передавались по цепочке от одного к другому. Но тут возникала проблема точности передачи приказов. Чтобы исключить ошибки, командиры формулировали свои приказы в стихах, используя стандартную систему, известную каждому солдату. Монгольские воины использовали набор установленных мелодий и поэтических форм, в которые было легко втиснуть необходимые слова. Таким образом, солдат заучивал приказ, как еще один куплет давно известной ему песни.

Так же, как и у современных степных кочевников, у монголов был обычай петь во время езды. Кроме песен на известные всем воинам темы — дом, женщины и битвы — монголы распевали свои законы и устав, которые были превращены в стихи, чтобы каж-

дый мог выучить их. Заучивая законы и, постоянно практикуясь в избранной форме песен, каждый из воинов был готов с первого раза запомнить новое сообщение и отнести его, куда прикажут.

Чингисхан не только не был смущен необходимостью сражаться с превосходящими силами противника на их территории, но даже пользовался преимуществом опыта, накопленного за сорок лет непрерывной войны. К тому же, он знал своих воинов как самого себя. Со многими из них он сражался бок о бок уже четверть века, а некоторые из его военачальников, такие как Боорчу и Джелме были с ним уже сорок лет. Он знал, что может положиться на них там, где не мог все контролировать сам. При этом он хорошо знал сильные и слабые стороны каждого из них. Он знал, то его военачальник Джебе будет сражаться яростно и быстро, не упустит ни единого шанса на победу и вселит боевой дух в своих воинов, в то же самое время Мухали будет продвигаться медленно и планомерно, зато ему можно поручить более сложные и опасные задания.

Как бы прекрасно ни были обучены монголы, как бы ни была высока в их рядах дисциплина, и какой крепкой ни была бы их решимость, им было не под силу покорять укрепленные города при помощи обычных военных приемов. Столкнувшись с чжурчженями, Чингисхан использовал свою старую тактику, которая была направлена на то, чтобы выиграть сражение раньше, чем первая стрела будет пущена в воздух. Он старался победить врага, повергая его в за-

мешательство, а затем в ужас. Поскольку изначально у монголов не было ни знаний, ни машин, необходимых для разрушения массивных городских стен, они подвергали разорению все окружающие город земли и затем отходили, но только чтобы вновь появиться из ниоткуда, когда горожане почувствовали бы себя в безопасности.

Чингисхан старался ослабить противника, используя внутренние противоречия в обществе. В кампании против чжурчженей его первым шагом стала последовательная работа над тем, чтобы разделить киданей и их повелителей чжурчженей. С приходом его армии вера китайских крестьян в то, что чжурчжени могут их защитить, пошатнулась. Монголы провели великолепную пропагандистскую кампанию, объявив себя освободительной армией, целью которой было восстановление владычества старого киданского царского рода, который был отстранен от власти столетие назад. Прежде чем начались настоящие сражения многие кидани бежали, чтобы присоединиться к монголам, которых они воспринимали, как дальних родичей, которые говорили на одном с ними языке. Одним из первых действий в этой войне стал поход, который возглавили Джебе и брат Чингисхана Хасар. Они провели монгольские войска прямо на историческую родину киданей в долине реки Ляо. Монголы сразу же получили поддержку со стороны киданей и скоро нашли потомка старой киданской династии Елти. В следующем 1212 году Чингисхан официально восстановил на троне киданского монарха, — конеч-

но же, в качестве вассала Монгольской империи. Разумеется, монголы еще не покорили все земли чжурчженей, но создав такое вассальное государство, они смогли внести раздор в стан чжурчженей и привлечь больше сторонников на свою сторону.

Во время этого завоевания Чингисхан обнаружил, что представители старой киданской аристократии жаждут помочь ему в понимании культуры земли, которую он покорил. Одним из самых полезных его советчиков оказался Елти Чукай, молодой человек двадцати лет от роду, происходящий из царского рода киданей. Он привлек внимание монголов тем, что был искушен в тайнах астрологии и владел мистическим искусством скапулимантии, чтения будущего по трещинам на разогретых костях жертвенных овец и коз. Поскольку он был киданем по происхождению и говорил на их языке, у него не возникало трудностей в общении с монголами, но он еще и прекрасно говорил по-китайски и обладал обширными познаниями в китайской культуре. Благодаря своему знанию китайского и монгольского наречий, а также искусства письма и знания законов и обычаев оседлого населения, киданские ученые мужи оказались настолько полезными в администрации Монгольской империи, что Чингисхан уделял много внимания привлечению или захвату ученых всех сортов, чтобы обратить их знания на благо империи. Впоследствии, куда бы он ни пришел, к нему приводили всех местных ученых, чтобы он говорил с ними и узнавал, ка-

кими искусствами они владеют, и где в империи им можно найти лучшее применение.

Монгольский метод ведения войны стал выжимкой из традиционной степной системы ведения боевых действий, которая развивалась в Монголии более тысячи лет. Их успех объяснялся не превосходством в оружии. Оружейные технологии нельзя долго хранить в секрете, они могут быть переняты противником уже после нескольких первых битв. Успех монголов вырос из их потрясающей дисциплины, сплоченности и беспримерной верности своему хану.

Всегда и всюду воинов учили умирать за своих властителей, но Чингисхан никогда не просил своих солдат умирать за него. Ведя войну, он всегда старался сохранить как можно больше монгольских жизней. В отличие от других военачальников и императоров в истории, которые с легкостью отправляли на смерть сотни и тысячи людей, Чингисхан никогда не пожертвовал добровольно ни одним из своих воинов. Самые важные правила, которые он создал для своей армии, касались потери солдат. На поле боя и в мирном гэре воину воспрещалось говорить о смерти, ранах или поражении. Одна только мысль об этом могла привлечь такой неблагоприятный исход. Даже упоминание имен павших товарищей или других умерших воинов считалось серьезным табу. Каждый монгольский солдат должен был вести жизнь воина, который верит, что он бессмертен, что ничто и никто не в состоянии повредить ему. В последние мгновения жизни, когда монгол оказывался в безвы-

ходном положении, ему полагалось взглянуть вверх и своими последними словами призвать себе на помощь Вечно Синее Небо. Во время войны в степи кочевники оставляли трупы врагов лежать там, где они упали, на милость диких животных и естественного разложения.

В дальних землях земледельцев монголы опасались, что телам их павших воинов не дадут просто разложиться, что местные жители осквернят их. Во время кампании против чжурчженей монголы впервые начали посылать тела своих павших товарищей для погребения в степи. Военнопленные транспортировали их, видимо, зашивая в кожаные мешки и укладывая на повозки, запряженные быками. В тех нескольких редких случаях, когда это оказалось невозможным, монголы отнесли тела на ближайший травянистый луг и тайно похоронили там воинов со всеми их пожитками. Затем они проводили по лугу своих коней, чтобы скрыть место захоронения, из которого местные жители могли бы попытаться извлечь имущество воина.

Монголы не видели чести в самом процессе сражения, честью для них была победа. В любой войне у них была только одна главная цель — полная и безоговорочная победа. С такой точки зрения, не имели никакого значения, какая тактика применялась против врага, и как именно велись битвы, и велись ли они вообще. Победа, достигнутая благодаря искусному обману или военной хитрости, была, тем не менее, победой и никак не пятнала чести и храбрости

воинов, поскольку в будущем у каждого из них будет еще множество возможностей показать свою удачу. Для монгольского воина не существовало такого понятия как личная честь, если битва была проиграна. Легенда приписывает Чингисхану такое высказывание: «Вещь можно назвать хорошей только после того, как она закончена».

Нигде монгольская гениальность не проявилась так полно, как в изумении превратить главное преимущество чжурчженей — их огромное население, в их самый страшный недостаток. Перед тем, как напасть на сам город, монголы обычно опустошали окружающие его деревни. Они насильно включали местных крестьян в свою десятиричную военную машину. Каждый монгольский воин должен был собрать десять местных жителей под своим контролем; если кто-то из них умирал, он должен был пополнить ряды работников так, чтобы в его распоряжении всегда были десять пар рук. Эти пленники выполняли для монголов бытовые работы, добывали им пищу и воду, а также собирали для них необходимые строительные материалы, такие как камни и песок, чтобы наполнять ими защитные рвы. Эти же люди управляли осадными орудиями, которые разрушали стены городов деревянными или каменными снарядами, а также подталкивали к стенам огромные штурмовые башни.

Для монголов сам образ жизни крестьян был совершенно непонятен. На землях чжурчженей было так много людей и так мало скота; совершенно непо-

хоже на родную Монголию, где на каждого человека приходилось 5-10 животных. Для монголов поля и сады земледельцев были просто-напросто пастбищами, а самих крестьян они воспринимали скорее как травоядных животных, чем как людей, которым положено есть мясо. Монголы использовали по отношению к этим травоедам те же слова, что и по отношению к коровам и козам. Толпы крестьян были просто другими стадами, и когда воины отправлялись на охоту за ними, они использовали те же выражения и приемы, что и для обычных стад яков.

Обычные армии этой эпохи рассматривали деревни как объект разграбления, а самих крестьян как мелкую неприятность, от которой можно легко избавиться. Монголы, которые всегда проигрывали в численности народам, которые завоевывали, использовали эти огромные толпы народа для своих целей. Монгольские воины слегка изменили древнюю степную тактику, согласно которой воины гнали скот врага на его позиции, вызывая тем самым смятение и замешательство. В кампании против чжурчженей монголы использовали в этом качестве огромные стада захваченных крестьян. Монгольская армия разделялась на меньшие отряды, которые нападали на беззащитные деревни, поджигали их и гнали перед собой толпу бегущих жителей. Беженцы заполняли дороги и затрудняли продвижение обозов армии чжурчженей. За время монгольского завоевания более миллиона беженцев в отчаянии скитались по стране и переполняли города. Они как саранча быстро вы-

едали все продовольственные запасы и сеяли вокруг себя хаос и неуверенность.

Большинство армий того времени оставляли после себя толпы беженцев, которые остались без крова. Монгольская армия гнала их перед собой. Монголы использовали крестьян в качестве живых щитов или даже просто живых таранов, которые они бросали на ворота городов. Монголов мало интересовали потери врагов, покуда это помогало беречь жизни самих монголов. Когда те погибали в бою, их телами загромождали рвы и другие защитные структуры врагов. Запертые внутри своих городов, чжурчжени и их подданные голодали; и в одном городе за другим стали прибегать к каннибализму. Недовольство в народе росло, в городах стали поднимать мятежи, вспыхнули крестьянские восстания против власти чжурчженей, которые оказались неспособны защитить своих подданных от монголов, накормить их и справиться с небывалым наплывом беженцев. В ходе подавления одного из самых массовых восстаний армия чжурчженей перебила почти тридцать тысяч собственных крестьян.

В отличие от многочисленных армий пехотинцев, которые медленно передвигались и сражались вдоль четко очерченных фронтов, монголы предпочитали воевать по всей территории страны одновременно. Возникающая в результате сумятица позволяла монголам прибегать к разнообразным хитростям и обманам. Однажды монголы захватили конвой с мелким чиновником, который направлялся в осаж-

денный город Дадин. Один из монголов переоделся в его одежду, взял его бумаги и отправился во вражеский город. Как только он прибыл, монголы сняли осаду с города и отступили. Оказавшись внутри города, лазутчик смог обмануть местных чиновников и убедить их в том, что они победили монголов. Затем он лично пронаблюдал за длительным и трудоемким процессом разбора городских защитных сооружений и роспуском ополчения. Несколько недель спустя он передал монголам сообщение, они вернулись как молния и легко взяли беззащитный город.

Монголы прибегали не только к такого рода военным хитростям, но и безжалостно использовали самую черную пропаганду, чтобы вызвать страх и беспокойство в стане врага. Одна из легенд, которые распускали монголы, рассказывала, что они как-то пообещали снять осаду с города, если его жители выдадут им в качестве выкупа всех птиц и кошек, каких только смогут найти в своем городе. Голодные защитники с радостью выдали монголам всех животных, которых им удалось поймать. Тогда монголы привязали к их хвостам горящие факелы и выпустили на волю. Обезумевшие звери ринулись обратно в город и подожгли его. В этой истории, разумеется, присутствует большая доза военной пропаганды.

После всех проведенных разведывательных и пропагандистских операций монголы, наконец, нанесли удар, они старались сеять смятение и хаос вокруг себя. Чаще всего они использовали боевой порядок, сходный с «перекати-полем», который называли

«стаей ворон» или «звездопадом». По сигналу барабана или костра ночью всадники галопом подлетали к позициям врага со всех сторон, выпускали тучу стрел и исчезали столь же внезапно как и появились. По свидетельству китайского очевидца «они будто с неба свалились, а исчезли как вспышка молнии». Враги были потрясены и растеряны этой внезапной атакой и последующим мгновенным исчезновением врагов, когда грохот и шум нападения вдруг сменялся мертвой тишиной. Прежде чем противник мог толком ответить на удар, монголы отступали, нанеся врагу потери и ослабив его боевой дух.

Еще во время войны с тангутами Чингисхан узнал, что китайские инженеры умеют строить осадные орудия, которые способны разрушать стены городов. Китайцы к тому времени уже изобрели несколько таких машин: катапульта могла перебрасывать огромные камни и воспламеняющиеся вещества за стены; требушет (катапульта, которая работала благодаря тяжелому противовесу) мог запускать снаряды даже с большей скоростью, чем катапульта; баллиста созданная как огромный лук, могла стрелять тяжелыми бревнами, способными разрушать здания и уничтожать все живое на своем пути. Хотя все эти изобретения уже довольно давно присутствовали в истории войн, для монголов они были в диковинку, но вскоре они стали неотъемлемой частью арсенала Чингисхана, который высоко оценил их эффективность. Чингисхан не просто использовал эти осадные орудия, он получил возможность создавать их. Монголы

щедро вознаграждали всех инженеров, которые готовы были перейти на их сторону, а после каждой битвы, их отделяли от остальных пленных и принуждали служить монголам. Чингисхан сделал инженерные подразделения неотъемлемой частью своей армии, и с каждой битвой и каждым завоеванием его арсенал боевых машин усложнялся и расширялся.

Осадные орудия вызывали у монголов такой восторг в первую очередь потому, что они позволяли им оставаться на расстоянии от города и избегать рукопашной битвы, которой они так чуждались. В какой-то момент монголы познакомились с огненными копьями (бамбуковыми трубками, наполненными порохом, которые медленно горели и пускали искры и дым). Эта модифицированная версия обычной шутихи использовалась чжурчженями для того, чтобы пугать монгольских коней и сбивать с толку всадников. Впоследствии монголы научились находить применение пороху и в других военных целях.

Когда Чингисхан не мог разрушить защитные сооружения города, он пытался выманить защитников из цитадели на открытое пространство. Один из таких приемов продемонстрировал Джебе во время осады города Ляоян. Используя боевой порядок, который монголы называли «собачьей дракой», он притворился, что его солдаты в ужасе отступают, и приказал им оставить вокруг города их пожитки и животных. Власти города послали солдат, чтобы собрать оставленную монголами добычу, и очень скоро повозки и животные намертво запрудили городские во-

рота. Когда солдаты оказались в открытом поле, а ворота открылись, монголы мгновенно вернулись и ворвались в город.

Кочевники-монголы с самого начала учились сражаться на скаку. Для воина-земледедца отступление означало поражение, а погоня за противником — победу. Задача пехотинца всегда заключалась в том, чтобы разрушить строй противника и обратить его в бегство. Кочевники стремились убить врага, и тут уж было совершенно неважно, будет это сделано, когда всадник мчится на врага или когда он от него убегает. Наступать или отступать — для монголов все это было одинаково приемлемым способом нанести противнику поражение. Как только монголам удавалось выманить противника из-за стен крепости, они использовали те же приемы, что и для перегона больших стад. Чаще всего они либо позволяли преследователям растянуться в длинную линию, которая вскоре становилась совершенно беззащитной, либо разделялись на небольшие отряды с тем, чтобы преследователи тоже разделились на меньшие группы, с которыми потом легче было бы справиться.

Даже если монголы и вправду отступали, они использовали множество военных хитростей, которые помогали им спастись. Если на них неожиданно нападали во время патрулирования, они бросали на землю ценные вещи и украшения, которые носили с собой для таких случаев. Враги всегда ломали свои ряды и часто дрались за обладание брошенными вещами. Еще монголы бросали позади себя песок или

привязывали к хвостам своих лошадей ветви деревьев, чтобы скрыть свои передвижения или создать у врага представление о том, что число монголов в этом районе намного больше реального.

К концу первого года войны против чжурчженей стало понятно, что самым опасным врагом для монголов стали не солдаты и крепости, а неблагоприятный климат. Низины, расположенные близко к большим рекам и океану, овевались теплыми влажными ветрами, и летом жара и влажность становились практически непереносимыми для монголов на их косматых лошадях. Когда они попадали в земледельческие области и города, они тут же начинали страдать от множества заболеваний. Война летом практически прекратилась, когда большая часть монголов и их лошадей отступила на сравнительно близкое расстояние в степи Внутренней Монголии.

В 1214 году Чингисхан осадил самого Золотого Хана в его столице Чжунду (современном Пекине). Чжурчженский двор только-только оправился от очередного дворцового переворота, и новый Золотой Хан уже так настрадался от внутренних распрей, что не желая выносить еще и затяжную осаду и войну, предпочел откупиться от монголов. Он дал им большое количество шелка, серебра и золота, а также три тысячи коней и пять сотен молодых юношей и девушек. К тому же Золотой Хан признал себя вассалом Чингисхана и отдал ему в жены одну из принцесс королевской крови.

В ответ Чингисхан снял осаду с Чжунду и отпра-

вился в долгий путь во Внешнюю Монголию на северном краю пустыни Гоби. Кидани получили обратно большую часть своих земель и управлялись теперь собственными царями; чжурчженям тоже было позволено сохранить для себя небольшое царство. Чингисхан не собирался править этими народами или утанавливать для контроля за ними монгольское правительство, поскольку он и так мог получить то, чего хотел. Так же как уйгуров и тангутов, он оставил чжурчженей и киданей жить по своему усмотрению до тех пор, пока они сохраняли верность монголам и платили им дань.

Поскольку кидани и чжурчжени признали его своим верховным правителем, ему больше не было смысла оставаться в их землях. Лето еще только начиналось, но жара и сухость уже не позволили Чингисхану и его войску пересечь Гоби и попасть домой. Вместо этого они разбили лагерь на южной стороне Гоби, в месте известном как Долон Нор (Семь Озер). Пока они ждали наступления прохладной осени, солдаты могли наслаждаться отдыхом, играми, пирами, а также талантом музыкантов и певцов, которых они захватили в походе и теперь везли к себе.

Но как только монголы отступили из своих только что завоеванных земель, чжурчжени тут же изменили своему слову. Золотой Хан, которому Чингисхан сохранил трон, не доверял своим собственным подданным, подозревая, что они втайне поддерживают монгольских завоевателей. Он эвакуировал свой двор, покинул Чжунду и перенес столицу в южный

город Кайфын, до которого, как он думал, монгольской армии не добраться. Для Чингисхана побег Золотого Хана был актом предательства по отношению к заключенному с ним союзу, и он расценил его как мятеж. Хотя он не был дома в междуречье Онон и Керулен уже три года, Чингисхан стал готовить свою армию к четвертому году войны. Его войска выступили из Внутренней Монголии и направились обратно к столице, которая покорилась им всего несколько месяцев назад.

Золотой Хан оставил небольшой контингент солдат для охраны старой столицы, но воины так же, как и простой народ, знали, что их покинули на произвол судьбы. Многочисленные победы Чингисхана за прошедшие годы подарили ему заметную поддержку среди войск противника, особенно тех, кого оставил Золотой Хан. Согласно традиционному китайскому представлению победа в войне доставалась тому, кому благоволило Небо. Внушительный список побед Чингисхана не оставлял у китайских крестьян и чжурчженьских воинов сомнений в том, что он действует по прямому мандату Неба, а значит сражаться с ним — рисковать оскорбить само Небо. Многие чжурчженьские солдаты на службе у Золотого Хана распознали в Чингисхане настоящего степного воина, такого, какими были некогда их предки, прежде чем покорили оседлые цивилизации и поселились в городах. У них было куда больше общего с ним и его солдатами, чем с изнеженными и мнительными правителями, которые в любую секунду могли оставить

их на милость завоевателя. И целые военные подразделения вместе с офицерами и оружием переходили на сторону монголов.

Чингисхан и его новые воины легко взяли город. Но в этот раз он не предоставил покоренным чжурчженям возможности откупиться, город был наказан и разграблен. Монголы забрали все. Когда стало ясно, что город скоро падет, Чингисхан оставил заканчивать осаду своих подчиненных. Его раздражала летняя жара, а оседлая жизнь вызывала у него отвращение, поэтому он покинул Чжунду и вернулся в земли Внутренней Монголии. Он поручил разграбление города человеку по имени Хада, киданскому военачальнику, который был более привычен к городам и смог бы быстрее и эффективнее извлечь из столицы все богатства. Монгольские чиновники должны были ждать на некотором расстоянии от города, чтобы им принесли награбленное, а затем описать его. Чингисхан думал, что разграбление пройдет в том режиме, который он установил еще со времен победы над татарами. По монгольскому обычаю солдаты относились к разграблению, как к групповой охоте, после которой добыча должна была быть распределена между всеми монголами, согласно их чину. Вплоть до последней медной пуговицы или последней крупницы серебра, все распределялось согласно простой формула, от десяти процентов для хана до особой доли для вдов и сирот.

Те не менее, новые союзники монголов либо не поняли этой системы, либо просто отказались ей под-

чиниться. Многие из них, в особенности кидани и китайцы, которые много пострадали во время правления чжурчженей, желали мести и разрушения. Они считали, что каждый солдат вправе сохранить то, что сумел награть, для себя. Они отрывали золото со стен дворцов, выковыривали драгоценные камни из оправ и растаскивали сундуки с золотыми и серебряными монетами. Они нагружали повозки драгоценными металлами и приторачивали тюки шелка к своим верблюдам.

Чингисхан считал, что грабеж — это важное государственное дело, и потому он послал своего Верховного Судью Шиги-Хутуху в город, чтобы надзирать за проведением разграбления. Но вместо организованного процесса сбора материальных ценностей Шиги-Хутуху нашел в городе полный хаос. Монгольские чиновники снаружи города, включая ханского повара, брали взятки тюками шелка, чтобы закрыть глаза на беспорядок в столице. Когда Шиги-Хутуху прибыл, ему тоже предложили взятку. Он отказался и вернулся к Чингисхану, чтобы сообщить о неповиновении его приказам. Чингисхан разгневался, сурово отчитал киданей и конфисковал награбленное, но история не сохранила упоминаний о наказаниях.

Когда монгольские воины вышли из городов чжурчженей, им оставалось принести еще одну кару земле, с которой они уже согнали людей и на которой пожгли деревни. Чингисхан хотел оставить за собой землю с широкими и обильными пастбищами на случай, если его армии понадобится вернуться.

Вспаханые поля, каменные стены и глубокие каналы замедляли продвижение монгольской конницы. Они же мешали свободной миграции антилоп, диких ослов и других животных, на которых так любили охотиться монголы. Когда монголы покидали земли чжурчженей, они проехали на своих конях по полям, вытаптывая их подковами, чтобы они вскоре снова смогли обратиться в широкие пастбища. Они хотели быть уверенными, что крестьяне больше никогда не вернутся на эти земли. Таким образом, Внутренняя Монголия осталась землей пастбищ, а монголы создали огромную буферную зону между землями кочевников и полями оседлых народов. Обильные травы степи служили готовой базой для разведения коней и позволяли легко совершать оттуда набег и карательные экспедиции, а также они стали готовым запасом продовольствия, так как дикие животные вернулись в эти земли вскоре после изгнания земледельцев.

В первой половине 1215, года Свиньи по восточному календарю, монголы медленно двинулись вместе с целыми караванами людей, животных и товаров от дымящихся руин Чжунду к высоким плато Внутренней Монголии. Они снова собрались возле Долон Нор, где и ждали конца лета, чтобы пересечь Гоби. Чингисхан еще раз доказал свою способность победить в войне, но еще и продемонстрировал невиданную среди степных ханов способность привезти своему народу несметные богатства из похода.

Из Китая текла река яркого шелка. Чингисхан со-

брал все маленькие извилистые рукава Великого Шелкового Пути и объединил его в один мощный поток, который омывал монгольские степи. Караваны верблюдов и повозок, запряженных волами, везли туда столько драгоценной ткани, что монголы стали использовать шелк в качестве оберточного материала для других своих ценностей. Они отбросили свои сыромятные ремни и стали использовать вместо них свернутые жгутом полотна шелка. Они увязывали в тюки одеяния вышитые золотыми и серебряными нитями, с рисунками, изображающими цветущие пионы, летящих журавлей, крутые волны и мифических животных, а тапочки они вышивали мелким жемчугом. Монголы наполняли повозки шелковыми ковриками, гобеленами, подушками, одеялами, кушаками, шнурами и кистями. Они несли свертки чистого шелка, шелковой нити и ткань готовая для практически любого вида одежды или украшения, ткани стольких цветов, что в монгольском языке не хватало слов для описания их.

Кроме шелка, атласа, парчи и газа, они привезли с собой все, на что упал взгляд монгола, включая лакированную мебель, бумажные веера, фарфоровую посуду, металлические доспехи, бронзовые ножи, деревянные куклы, железные чайники, медные горшки, настольные игры и резные седла. Монголы везли кувшинчики с духами и охрой, свинцовый глет, индиго, цветочные экстракты, ароматический воск, бальзамы и мускус. Они несли орнаменты и украшения из драгоценных металлов, слоновой кости, черепашьего

панциря, инкрустированного бирюзой, жемчугом, сердоликом, кораллами, ляпис лазурью, изумрудами и бриллиантами.

Повозки ломились от мехов с винами, бочек с медом, пачек черного чая, а за ними шли верблюды, от которых пахло фимиамом, лекарствами, афродизиаками, киноварью, камфорой и сандалом.

Чиновники в поте лица записывали и перепроверяли груз каждого каравана верблюдов и повозок. Музыканты пели и играли, чтобы развлечь своих хозяев. Когда караван останавливался, начинались выступления акробатов и жонглеров, а молодые девушки собирали кизяк для костров, доили животных, готовили пищу и иначе услаждали монгольских воинов. Юноши ухаживали за животными и переносили тяжести. А за животными шли пленники — тысячи и тысячи пленных, жрецы и жрицы, портные и фармацевты, переводчики и писцы, астрологи и ювелиры, художники и гадалки, чародеи и златокузнецы. Все, кто владел каким-либо искусством, были собраны вместе, а с ними и все те, кто просто чем-либо привлек внимание монголов.

За все столетия набегов и войн никто не привозил домой такой богатой добычи, как Чингисхан. Но каковы бы ни были объемы захваченных богатств, алчность его народа была ненасытна. Каждый раз, когда он возвращался из походов, он приводил с собой караваны с ценностями, но каждый из них только больше разжигал желание получить еще больше богатств и товаров. Каждый монгол мог восседать в

своим гэрэ на собственном лакированном кресле, покрытом шелком; каждая девушка благоухала духами и украшала себя драгоценностями. Каждый конь был подкован, а каждый воин носил бронзовое или железное оружие. Тысячам новых ремесленников было нужно сырье для работы — дерево, глина, ткани, бронза, золото и серебро. Чтобы прокормить эту прорву работников, требовались постоянные поставки ячменя, пшеницы и других припасов, которые нужно было везти через пустоши, отделяющие земли монголов от оседлых цивилизаций. И чем больше пленников Чингисхан приводил домой, тем больше ресурсов требовалось ввозить, чтобы поддерживать их. Новшества стали необходимостью, и каждый караван с грузом разжигал жадность до следующего. Чем больше он завоевывал, тем больше ему приходилось завоевывать.

Степь больше не была закрыта. Чингисхану пришлось организовать торговые пути, распорядиться продукцией ремесленников, и координировать передвижение товаров и людей. То, что начиналось, как быстрый набег на города Юга, разрослось в три десятилетия самой широкомасштабной войны в истории. Следующие пятнадцать лет своей жизни Чингисхан проведет, сражаясь на всех азиатских просторах, а в день своей смерти он заповедует войну своим потомкам, которые покорят еще больше народов и стран за время жизни еще двух поколений.

После похода против чжурчженей Чингисхан вернулся прямо в степи Ходой Арал, между реками

Керулен и Ценкер. Следуя своему правилу, он тут же начал распределять богатства между своими военачальниками и приверженцами, а они, в свою очередь, стали награждать своих солдат. Но впервые в его жизни у него оказалось больше товаров и богатств, чем он мог распределить, и ему было нужно найти способ вести этим богатствам учет и хранить их до возникновения нужды в них. Чтобы решить эту проблему, Чингисхан дал разрешение на возведение некоторых строений. Он приказал построить их возле ручья Аварга, несколько в стороне от степи. Согласно традиции Бортэ поила своего сына Огодея водой из этого ручья, чтобы исцелить его от болезни. Все вместе эти здания стали называться Желтым Дворцом, но служили они преимущественно складами. Эта территория была хорошо защищена реками с обеих сторон и крутым склоном холма в центре. Все это делало неожиданное нападение практически невозможным.

После долгого отсутствия Чингисхану нужно было решить большое количество накопившихся проблем, которые касались не только его подданных монголов, но и сибирских племен севера и уйгуров на юге. Некоторые из сибирских племен, которые изначально покорились монголам в 1207 году, воспользовавшись длительным отсутствием Чингисхана, прекратили платить дань мехами, дарами леса и молодыми девушками. Когда туда прибыл монгольский посол, который должен был выяснить, что происходит, он узнал, что они не зря славились своими женщина-

ми, потому что теперь у них даже вождем стала женщина. Они звали ее Ботогуй-таргун, что можно перевести примерно как Большая и Страшная. Вместо того, чтобы передать послу тридцать девушек, которые бы стали женами монголов, она захватила в плен самого посла. Когда тот не вернулся, Чингисхан послал еще одного переговорщика, но и его взяли в плен.

В 1219, году Зайца по восточному календарю, Чингисхан послал одного из своих доверенных военачальников с отрядом воинов для выяснения ситуации с сибирскими племенами. Монголы привыкли воевать в открытой степи или в земледельческих регионах, и у них не было опыта войны в лесу. Обычно они двигались по полю широким фронтом, а здесь им пришлось ехать вытянувшись в цепочку, одному за другим по узкой лесной тропе. Войска Ботогуй-таргун узнали об их приближении задолго до того, как монголы прибыли на их земли. Как и всякий опытный охотник, она смогла подготовить для них ловушку. Она послала воинов перекрыть тропу позади монгольского отряда, а сама устроила засаду впереди. Победа осталась за воинами Ботогуй-таргун — в бою они даже убили военачальника монголов.

Такого раньше не бывало, и Чингисхан пришел в ярость. Сначала он грозил, что сам поведет армию отмщения против коварной царицы, но его советники уговорили его поступить иначе. Они подготовили масштабную экспедицию, и теперь монголы были настроены победить, чего бы это им не стоило. Небольшой обманый отряд воинов выдвинулся впе-

ред, притворяясь, что его задачей является охрана путей и подступов к землям Ботогуй-таргун. В это время основные армейские силы прорубали новый путь через лес с другого направления. Монголы не щадя сил прорубались через лес, следуя горной тропой «красного быка» (вероятно, рыжеватого оленя или лося). Когда тайная тропа была закончена, монголы напали на ставку северной царицы так внезапно, что, как говорит «Сокровенное сказание», «они будто пали на них через дымоходы в их шатрах».

Победоносные монголы освободили своих послов, а само племя в полном составе взяли в плен, мужчины стали слугами, а женщины — наложницами. Чингисхан отдал Ботогуй-таргун в жены второму послу, которого она и так уже, вероятно, взяла в мужа, потому что сохранила ему жизнь.

Но эти северные неурядицы не слишком-то беспокоили Чингисхана, у которого было куда больше трудностей с уйгурами в пустынных оазисах, которые считались одними из его самых верных подданных. Он был среди них настолько популярен, что уйгуры-мусульмане, которые жили к востоку отсюда, в предгорьях Тянь-Шаня, на территории современного Казахстана и Киргизстана, решили свергнуть своих правителей-буддистов и тоже перейти под руку Чингисхана. К монголам пришли послы от мусульман Кашгара, торгового города, который стоял на территории современной китайской западной провинции Синьцзян. В начале XIII века ими правил другой род киданей, который происходил из Манчжурии. Затем

их вытеснили чжурчжени, и они перебрались в предгорья Тянь-Шаня. Чтобы отличить их от других киданей, которые жили дальше к востоку, монголы назвали их Кара Кидань, «Черные кидани», потому что черный цвет символизировал дальнейшее родство и к тому же запад.

Хотя многие уйгуры добровольно присоединились к монголам, другие все еще подчинялись черным киданям, которыми в то время правил Гучлуг, сын Таян-хана Найманов, давнего недруга Чингисхана. После завоевания его народа Гучлуг убежал на юг, где женился на дочери правителя черных киданей, а затем узурпировал власть. Хотя Гучлуг был изначально христианином, а черные кидани — буддистами, они одинаково не доверяли своим подданным уйгурам, потому что они были мусульманами. Придя к власти, Гучлуг начал преследования уйгуров-мусульман, ограничивая их в праве исповедовать свою веру. Он запретил призывы на молитву, публичные отправления культа и религиозные школы. Когда Гучлуг покинул свою столицу, город Баласагун, его подданные заперли за ним ворота и не пустили обратно. В наказание он осадил город, взял его штурмом и разрушил до основания.

У мусульман Баласагуна не было правителя их веры, который бы защитил их, и поэтому они обратились за помощью в борьбе против своего царя к Чингисхану.

Хотя армия монголов была расквартирована в двух с половиной тысячах миль от места действия,

Чингисхан приказал Джебе, военачальнику, который восстановил на троне киданьскую царскую семью, повести двадцать тысяч монголов через все азиатские просторы и защитить мусульман. То, что Чингисхан сам не захотел пойти в поход показывает, насколько эти земли были для него не важны. Его миром была только Монголия, и он старался проводить как можно больше времени со своей семьей в Аварге. Дальние оазисы в пустыне и в горах его крайне мало привлекали. Этот поход не предоставлял ему никаких заманчивых перспектив, кроме как окончательно разделаться со своим давним врагом Гучлугом.

Поскольку монголы начали эту войну по просьбе мусульман-уйгуров, они не грабили города и не отбирали собственность мирных жителей. Войска Джебе наголову разбили армию Гучлуга, и в наказание за все преступления его обезглавили на некоей равнине на границе нынешний Афганистана, Пакистана и Китая. После казни монголы послали глашатая в Кашгар, чтобы провозгласить об окончании религиозных преследований и восстановлении свободы вероисповедания во всех общинах. По свидетельству персидского историка Джувайни, народ Кашгара провозгласил монголов «одной из милостей Господа и одним из сокровищ Веры».

Хотя персидские и другие мусульманские хронисты подробно описывают этот поход, «Сокровенное сказание» уделяет ему только одно предложение: «Джебе преследовал Гучлуг-хана из Найманов, настиг его на Желтых горах, убил его и вернулся домой». С

монгольской точки зрения, видимо, тем дело и исчерпывалось. Джебэ выполнил свой долг: он победил врага и вернулся домой. Этот поход показал огромные возможности монгольской армии, которая оказалась способна успешно действовать за тысячи миль от своей центральной базы, да еще и без личного участия Чингисхана.

Но важнее всего приобретения новых подданных, важнее укрепления его имиджа защитника угнетенных религий, было то, что теперь во власти монголов оказался весь Великий Шелковый Путь из Китая в мусульманские страны. Теперь его вассалами стали тангуты, уйгуры, черные кидани и северные чжурчжени. И хотя он не контролировал ни главный производственный центр в китайском царстве Сун, ни главные страны-покупатели на Ближнем Востоке, ему принадлежала власть над связью между ними. С получением контроля над потоком китайских товаров монголам открылись широкие перспективы торговли со странами Средней Азии и Ближнего Востока.

В 1219 году Чингисхану исполнилось шестьдесят лет. Позади у него были победоносные походы и великие достижения в области торговли. Джувайни пишет: «Он принес мир и покой, безопасность и счастье, и достиг высшего благополучия и благосостояния, дороги при нем были спокойны, а восстания подавлены». Казалось, ему предстоит доживать свои дни в мире и благополучии, в окружении своей семьи и любимых коней, купаясь в благодарности за то изобилие и роскошь, которые он принес своему народу.

Теперь у него было куда больше богатств, чем он мог распределить среди своего народа, и он решил использовать эти излишки товаров для того, чтобы стимулировать торговлю. Кроме товаров китайского производства к ним просачивались и редкие предметы роскоши с Ближнего Востока. Мусульмане в этих землях производили лучшую в мире сталь. Они выращивали хлопок и делали из него прекрасные ткани, а еще они владели тайнами секретного искусства изготовления стекла. Обширная территория от гор современного Афганистана до Черного моря попала под власть тюркского султана Мухаммеда II, властителя Хорезма. Чингисхан хотел получить доступ к этим редкостным товарам и потому стал искать торгового союза с далеким султаном.

Французский историк Пети описывает желания Чингисхана так: «...сей император, коему более нечего было опасаться ни с Востока, ни с Запада, ни с Севера, возжелал заключить искреннюю дружбы с царем Хорезма. С тем он послал в конце лета 1217 трех послов к нему с богатыми дарами... дабы они просили его... чтобы их народы могли торговать мирно и обрели великолепный Союз друг с другом, и узрели утверждение Современного Мира на основе Доверия и Изобилия, которые суть благословенные вещи, коих можно всякому царству желать».

Чтобы подписать договор о торговле и формализовать их коммерческие взаимоотношения, Чингисхан отправил посла к султану Хорезма: «Я хочу жить с тобою в мире. Я приму тебя как своего сына. Для

тебя не секрет, что я покорил Север Китая и подчинил себе все племена севера. Ты знаешь, что моя страна полна могучими воинами и серебряными слитками, и потому мне не нужно искать новых владений. Мы оба знаем, что в наших интересах поощрять торговлю между нашими подданными».

С некоторым подозрением и неохотой султан согласился на предлагаемый договор. Поскольку сами монголы никогда не были торговцами, Чингисхан обратился к мусульманским и индуистским купцам, которые уже вели торговлю на покоренных уйгурских землях, из них он выбрал 450 купцов, которых и послал из Монголии в Хорезм с караваном товаров, среди которых были белая ткань из верблюжьей шерсти, китайский шелк, серебряные слитки и необработанный нефрит. Одного индийца Чингисхан поставил во главе каравана и доверил ему еще одно слово дружбы к султану, приглашая его к взаимной торговле, чтобы «впредь злые мысли между нами более не вставали, изгнанные добрыми взаимоотношениями между нами, и мерзость бунтарства и мятежа была очищена».

Когда караван вошел на территорию Хорезма в северо-западной провинции Отрар, которая теперь находится в южном Казахстане, заносчивый и жадный наместник захватил все товары и перебил торговцев и их погонщиков.

Он и представить себе не мог, какими чудовищными последствиями для него обернется этот шаг. Как объясняет персидский хронист Джувайни, наме-

стник не просто опустошил караван, но «обрушил опустошение на весь мир».

Услышав о произошедшем, Чингисхан отправил посланников к султану с требованием покарать своего наместника за его злые деяния; вместо этого султан отчитал хана прилюдно укоряя его в самом неуважительном тоне. Он казнил нескольких посланников и обезобразил лица остальных, которых и отослал затем к их правителю. Всего за несколько недель весть об унижении донеслась до монгольских степей и достигла Аварги, где, по словам Джувайни, «ураган гнева насыпал песку в глаза терпения и милосердия, в то время как пламень ярости вспылал так ярко, что слезы текли из глаз, а потушить его можно было лишь кровью». В ярости, унижении и разочаровании Чингисхан вновь удалился на гору Бурхан Халдун, где «обнажил голову, обратил лицо свое к земле и три дня и три ночи молился, провозглашая: “Я не был отцом этой распри, даруй мне силы для отмщения”». Затем он сошел с горы, раздумывая над тем, как действовать, и начал готовиться к войне».

5

СУЛТАН ПРОТИВ ХАНА

Для кочевых народов война была промыслом.
Воинам она приносила успех и богатство.

Сечен Джагчид
Очерки по истории монголов

Чингисхан выступил на запад в поход против Хорезма в 1219, году Кролика по восточному календарю, и прибыл на место весной следующего года, года Дракона, когда пересек пустыню, чтобы неожиданно появиться в тылу врага под Бухарой. До конца года монголы захватили все большие города Хорезма, а покинутый всеми султан остался умирать на крошечном островке в Каспийском море, куда он бежал, спасаясь от разыскивающих его воинов Чингисхана.

Монголы продолжали развивать свой военный успех. Четыре года они покоряли города Средней Азии так легко, будто давили мух. Названия захваченных городов сливаются в один поток звуков из дю-

жины языков: Бухара, Самарканд, Отрар, Ургенч, Балх, Банакат, Ходженд, Мерв, Ниса, Нишапур, Термез, Герат, Бамиян, Газни, Пешавар, Казвин, Хамадан, Ардабил, Марагэ, Тебриз, Тбилиси, Дербент, Астрахань. Армии Чингисхана сокрушали любое войско, которое вставало у них на пути от Гималаев до Кавказа и от Инда до Волги. Каждый из завоеванных городов терпел поражение — раньше или позже. Ни один из них не устоял. Ни одна цитадель не спасла своих защитников. Никакие молитвы не могли отвратить неминуемое поражение. Ни один из властителей не сумел откупиться от захватчиков. Ничто не могло не то что остановить, а даже просто замедлить монгольское нашествие.

Напав на Хорезм, Чингисхан разрушил новорожденное царство, которое было лишь на двенадцать лет старше его собственной монгольской империи, но его удар был направлен не просто против Хорезма, а против огромной древней цивилизации. Мусульманские страны XIII века, в которых сплелись веедино арабская, тюркская и персидская цивилизации, были богатейшими царствами в мире. Они преуспели практически в каждой области знаний от астрономии и математики до агрономии и языкознания и достигли высочайшего в мире уровня грамотности среди простого люда. Если в Европе и в Индии читать умели только священнослужители, а в Китае грамотой владели только правительственные чиновники, в исламском мире практически в каждой деревне было хотя бы несколько мужчин, которые могли читать

Коран и трактовать положения шариата. Когда Европа, Индия и Китай еще только достигли уровня региональных цивилизаций, мусульмане подошли ближе всех к тому, чтобы создать цивилизацию мирового класса, которая обладала бы изощренной торговой системой, технологическими и общими познаниями. Но именно потому, что они так высоко вознеслись, им пришлось ниже всего пасть. Монгольское нашествие принесло исламскому миру больше вреда, чем любой другой культуре и цивилизации.

Так же как кочевые племена киданей, чжурчженей и тангутов правили завоеванными крестьянами в северном Китае, на Ближнем Востоке некогда кочевые племена тюрков, такие как сельджуки и туркмены покорили царства земледельцев. Территория современных Индии, Пакистана, Афганистана, Персии и Турции была тогда разбита на великое множество небольших тюркских государств. Цивилизация этого региона возлежала на древнем ложе персидской культуры, на которую оказали сильное влияние арабский мир и древние классические цивилизации Рима и Индии. Культурное многообразие Ближнего Востока дополняли внушительные общины иудеев и христиан, а также еще нескольких религиозных и языковых групп. Тем не менее, в основном, политические и духовные лидеры этих стран говорили по-арабски и чтити Коран. Воины говорили на тюркских языках кочевых племен, а в речи крестьян доминировали разнообразные диалекты персидского наречия.

Невзирая на удивительное богатство этого регио-

на, его сложная социальная жизнь протекала в бесконечных столкновениях между мелкими царствами, религиозных конфликтах и межкультурных сварах. Тюркский султан Хорезма не пользовался особой поддержкой и уважением со стороны других мусульманских владык, особенно арабских и персидских, которые и его самого считали варваром-завоевателем. Отношения между султаном Хорезма и Халифом багдадским были очень напряженными. Согласно нескольким летописям халиф даже обратился к Чингисхану с просьбой напасть на Хорезм. Он направил ему тайное послание, которое вытатуировали на голове гонца, чтобы он мог беспрепятственно пройти по землям султана.

У нас нет никаких исторических свидетельств правдивости этой легенды, но она имела весьма широкое хождение в исламском мире и придавала войне Чингисхана против Хорезма некоторую легитимность в глазах тех мусульман, которые искали религиозного повода, чтобы присоединиться к неверным в войне против султана-мусульманина. Больше доверия вызывает история о том, что халиф послал Чингисхану в дар отряд пленных крестоносцев, захваченных в Святой земле. Поскольку Чингисхан не нуждался в пехоте, он отпустил их на свободу, и некоторые из них, видимо, добрались домой в Европу и принесли туда первые слухи о монгольском нашествии.

Султан Хорезма не только испытывал трудности в отношениях с другими мусульманскими соседями, но даже не мог добиться единства внутри собствен-

ной земли и собственной семьи. Он постоянно ссорился со своей матерью, которая обладала почти такой же властью, что и он сам.

Опасность монгольского нашествия накалила страсти, и они не могли уже сойтись ни на чем, начиная с того, как управлять империей, и заканчивая тем, как готовиться к войне.

Наместник, захвативший тот первый монгольский торговый караван, который и послужил поводом к войне, приходился матери султана родным братом. Она не позволила сыну покарать его за непослушание, хотя это могло бы помочь избежать войны. В дополнение к разброду в правящей фамилии персы и таджики — подданные султана — не очень-то поддерживали своего господина, а еще меньше — солдат-тюрков, расквартированных в их городах. Те больше эксплуатировали их, чем защищали. В свою очередь, солдаты мало интересовались теми землями, где были расквартированы, и, соответственно, отнюдь не рвались рисковать жизнью, защищая народ, который презирали.

Когда Чингисхан обрушился на города Хорезма, под его рукой было около 100-125 тысяч всадников, а также отряды союзников — уйгуров и тюрков, подразделение китайских лекарей и инженерный корпус. Вся его армия не превышала 150-200 тысяч человек. Армия султана Хорезма насчитывала 400 тысяч человек профессиональных солдат, которые к тому же пользовались преимуществом, так как вели войну на своей территории.

Монголы обещали справедливое обращение тем, кто покорится им, но тем, кто окажет сопротивление, поклялись нести только смерть и разрушение. Если люди принимали монголов и вели себя как родичи, предоставляя пищу воинам и коням, монголы обращались с ними, как с членами семьи, наделенными определенными базовыми правами, и главное — правом на защиту монголов. Если же они не хотели стать монголам родичами, они становились врагами. Предложение Чингисхана осажденным было простым и ужасным. Такое послание он отправил жителям города Нишапур: «Властители, старейшины и простые люди! Знайте, что Бог дал мне царство земли от востока до заката. Кто покорится мне, будет спасен, но кто воспротивится, будет уничтожен вместе со своими женами, детьми и присными». Такой же настрой можно обнаружить во многих документах этой эпохи. Ярче всего он проявился в армянской хронике, которая приписывает Чингисхану слова о том, что «по воле Бога мы берем землю и устанавливаем на ней порядок», чтобы ввести монгольские законы и налоги, а тех, кто отвергнет их, монголы обязаны «убить и разрушить дома их, дабы другие, видя все это, не захотели вести себя как они».

Некоторые города сдались без боя. Другие сражались несколько дней или недель, но только самые укрепленные и упорные выстояли более чем несколько месяцев. Чингисхан многому научился со времен своей кампании против чжурчженей. Теперь он не только умел брать даже самые неприступные крепо-

сти, он также выяснил, как обращаться с ними после захвата, а главное, как их максимально эффективно грабить.

Он не хотел повторять ошибки, допущенные при разграблении Чжунду. В Хорезме он ввел новую организованную систему: сперва город полностью отчищался от жителей и их скота, а затем монголы принимались за его разграбление. Это заметно уменьшало опасность, грозившую воинам, которые рассредоточивались по городу во время разграбления.

Прежде чем начиналось разграбление, монголы проводили одну и ту же процедуру с плененным населением вражеского города. Во-первых, они убивали всех солдат. Монгольская армия состояла только из всадников, и ей не было никакого толку от солдат, обученных защищать крепостные стены. К тому же, они совершенно не хотели оставлять позади большую армию прежних врагов, которые могли бы перекрыть им путь обратно в Монголию. После этого монгольские военачальники отправляли чиновников, чтобы они разделили мирное население по признаку профессии. Профессионалами считались все, кто умел читать и писать на любом языке, — писцы, врачи, астрономы, судьи, предсказатели, инженеры, учителя, имамы, раввины или священники. Монголам были постоянно нужны купцы, караванщики, толмачи, а также ремесленники. Все они поступали на службу к монголам, которые не были знакомы ни с какими ремеслами кроме войны, скотоводства и охоты. Их быстрорастущая империя нуждалась в умелых

работниках практически во всех сферах деятельности, нужны были кузнецы, гончары, столяры, бондари, ткачи, кожевенники, красильщики, горняки, бумагоделы, стеклодувы, портные, ювелиры, музыканты, брадобреи, певцы, жонглеры, аптекари и повара.

Люди без профессий отправлялись с монголами в следующий поход. Они таскали тяжести, копали рвы и служили живым щитом при штурме. Их жизнями монголы жертвовали в своей войне. Тех, кто не годился даже для таких целей, монголы просто убивали.

Во время завоевания центральной Азии одна группа населения пострадала даже больше, чем захваченные горожане. Монголы убивали богатых аристократов. Согласно кодексу благородной войны, который использовался в Европе и на Ближнем Востоке во времена крестовых походов, враждующие аристократы демонстрировали некое уважение друг к другу, при этом без зазрения совести уничтожая рядовых солдат. Они предпочитали брать побежденных врагов в заложники, чтобы затем требовать от их семей и стран выкуп за их освобождение. Монголов это не касалось. Наоборот, они стремились как можно скорее перебить всех вражеских аристократов, чтобы тем самым предотвратить будущие войны против них. Чингисхан никогда не принимал в свою армию вражеских аристократов, и очень редко — на другие службы.

Чингисхан не всегда следовал этому правилу. Во время своих первых завоеваний, направленных про-

тив чжурчженей, тангутов и черных киданей, он часто защищал богатых и даже позволял прежним правителям оставаться у власти после того, как они покорялись ему.

Тем не менее, чжурчжени и тангуты предали его, как только его войска отступили. В своем покорении Средней Азии Чингисхан показал, что выучил урок о верности, зависимости и полезности богатых и влиятельных людей. Он тонко чувствовал общественное мнение и знал, что обычных крестьян и ремесленников мало заботит судьбы богачей и князей.

Уничтожая аристократов, монголы обезглавливали социальные структуры врагов и, тем самым, предотвращали дальнейшее сопротивление. Некоторые города так никогда и не оправались от потерь, нанесенных аристократам на поле боя и при уничтожении их семей.

Чингисхан хотел, чтобы власть предержавшие были верны только монголам и им обязаны своим положением и властью. Поэтому он признавал только те звания и титулы, которые даровал сам. Даже союзный князь или царь, который хотел сохранить свой титул, должен был получить подтверждение на него от великого хана. В своем отчете о путешествии по Монголии в 1245-1247 гг. папский посланник Джованни ди Пьяно Карпини часто жалуется на то, как мало уважения монголы испытывают к аристократам. Даже самый низкий по положению монгол мог спокойно явиться пред очи соседних царей и грубо говорить с ними.

Судьба матери султана, бывшей до того самой влиятельной женщиной в империи, показывает отношение монголов к пленным аристократкам. Они пленили ее и перебили почти всех членов ее свиты и две дюжины ее родственников. Затем они отправили ее доживать оставшиеся десять лет ее жизни в унижительном рабстве в Монголии. Такая женщина не получала никаких прав или уважения только по самому факту ее рождения. Так же как и плененные мужчины, она оценивалась только по своим умениям и службе.

Когда монголы проходили через город, они мало что оставляли за собой. В письме, написанном вскоре после монгольского нашествия, географ Якут аль-Хамави, который чудом сумел спастись от захватчиков, говорит, что прекрасные и роскошные дворцы монголы «стерли с лица земли, как строки письма стирают с пергамента, и эти обители стали жилищем для сов и воронов, в них теперь лишь сипухи перекликаются и ветры стонут».

В глазах мусульман Чингисхан стал олицетворением жестокости. Хроники той эпохи приписывают Чингисхану такое нетипичное высказывание: «Величайшая услада для человека — покорить своих врагов и гнать их перед собой. Забрать их лошадей и завладеть их имуществом. Узреть лица тех, кто был им дорог, в слезах, и захватить их жен и дочерей». Чингисхан не только не считал такие апокалиптические описания унижительными, он даже поощрял их распространение. Ему всегда удавалось найти использование

всему, что бы ни попало ему на пути, и он сумел найти способ обернуть себе на пользу высокий уровень грамотности среди мусульманского населения. Он осознал, что ужас будет лучше распространяться не мечами воинов, а каламами писцов и ученых. Во времена до изобретения газет письма интеллигенции того времени играли важную роль в формировании общественного мнения. Это сыграло на руку монголам. Они запустили целую машину пропаганды, которая каждый раз преумножала число убитых в битве врагов и несла страх всюду, куда бы ни докатывалась.

К августу 1221 года, всего год спустя после начала кампании, монгольские чиновники запросили у своих подданных в Корее сто тысяч листов их прославленной бумаги. Количество затребованной бумаги показывает, как быстро вырос объем записей с разрастанием империи, но также подчеркивает важность обретения письма для монголов. Бумага стала самым могучим оружием в арсенале Чингисхана. Его не интересовали записи его свершений или панегирики его превосходным качествам; вместо этого он позволял людям собирать и распространять самые ужасные истории о нем самом и его монголах.

Из каждого покоренного города монголы высылали делегации в другие города, чтобы поведать им о невообразимых ужасах и почти сверхъестественных способностях воинов Чингисхана. Сила этих рассказов до сих пор видна в записях летописцев, таких как Ибн аль-Атир, живший в Мосуле, городе, который не затронула волна монгольского нашествия. Он приво-

дит свидетельства очевидцев в книге «Аль-Камилфи ат-тарих» («Всеобщая история»). Сначала Ибн аль-Атир просто не верит этим рассказам: «Поведали мне истории об ужасах татар, которым слух мой не имеет веры». Но скоро он уже пересказывает их. «Говорят, что когда один из них входит в деревню или городской квартал, где живут многие люди, он начинает убивать их одного за другим и никто даже не осмеливается руки поднять против этого всадника». Еще ему рассказали историю о том, как «один из них взял пленника, но не нашел своего оружия, чтобы убить его; тогда он сказал пленнику «Положи голову на землю и не двигайся», и тот поступил так, а татарин пошел, взял его меч и убил его».

Каждая победа начинала новую волну пропаганды, и вера в непобедимость Чингисхана росла и ширилась. Какими бы абсурдными эти истории не казались с безопасного расстояния в восемь веков, они имели невообразимое влияние на просторах Средней Азии. Ибн аль-Атир называет монгольское нашествие смертельным ударом исламу и мусульманскому миру». И затем не без драматизма он добавляет: «О, если бы мать моя не рождала меня на свет, или чтобы мне пасть мертвым и быть забытым потомками, лишь бы только этого не происходило!» Он решил записать кровавые подробности войны только лишь затем, что «несколько моих друзей убедили меня придать эти слова письму». Он объявил монгольское нашествие «величайшим бедствием и несчастьем... которое постигало всех живущих и особо — правовер-

ных... с тех пор, как Господь Всемогущий сотворил Адама». Он отмечает, что самые ужасные массовые убийства в домонгольской истории обрушились на иудеев, но нападение монголов на мусульман было страшнее, потому что «число правоверных, сраженных ими в одном только городе, превосходит общее число всех детей Израиля». На случай, если читатель окажется слишком придирчивым, Ибн аль-Атир обещает предоставить подробное описание «деяний, которые в каждого слышащего о них ужас вселяют, и которые, милостью Всевышнего, ты узришь описанными со всеми деталями и взаимосвязями». Тем не менее, такая эмоциональная риторика направлена, прежде всего, на то, чтобы вселить боевой дух в собратьев-мусульман, что несколько мешает точной записи событий времен монгольского нашествия.

Хотя воины Чингисхана убивали огромное количество людей и сделали смерть делом политики, направленной на распространение паники и ужаса в стане врагов, они уклонялись от другой распространенной в те времена военной практики. Монголы не пытали и не калечили пленных. В этот жестокий век война часто становилась своего рода соперничеством в умении вселить во врагов ужас.

Зачастую владыки того времени прибегали для этого к таким варварским методам, как публичные казни и причинение пленным чудовищных увечий. В августе 1228 года во время битвы с сыном султана, Джелаль ад-Дином, четыре сотни монголов попали в руки врага. Они понимали, что не останутся в жи-

вых. Победители перегнали пленных к Исфахану, привязали их к хвостам коней и протащили по улицам города на потеху жителям города. Таким образом всех монголов убили, а их тела скормили псам. Монголы не забыли этого прилюдного унижения, и Исфахану еще пришлось заплатить за это. В другой раз, когда монголы проиграли битву, персы казнили пленных, заколачивая гвозди им в головы (по монгольскому поверью в голове жила душа человека). Этот эпизод перекликается с позднейшими событиями 1305 года, когда султан Дели превратил казнь пленных монголов в развлечение для народа, пустив на них боевых слонов. Когда все монголы были растоптаны, он приказал отрубить всем им головы и построить из них башню.

Цивилизованные правители и религиозные лидеры Китая и Европы считали такие отвратительные демонстрации своей власти необходимыми для того, чтобы контролировать собственных подданных и внушать страх потенциальным врагам. Когда Византийский император Василий одержал в 1014 году победу над болгарами, он приказал ослепить пятнадцать тысяч болгарских военнопленных. Одному человеку из сотни он оставил один глаз, чтобы он мог отвести остальных 99 на родину и, таким образом, вселить ужас в сердца болгар. Когда христиане-крестоносцы брали Антиохию в 1098 году и Иерусалим в 1099, они без зазрения совести убивали мусульман и иудеев без различия пола и возраста только лишь за их вероисповедание.

Император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, который считается одним из величайших исторических и культурных героев Германии, лучше всех проиллюстрировал использование массового страха и террора на Западе. Когда он пытался взять североитальянский город Кремона в 1160 году, он провел ряд действий, которые должны были вселить ужас в горожан. Его солдаты обезглавливали пленных под стенами города и играли их головами, как в мяч.

Тогда жители Кремоны вывели на стены плененных немцев и отрезали им члены на глазах у их товарищей. Германцы собрали еще больше пленных и всех их повесили. Городские власти ответили тем, что повесили оставшихся пленных на стенах города. Вместо того, чтобы сражаться друг с другом, обе армии продолжали проводить эскалацию страха. Германцы собрали пленных детей и стали использовать их вместо снарядов для своих катапульта. Они запускали живых детей в воздух, чтобы они разбивались от удара о городские стены.

В отличие от цивилизованных армий монголы внушали ужас не столько яростью и жестокостью, сколько быстротой, с которой они покоряли один город за другим, и абсолютным презрением к жизни богатых и благородных. Монголы сеяли ужас на своем пути на восток, но эта их кампания заметна более уникальными военными успехами против огромных армий и неприступных крепостей, чем проявленной кровожадностью или публичными казнями.

Города, которые покорились монголам, поначалу принимали их мягкое и милостивое обращение за слабость, настолько оно отличалось от ужасных историй, которые ходили по всему царству. Довольно большое число городов сначала притворно сдались на милость монголов, дождались пока их армия не пройдет дальше, а затем поднимали восстания против монгольских ставленников. Монголы оставляли в городах только несколько чиновников и совсем не оставляли войск, горожане воспринимали это как знак того, что монголы больше уже никогда сюда не вернуться. Такие города карались без всякого милосердия. Монгольская армия быстро возвращалась и полностью уничтожала восставших. Город, который разрушен до основания, больше не сможет поднять восстание.

Одна из самых страшных боен произошла среди жителей родного города Омара Хаяма, Нишапура. Жители города взбунтовались против монголов, и в последующей битве стрела, выпущенная со стен Нишапура, поразила зятя Чингисхана, Токучара. Чтобы преподать урок всем другим городам, Чингисхан позволил своей овдовевшей дочери, которая к тому же тогда ждала ребенка, вынести любой приговор восставшему городу. Согласно легенде она приказала убить всех до единого жителей. В апреле 1221 года воины монголов исполнили ее приказ. По непроверенным данным она также приказала сложить головы убитых горожан в три отдельных пирамиды — для мужчин, для женщин и для детей. Затем она приказа-

ла перебить еще и всех собак и кошек в городе, чтобы ни одно живое существо в нем не пережило ее убитого мужа.

Но для самого Чингисхана самый болезненный эпизод этой войны произошел в прекрасной долине Бамиян в Афганистане. Она долгие годы была местом паломничества буддистов, так как там были возведены самые большие в мире статуи Будды. Древние буддисты высекли их прямо в склоне горы, и можно только гадать, что подумали монголы при виде таких огромных изображений человека. Там во время битвы был убит любимый внук Чингисхана — юный Мутугэн. Хан получил весть о смерти внука раньше, чем его отец Чагатай. Чингисхан призвал к себе сына и прежде чем сообщить о происшествии приказал ему не плакать и не скорбеть.

Много раз в своей жизни Чингисхан плакал прилюдно — в страхе, в гневе и в печали, но перед лицом смерти человека, которого он любил более всех других, он не позволил себе и своим сыновьям проявить свою боль в слезах и скорби.

Когда бы Чингисхан ни испытывал сильное личное горе, он обращал всю его силу в ярость битвы. Убивай, а не скорби. Никто из жителей долины — богатый или бедный, красивый или уродливый, благородный или низкородившийся — не выжил. Впоследствии долину вновь населили люди, которые называли себя Хазара, что по-персидски означает «Тысяча». Они утверждали, что происходят от потомков одного из минганов Чингисхана.

Хотя несколько городов были уничтожены полностью, общее число убитых, которое предоставляют летописи, не просто преувеличено или придумано — оно просто абсурдно. Персидские хроники сообщают, что в битве при Нишапуре монголы перебили 1,747,000 человек. В Герате же жертвы монголов составляют якобы 1,600,000 человек. Еще более возмутительные цифры приводит Джузджани — вполне почтенный историк, но категорически настроенный против монголов. По его свидетельству в Герате было убито 2,400,000 человек. Впоследствии более консервативные историки приводят число жертв равное 15 миллионам человек за все пять лет кампании. Даже это более скромное число, тем не менее, потребовало бы, чтобы каждый монгол убил не менее ста человек. Что касается преувеличенных сведений по другим городам, там на одного монгола пришлось бы 350 убитых. Если бы в городах в то время жило столько людей, они легко бы превзошли монголов просто фантастическим преимуществом в количестве.

Хотя все эти показатели воспринимались как подлинный факт и передавались из поколения в поколение, они не имеют под собой никакого реального основания. Было бы физически тяжело забить даже схожее число коров и свиней, которые бы пассивно дожидались своей участи. В целом, число тех, кого якобы убили монголы, превосходят их в отношении практически пятьдесят к одному. Такая масса людей могла бы просто убежать, а у монголов не хватило бы сил их остановить. Обследование разрушенных

монголами городов показывает, что общее число их населения очень редко когда составляло одну десятую часть летописных жертв. Сухая почва в этом регионе сохраняет кости на столетия и даже иногда на тысячелетия, но нигде нет и следа миллионов, якобы уничтоженных монголами.

Чингисхану подходит скорее роль разрушителя городов, чем уничтожителя народов. Он часто разрушал города до основания по стратегическим соображениям или для устрашения врагов. Он хотел изменить торговые потоки в Евразии и для этой цели разрушал маловажные города, которые находились в труднодоступной местности, чтобы направить торговые маршруты по землям, которые монголы могли бы легко контролировать. Чтобы прекратить торговлю в регионе, он приказывал разрушать города до фундамента.

Не только города были разрушены, многие земли обезлюдели, потому что монголы старательно уничтожали там ирригационную систему. Крестьяне покидали свои поля, и они превращались в пастбища. Таким образом монголы освобождали обширные территории для своих стад и табунов, которые держали в качестве резерва для военных походов. Так же, как и в северном Китае, Чингисхан хотел, чтобы у него позади была широкая степь, куда он мог бы отступить в случае необходимости.

После четырех лет войн в Средней Азии Чингисхан разменял седьмой десяток. Он достиг высот власти, никто не пытался оспаривать ее ни изнутри его

племени, ни снаружи. Но невзирая на потрясающие военные успехи, его собственная семья уже готова была развалиться на куски. Чингисхан оставил Монголию на попечение своего младшего брата Тэмуге Отчигена, и забрал с собой всех своих четырех сыновей в надежде, что они не только овладеют искусством войны, но и научатся жить и работать вместе. В отличие от тех завоевателей, которые возомнили себя богами, Чингисхан отлично понимал, что он смертен, и пытался подготовить для себя наследников. Согласно степному обычаю каждый из сыновей получал какой-то вид скота, которым владела семья, а также часть семейных пастбищ. Точно так же Чингисхан планировал наделить каждого из своих сыновей миниатюрной империей, что отражало бы в некоторой степени разнородное устройство его огромных владений. Каждый из его сыновей должен был стать ханом над большим числом кочевников вместе с их стадами и пастбищами, а также получил бы в надел часть территории оседлых стран с городами, деревнями и мастерскими. Выше всех других должен был стоять один из сыновей, Великий Хан, который бы возглавлял центральное правительство, высшую судебную инстанцию и вместе с братьями ведал бы иностранными сношениями монголов, в особенности в том, что касалось бы объявления войны. Эта система зависела от умения и желания братьев работать вместе и сотрудничать под началом Великого Хана.

Еще перед тем, как он отправился на войну против Хорезма, этот план уже столкнулся с существен-

ными трудностями, когда, несмотря на строгое табу против обсуждения смерти или подготовки к ней, Чингисхан собрал семейный курултай, чтобы решить именно этот вопрос. Это собрание стало одним из поворотных моментов монгольской истории, поскольку на нем всплыли все прежние конфликты, предвещавшие те мрачные события, которые затем привели великую империю монголов к развалу.

Кроме сыновей Чингисхан призвал на курултай нескольких своих самых доверенных людей, поскольку без их согласия не удалось бы гарантировать восхождение на престол избранного наследника после его смерти. Когда начался совет оба старших сына, Джучи и Чагатай, казались очень напряженными, как капкан, готовый захлопнуться в любой момент. Если третий сын, Угедей, не изменил своим привычкам, то он уже успел опрокинуть чарку другую, хотя вряд ли он явился бы пред очи отца совершенно пьяным. Самый младший сын, Тулуй, старался не попадаться никому на глаза и, казалось, растворился в складках шатра, в то время как его братья вышли вперед.

Чингисхан открыл семейный совет тем, что объяснил, зачем он собрал их. Приводятся такие его слова: «Если все мои сыновья возжелают быть Ханом и правителем и откажутся служить друг другу, будет все как в басне про одноголовую и многоголовую змею». Эта традиционная притча рассказывает о двух змеях. У одной был один хвост и много голов, а у другой — одна голова и много хвостов. Когда пришла зима, головы многоголовой змеи поссорились и не могли ре-

шить, в какую норку им влезть, чтобы переждать стужу. Зато многохвостая змея быстро выбрала себе убежище и переждала там зиму, в то время как многоголовая змея замерзла насмерть.

Объяснив всю важность и серьезность вопроса наследия, Чингисхан дал слово своему старшему сыну Джучи. Среди монголов и по сей день очень важным считается порядок того, кто первым войдет, сядет или скажет слово. Чингисхан попросил Джучи говорить первым, тем самым, подчеркивая, что считает его старшим сыном и наиболее вероятным наследником. Если бы младшие сыновья приняли такой порядок, они бы одновременно признали над собой власть и старшинство Джучи.

Второй сын, Чагатай, отказался принять такое молчаливое назначение. Прежде чем Джучи успел сказать слово, он громко обратился к отцу. «Когда ты приказываешь Джучи говорить, — спросил непокорный сын, — ты назначаешь его наследником?» Затем он задал риторический вопрос, который был похож скорее на констатацию факта, что бы там ни думал Чингисхан об отцовстве Джучи, родившегося сорок лет тому назад. «Как можем мы стерпеть, чтобы нами правил ублюдок меркитов?» — спросил Чагатай.

Когда брат обозвал его ублюдком, Джучи взорвался. Он громко закричал и схватил Чагатая за шиворот. Завязалась драка. Затем прозвучали полные боли слова, которые, наверное, произнес сам Чингисхан. Тем не менее, «Сокровенное сказание» приписывает их некоему мудрому советнику, видимо, для то-

го, чтобы спасти достоинство Великого Хана. Чагаю напомнили, как его любит и уважает его отец. С болью отец просил своих сыновей понять, насколько иначе все обстояло в те далекие времена, когда страх царил в степи, соседи дрались с соседями, и никто не мог чувствовать себя в безопасности. То, что случилось с их матерью во время пленения, не было ее виной: «Она не сбежала из дому... Он не любила другого мужчину. Ее похитили люди, которые пришли убивать».

Чингисхан почти смиренно умолял сыновей помнить, что, несмотря на обстоятельства их рождения, все они произошли «из одной теплой утробы», и что «если вы оскорбите свою мать, которая даровала вам жизнь из сердца своего, если заставите ее любовь к вам покрыться льдом, даже если потом будете просить прощения, уже ничего нельзя будет сделать». Советник напомнил сыновьям, на какие жертвы их отец и мать пошли, чтобы создать новый народ монголов и построить новый мир для своих детей.

Последовала долгая эмоциональная сцена. Затем Чингисхан понял, что он не может навязать свой выбор сыновьям, так как после его смерти они отвергнут его. Он должен был выработать компромисс, на который все они пошли бы добровольно. Он прибег к своей отцовской власти, чтобы подтвердить, что сам он признал Джучи своим сыном и больше не хочет и слышать сомнений в его происхождении.

Чагатай подчинился приказу отца, но дал ясно понять, что словами тут ничего не изменишь. Чага-

тай ухмыльнулся и сказал, что «добычу, которую добыли языком, на коня не взвалишь. Добычу, которую убили словами, не освежуешь». Внешне сыновья признают права Джучи покуда жив их отец, но внутренне они никогда не смиряются с этим. Признание старшинства Джучи, тем не менее, не гарантировало ему наследования титула Великого Хана, поскольку такой чин должен был быть основан на реальных способностях претендента и его поддержке со стороны других, а не на возрасте.

Чагатай понимал, что, вызвав такой гнев со стороны отца, он может не рассчитывать на престол Великого Хана. Тем не менее, он все равно собирался не допустить назначения наследником Джучи. Поэтому он предложил семье компромисс, который либо был заранее оговорен между младшими братьями, либо пришел ему в голову прямо на совете. Он сказал, что ни он, ни Джучи не достойны звания Великого Хана, а значит, выбор должен пасть на третьего сына — спокойного, добродушного и крепко пьющего Угедея.

У Джучи не оставалось никакого другого пути на трон, кроме войны, поэтому он согласился на компромисс и признал Угедея наследником. Затем Чингисхан распределил между сыновьями наделы и стада. Он сделал то, что и всякий отец, по отношению к ссорящимся детям — разделил Джучи и Чагатая. «Мать Земля широка и реки ее многочисленны. Поставьте лагеря ваши далеко друг от друга, чтобы каждый из вас правил своим собственным царством. Вас

должно разделить». Затем он предупредил сыновей не вести себя так, чтобы люди смеялись над ними или оскорбляли их.

Мусульманским писцам, которые служили при дворе Чингисхана, было ужасно трудно описать это событие. Для них честь мужчины основывалась на его власти над сексуальной активностью его женщин. Было просто непостижимо, что столь могучий и влиятельный властитель как Чингисхан мог признать сына, которого не зачал сам, да еще и стерпеть такое оскорбление от другого сына. В отличие от «Сокровенного сказания», написанного монголом, лишенным подобных предрассудков, первый персидский историк, Джувайни, просто выкинул всю сцену из своей книги, превратив семейный курултай в чисто формальное собрание единодушных родичей хана. В его версии Чингисхан произнес прекрасную речь о великолепных личных качествах Угедея, и все сыновья тут же с ним согласились. Братья покорно «преклонили колени учтивости на подстилку верности и подчинения и отвечали языком покорности, говоря: «У кого есть сила противится словам Великого Чингисхана, и кто может отвергнуть их?»... И все братья Угедеевы подчинились его заповеди, о чем дали письменную клятву».

Несколько позднее Рашид ад-Дин приводит более полный отчет о событиях, но в его рукописи много лакун в тех местах, где могла бы подвергнуться сомнению честь Великого Хана или его жены. Он пишет, что «путь разобщения прошел между ними», но

все добрые члены семьи никогда не произносили вслух этого оскорбления и считали его за своего». Были ли эти лакуны введены в текст самим Рашид ад-Дином или их внесли позднейшие переписчики, само их существование доказывает важность вопроса о происхождении Джучи для грядущих поколений.

После семейной ссоры Чингисхана с сыновьями никто и подумать не мог, какие далеко идущие последствия она получит. На этом семейном курултае, победители разделили мир так же, как затем это было сделано на Венском конгрессе после наполеоновских войн, Версальской конференции после Первой мировой войны и на встречах в Ялте и Потсдаме после Второй.

Хотя Бортэ часто поминалась на курултае, сама она не совете не присутствовала. Вероятнее всего, она была тогда еще жива. Неизвестно, узнала ли она о том, что произошло между ее сыновьями. Нет даже достоверной информации о том, что с ней стало. Устная традиция гласит, что в то время она жила в тиши и спокойствии в Аварге на реке Керулен. Скорее всего, она там и умерла примерно между 1219 и 1224 годами.

Этот неприятный эпизод наложил отпечаток на все оставшиеся годы жизни Чингисхана, особенно на годы войны в Средней Азии. Борьба между его сыновьями показала ему сколько усилий ему еще предстоит приложить, чтобы сохранить свою империю после смерти. Его сыновья не подходили для управления империей. Он слишком много времени уделял

своей великой цели — сплотить в единый народ все племена степи, и слишком мало — воспитанию собственных сыновей.

Теперь все они уже стали зрелыми мужчинами, но все еще не показали себя. В своем вечном недоверии по отношению к новым родичам и стремлении опираться только на проверенных друзей детства и юности, Чингисхан не сумел выстроить систему отношений между своими собственными сыновьями, не подготовил их к тому, чтобы сменить его.

В последние годы жизни Чингисхан безуспешно искал возможность помирить Джучи и Чагатая. Он направил их обоих в поход против города Ургенч, бывшей столицы Хорезма, находящейся к югу от Аральского моря. Напряжение между двумя братьями настолько возросло, что они чуть было не начали драться друг с другом во время осады. Оба брата знали, что город достанется после смерти Великого Хана Джучи, и никак не могли договориться о методах осады. Джучи подозревал, что брат хочет разрушить Ургенч до основания, чтобы Джучи не достался богатый город, а Чагатай, в свою очередь, считал, что Джучи старается не трогать городские укрепления своего города и жертвует, тем самым, жизнями монгольских солдат.

Хотя большинство городов сдавались через несколько дней или недель, осада Ургенча потребовала неслыханного времени — шесть месяцев. Горожане яростно дрались. Даже после того, как монголы прорвались за крепостную стену, они продолжали защи-

щаться, переходя от дома к дому. Монголы не привыкли воевать в закрытом пространстве и подожгли город. Защитники все равно продолжили сражаться в обугленных развалинах. Наконец, монголы построили дамбу, повернули русло реки и затопили Ургенч, чтобы покончить с защитниками города. Ургенч больше никогда не поднялся, и хотя он был предназначен Джучи, от города ничего не осталось для него и его потомков.

Чингисхан был в ярости, узнав о раздоре между сыновьями. Он вызвал их к себе, и тут же подверг остракизму, отказав им в приеме. Когда он, наконец, допустил их к себе, он ругал, корил и умолял их. Из этого периода его жизни до нас дошло больше его высказываний, чем из какого-либо другого. Они показывают, как росла его обеспокоенность, и одновременно, как слабела его власть над собственной семьей. После долгих лет небрежения он попытался обучить своих сыновей сразу всему. Он пытался сформулировать и понятными словами передать им уроки своей долгой и полной событиями жизни, которые до того никогда и не пытался облекать в слова. Он привык отдавать приказы, а не объяснять общие принципы.

Он пытался научить их тому, что первый ключ к власти — умение управлять собой, в особенности умение подчинять свою гордыню. Он объяснял, что это труднее, чем приручить дикого льва. Еще нужно владеть своим гневом, а это труднее, чем победить лучшего борца в племени. Он предупреждал их «пока не

проглотишь свою гордыню, не сможешь вести за собой людей». Он предостерегал их никогда не считать себя умнее или сильнее всех прочих. Он говорил, что даже на самую высокую гору может взойти зверь. И когда зверь будет стоять на вершине, он будет выше даже самой высокой горы.

Согласуясь с монгольской традицией, склонной к лаконизму, он призывал сыновей никогда не говорить слишком много. Говорить только то, что должно было быть сказано. Вождь должен показывать себя своими деяниями, а не словами. «Никогда он не познает счастья, пока народ его несчастлив». Он показывал им важность постановки общих целей и разработки подробных планов. «Пока человек не видит цели своей, он сможет устроить даже свою собственную жизнь, и тем более — жизнь других людей».

Иногда он противоречит сам себе. Он многократно подчеркивает, как важно захватить и удерживать власть, но в то же время пытается ввести осторожный консерватизм, полагая, что «твое видение не должно далеко отходить от заповеданного старшими». Как он объяснял, «старая рубаха или старый халат всегда удобнее и приятнее носить, они легко преодолевают все трудности, а новые непроверенные быстро рвутся и портятся».

Сам сторонник практичного и простого образа жизни, он предостерегает их от «цветной» жизни полной материальных излишеств и суетных удовольствий. «Легко будет забыть свою цель и мечту, когда у тебя будет пышная одежда, быстрые кони и красивые

женщины». В этом случае, «ты будешь не лучше раба, и наверняка потеряешь все это».

Он учил своих сыновей, что есть разница между тем, как победить армию, и тем, как покорить народ. Если вражеское войско можно разбить при помощи правильной тактики и верных людей, то чтобы покорить народ, нужно завоевать сердца людей. Он даже дает такой совет, который отмечен некоторым идеализмом: «Людьми, которых покорили по разным берегам озера, пусть управляют по разным берегам». То есть не стоит объединять в один цельный народ все разнообразие покоренных народов. Как и многое другое в его учении, это правило было нарушено его сыновьями и их наследниками.

Монгольское нашествие завершилось под городом Мультап, в центре современного Пакистана, летом 1222, года Коня по восточному календарю. Спустившись с гор в долину реки Инд в начале того же года, Чингисхан собирался покорить всю северную Индию, обойти Гималаи с юга и направиться на север в сторону сунского Китая. Такой план вполне годился для монголов, которые считали плохой приметой возвращаться той же дорогой, которой пришел. Впрочем, климат и ландшафт остановили их. Как только монголы спустились с сухих и холодных гор, воины и кони тут же ослабли и начали болеть. И что еще страшнее, знаменитые монгольские луки, которые верой и правдой служили в суровом климате родной Монголии, во влажном воздухе ослабли и потеряли свою убийственную точность, делавшую мон-

голов непобедимыми воинами. Столкнувшись с этими препятствиями, Чингисхан повернул назад в горы в начале февраля, и невзирая на чудовищные потери среди пленных, которые расчищали горные перевалы, вернулся обратно на более прохладные равнины Афганистана. Он оставил для дальнейшего завоевания два тумена, то есть около двадцати тысяч человек, но болезни и жара так проредили их ряды, что осенью выжившие отступили и кое-как добрались обратно на север.

Несмотря на провал похода на Индию, эта кампания достигла своей самой важной цели — Хорезм был покорен, и Средняя Азия и внушительная часть Ближнего Востока оказались подчинены монголам. Прежде чем покинуть новозавоеванные земли, Чингисхан устроил праздник, которому предшествовала, наверное, самая большая охота в истории человечества. Зимой 1222–1223 гг. его воины оградили большую территорию, установив по ее границам столбы, между которыми были привязаны пасма конского волоса. На них висели полоски войлока, и когда дул ветер, полоски двигались и пугали животных, которые убежали обратно вглубь этой территории. В назначенное время разные армии начали собираться в этот район с разных направлений. Десятки тысяч солдат приняли участие в охоте, которая продлилась несколько месяцев. Они брали всякого зверя, начиная от кроликов и птиц, и заканчивая газелями, антилопами и дикими ослами.

Охота была частью празднества, но она кажется

также попыткой Чингисхана использовать праздничный настрой охоты, чтобы смягчить отношения между своими сыновьями, успокоить горячий гнев войны и закончить кампанию на дружеской и ноте.

Отец и сын больше никогда не виделись. Вместо того, чтобы вернуться в Монголию, Джучи предпочел остаться в новых завоеванных землях. Вскоре он там умер при обстоятельствах столь же туманных и загадочных, сколь и те, при которых он появился на свет. Он умер еще при жизни отца, и это породило множество слухов о том, что мог сам убить своего старшего сына, чтобы утвердить мир и единство в своей семье и всей Монгольской империи. Впрочем, как и со многими другими эпизодами монгольской истории, до наших дней не дошло ничего кроме слухов об этой смерти, а свидетельств в пользу или против такого предположения не существует.

Несмотря на трения внутри семьи Чингисхана, возвращение победоносной армии стало настоящим торжеством для монголов. Победный дух групповой охоты окрасил их возвращение домой, а чувство гордости и успеха вылилось в радостное празднование — Наадам.

Перед армией победителей шли длинные караваны с пленными. Почти пять лет из мусульманских земель в Монголию тек непрерывный поток караванов с захваченными богатствами. Монгольские девушки, которые проводили дни, выдавая коз и яков, когда армия отправлялась в поход, вскоре носили шелковые платья, а животных для них доили новые при-

служники. Старики, которые в детстве почти не видели металла, теперь разрезали мясо ножами из дамасской стали с рукоятями из слоновой кости, арак им подавали в серебряных кубках, в то время как для них пели и играли пленные музыканты.

Хотя Чингисхан вновь прибыл на горячо любимую родину, он не смог там задержаться надолго, его звала новая война. Вероятно, он знал, что жить ему осталось недолго, и поэтому не хотел терять ни дня, а может быть, он просто отдавал себе отчет в том, что благосостояние его империи зависит от постоянных завоеваний. Если бы он остановился, раздоры внутри его семьи разорвали бы империю на части. Наверное, самой важной причиной послужило то, что его сторонники уже привыкли к постоянному притоку богатств. Они уже не удовлетворились бы простыми товарами своего детства. Чтобы удовлетворить этот растущий аппетит, Чингисхан должен был вновь отправляться в поход.

Он начал последнюю в своей жизни войну против тангутов, тех самых тангутов, которые стали его первыми иноземными противниками в 1207 году. Несмотря на то, что они изначально покорились монголам, Чингисхан затаил гнев на их хана, который отказался предоставить монголам войска для войны против Хорезма. Царь тангутов нагло ответил ему, что если Чингисхан не может победить Хорезм в одиночку, то ему нечего и вовсе идти на войну. Хотя Чингисхан и был взбешен, он сосредоточился сначала на первичной цели — завоевании Хорезма. Завершив

ее, он вспомнил о тангутах. Когда он вновь двинул свои войска на юг, он практически наверняка планировал большую кампанию, в которой война против тангутов стала бы только началом. Вероятно, он хотел основать безопасную базу на территории тангутского царства, а затем нанести удар на юг — покорить Китай династии Сун, который так манил его войска, оставленные воевать в северном Китае.

Зимой 1226–1227 гг. во время перехода через пустыню Гоби Чингисхан остановился, чтобы поохотиться на диких лошадей. Он скакал на рыжеватом коне, который шарахнулся в сторону, когда на него бросились дикие лошади. Норовистый конь сбросил Чингисхана на землю. Несмотря на внутренние повреждения, усиливающуюся лихорадку и советы своей мудрой жены Есуй, Чингисхан отказался вернуться домой и продолжил поход против тангутов. Хотя его здоровье так и не выправилось, он все равно повел войну с тангутским царем, которого по странной иронии судьбы звали Бурхан, то есть «Бог». Он оказался тезкой священной горы Бурхан Халдун. Это имя было настолько свято для Чингисхана, что он приказал сменить царю имя, прежде чем казнить его.

Полгода спустя и всего за несколько дней до полной победы над тангутами Чингисхан умер. «Сокровенное сказание» четко указывает, что он умер в конце лета. Хотя «Сказание» подробно описывает каждого коня, на котором ездил хан, оно неожиданно кратко говорит о его смерти. Другие источники указывают, что когда смерть приблизилась к нему, его же

на-татарка, Есуй, приготовила его тело к похоронам так же просто и скромно, как он жил. Слуги обмыли тело и облачили его в белые одежды, войлочные сапоги и шапку, затем завернули его в белое войлочное покрывало, наполненное сандалом, который должен был отогнать насекомых и придать телу приятный аромат. Они закрепили войлочный гроб тремя золотыми ремнями.

На третий день в сторону Монголии выступила процессия. Тело Великого Хана везли на простой повозке. Впереди несли Духовное Знамя Чингисхана, за ним следовали плакальщицы, а за ними женщина-шаман. Замыкал процессию конь с болтающейся уздой и пустым седлом Чингисхана.

Трудно сказать, какую память надеялся оставить после себя Чингисхан. Мы можем получить только косвенный намек на это в хронике, которую составил Минхадж аль-Сирадж Джузджани. Он именует Чингисхана «проклятым» и описывает его смерть, как сошествие в преисподнюю, но он же приводит разговор, якобы состоявшийся с неким имамом, который служил при дворе «мерзостного завоевателя». Сам имам хвастливо утверждал, что он заслужил стать одним из приближенных монгольского хана. Во время одной беседы Чингисхан якобы сказал: «Могучее имя останется в мире после меня».

С некоторой неуверенностью имам сказал Чингисхану, что тот убил уже столько людей, что может не остаться никого, кто помнил бы его имя. Хану не понравился ответ священнослужителя, и он сказал:

«Видно, что ты ничего не понимаешь, и что мудрость твоя мала. Много в мире царей», — объяснил он этому ученому мужу. Он добавил, что в мире еще много народов и царств. Чингисхан уверенно заявил: «Они и поведают мою историю!»

Более убедительную информацию о самооценке Чингисхана в конце жизни мы находим в одном письме. Чингисхан написал его некоему китайскому монаху-даосу, копию текста составил один из его учеников. В отличие от «Сокровенного сказания», которое описывает только события и сказанные слова, это письмо — единственное свидетельство размышлений Чингисхана о самом себе и своем месте в мире. Хотя это письмо доступно нам только в переводе на классический китайский язык, который был сделан, несомненно, кем-то из киданей, странствующих вместе с монгольским двором, чувства и принципы Чингисхана довольно ясно отражаются в этом документе.

Его голос доносится до нас просто и ясно, в нем звучат опыт и здравый смысл. Он склонен приписывать поражение своих врагов скорее их собственной ущербности, чем своим уникальным способностям: «Сам я особыми дарованиями не отличаюсь». Он говорит, что Вечно Синее Небо обрекло соседние цивилизации из-за их «заносчивости и развращенности». Несмотря на огромное богатство и власть, которые он скопил, Чингисхан продолжал вести простую жизнь: «Я ношу ту же одежду и ем ту же пищу, что и пастухи в степи. Мы приносим одни и те же жертвы, и мы делим богатства поровну». Он предлагает крат-

кое резюме своего мировоззрения: «Я ненавижу роскошь» и «Я практикую умеренность». Он старался обращаться со своими подданными как со своими детьми, а одаренных людей считал себе братьями, не смотря на их происхождение. Он описывает свои отношения со своими чиновниками как близкие и основанные на уважении: «Мы всегда согласны в наших принципах и всегда объединены взаимной привязанностью».

Хотя он послал это письмо накануне своего похода против мусульманских земель, и письмо было написано по-китайски, он явно не считал себя наследником культурных традиций той или иной стороны. Он признавал только одну прежнюю империю, которая восхищала его — ту, что построили его предки гунны.

Было ясно, что он не хочет править ни в мусульманском, ни в китайском стиле. Он хотел найти свой собственный путь, подходящий степной империи потомков гуннов.

Он утверждает, что его победы стали возможны только благодаря помощи Вечно Синего Неба, но «поскольку призвание мое высоко, обязанности возложены на меня столь тяжкие». Тем не менее, он не считает, что в мирной жизни он был столь же успешен, как в войне: «Я боюсь, что правлению моему чего-то не хватает». Он говорит, что хорошие чиновники так же нужны, как хороший руль — лодке. Хотя ему удалось найти людей одаренных, чтобы они стали его военачальниками, он признает, что не смог найти

людей, которые были бы такими же хорошими управителями.

Но важнее всего то, что в этом письме отражен поворот в политическом мышлении Чингисхана. Признавая свои недостатки, он, тем не менее, показывает растущее чувство собственного значения и собственной роли на земле. Он начал войну против чжурчженей — его первую большую войну вне степи — как ряд набегов и грабежей, но в конце ее он создал там вассальное царство. Его слова указывают на более глубокий и широкий план, чем простое обогащение и контроль над торговыми путями. Он признает, что он отправился на юг, чтобы совершить то, что никто еще не совершал в истории. Он трудился над «великой работой», потому что хотел «объединить весь мир в единую империю». Он был уже не вождем какого-то племени, теперь он хотел стать правителем всех людей и земель от востока до заката.

Наверное, самое подходящее описание смерти Чингисхана принадлежит перу Эдварда Гиббона, английского историка XVIII века, крупного специалиста в истории империй и завоеваний. Он написал просто, что Чингисхан «умер в полноте своих лет и своей славы, со своим последним дыханием заклиная и повелевая своим сыновьям завоевать Китайскую империю». Чтобы исполнить это последнее желание Чингисхана, нужно было сделать еще очень многое.

6

ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЫ

Том же лете, по грехом нашим
придоша языци незнаеми.

Новгородская летопись, 1224

В пьяном угаре щедрости во время праздника по поводу восхождения на престол Великого Хана Угедея, он сам открыл сокровищницу своего отца и стал свободно раздавать богатства, лежавшие там. Он раздавал жемчуга, которые так ценили монголы, целыми коробами. Мотки шелка просто швыряли в толпу. Коней и верблюдов пышно украшали, и все монголы получили шелковые дэлы с золотой оторочкой. У них было столько ярких цветных одежд, что придворные могли каждый день обряжаться в одеяния одного цвета, а на следующий день был предписан другой цвет.

Они пили, пировали и играли в разные игры на протяжении всего лета 1229 года в Аварге, где были в

свое время возведены хранилища для огромной части добычи привезенной Чингисханом из его походов. День синего шелка сменялся днем желтого, зеленого и белого. Самая влиятельная семья в мире праздновала восхождение нового Хана. Спиртное лилось рекой. Мужчины и женщины пили до потери сознания, затем они забывались пьяным сном, а когда просыпались, то продолжали пить.

Примерно в это время семья приняла имя Золотой Семьи или Золотого Рода. Золото символизирует у монголов ханскую власть, но оно так же легко могло отражать и несметное богатство, которым обладала семья, и которое она тут же начала использовать. Без Чингисхана, чтобы укротить безумное веселье, его наследники упивались сокровищами, которых не заслужили, и вином, к которому успели пристраститься. Пьяная оргия во славу Хана Угедея задавала тон всему его правлению, и на какое-то время овладела духом всей империи. Как вскоре написал Ата-Малик Джувайни, Угедей «всегда расстилал ковер увеселения и ткал узор наслаждения вином и прекрасными женщинами».

Во время междуцарствия после смерти Чингисхана и во время монгольского празднества по поводу избрания Угедея некоторые из недавно покоренных народов откололись и перестали посылать монголам дань. Угедею пришлось посылать большие армии обратно в северный Китай и Среднюю Азию, чтобы вновь утвердить там власть монголов. Как только его утвердили в 1230 году, он послал три тумена, то есть

примерно тридцать тысяч солдат, чтобы усилить монгольский контроль в Средней Азии, но большая часть сокровищ уже была вывезена. Он послал туда армию оккупантов, а не завоевателей. Они даже брали с собой свои семьи. Уровень дани, которая поступала в Монголию из северного Китая и Средней Азии, тем не менее, оставался вполне скромным по сравнению с первичным разграблением.

Угедей не поехал со своей армией, завоевания его мало интересовали. Он решил, что как и все другие великие цари, он должен иметь свою собственную столицу — не просто несколько гэрвов, а самые настоящие здания с крышами стенами и окнами. Вопреки мнению своего отца, Угедей считал, что империя, завоеванная в седле, не обязана из седла управляться. А ведь то, что управление осуществлялось очень мобильным ханом и его двором, было одним из главных факторов, который принес монголам военный успех. Угедей попробовал создать стационарный центр для управления всей империей — это была одна из первых серьезных ошибок его короткого правления.

Поскольку родина монголов на реках Онон и Керулен теперь принадлежала, согласно монгольскому обычаю, Тулую, младшему сыну Чингисхана, Угедей решил построить столицу на своей собственной земле на западе страны. Он выбрал местность в монгольских землях в долине реки Орхон на территории, которая раньше принадлежала Он-хану из племени кераитов, а еще раньше была столицей нескольких

тюркских царств. Он выбрал место для столицы, как будто выбирал место под кочевую стоянку. В широкой степи, где сильный ветер отгонял бы комаров, с источником воды на достаточном расстоянии, чтобы жители не загрязнили его, и с горами неподалеку, чтобы отгонять туда стада на зиму. По всем этим статьям Каракорум (так называлось это место) был превосходен. Возникла только одна проблема: город с постоянным населением имеет несколько другие требования, чем прекрасный, но временный лагерь. Необходим был постоянный приток пищи в течение всего года, а силу неумения ее производить, город зависел от постоянных и очень дорогостоящих товаров, которые везли за тысячи миль с южной оконечности Гоби. Расположенный в открытой степи город не давал никакой защиты от ледяных зимних ветров. В отличие от стад и табунов, которые могли на зиму укрыться в горах, город нельзя было так просто перенести, как лагерь из шатров. Все эти проблемы с самого начала обрекли монгольскую столицу.

Угедей, вероятно, начал строительство своего дворца в обычном монгольском стиле, то есть пустил стрелу в воздух и стал строить первое крыло в направлении полета стрелы. Согласно монгольской системе измерения здание вытянулось в длину на один полет стрелы. Он построил еще одно крыло таким же образом и возвел высокий павильон в центре, чтобы соединить их. Он выстроил крепкую стену, чтобы окружить дворцы, и по этим стенам столица получила имя Каракорум, то есть «черные камни» или «черные

стены». Рашид ад-Дин описал дворец Угедея, как «удивительно высокое строение с длинными колоннами, которые будто бы поддерживали высокое здание этого царя. Мастера завершили здание, раскрасив его разноцветными картинками и узорами».

Монголы продолжали жить в своих гэрах в открытой всем ветрам степи вокруг Каракорума. Ханский двор переезжал с места на место, в зависимости от времени года — зачастую он перемещался на несколько дней, а то и недель пути от столицы. Здания Каракорума возвели китайские архитекторы и строители, но личный дворец Угедея был построен в арабском стиле. В отличие от других мировых столиц, которые становились воплощением силы и величия правящей фамилии, Каракорум служил в первую очередь огромным хранилищем и мастерской. Сами монголы нечасто заезжали туда, включая и самого Угедея. Город стал для них базой, где они хранили свои богатства, а среди этих богатств числились и умелые ремесленники, работавшие на них. Город производил мало товаров, но в нем собиралась дань, взятая со всех земель империи. Там жили также писцы и толмачи из каждого народа в империи. Они занимались перепиской с каждой провинцией в отдельности.

Самое древнее описание Каракорума приводит Джувайни. Он описывает сад окруженный стеной, в которой были устроены четверо врат, по числу сторон света. Внутри сада китайские мастера возвели «замок с дверями, подобными дверям того сада; а внут-

ри него поставили трон с тремя ступенями: одна для Хана Угедея, другая для его женщин, а третья — для его виночерпиев и столовых.» Перед этим дворцом Угедей устроил несколько озер, «где вскоре развелось много птиц.» Он завел себе привычку любоваться на то, как птицы охотятся, прежде чем обратиться к радостям попойки. Его пристрастие к спиртному выразилось также в том, что в центре дворца стояли золотые и серебряные цистерны, такие большие, что рядом держали верблюдов и слонов, которые должны были «помогать доставать оттуда напитки, когда приходило время пира и праздника».

Кроме дворцов для себя и всех членов Золотой Семьи, Угедей построил несколько храмов для своих последователей их буддистов, христиан, мусульман и даосистов. При Угедее христиане пользовались особым почетом при монгольском дворе, поскольку сам он, как и его братья, в свое время взял себе жен-христианок еще во время похода против кeraitов и найманов. Его потомки тоже были христианами, и ту же веру исповедовал его любимый внук, Ширемун (Соломон). Христианство было для монголов привлекательно еще и благодаря имени Иисуса. Они называли его «Есу», а это слово по-монгольски звучало как священное число девять, и еще было созвучно с именем Есугея, отца Чингисхана и основателя всей династии. Несмотря на особое благоволение к христианам, небольшой город Каракорум был, наверное, самым открытым и терпимым городом в тогдашнем мире. Нигде больше представители стольких разных веро-

исповеданий не могли отправлять свои религиозные обряды бок о бок в мире и покое.

Чтобы привлечь в свою новую столицу торговые караваны, Угедей бесконечно щедро платил за любые товары, которые прибывали к его двору, несмотря на их количество, качество и вообще необходимость. Рашид ад-Дин пишет, что Угедей «каждый день садился перед двором своим, а перед ним складывали груды всяческих товаров, какие только можно найти в мире. Их раздавал он всякому своему подданному монголу или правоверному, и часто случалось так, что он приказывал человеку высокого положения брать столько, сколько он только сможет унести». Кроме множества скота и пищи, купцы привозили ткани, слоновую кость, жемчуг, охотничьих соколов, золотые кубки, украшенные самоцветами кушаки, ивовые рукояти для кнутов, обезьян, луки, стрелы, одеяния, шапки и рога редких животных. В Каракорум стекались так же артисты и искусники: актеры и музыканты из Китая, борцы из Персии и даже придворный шут из Византии.

Угедей-хан часто платил вдвое против запрошенной цены за привозные товары, чтобы показать свою милость купцам, проделавшим такой долгий путь и поощрить других делать то же самое. Угедей также постановил, что купцам следует платить запрошенную цену с десятипроцентной премией. Монгольская столица также при необходимости предоставлял торговцам помощь в организации и финансировании караванов. Чтобы развить торговлю, Угедей ввел

стандартизированную систему мер и весов, которая постепенно заменила собой разнорасчетную и мерных единиц, использовавшихся в разных странах. Поскольку слитки золота и серебра было так тяжело и опасно перевозить, монголы создали систему бумажных денежных облигаций, которые ускорили и обезопасили торговлю.

Армия Угедея утвердила монгольское владычество в Средней Азии. Его войска под водительством опытного военачальника Субэдея в союзе с империей Сун окончательно разделили между собой земли и богатства чжурчженей. Его отец обеспечивал постоянный приток богатств в Монголию тем, что жил в седле и постоянно завоевывал новые земли. Угедей же последовательно использовал мощь своей армии для того, чтобы сделать торговлю более удобной и безопасной, а вместе с тем и привлечь на родину купцов из других стран.

Он установил постоянные гарнизоны по охране дорог и ликвидировал сложную систему местного налогообложения и практику вымогательства, которые очень увеличивали расходы на любой торговых караван. Монголы высаживали вдоль дорог деревья, чтобы они давали укрытие от летнего солнца и указывали дорогу в зимних снегах. Там, где деревья не росли, они воздвигали каменные верстовые столбы. Джувайни отмечает, что монгольские дороги были созданы так, что «если где только мелькал призрак прибыли и выгоды, на западе или на востоке, правоверные купцы тут же отправлялись в путь».

Когда Угедей спешился в Каракоруме и стал возводить там каменные здания, которые так ненавидел его отец, он сделал первый шаг в сторону от заветов Чингисхана. Таким образом, начался процесс перестройки, которая за сорок лет превратила монголов из воинов-кочевников в обычный оседлый двор, которому не удалось избежать всех ловушек и деградации цивилизованных монархий. Наследие Чингисхана было тогда предано забвению.

К 1235 году Угедей умудрился расточить почти все богатство своего отца. Его город отнял много средств на строительство, да и поддерживать в нем жизнь было недешево, а сами привычки и образ жизни хана тоже требовали огромных затрат. Со всей империи исправно поступала дань, но объемы ее не могли сравниться со временами Чингисхана. Что бы Угедей ни предпринимал, чтобы построить столицу и реформировать систему управления, Монгольская империя основывалась на завоеваниях. Ему было критически необходимо открыть новый источник богатств, чтобы продолжать вести тот образ жизни, к которому и он сам и другие монголы уже привыкли. Монголы не выращивали злаков и не производили никаких товаров, да к тому же они и думать не хотели о том, чтобы продавать своих лошадей, которых выращивали в таких несметных количествах. Чтобы сохранить империю, Угедей-хан должен был снова повести ее на войну против земель, которые еще не были покорены и разграблены. Но где была такая земля?

Чтобы определить цель будущего завоевания, Угедей созвал курултай в степи неподалеку от своей новой столицы. Единодушия не было и в помине. Одни хотели двинуть армию на юг, в Индию, от покорения которой Чингисхан в свое время отказался из-за невыносимой жары. Другие настаивали на том, что нужно развивать наступление вглубь Персии и дальше, на знаменитые города арабов — Багдад и Дамаск. А третьи вообще советовали ударить по Китаю династии Сун, с которым монголы еще недавно были в союзе.

Впрочем, один человек придерживался другого мнения. Субэдей, который только что вернулся с победоносной войны против чжурчженей, был самым влиятельным военачальником армии Чингисхана. Он отлично разбирался в ведении осадной войны и использовании огромных боевых механизмов, без него не обходилось ни одно значительное завоевание монголов. Тогда ему уже исполнилось шестьдесят, он, видимо, был слеп на один глаз, и, говорят, так растолстел, что не мог ездить на лошади, поэтому его приходилось перевозить в железной боевой колеснице. Несмотря на физические недостатки, его ум был острым и проницательным, и сам он был готов начать новую войну.

Вместо того, чтобы вновь выступать против мусульман и китайцев, чьи войска он уже неоднократно побеждал, Субэдей хотел изменить общему плану Чингисхана и организовать полномасштабный поход на запад, в Европу. Это была ранее неизвестная мон-

голам цивилизация, которую Субэдей недавно обнаружил практически случайно. Он настаивал, что как Китай, Индия и исламские страны, Европа тоже обещала большие богатства. Он уже сталкивался с европейскими армиями и знал, как легко можно их разбить.

Для большинства монголов, собравшихся на курултай, Европа была чем-то совершенно неизвестным. Субэдей был единственным оставшимся в живых военачальником, который побывал там и малыми силами испытал тамошние войска.

Он попал в Европу почти десять лет тому, в 1221 году, во время похода Чингисхана на Хорезм. Субэдей и Джебе обошли Каспийское море в погоне за султаном Хорезма. После его смерти они получили разрешение отправиться дальше на север, чтобы разведать тамошние земли. Там они наткнулись на христианское Грузинское царство, которым правил в то время Георгий III.

Джебе повел свой тумен в бой, чтобы испытать защиту грузин. После столетий войн с мусульманскими соседями Грузия могла похвастаться умелой и дисциплинированной армией. Действуя на своей территории, грузины приготовились встретить монголов так же, как они до этого встречали многочисленные тюркские и мусульманские армии. Монголы Джебе подъехали к ним, сделали несколько залпов и тут же повернули обратно. Грузины решили, что войска врага в панике бегут с поля боя и бросились в погоню. Конечно же, это был обычный прием монго-

лов — ложное отступление. Самоуверенные войска грузин сломали ряды и в беспорядке стали преследовать монголов, которым едва удавалось держаться впереди. Грузинские лошади постепенно стали устывать, ослабшие стали отставать и войска растянулись в длинную линию.

Оказалось, что воины Джебе привели усталых врагов прямо в ловушку, которую приготовили солдаты Субэдея. Когда они бросились в атаку на грузин, воины Джебе спешили, пересели на свежих коней и тоже ввязались в бой. Через несколько часов грузинская армия была полностью уничтожена вместе со всеми аристократами этого маленького народа. Субэдей сделал Грузию вассальным государством, которое еще долгие поколения оставалось самым верным союзником монголов в Европе.

Закончив с этим испытанием, Субэдей и Джебе двинулись с гор вниз, чтобы исследовать равнины восточной Европы и узнать, чего стоят тамошние воины на поле боя. Монголы вели разведку организованно и настойчиво. Благодаря осторожному и внимательному сбору информации, они скоро выяснили число народов, расположение городов, политическую ситуацию и конфликты между ними. Монголы обнаружили тюркское племя кипчаков, которые жили между северными побережьями Черного и Каспийского морей. Кипчаки были кочевниками и вели понятный и знакомый монголам образ жизни. Играя на общности обычаев и сходности языка, монголы сумели заручиться поддержкой некоторых из них

и многое от них узнали. Особый интерес Субэдея привлекали земледельческие княжества на севере и западе. В тех землях было много городов, и все они были объединены Православием и общим славянским языком. Тем не менее, их горделивые князья постоянно воевали между собой. Субэдей повел войска против них, чтобы проверить, как они отреагируют. Он достиг берегов Днепра в конце апреля 1223 года.

Православные русичи сумели кое-как объединиться, чтобы дать отпор язычникам. В спешке были собраны войска, которые выступили из всех маленьких княжеств и городов-государств Руси — Смоленска, Галича, Чернигова, Киева, Волыни, Курска и Суздаля. К ним даже присоединились некоторые силы кипчаков. Три самых больших армии привели три князя Мстислава — Галицкий, Черниговский и Киевский. Самым влиятельным из них был Мстислав Романович, князь Киевский. Он привел самую большую дружину вместе с двумя своими зятьями.

Пока русские войска медленно стягивались к месту сбора, монголы послали к ним посольство из десяти человек, чтобы оговорить условия сдачи или союза. Русские тут же казнили послов, не имея никакого представления, как грубо они нарушают правила монгольского дипломатического этикета, и какую огромную цену им и их потомкам придется за это заплатить.

Монголы начали битву коротким столкновением, после которого тут же откатились на восток, как будто боялись сражаться с таким могучим врагом.

Отряды русичей и некоторая часть их союзников-кипчаков отправились в погоню, но день за днем монголы оказывались чуть-чуть впереди преследователей. Некоторые дружины вообще еще не прибыли и потому не могли присоединиться к погоне, тяжелые отряды стали отставать от более мобильных, которые сидели буквально на хвостах монгольских коней. Русичи не хотели прекращать погоню, так как боялись потерять возможность захватить огромное количество монгольских коней и другую добычу, которую монголы захватили в Грузии, Персии и Азербайджане. В погоне за славой и богатством русские князья стали подгонять своих солдат, обещая награду тем, кто первыми нанесет удар монголам. Тем не менее, они не выработали никакого плана организованного отступления или перегруппировки войск.

Погоня длилась почти две недели. Когда авангард русских войск нагнал монголов на реке Калке, они «вынудили» монголов принять бой именно на том месте, которое для этого тщательно выбрали Джебе и Субэдей. Не задерживаясь, чтобы дать отдых своим утомленным погоней людям, русские князья приготовились к атаке.

Позднейшие летописи дают различное число русских воинов, который приняли участие в битве, оно колеблется от сорока до восьмидесяти тысяч человек. Таким образом, русичи имели как минимум двойное численное преимущество. Но воины Руси набирались все больше из крестьян, которые, будь они в хорошей форме, могли бы оказаться полезными в слу-

чайной стычке, но никак не идущих в сравнение с профессиональными солдатами монголов. Это усугублялось тем, что битва произошла после долгой зимы, во время которой крестьяне питались весьма скудно, что, разумеется, не сказалось лучшим образом на их боевых качествах. Большинство из них больше привыкли косить и пахать, чем воевать. Князья уверяли своих воинов в быстрой и легкой победе. Крестьяне сомкнули ряды и выставили вперед щиты. Каждый воин нес при себе то оружие, какое смог добыть — самодельный меч, копье, булаву или просто дубину. Небольшой отряд лучников стоял неподалеку, а закованные в броню гордые дружинники князей гарцевали позади пехоты.

Русские войска сплотили ряды, стояли плечом к плечу, не зная чего ждать от монголов, но решительно не настроенные разрушать свой боевой порядок. Но монголы не пошли в бой так, как этого ждали от них русские. Вместо этого они стали вдруг петь и бить в барабаны, а затем они вдруг все одновременно замолчали. Настала напряженная тишина. Поскольку выдался ясный весенний день, монголы решили использовать систему сигнальных флагов для передачи команд. По этому знаку конные лучники молча поскакали в сторону позиций русичей. Топот копыт их коней сотрясал землю и отдавался в ноги пешим воинам. Русские приготовились отразить атаку конницы, но так и не дождались ее. Монголы остановились на некотором расстоянии и выпустили тучу стрел прямо в плотные ряды противника. Воины па-

дали один за другим в лужи крови, а нанести ответный удар было некому, некого было ударить мечом или оглушить палицей. Они могли только вести заградительный огонь, но монголы специально сделали стрелы таким образом, что русские не могли подобрать их послать обратно в монголов, так что все, что могли делать русичи, — это в ярости ломать дрова, чтобы монголы уже не смогли больше использовать эти стрелы.

Пока пехоте устраивали кровавую баню, лучники русичей сделали несколько залпов по монголам, но их слабые европейские луки не шли ни в какое сравнение с монгольскими, так что редкие стрелы достигли цели. Монголы подхватывали их стрелы и тут же отправляли обратно, так как выемки на них позволяли легко использовать и монгольские луки. Ошеломленные войска русичей в панике откатились назад. Монголы последовали за ними, как будто они гнали на охоте стадо оленей или газелей. Когда бегущие воины столкнулись с рядами тех, кто еще только подходил к полю боя, они запрудили дорогу и только усилили хаос.

Русские князья восседали на своих огромных боевых скакунах, со своими сияющими копьями, острыми мечами, яркими хоругвями и знаменами, облаченные в стальные доспехи. Их европейские боевые кони были очень сильны, так как им приходилось носить на себе владельца в его тяжелых доспехах, но они не отличались ни выносливостью, ни скоростью. В обычной войне закованным в броню

князьям нечего было особо бояться на поле боя, но теперь, когда их пехота обратилась в бегство, им тоже пришлось бежать. А их прекрасные боевые кони не могли долго нести такую тяжесть. Монголы догоняли облаченных в доспехи воинов и одного за другим сбрасывали на землю и убивали князей русских городов-государств. Монголы продолжили преследование до самого Черного моря. В Новгородской летописи сказано, что «вой толико десятый прииде.» Впервые со времен нашествия гуннов, которое произошло почти тысячу лет тому, азиатские кочевники вторглись в Европу и полностью уничтожили огромную армию.

После этого похода Джебе и Субэдей повели своих солдат на юг, чтобы провести весну на отдыхе на полуострове Крым. Они отпраздновали победу пьяным пиром, который длился много дней подряд. Почетным гостем на пиру были князь Мстислав и оба его зятя, но то, как с ними обошлись, показывает, как сильно изменились монголы со времен Чингисхана. Монголы одели их в войлочные халаты, как и подобает аристократам, и положили их под доски пола в своем праздничном гэре.

Таким образом, они медленно и бескровно убили их, пока день и ночь веселились в шатре. Монголам было важно, чтобы русичи поняли, какое суровое наказание их ждет за убийство монгольских послов, но их предводителям было настолько же важно показать, какая месть ждет всякого, кто посягнет на жизнь монгола.

Хотя летописцы Армении, Грузии и Древней Руси отметили появление монголов, они не имели ни малейшего представления о том, что это был за народ, и куда он ушел после того. Летописцы объясняли ужасное поражение, которое потерпели русичи от рук этих странных людей, как наказание Божье. Поскольку монголы не оккупировали их земли, а вернулись обратно в Монголию, европейцы быстро забыли о них и вернулись к своим внутренним склокам. С христианской точки зрения, монголы уже исполнили свою роль бича Божьего, и потому Господь вернул их обратно в их земли. Новгородская летопись говорит: «Сих же злых Татар Таурмен не сведаемь откуда быша пришли на нас и камо ся дели опять».

Двенадцать лет спустя после первой победы Субэдея над русичами участники курултая Удедея рассмотрели информацию о тогдашнем походе. Главным интересом Удедея были богатства, которые можно было бы получить в этой кампании, а не тактика и стратегия. Несмотря на полную победу над войсками врага, этот поход принес меньше добычи, чем во времена китайской и хорезмской кампаний. Поскольку у Субэдея не было достаточно времени и войск для того, чтобы взять укрепленные города, но его разведка открыла, что в этой стране много городов. Но еще важнее было то, что во время отдыха в Крыму монголы обнаружили там торговые колонии генуэзцев и разграбили некоторые из них.

Удедей, похоже, не слишком-то любил Субэдея и сильно ему не доверял. Вероятно, военачальник пла-

тил хану той же монетой. Субэдея поддерживал в первую очередь род Джучи, который жил на своих наследственных землях около реки Волги, завоеванных Субэдеем. После смерти Джучи ему наследовал его сын Батый (в монгольском произношении «Бату»). Как второй по старшинству и самый способный из внуков Чингисхана, Бату-хан был наиболее вероятным кандидатом на престол Великого Хана после смерти Угедея. Завоевание Европы принесло бы его роду большие богатства и престиж.

По тем же причинам, по которым Батый настаивал на этом походе, Угедей противился ему. Сам он получил бы гораздо больше от похода против династии Сун. Родовые земли Угедея лежали в самом центре Монгольской империи, и от Европы его отделяли земли обоих братьев. Между тем, до сунского Китая ему было куда ближе — стоило только преодолеть земли младшего брата, Тулуя. Угедея успокаивало еще и то, что всего четыре года назад — осенью, когда арак получался особенно крепким — сорокалетний Тулуй крепко напился, с трудом вышел из своего шатра и упал не землю мертвым. Угедей немедленно попытался аннексировать земли умершего брата, в которые входила и прародина монголов около горы Бурхан Халдун. Он хотел женить своего сына Гуюка на вдове Толюя Соркуктани, керайтке и племяннице старого Он-хана. Но она отказала, объяснив это тем, что ее четверо малолетних сыновей требуют ее безраздельного внимания. Это решение потом оказало огромное влияние на всю историю монголов, но пока что

юные сыновья Тулуя не могли соперничать со своим дядей, Великим Ханом.

Двинувшись на юг, Удегей усилил бы свое присутствие в регионе и окружил земли Соркуктани. Он рассчитывал использовать это вторжение как повод для того, чтобы взять на себя руководство несколькими отрядами воинов из тех, что принадлежали его покойному брату. Таким образом, для Удегея поход против империи Сун мог бы принести двойную выгоду, давая ему возможность не только разграбить богатые южно-китайские земли, но и еще один шанс аннексировать земли умершего мужа Соркуктани.

Семья разделилась — одни стояли за поход в Европу, а другие — за вторжение в южный Китай. Тогда они приняли беспрецедентное решение: монгольская армия выступит сразу в обоих направлениях и нанесет удар одновременно по Китаю и Европе. Монгольская армия растянется на расстояние более пяти тысяч миль и более ста градусов долготы — такой военной операции мир не знал после до Второй мировой войны, когда США и союзники вели боевые действия одновременно в Европе и в Азии. Угедей-хан послал три армии, которые доверил своим любимым сыновьям, чтобы напасть на Китай с разных сторон. Европейская кампания была доверена Батыю, которому окажет содействие Субэдей. Удегей, видимо, пытаясь уменьшить власть Батю, приказал внукам всех четырех ветвей рода принять командование различными частями в этой войне. Сам Удегей послал на запад своего самого нелюбимого сына — Гуюка.

Это решение было очень смелым — и самым фатальным в истории монгольской империи. Несмотря на многие успехи, которые были достигнуты монголами в походе против Китая, им так и не удалось покорить центральные земли династии Сун, а сам Угедей потерял на этой войне своего любимого сына. Вероятно, причиной тому стало отсутствие единой точки приложения сил и помощи со стороны Субэдея. Поскольку вторжение осуществлялось только половиной армии, династия Сун смогла продержаться еще сорок лет, прежде чем все-таки покориться монголам. А вот европейская кампания, несмотря на постоянную грызню между младшими чингизидами, принесла ошеломительный военный успех. Правда, добыча была очень скудной по сравнению с походами Чингисхана.

Подготовка к военной кампании против Европы заняла два года. Посланники летели во все стороны света, чтобы сообщить о решении курултая и передать приказы Хана. Система почтовых станций, которую создал Чингисхан, была обновлена и расширена решением курултая от 1235 года. Поскольку монголы собирались вести войну на таком широком фронте, быстрая и надежная связь стала насущной необходимостью. Прежде чем начать полномасштабное вторжение, монголы послали вперед небольшие отряды, которые должны были проверить защиту противника и разведать пастбища и источники воды для коней. Они определили долины и равнины, на которых будет легко выкармливать коз и овец, и те, на кото-

рых будут пасти коней и коров. Там, где естественных пастбищ было недостаточно, монголы использовали под них пахотную землю. Они направляли небольшой отряд, в задачу которого входило сжигать деревни и поселения на пути армии. Как только крестьяне уходили, их поля становились лугами для монгольских скакунов.

Пять лет монгольской кампании в Европе отметили зенит монгольской военной мощи. На поле боя почти все всегда шло согласно планам. Монгольская армия, которая должна была покорить Европу состояла из примерно пятидесяти тысяч монголов и еще ста тысяч их союзников. Субэдей воплощал в себе весь накопленный опыт степного охотника и воина, который долго шел за Чингисханом и знал, как тот мыслил и действовал. К тому же в этом походе принимали участие Бату и Мункэ — два самых разумных внука Чингисхана. К началу кампании монгольская армия уже приняла на вооружение лучшие китайские и мусульманские технологии и военные знания, и представляла собой военную силу, которая, наверное, превосходила даже войско под командой самого Чингисхана.

Субэдей начал кампанию с завоевания земель, населенных волжскими булгарами. Армия выступила в поход в 1236, году Обезьяны по восточному календарю. Перед ней двигался отряд из примерно двухсот разведчиков, а сзади ее охранял такой же по численности отряд арьергарда. Как только они достигли берегов Волги, началось настоящее вторжение. Монго-

лы прибегли к необычной, но давно и хорошо известной им стратегии: они разделили свои войска и нанесли удар с нескольких направлений. Таким образом, нельзя было понять, какой князь или город станет их следующей целью. Если бы один князь пошел с войсками на выручку другому, он оставил бы свой родной город без охраны, и монгольские войска могли бы легко завладеть им. Поэтому каждый из князей сидел в своем городе и не думал, объединяться с другими, чтобы дать общий отпор врагу.

Субэдей повел свои силы вверх по течению Волги, в направлении прародины булгар, а Мункэ, старший сын покойного Тулуя, повел другую армию против кипчаков. Некоторые из них бежали от него, но другие согласились помочь ему в войне против русских городов. Армия булгар была быстро побеждена, и монголы использовали захваченную территорию как оперативную базу для своей войны, там же они выпасали и более миллиона голов скота. Некоторые кочевые племена, которые уже жили на восточноевропейских равнинах, добровольно присоединились к монголам, а другие бежали от нашествия и несли перед ними волну страха и паники.

Из своего военного лагеря на Волге монголы начали проводить свою пятилетнюю военную кампанию по территории современных России и Украины. Они выяснили, что князья и города этих земель все также воюют друг с другом, как и двадцать лет тому, во время первого появления монголов. Монголы всегда соблюдали в войне определенные формальности.

Сначала они всегда отправляли послов в столицу государства с предложением покориться, влиться в монгольскую семью и стать вассалами Великого Хана. Если ответ был положительным, послы предлагали новым вассалам защиту от врагов и позволяли сохранить свою правящую фамилию и религию. Взамен народ должен был платить монголам десятину. Несколько городов приняли это предложение.

Одной из первых целей стала Рязань. Новгородская летопись приводит такую запись от 1238 года: «В то лето придоша иноплемьници, глаголемии Татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы пружи». Первый небольшой отряд монголов разделился, чтобы уничтожить деревни и села. Каждый монгол захватил в плен некоторое число крестьян, которых затем использовали на различных вспомогательных работах. Затем они сожгли деревни, а выживших крестьян отпустили, чтобы те искали защиты за деревянными стенами городов. Когда монгольские войска, наконец, подошли к городу, тот был переполнен людьми и измучен страхом. Монголы отправили в город женщину-посла, чтобы оговорить условия сдачи. Городские власти испугались, что она ведьма и не стали вести с ней никаких переговоров. Монголы приготовились к штурму.

Монголы казались русичам очень страшными. Очевидец пишет: «Грудь у них сильная и крепкая, лица — бледные и худые, высокие плечи и короткие бесформенные носы; скулы у них широкие, нижняя челюсть выдается, зубы редкие и длинные, брови идут

от волос к носу, глаза черные и жадные, конечности длинные и костистые, ноги крепкие, но короткие ниже колена». В бою монголы носили легкие кожаные доспехи, крепкие впереди, но мягкие сзади, «чтобы не было искушения обратиться в бегство». В битве «несли они копья, дубины, боевые топоры и мечи... и сражались храбро, но более всего доверяли своим лукам». Если их брали в плен, «они никогда не просили пощады, и сами никогда не щадили побежденных». Их «цель и задача в том, чтобы покорить все народы мира».

Вместо того, чтобы штурмовать стены Рязани, монголы заставили своих пленных рабочих возвести вокруг города еще одну стену, которая окружила весь город. Монголы поставили на стене караулы и закрыли ворота, полностью отрезав горожан, таким образом, от остального мира. Они не могли также делать вылазки против монголов и пытаться разрушить их осадные орудия.

Эта стена была деревянным подобием стандартной «нэрге», загородки, которую монголы использовали во время групповых охот. Стена не позволяла также подкреплениям или обозам с припасами проникнуть в город. Но самым сильным психологическим эффектом этой стены стало то, что она заперла жителей в их собственном городе и лишила даже те ни надежды. За своей стеной монголы оказались вне досягаемости стрел, которые пускали со стен, а также могли спокойно и тайно сооружать за ней свои осадные орудия.

Из-за своей стены монголы смотрели теперь на Рязань, как смотрели из-за нэрге из войлочных одеял на свою сбившуюся в кучу добычу. Горожане уже привыкли, что осаждающие используют катапульты и тараны, но они оказались совершенно неподготовленными к массивованному артобстрелу, который монголы превратили в новый высокоэффективный вид боевых действий. Их катапульты обрушивали на город огромные камни, стволы деревьев, горящие горшки с нефтью-сырцом, порохом и маслом. Монголы использовали такие снаряды для того, чтобы поджечь город, а также как дымовые шашки, призванные распространять отвратительный запах. Все это считалось в средневековой Европе признаками злого колдовства и источником инфекционных заболеваний.

Кроме того, монголы пользовались огненными копьями, которые могли перебросить за стены города небольшие взрывающиеся снаряды. Эти таинственные устройства вызвали такой ужас у защитников, что они затем написали, что монголам служили не только кони, но и огнедышащий дракон.

Такой артобстрел не только деморализовал защитников города, но и разрушил его фортификации. Пять дней на головы жителей Рязани лился огонь, а затем монголы выступили из-за стены и приступили к штурму при помощи приставных лестниц и таранов. Они взяли город приступом меньше чем за один день. Горожане стали искать спасения в церкви, и многие там и погибли, задохнувшись в дыму от

пожаров, начатых монгольскими снарядами. Победители собрали в одном месте всю аристократическую верхушку города и тут же их всех казнили. Как написал русский летописец того времени «ни единого ока не осталось открытым, дабы оплакать умерших». Монголы отобрали тех пленников, которых собирались использовать на принудительных работах, а остальных погнали к следующему городу. Беженцы не только донесли до других городов ужасные подробности падения Рязани, но и переполнили их, так что когда монголы подошли, запасы в городах были уже на исходе.

Пока пленники разбирали стену и переносили бревна в окрестности следующего города, монгольские чиновники провели опись захваченных животных, рабов и товаров. Они разделили добычу согласно обычаю между всеми, начиная с вдов и сирот и заканчивая Золотой Семейей. Затем они отослали тысячи пленных, которые должны были нести добычу в Каракорум.

Беженцы разнесли весть о монгольском нашествии по всей Европе, как можно установить по хроникам, написанным Матье Пари, монахом-бенедиктинцем в аббатстве св. Альбана, что в Хертфордшире. В 1240 году он записал наиболее древнее из известных упоминаний о монголах в Западной Европе. Он называл их «бессчетной ордой презренных детей Сатаны» и «демонами, вырвавшимися из Тартара». Он ошибочно полагал, что «зовут их тартарами по имени реки Тартар, которая течет в их горах». Также сыг-

рало свою роль созвучие названия племени с наименованием античной преисподней — Тартара.

Пари пишет, что монголы «разграбили восточные страны, и всюду, куда бы они ни пришли, несли с собой огонь пожаров и кровь невинных жертв». Затем он описывает ужасные подробности деяний монголов, которые «разрушали города до основания, сжигали леса, ниспровергали замки, вырубали виноградники, уничтожали сады и убивали людей. Тех же, кто умудрялся вымолить у них прощение, они делали низкими рабами и гнали перед собой, чтобы они дрались против своих соотечественников. А если они лишь притворялись, что сражаются или пытались как-то предупредить своих родичей, татары убивали их на месте. Если же они храбро сражались, они не получали и слова благодарности, ибо эти бездушные дикари считали их животными, такими же как их кони».

Матье Пари переходит от диатрибы против монгольских захватчиков к истерическому всплеску ненависти: «Они не люди и не людского рода, они скорее звери, чем люди, кровожадные, пожирающие плоть собак и людей». Иногда он приводит и точные данные: «Они одеваются в шкуры быков, а сражаются железными копьями, они низкорослы и крепкого сложения, они очень сильны; непобедимы в битве, неутомимы в труде; они не носят никаких доспехов на спине, но используют кожаные нагрудники; они пьют человеческую кровь и считают ее изысканным лакомством; у них могучие кони, которые едят листья деревьев и даже сами деревья, коротконогие, а в

седло они садятся при помощи трех ступеней, а не стремян». Он мешает истину с предрассудками: «Они не знают людского закона, не ведают сострадания и жестокости, как дикие львы и медведи; у них есть лодки, сделанные из бычьей кожи, по одной на каждую дюжину их; они искусны в плавании, ибо без задержки пересекают бурные реки и озера; а когда нет вокруг крови, они жадно пьют взбаламученную и даже мутную воду».

В том же 1240 году, когда Маттье Пари писал свою книгу, монголы уже завершили покорение большинства крупных городов Руси и готовились к захвату самого большого политического и религиозного центра славянского мира — Киева. В холодном ноябре 1240-го года монголы перешли реку по раннему льду и отправили к воротам Киева послов. Городские власти, разумеется, их убили и выставили на всеобщее обозрение тела.

Армия монголов под руководством Мункэ собралась вокруг города в начале зимы. Русские летописцы называли это «тьмой татарской». Говорят, что шум, который издавал монгольский лагерь, был таким громким, что горожане не слышали один другого. Пока воины сражались на стенах, мирные жители искали спасения в огромной каменной Десятинной церкви. Когда внутри уже не осталось места, они заперли двери церкви. Многие карабкались по стенам, чтобы выбраться на крышу. Сверху оказалось такое количество народу, что все здание обрушилось, похоронив под собой людей.

Монголы взяли город 6 декабря 1240 года. Они разграбили его и сожгли до основания. Киевский воевода Дмитрий сражался настолько отважно и упорно, даже после того, как его оставили многие бояре, что Батый, восхитившись его военным дарованием и решительностью, сохранил ему жизнь и отпустил на волю. Русская часть монгольского нашествия приближалась к концу. Уже в записи от 1242 года Новгородская летопись начинает называть хана Бату «царем», русифицированной формой слова «Цезарь», этим символизировалось его власть над столькими ранее враждебными друг к другу княжествами. Князь Михаил Всеволодович так обращается к Батыю: «Тебе царю кланяются, понеже ти богъ поручилъ царство света сего.»

С падением Киева монгольское завоевание восточной Европы было завершено. Перед монгольским войском катилась новая волна беженцев, которые принесли в центральную Европу рассказы об ужасах татарского воинства. Они едва успели добраться туда до разведывательных отрядов Субэдея, которые перешли по льду реки и вошли на территорию Венгрии. На полях Европы решалась судьба мира и доля власти над Монгольской империей — решалась не на полях сражений, где монголы одерживали одну победу за другой, а в тайных интригах и борьбе между внуками Чингисхана. Трудное решение назначить Великим Ханом Угедея после смерти отца не решила проблему наследования. Она просто отодвинулась на одно поколение, и теперь уже внуки великого завоевате-

ля вели монгольские армии по землям Европы и соревновались в борьбе за верховную власть.

Субэдея сопровождали представители каждой из четырех ветвей рода Чингисхана. После смерти любимого сына Удегея стало ясно, что один из этих молодых людей займет трон Великого Хана, — но кто? Согласно монгольскому закону наследника должен был назвать курултай, и европейская война стала для всех претендентов испытанием и одновременно предвыборной кампанией. Внуки боролись за власть и положение в военной иерархии. Немаловажную роль в этом играло то, кто сумеет приписать себе военные успехи армии. На праздничном победном пире Батый встал и первым произнес тост. Выпив свою чашу первым, он демонстрировал свое положение старшего из внуков и давал официальный повод считать его следующим Великим Ханом. Гуюк яростно воспротивился этому, он закричал, что это он должен пить первым, потому что его отец — Великий Хан. Другой внук Чингисхана, «известный своим упрямством и храбростью» Бури, который «спьяну говорил злые слова», поднял старый больной вопрос всего рода, обвинив Батыея в том, что он вообще не чингизид, так как его отцом был меркитский ублюдок.

Согласно сообщению, которое вскоре дошло до Великого Хана, трое юношей долго кричали друг на друга и ругались. «Да ты просто бородатая старуха!» — вопил Бури. «Да-да, старуха, которая нацепила колчан!» поддакивал Гуюк. Остальные члены семьи устыдили их, и Гуюк с Бури вихрем вылетели из пир-

шественного шатра, сели на коней и ускакали, громко сквернословя и проклиная Бату. Угедей-хан был в ярости. Он призвал молодых людей к себе в Каракорум. Сначала он вообще не хотел их видеть и грозился, что казнит своего сына Гуюка. «Да чтоб он про- тух, как яйцо!» — так Угедей высказался в адрес своего непослушного сына.

Когда Угедей успокоился и допустил, наконец, Гуюка в свой гэр, он сурово отчитал его за свары внутри семьи и плохое обращение с его воинами. Хан обвинил сына: «Ты сломил дух каждого воина в своем войске!» Удегей спросил сына с издевкой: «Думаешь, русы сдались потому, что ты был скуп даже по отношению к своим собственным воинам? Думаешь, они сдались потому, что они боялись тебя? Если ты захватил одного-двух воинов, ты думаешь, что ты выиграл войну? Да ты даже и одного козленка не захватил!»

Удегей добавил: «Ты первый раз сам из гэра вышел, и тут же стал хвастать своим мужеством! Так себя ведешь, будто уже достиг всего в жизни. Кричишь на людей так, будто они животные!» Наконец, его племянники смогли успокоить его, и он повторил поговорку своего отца о том, что дела войны должны решаться в степи. Затем он отослал всех юношей обратно на завоевание Европы.

Европа мало знала о завоевания Чингисхана в Азии и представления не имела о покорении Хорезма. Но вдруг после падения Киева в Европу устремились беженцы. А прямо за ними скакали ужасные

монгольские всадники, которые накатывались, казалось со всех сторон. Матье Пари пишет, что монголы обрушились на Запад «с силой и быстротой молнии, они вошли на земли христиан, опустошая страны, убивая людей, и вселяя во всех непобедимый ужас». Эта отсылка к «молнии» стала, наверное, первым упоминанием того стиля войны, который затем получил немецкое имя «Блицкриг».

Субэдей отправил армию в пятьдесят тысяч человек в Венгрию на юге и меньшие диверсионные отряды общим числом в двадцать тысяч человек — на север, в Польшу и Германию. Войска монголов прокатились через почти четыре тысячи миль от своей родины в Монголии, через равнины Восточной Европы — в Польшу и Венгрию. Оттуда уже было рукой подать до стен Вены и германских городов тевтонских рыцарей и Ганзейского союза. На севере они пронеслись по Польше как камень по льду. Города сдавались один за другим, а монголы быстро двигались через страну дальше на север. Герцог Силезский Генрих II собрал тридцатитысячную армию, включая рыцарей со всей Франции, Германии и Польши. Он старался набрать как можно больше войск и потому призвал на бой с захватчиками даже горняков. Девятого апреля 1241 года две армии встретились под Лигницом возле современной польско-германской границы. Монголы выбрали для боя открытое место примерно в шести милях от города, и это поле стало с тех пор известно как Вальштатт, Избранное Место по-немецки.

Генрих приказал своей кавалерии атаковать монголов. Монголы отбили первую волну нападавших, но, казалось, зашатались под второй, а перед третьей неожиданно обратились в бегство. С победными кликами европейские рыцари смешали ряды и бросились преследовать монголов, которые отступали не торопясь, оставаясь на небольшом расстоянии от преследователей. Затем, именно в тот миг, когда европейские лошади стали уставать под тяжестью своих бронированных седоков, раздались звуки взрывов, и их окутал густой дым. Историк Ян Длугож пишет, что монголы использовали на поле боя некое устройство похожее на «огромную голову с отверстиями, из которых вдруг повалил дым и отвратительный запах, от которого поляки чуть не потеряли сознания и были уже неспособны драться». Дым отрезал рыцарей от лучников и пехоты, которые остались далеко позади. Как обычно, монголы заманили своих самоуверенных врагов в ловушку. Дезориентированные, усталые и напуганные рыцари представляли отличную мишень для монголов, которые тут же повернули и стали обстреливать их из луков.

Монголы сокрушили немецкие войска. Европейские хроники говорят о смерти тридцати пяти тысяч солдат Генриха, но монголы многих из них взяли в плен. Особенно они обрадовались горнякам. Они не слишком понимали, зачем нужна такая профессия, но всегда ценили носителей ранее неизвестных умений. Победители отправили тысячи рудокопов на работу в богатые минералами рудники в Джунгарии,

западном районе Монголии, который находился во владении Удегея.

Вся эта кампания от Киева до Германии была всего лишь монгольской отвлекающей операцией, которая должна была помешать европейцам отправлять войска на защиту настоящей цели нашествия — широких полей Венгрии. Монголы успешно перебили и разогнали армию врага. Затем они отступили из польских и немецких городов. Со временем местные жители убедили себя в том, что они на самом деле выиграли битву и отогнали захватчиков. Погибший герцог Генрих II стал мучеником св. Генрихом Благочестивым. Они даже построили бенедиктинский монастырь на том самом месте, где, согласно христианской легенде, его мать Святая Ядвига нашла его обезглавленный обнаженный труп, который узнала по шести пальцам на левой ноге. Намного позднее, в девятнадцатом веке, прусское руководство превратило аббатство в военную школу, где учили будущих германских офицеров тактике и стратегии, особенно отмечая ту, что использовалась в битве на этом месте.

Через несколько дней точно такой же прием, который монголы использовали против немецких рыцарей, они применили и в Венгрии на большем поле и куда как с большим числом жертв. Пятидесятитысячная армия Субэдея успела уже разграбить большую часть Венгрии, но теперь начал отступать, когда к ней приблизились войска короля Белы. Субэдей отступал несколько дней, пока не привел врагов туда, где все условия были благоприятны для монголов, на

равнину Мохи. Там венгры собрались в один сплоченный и густонаселенный лагерь, который окружили повозками и железными цепями. Для Батая, который привык располагать своих воинов на ночлег небольшими группами на большом пространстве, эти ограждения были ничем иным, как загородками вроде тех, что монголы использовали уже много поколений во время групповой охоты. Монголы выкатили катапульты и стали забрасывать в лагерь снаряды с нефтью, порохом, маслом и прочими горючими веществами.

Венгры не могли выносить огонь и дым в своем лагере и выступили из него. Они обнаружили, что монголы их окружили практически со всех сторон. Но в одном направлении, казалось, есть просвет, как будто монголы забыли выставить там охрану. Христианам-венграм, наверное, показалось чудом то, что просвет в рядах врагов открылся именно в том направлении, в котором на расстоянии трех дней пути лежала столица Венгрии, Пешт. Венгры начали отступать. Во время бегства их страх все возрастал. Они бежали пешком и скакали на лошадях, бросали оружие и ломали ряды, чтобы только быстрее двигаться. Конечно же, монголы не случайно оставили венграм путь к бегству. Отряды всадников уже ждали напуганных венгров. Многих из них монголы загнали в болота, где те утонули. Летописец Фома из Спалато, архиепископ города, который теперь называется Сплит и находится в Хорватии, называет монголов «*de Peste Tartorum*», то есть «татарская чума». Именно его перу

принадлежит самое яркое описание бойни, которую монголы устроили венграм: «Мертвые лежали справа и слева; как листва зимой, тела погибших устилали весь путь их бегства; кровь текла как потоки дождя».

Когда рыцари оказались неспособны одолеть врага, священнослужители попробовали обратиться к сверхъестественным силам. Вероятно, они знали, что многие монголы исповедуют христианство. Но они не знали, как монголы ненавидят и боятся видеть останки мертвецов.

Священники попытались отогнать монголов от Пешта — они вынесли навстречу наступающей армии святые мощи и другие реликвии святых. Этот шаг вызвал ярость среди монголов, которые сочли его отвратительным и греховным. Они не только перебили священников, но и сожгли сами реликвии и церкви Пешта, чтобы очиститься от скверны. Для Европы этот эпизод обернулся не только военным, но и религиозным поражением, поскольку погибли не только солдаты, но и архиепископ, два епископа и множество рыцарей-тамплиеров.

Монголы вырезали рыцарство Венгрии и продолжили преследовать короля Белу IV на юг, в сторону Адриатики. Чудовищное психологическое и эмоциональное потрясение от монгольского нашествия нашли свое отражение в нескольких текстах того времени, в частности, в «Carmen Miserabile super Destructione Regni Hungariae per Tartaros» («Печальной песни о разрушении Венгрии татарами»), написанной Рогиром де Торре Маггиоре. Европейское ры-

царство так никогда и не оправилось от такого удара. Оно потеряло в один миг сто тысяч воинов в Венгрии и Польше, «цвет рыцарства и благородства». Это был конец городов за высокими стенами и рыцарей, закованных в броню. В дыму и пороховой гари Пасхи 1241 года монгольский триумф ознаменовал полное уничтожение европейского феодализма и окончание Средних Веков.

Позднее, в воскресенье 6 октября 1241 года, всего несколько месяцев спустя после монгольских побед, тревога переросла в панику во время солнечного затмения. Христиане Европы истолковали затмение в святой день как знак грядущих мук от рук монголов. Страх питался еще и полным неведением о происхождении и культуре захватчиков. В широко распространенном письме, содержащем огромное количество ложных сведений, некий священник сообщает архиепископу Бордо, что монголы — «адские людоеды, пожирающие мертвецов после битвы и оставляющие лишь кости, которыми брезгуют даже стервятники». Согласно этому тексту монголы с особым удовольствием пожирали пожилых женщин, и отмечали свои победы групповыми изнасилованиями христианских девственниц, которых передавали по кругу до тех пор, пока те не умирали от истощения. Затем «груди их отсекали, чтобы приготовить лакомое блюдо для их вождей, и тела их питали дикарей во время пира».

Черода побед, которые монголы одержали над булгарами, русичами, венграми, германцами и поляками, привела к ужасу и почти панике в некоторых

странах. Что это за народ? Что им нужно? Матье Парри жалуется, что никто из европейцев не знает их языка: «Ибо до сего дня ни у кого не было доступа к ним, и сами они себя не проявляли, так что никто ничего не ведает об их обычаях и поверьях».

Поскольку других источников информации не было, христианские священники обратились к Библии. Название «татары» казалось им похожим на «Фарсис», чей царь «будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли». В книге псалмов также сказано: «падут пред ним жители пустынь, и враги его будут лизать прах, цари Фарсиса и островов поднесут ему дань».

Для священников упоминание принесения даров связало царя Фарсиса с тремя Волхвами, царями востока, которые принесли дары Христу, и они связали этот эпизод с монголами. В 1164 году германские крестоносцы вернулись из крестовых походов и привезли с собой «мощи трех Волхвов». В 1181 германцы начали сооружать прекрасный золоченый реликварий для этих мощей в своем новом соборе в Кельне. Соответственно, эта история была истолкована, как кража священных реликвий. Христиане сочли, что монголы вторглись в Европу, чтобы вернуть прах своих предков. В таком случае, монголы должны были прорубиться через самое сердце Европы, чтобы достичь своей цели в Кельне.

Когда монголы повернули из Венгрии на юг и нанесли удар по Балканам (то есть сошли с прямого пути в Кельн), священники решили, что они, навер-

ное, потерянные колена Израиля, которые не вернулись с остальными из вавилонского пленения. Их отгораживала река, текущая около Персии. Христианские летописцы сообщают, что в 1241 год Господень соответствует 5000 году по еврейскому календарю, и в этот год многие евреи ждали прихода Мессии или возвращения Царя Давида.

Матье Пари изначально был настроен весьма скептически, поскольку монголы не знали иврита и не следовали Закону Моисея. Поскольку лучшего объяснения, тем не менее, не находилось, Пари вскоре сумел установить параллели между временами Моисея и своей эпохой. Этот новый народ был пропавшим племенем из рода Израиля, «ибо во время правления Моисея их непокорные сердца склонили их к несправедным мыслям, и они стали поклоняться чужим богам и свершать неизвестные обряды, а теперь еще более удивительным образом, несут на себе знак отмщения Божьего, и неведомы ни одному другому народу на земле, жизнь их стала как жизнь жестоких и диких зверей».

Исходя из «невообразимой злобы иудейской», христиане обвинили их в том, что они принесли гнев монголов на головы невинных христиан. Пари приводит крайне неправдоподобную информацию о том, что лидеры европейского еврейства «собирались на советы в тайном месте». Там «мудрейшие и влиятельнейшие из них говорили, объясняя, что их «братья из народа Израиля, что были некогда закрыты, теперь вышли из заточения, чтобы подчинить весь мир

себе и нам». И сколь долги и тяжелы были прошлые наши страдания, тем больше будет слава, которую обретем». Видимо, мудрец хотел, чтобы иудеи приветствовали монголов «драгоценными дарами и принимали их с величайшей честью: нужны им зерно, и вино, оружие». Затем иудеи собрали «все мечи, кинжалы и доспехи, какие только смогли купить, и чтобы скрыть измену, тайно спрятали их в бочках». Поскольку никаких других объяснений не было, христиане приняли на веру эту историю о «тайном сговоре и бесчестном предательстве иудеев». После чего их предавали сразу в руки палачам, чтобы их либо обрекали на пожизненное заключение, либо убивали их же мечами.

Какими бы абсурдными и безосновательными ни казались такие истории, они вызвали чудовищные и вполне реальные последствия в Европе. Европейцы не могли победить монголов, своих врагов извне, зато они могли справиться с евреями, своими врагами изнутри. То в одном то в другом городе, от Йорка до Рима, неуправляемые толпы христиан громили еврейские кварталы.

Христиане пытались покарать иудеев теми же средствами, которыми, как они слышали, монголы пользовались в своих завоеваниях. Христиане поджигали дома евреев и убивали всех их жителей. Если кому-то из евреев удавалось бежать из своих городов, они скитались с места на место в поисках спасения, но куда бы они ни пришли, почти всюду их ждали те же обвинения и кары. Чтобы четко разделить христианских беженцев и иудейских, Церковь издала эдикт,

согласно которому иудеям предписывалось носить определенную одежду и видные знаки на ней.

После уничтожения венгерской армии путь на Вену был открыт. И вот уже несколько недель спустя в округе города стали появляться передовые монгольские отряды. Во время схватки с одним таким отрядом воины Габсбургов захватили монгольского командира, который, к вящему удивлению и ужасу, оказался христианином, более того, это был тридцатилетний грамотный англичанин. Он побывал в Святой Земле и там, кажется, проявил талант к изучению и записи языков.

Согласно одной из версий, если настолько образованный англичанин вынужден был бежать с родины, то, вероятно, он был как-то замешан в истории с принуждением Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей в 1215 году. Сбежав из Англии, он был отлучен от Церкви и, в конце концов, оказался на службе у монголов, которые проявляли больше терпимости. Присутствие европейца, да еще и бывшего христианина в рядах монгольской армии со всей очевидностью показало, что монголы люди, а не кровожадные демоны, но перепуганные христиане убили английского изменника прежде, чем они смогли получить от него информацию о таинственной задаче монголов в окрестностях Вены.

Захват того неизвестного англичанина совпал с окончанием продвижения монголов в Европу. Они шли по травянистым степям через Среднюю Азию, Россию, Украину, Польшу и Венгрию, но там где па-

стбища кончались, монголы остановились. В монгольской армии на каждого воина приходилось по пять коней, поэтому обильные пастбища были им просто необходимы. Их ошеломительное превосходство в скорости, мобильности и внезапности мгновенно исчезало, когда им приходилось прокладывать путь через густые леса, реки, перепаханые поля, окруженные заборами и оградами. Вспаханное крестьянское поле было слишком рыхлым для конских копыт. Там же, где начинались поля, проходила и граница климатической зоны, где сухая степь сменялась влажными прибрежными зонами. А влажность ослабляла точность и силу монгольских луков.

Несмотря на пробные атаки через Дунай, полномасштабное монгольское нашествие на Западную Европу так и не состоялось. 11 декабря 1241 года Удегей умер, как говорят, с перепоем. Новости о его смерти достигли монгольской армии, находящейся в четырех тысячах миль от Каракорума, за четыре-шесть недель. Чагатай умер примерно в то же время, так что за четырнадцать лет после смерти Чингисхана все четверо его сыновей умерли. Теперь домой скакали молодые военачальники, внуки Чингисхана, которые были готовы вступить в борьбу за то, кто из них станет следующим Великим Ханом. Борьба между разными ветвями рода продлится еще десять лет — и на это десятилетие мир был освобожден от опасности монгольского нашествия.

В самом начале 1242, года Тигра по Восточному календарю, монголы отступили из Западной Европы

обратно на территорию Руси. Европейские города давали сравнительно небогатую добычу, а армии, которые побеждали монголы, были плохо снаряжены. Самые ценные вещи, которые монголы привезли из Европы, были шатры и мебель из лагеря венгерского короля, которыми Батый сам пользовался в своем лагере на Волге. Несмотря на недостаток богатств, монголы нашли там довольно много искусных мастеров, включая рудокопов из Саксонии, писцов и толмачей, а из своих набегов на Балканы они привели несколько французских пленников, как минимум один из которых оказался парижским златокузнецом.

Монголы были разочарованы объемами добычи. Им очень хотелось показать, что поход не был напрасным, так что они заключили договор с некоторыми итальянскими купцами в Крыму. В обмен на большое количество товаров они позволяли итальянцам продавать их Европейских пленников, особенно молодых, в рабство по берегам Средиземного моря. Так начались долгие и взаимовыгодные отношения между монголами и венецианскими и генуэзскими купцами, которые построили свои торговые аванпосты на побережье Черного моря, чтобы захватить этот новый рынок. Итальянцы снабжали монголов различными товарами в обмен на право продавать славян на средиземноморских рынках.

Решение продавать молодых людей принесло монголам огромные трудности в будущем, поскольку итальянцы большинство из них продавали султану Египта, который набирал из них свою элитную ар-

мию. Двадцать лет спустя монголам пришлось столкнуться с этой армией, которая состояла преимущественно из славян и кипчаков, у которых уже было достаточно опыта в войне с монголами, и они даже часто успевали выучить монгольский язык до того, как их увозили. Будущее столкновение на берегах моря Галилейского закончится совсем иначе, чем первое — на равнинах Руси.

7

ВОЙНА ЦАРИЦ

Бог дал людям разные пути,
как рукам — разные пальцы.

Мункэ-хан

В то время, как монгольские мужчины были заняты завоеванием новых земель, империей управляли женщины. В кочевых племенах женщины традиционно вели домашнее хозяйство, пока мужчины пасли скот, охотились и воевали. И хотя военные кампании длились уже не месяцы, а годы, и «родина» была уже не кучкой гэров, а большой империей, женщины продолжали править. Вдали от Руси и Восточной Европы, где во время правления Угедая шли самые интенсивные боевые действия, женщины принимали на себя владычество над всеми оставшимися частями Монгольской империи.

Несмотря на соперничество с Угедей-ханом, Соркоктани — вдова младшего сына Чингисхана, Тулуя, правила северным Китаем и восточной Монголией, в ее надел входили и родовые земли Чингисхана. Эбу-

сун, вдова второго сына Чингисхана, Чагатая, правила Средней Азией или Туркестаном.

Пока Угедей был Великим Ханом, довольно часто он был настолько пьян, что не мог править государством, и постепенно он передал широкие полномочия Туракине, наиболее способной его жене, хоть и не старшей. Когда в 1241 году он умер, она официально стала его замещать. Следующие десять лет, до 1251 года, величайшая в истории человечества империя была под контролем небольшой группы женщин. Ни одна из них не была рождена в монгольском племени. Все они были пленены во время военных походов и взяты в жены членами правящей семьи. Большинство из них исповедовали христианство, но их пол и вера не мешали им идти к власти и соперничать друг с другом, ведь каждая боролась за то, чтобы власть над всей империей получил именно ее сын.

Борьба за власть оказалась относительно мирной, не считая того, что проигравшую в этой борьбе ждала ужасная судьба. Если не брать в расчет дворцовые интриги, то это десятилетие принесло столь необходимый для всей империи мир, давший возможность объединить и укрепить власть в некоторых монгольских владениях, оправиться после первой монгольской Мировой войны 1212-1241 гг. и подготовиться к следующей.

Самое древнее письменное упоминание о могуществе Туракины и ее высоком положении при монгольском дворе известно нам, благодаря документу, в

котором она приказывает напечатать набор даосских текстов. Документ подписан ее именем и титулом Еке-хатун (Великая Императрица). Ниже стоит личная печать Удегея и дата — 10 апреля 1240 года. Текст свидетельствует не только о том, что Туракина управляла империей, но и о том, что, пока мужчины воевали, она вела политику, отличную от политики ее предшественников, поддерживала религию и образование и возводила важные общественные сооружения в масштабе всей империи.

Потеряв своего любимого сына и других близких родственников во время не слишком удачной военной кампании в Китае, Угедей утратил интерес к политике, но все же назначил своим преемником одного из своих внуков. Впрочем, Туракина пыталась выдвинуть кандидатуру своего вздорного и надменного сына Гуюка, которого отец недолюбливал после истории с Батыем. Вскоре после смерти Угедея Туракина созвала курултай, чтобы избрать Великим Ханом Гуюка взамен назначенного мужем внука. Но ей не удалось собрать кворум Золотой Семьи, потому что мало кто благосклонно относился к Гуюку. Туракина все еще была наместником и на протяжении пяти лет тщательно готовила фундамент политической поддержки, которая была нужна, чтобы обеспечить избрание Гуюка правителем. Чтобы достичь своей цели, она распустила министров покойного мужа и назначила других, верных только ей самой. Наибольшую власть получила Фатима — женщина родом из таджиков или персов, захваченная в плен в Хорез-

ме и привезенная затем в Каракорум. Историк Ата-Малик Джувайни, который, очевидно, недолюбливал женщин, а особенно тех, что лезли в политику, писал, что Фатима получила постоянный доступ в шатер Туракины, и она «была посвящена в самые сокровенные тайны и стала хранилищем ее секретов». Фатима играла важную политическую роль, в то время как остальные «министры были лишены возможности исполнять свои обязанности, а она могла свободно давать приказы и запреты».

К 1246 году Туракина усилила контроль над империей и уже была уверена, что сможет устроить избрание своего сына. Само голосование и избрание Гуюка должны были проводиться исключительно в узком кругу Золотой Семьи и некоторых особо доверенных должностных лиц, но Туракина сделала его воцарение открытым мероприятием для иностранных сановников и всего монгольского народа. Все лето со всех отдаленных уголков империи иностранные делегаты съезжались на церемонию, которая должна была состояться в августе. Эмиры, наместники и гранды толкались на одних дорогах с королями и князьями.

Из Турции приехал султан сельджуков, прибыли представители багдадского халифа, а также двое претендентов на грузинский престол: Давид, законный сын покойного царя; и Давид, внебрачный сын того же царя. Наиболее почетным делегатом из Европы был отец Александра Невского, Великий князь Владимирский и Суздальский Ярослав II Всеволодович, ко-

торый умер при очень подозрительных обстоятельствах сразу же после обеда с Туракина-хатун.

По случайности, 22 июня 1246 года к монгольскому двору прибыл первый посланник из Западной Европы. Брат Джованни дель Пьяно Карпини, шестидесятипятилетний священник, один из учеников Святого Франциска Ассизского, был послан Папой Иннокентием IV для того, чтобы выведать как можно больше об этом странном народе, который угрожал всей Европе. После того, как он покинул Лион на Пасху 1245 года, Карпини потребовалось около года, чтобы пересечь Европу и достичь лагеря Батыя на Руси. Правда, как только он оказался на территории Монгольской империи, Карпини проехал около трех тысяч миль всего за 106 дней — в среднем по 25 миль верхом в день на протяжении трех с половиной месяцев.

Учитывая успех военных кампаний в Европе, монголы охотно приняли Карпини, ошибочно полагая, что тот привез весть о покорении Папы и подчинении всей Западной Европы. Но его письмо содержало совершенно иное послание. Папа Иннокентий IV предложил хану дотошный пересказ событий жизни Христа и основных постулатов христианства. Все это, скорее всего, уже было известно хану, так как его мать была христианкой, и он часто посещал богослужения вместе с ней. Гуюк сам был христианином, или, по крайней мере, хорошо относился к христианству и всецело полагался на монголов-христиан, работавших в его правительстве. В письме папа осуждал

монгольское вторжение и приказывал хану «всецело воздерживаться от нападений такого рода, и особенно от преследования христиан». Он потребовал от хана «дать знать, что же побудило вас уничтожить другие народы, и что вы замыслили на будущее». Также письмо сообщало хану, что Бог передал всю земную власть Папе Римскому, единственному человеку, которому Всевышний позволил говорить от Его имени.

После того, как монгольские чиновники обнаружили, что Карпини не привез хану дани и не заявил о покорности, они перестали обращать на него внимание. Впрочем, в письме, которое сохранилось до наших дней и датировано ноябрем 1246 года, Гуюк задает Иннокентию IV несколько очевидных вопросов: «Откуда ты знаешь, кого Бог прощает и кому дарует милосердие? Откуда ты знаешь, что Бог благословляет твои речи?» Гуюк указывает, что Бог дал власть над миром от востока до заката не Папе, а монголам. Бог предназначил монголам распространять его заповеди и законы при помощи Великого Закона Чингисхана. А потом Гуюк посоветовал папе прибыть вместе со своими князьями в Каракорум, чтобы воздать дань почтения монгольскому хану.

Первый прямой дипломатический контакт между Европой и Дальним Востоком превратился в обмен тезисами сравнительного богословия вперемешку с религиозными оскорблениями. Несмотря на то, что в верованиях европейцев и монголов было много общего, первоначальные отношения были так испорчены, что в последующие годы эта общность бы-

ла утрачена. Монголы еще некоторое время лелеяли мысль о более близких отношениях с христианской Европой, но потом они бросили эту надежду, а с ней, позже, и само христианство, сменив его на ислам и буддизм.

Осенью 1246 года, когда Карпини и другие иностранные сановники отправились домой, Гуюк переключил свое внимание с церемоний на политику. Одним из важнейших заданий для него было усилить свою власть и стать Великим Ханом не только по титулу, но и по сути. Первым своим противником он считал Фатиму, доверенную советницу его матери. Используя в качестве повода обвинение в ведовстве, он вызвал Фатиму со двора матери к себе. Но мать не отпустила ее: «Он посылал за ней неоднократно, но каждый раз она находила различные поводы отказать ему. В результате его отношения с матерью совершенно испортились, и он послал человека ... с заданием привести Фатиму силой, если его мать все еще будет ее удерживать».

Темные записи о том, что произошло потом, вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Гуюк захватил Фатиму-хатун, а его мать умерла. Была ли она больна? Или же убита? Умерла ли она от гнева или горя? Большинство письменных источников молчит. Персидский историк Джузджани писал, что Туракина присоединилась к своему мужу, Угедею. К тому времени Угедей был уже шесть лет как мертв, а значит это был просто эвфемизм, указывающий на ее смерть. Тем не менее, Джузджани сам не был в этом

уверен, о чем свидетельствует приписка: «Но Всевышний знает всю правду». Все, что мы знаем наверняка — это то, что люди Гуюка схватили Фатиму, а Туракина-хатун умерла.

Вместо того чтобы тихо избавиться от Фатимы, Гуюк подверг ее публичной казни и унижению. В то время, когда империя монголов простиралась по двум континентам и у них была возможность расширить ее еще больше, внимание всего двора было приковано не к проблемам империи, а к этой женщине, тому, что она сделала, и что теперь ее ждет. Гуюк приказал страже привести Фатиму к нему на публичный суд. Ее раздели догола и крепко связали веревками. Там ее держали «в голоде и жажде много дней и ночей, она подвергалась жестокости, многим пыткам и мучениям». Ее били, затем пороли горячими металлическими прутами. Прилюдные пытки подобного рода были привычной для европейского общества; такова была участь ведьм и еретиков, попавших в руки Церкви. Но для монголов это было нарушением заветов Чингисхана, который, хоть и убивал своих врагов и правил очень жестко, но делал это без пыток и причинения ненужной боли. Тем более что так поступили с женщиной — подобного прецедента в монгольской истории еще не было.

Впрочем, наказание Фатимы не противоречило букве закона того времени, так как она не была монгольского происхождения, а также не являлась женой монгола. Более того, она была военнопленной, чье общественное положение было весьма ненадежным

и незащищенным. Когда, в конце концов, женщина под пытками призналась в целом списке прегрешений, включая то, что она якобы околдовала Туракину и остальных членов Золотой Семьи, Гуюк подверг ее неслыханному по жестокости наказанию. Он приказал, зашить ей все отверстия в теле, чтобы не позволить никакой части ее души выйти наружу. Затем ее завернули в войлочное одеяло и утопили в реке. Так окончилась жизнь Фатимы, советницы матери Гуюка и одной из наиболее могущественных женщин тринадцатого века.

Продолжая традицию, начатую публичными пытками и казнью Фатимы, короткое правление Гуюка было окрашено в цвета мести. Он развязал грубую кампанию по укреплению своей власти и уничтожению соперников. Он приказал воинам найти и убить всех, кто был связан с Фатимой. Он начал судебную тяжбу против своего дяди Тэмуге Отчигина, последнего оставшегося в живых брата Чингисхана. Незадолго до избрания Гуюка он настаивал на своем праве наследовать трон и предпринял неудавшуюся попытку собрать армию и напасть на земли Туракины-хатун. В молодости Тэмуге Отчигин выжил в схватке с шаманом Тэб Тэнгери, но в соперничестве со своим внучатым племянником он проиграл. На тайном судилище, в закрытом гэре под наблюдением Гуюка, мужская часть семейства приговорила Тэмуге к смерти за попытку вооруженного захвата власти.

Затем Гуюк переключил свое внимание на других женщин, которые управляли империей. Он устранил

наместницу, правившую в землях семьи Чагатая, и приказал разузнать побольше о делах в поместье Тулуя. В то время оно находилось под управлением Соркоктани, которая отказалась стать женой Гуюка после смерти мужа. Во время расследования он приказал сдать всем воинам, что служили ей и ее сыновьям. Взяв под контроль и обезопасив таким образом свой восточный фронт, он собрал армию и двинулся на восток на «большую охоту». На самом деле, этот поход был ничем иным, как предлогом для внезапной атаки на хана Батыя, который был в то время на Руси. Гуюк хотел отомстить своему двоюродному брату за прежние оскорбления на праздничном пиршестве. Из всех ханов Гуюк был больше всего уверен в важности Европы. Он хотел завершить ее покорение и добавить Европу к своей личной вотчине в составе Монгольской империи.

Не осмеливаясь открыто бросить вызов Гуюку, Соркоктани осторожно сделала свой ход, намереваясь помешать ему совершить внезапное нападение. Она тайно послала гонцов к Батыю, чтобы сообщить ему о планах Гуюка. Вполне возможно, что она лично выступила против хана, потому что вскоре после того, как он покинул родовую твердыню в центральной монгольской степи, вполне здоровый сорокатрехлетний Гуюк вдруг умер при невыясненных обстоятельствах после всего лишь полутора лет правления. Вероятно, кто-то его убил, но список подозреваемых, желавших его смерти, слишком велик. Никакие монгольские документы о деталях его смерти не

сохранились, а удивительно лаконичные персидские хроники просто отмечают, что «назначенный ему час пришел».

Пока в сердце империи бушевали политические неурядицы, отдаленные провинции начали проявлять сепаратистские настроения. Джувайни, известный своей любовью к метафорам, писал: «Дела всего мира отклонились от пути честности, а узды торговли и честных деловых отношений свернули с дороги праведности». Он писал, что страна погрузилась во тьму, а «чаша мира до краев наполнилась беззаконием». Монголы и их подданные «продолжали следовать этому пути, так как находились в тупике, и у них не было ни выносливости для того, чтоб остаться, ни места, куда бы они могли бежать».

После небольшого перерыва на время правления Гуюка, война выживших цариц продолжилась, причем еще более интенсивно, так как вдова Гуюка Огул Гаймыш сделала шаг к власти над империей, как ранее поступила ее свекровь Туракина после смерти Угедея. Огул Гаймыш недоставало сноровки Туракины, а время было для нее неблагоприятным, большей частью потому, что ее собственные сыновья соперничали с ней за право быть наместниками. Соркоктани, которую целиком и полностью поддерживали четверо ее сыновей, и которая всю жизнь готовилась и выжидала, наконец, сделала свой ход. Вместо того чтобы дожидаться, когда вдова Гуюка созовет курултай в столице Каракоруме, хан Батый, подстрекаемый Соркоктани, созвал его сам в 1250 году близ озера Ис-

сык-Куль в горах Тянь-Шань. Это место находилось за пределами Монголии, и ему было гораздо проще туда добраться. Курултай избрал старшего сына Соркоктани Мункэ, но семья Угедея бойкотировала избрание на основании того, что выборы должны проводиться в Монголии, в Каракоруме, который, как известно, их семья и контролировала.

Но неустрашимая Соркоктани придумала блестящий план. У нее не было доступа к столице империи, но как вдова младшего сына Чингисхана, она владела древней родовой вотчиной, где Чингисхан родился, был избран и похоронен. Никто не мог отказаться приехать на курултай на священной земле. Хан Батый, ее союзник, не мог прибыть туда, но он послал тридцать тысяч солдат под командованием своего брата Берке для защиты Соркоктани и ее семьи на время избрания Мункэ и официального возведения его в должность. Она снова организовала выборы, и первого июля 1251 года собравшиеся провозгласили сорокатрехлетнего Мункэ Великим Ханом Монгольской империи. На этот раз никто не смог возразить против места проведения выборов.

Чтобы достойно отметить свое избрание, Мункэ издал указ, который гласил, что в этот день все должны отдыхать, и даже животных запрещено было использовать для работы или переноски грузов. Воспрещалось также прокалывать землю колышками для гэров и загрязнять воду. Никто не мог охотиться на диких животных, а тех животных, которых нужно было убить для праздничного стола, следовало забивать, не

проливая их кровь на священную землю. За священным днем следовала неделя празднества. Ежедневно гости поедали три сотни лошадей и волов, три тысячи овец и две тысячи телег с араком, излюбленным алкогольным напитком монголов.

Это празднество было кульминацией всей жизни Соркоктани, и по сути являлось больше воздаянием ей почестей, нежели чем-либо еще. Тогда как сыновья Чингисхана были относительно слабыми, самолюбивыми и склонными к пьянству, она произвела на свет и обучила четверых сыновей, которым суждено было оставить ощутимый след в истории. Каждый из ее сыновей будет ханом. В следующие годы Мункэ, Арик-Буга и Хубилай будут носить титул Великого Хана на разные периоды времени, а другой ее сын, Хулагу, станет вторым ханом Персии и основателем своей собственной династии. Ее сыновья расширят империю до ее максимального размера, покорив Персию, Багдад, Сирию и Турцию. На юге они завоюют китайскую династию Сун, затем вторгнутся во Вьетнам, Лаос и Бирму. Они уничтожат ужасную секту гашишинов и казнят халифа мусульман.

Семья Угедея и Гуюка прибыла на курултай поздно, уже после самого избрания, когда празднование было в разгаре. Три наследника из семьи Угедея внезапно вошли в шатер и объявили, что они хотят оказать почтение новому хану. Новый хан велел схватить их и заковать в цепи, так как его шпионы уже сообщили ему, что их приезд был всего лишь хитростью. Они намеревались отвлечь царский двор, пока ос-

тальные члены семьи собрались неподалеку и готовились скрытно напасть на веселящуюся и пьяную толпу. Мункэ с легкостью захватил неудавшихся убийц и начал новый этап судебных процессов. Он не мог пытать или проливать кровь потомков Чингисхана, поэтому он приказал пытать и пороть розгами их советников, преимущественно китайцев и мусульман, пока те не выдали своих хозяев. Под конец суда, Мункэ признал своих двоюродных братьев виновными во множестве преступлений. Двоим из них набивали рты камнями и землей, пока они не умерли. Некоторые из их советников совершили самоубийство. В целом, Мункэ казнил семьдесят семь человек из семьи Угедея или близких к ней.

Пока Мункэ наблюдал за судом над мужчинами, его мать судила женщин. Соркоктани приказала схватить несчастную наместницу Огул Гаймыш-хатун. Суд над ней был лишь слегка менее жестоким, чем суд над Фатимой. Ее палачи пришили ей к рукам куски сыромятной кожи, выставили ее раздетой на всеобщее осмеяние, а затем завернули в войлок и утопили вместе с другой влиятельной женщиной из этого рода. Третью женщину из их семьи завернули в покрывало и забили ногами до смерти.

Хан Мункэ превратил суды такого рода в масштабную чистку, посылая отряды следователей по всей империи. Они допрашивали, изобличали и карали всех, кого подозревали в неверности нынешнему правителю и его семье. Суды проводились по всей империи: от Китая и Монголии на востоке до Афга-

нистана на юге и Персии с Ираком на западе. Даже высокопоставленные чиновники вроде правителя уйгуров не смогли избежать наказания, но наибольший урон был нанесен самой Золотой Семье. Казалось, Мункэ серьезно намеревался искоренить всех, кто поддерживал семьи Чагатая и Угедея. Мункэ отобрал Каракорум и прилегающие к нему земли у потомков Угедея. По всей империи правители и чиновники, которым удалось избежать кары, все еще были вынуждены ехать в Каракорум и представляться новому хану, давая ему возможность убедиться в их верности, и рискуя при этом быть наказанными. Те, кто проходили проверку, оставались на своих должностях. После масштабной и кровавой чистки семьи Угедея, Мункэ-хан приказал амнистировать всех остальных неполитических заключенных и пленников.

Власть целиком перешла к роду Тулуя. Соркоктани разрушила последние препятствия, отделявшие ее сыновей от власти, и умерла, зная, что ни одна из ветвей Золотой Семьи не будет угрожать им. Лучшее описание ее достижений дошло к нам от писателя Бар-Эбрея, который писал: «Если бы я увидел среди женского племени еще одну женщину, подобную этой, я бы сказал, что женское племя гораздо выше мужского». Никто в мировой истории не получал в свое распоряжение такую великую и богатую империю, какую получили сыновья Соркоктани. Но через несколько лет после ее смерти, четверо братьев начали разрывать империю на части.

Приблизительно в феврале 1252 года, когда мон-

голы празднуют начало нового года, то ли в конце года Свиньи, то ли в начале года Крысы, Соркокхани умерла. И с ее смертью окончилось десятилетие власти женщин, которое началось в 1241 году. И хоть они соперничали друг с другом, они все же принесли извне много нового и полезного во внутренний круг монгольской власти, и дали империи новый фундамент, поддерживая школы и монастыри, книгопечатание и обмен идеями и знаниями. После того, как мужчины возобновили монгольскую Мировую войну, в конце концов, именно учреждения, созданные этими женщинами, сильнее всего повлияли на весь мир — как в Монголии, так и за ее пределами. Но расцвет всего этого мог наступить только после еще одного периода войны.

Восхождение Мункэ на престол Великого Хана Монгольской империи в 1251 году произошло почти через четверть века после смерти его деда, Чингисхана в 1227. Слова, которыми Мункэ охарактеризовал свое правление и свою собственную личность, выпестованную матерью, гласят: «Я следую законам своих предков; я не подражаю путям других народов». Он был серьезным человеком без легкомыслия Угедея и безрассудства Гуюка, а также почти единственным членом Золотой Семьи, который избежал пагубного влияния алкогольной зависимости.

Чтобы упрочнить законность своего назначения Великим Ханом Монгольской империи, и чтобы подправить историю, приблизив ее к его требованиям, в 1252 году он задним числом наградил своего покой-

ного отца титулом Великого Хана. Было официально заявлено, что Тулуй имел право унаследовать титулы и вотчину своего покойного отца, так как был младшим сыном, и, следовательно, Отчигином, или Князем Домашнего Очага.

Осматривая свои владения, Мункэ обратил внимание на свою новую столицу Каракорум, которая служила центром и символом власти семьи Угедея на протяжении двадцати лет. Но Мункэ намеревался превратить скромное родовое гнездо семьи Угедея в имперскую столицу. Перед тем, как Угедей возвел Каракорум, эта земля принадлежала кераитам, а конкретно — Он-хану и его семье, включая Соркоктани, мать Мункэ и племянницу Он-хана.

Ему нужно оставить в столице свой след. Так как Угедей уже воспользовался услугами китайских и персидских архитекторов, Мункэ обратился к мастерам-христианам, которых он захватил в плен во время европейской кампании. И хотя он не уважал европейскую архитектуру, технические способности мастеров по металлу поразили его. Когда его солдаты покорили Белград, они взяли в плен Гийома Буше, парижского золотых дел мастера. Буше был передан Соркоктани из-за своего умения создавать христианские предметы культа, а после ее смерти он перешел к Арику-Буга, младшему брату Мункэ. Новый хан выбрал Буше и его команду ремесленников, чтобы они придали монгольской столице экзотический европейский колорит, настолько необычный и чуждый, что гости часто бывали просто ошеломлены им.

Иностранные послы отмечали, что Мункэ в своем дворце в Каракоруме строил необычное сооружение. Огромное дерево из серебра и других драгоценных металлов как бы выросло посреди его двора и возвышалось над дворцом, а его ветви простирались вдоль балок здания. Серебряные плоды висели на ветвях, и четыре золотых змея оплетали его ствол. На верхушке высился ликующий ангел, также серебряный, с трубой в руке. Запутанная система пневматических трубок, расположенная внутри дерева, позволяла спрятанным слугам дуть в них, приводя в движение механизм. Монголам он казался просто волшебным. Когда хан желал угостить гостей напитками, механический ангел подносил трубу к губам, звучал горн, а змеи в это время начинали изливать из своих пасть струи напитков в большие серебряные емкости, расположенные у основания дерева. Каждая труба выпускала разный напиток — вино, черный арак, рисовое вино и мед.

Четыре змея на Серебряном Древе Каракорума символизировали четыре стороны света, куда простиралась Монгольская империя, то же значили и четыре напитка, полученные из продуктов далеких и экзотических цивилизаций: винограда, молока, риса и меда. Деревья были редкостью в степи, но они играли очень важную роль на родовой земле семьи Чингисхана. Согласно преданию, первый предок, пытавшийся объединить монгольские земли, был избран ханом под деревом в степи Хорхонаг, и в этих же местах Тэмуджин и Джамуха стали друг другу назван-

ными братьями после битвы против меркитов. Это сооружение служило эффективным и четким напоминанием о происхождении монголов и их цели — завоевании всего мира. Мункэ взял на себя обязательство привести все земли под власть монгольского государства, которое стояло как огромное дерево посреди Вселенной. Мункэ-хан принимал эту цель буквально как судьбу своего народа и брал на себя ответственность эту цель достичь.

В связи с возрождением западной ориентации при монгольском дворе христианство снова упрочило свои позиции. Этому споспешествовало большое количество христианских жен в Золотой Семье и незыблемая верность монголам некоторых христианских стран, таких как Грузия и Армения. В конце 1253, года Быка по восточному календарю, Вильгельм Рубрук, монах-францисканец, прибыл ко двору Мункэ как посол от короля Франции. Из его писаний нам стало известно интригующее, но не всегда детальное описание соперничества христианства и других религий при монгольском дворе. Рубрук видел, как монгольский двор праздновал Рождество, хотя сам не участвовал в празднестве, ограничившись пением «*Veni Sancte Spiritus*» для собравшихся. Сам Мункэ-хан с супругой присутствовали на богослужении в церкви, восседая на золотом ложе напротив алтаря. Согласно ассирийской традиции христианства, внутри церкви не было чрезмерной роскоши и убранства, но балки были драпированы шелками, чтобы здание походило на монгольский гэр. После мес-

сы хан недолго говорил со священниками о религии. Когда он ушел, его супруга осталась и раздала всем рождественские подарки. Она предложила Рубруку в подарок ткани, но тот отказался их принять. По-видимому, хатун не заметила намеренный знак неуважения, так как переводчик Рубрука сам принял дары, а затем продал их на Кипре.

После раздачи подарков началось празднование, сопровождаемое вином, рисовым элем и вечным монгольским араком. Французским послам пришлось снова петь для хатун. Наконец, после нескольких порций напитков, к столу подали большие тарелки с рождественским ужином, состоящим из баранины и карпа. Рубрук презрительно отметил, что ужин был подан без хлеба и соли. «Я съел немного. Они провели таким образом время до вечера». Рождественская месса и празднование окончились, когда «госпожа, уже пьяная, забралась в свою повозку, а священники в это время продолжали петь и завывать. Затем она уехала своей дорогой».

Монголы-христиане придавали особое значение отождествлению Бога со светом, особенно с Золотым Светом, священным в их мифологии. Также они ассоциировали Иисуса Христа с исцелением и торжеством жизни над смертью. Несмотря на общую веру, Рубрук был очень обижен присутствием христиан ассирийского, армянского и православного направления при монгольском дворе. Рассматривая всех некатоликов как еретиков, он презрительно называл монгольских прихожан ассирийской церкви несто-

рианами в честь Нестория, константинопольского архиепископа пятого века, который был признан еретиком на Эфесском Вселенском соборе в 431 году. Среди ассирийских верований, которые считались еретическими, было и то, что Дева Мария была «Христородицей», но не «Богородицей». Также они отличались от католиков тем, что отказывались рисовать Иисуса на кресте, так как это было бы нарушением монгольского запрета на изображение крови и смерти. Но, даже признавая себя христианами, монголы не считали веру первоначальным фактором их идентификации. Как выразился один из верующих в Христа монгольских военачальников, он не был христианином, — он был монголом.

Заставив французское посольство ждать несколько месяцев, Мункэ, наконец, официально принял его 24 мая 1254 года. Рубрук сообщил чиновникам, что он сведущ в Слове Божиим и прибыл, дабы распространять его. Перед собравшимися представителями различных религий хан попросил Рубрука объяснить им Слово Божие. Монах споткнулся на нескольких фразах и сделал ударение на необходимости каждому христианину следовать заповеди любить Бога. Тогда один из мусульманских духовников скептически спросил: «А есть ли хоть один человек, который бы не любил Бога?»

Рубрук ответил: «Те, кто не следует Его заповедям, не любят Его».

Другой духовник спросил: «А был ли ты в раю, что знаешь заповеди Божии?» Он воспользовался

тем, что подразумевал Рубрук, говоря им о заповедях, и открыто бросил ему вызов: «Не говоришь ли ты этим самым, что Мункэ-хан не соблюдает заповеди Божии?»

Споры бушевали некоторое время, и, согласно собственному свидетельству Рубрука, он не слишком уверенно себя чувствовал в атмосфере довольно желчных и острых словесных баталий. Он не привык вести спор с людьми, которые не разделяли его базовые католические убеждения. Несомненно, Мункэ-хан заметил, какие трудности возникли у монаха, и предложил всем присутствующим ученым отложить беседу, чтобы каждый мог изложить свои мысли более ясно в письменной форме, а затем вернуться к обсуждению и спору.

Монголы любили разного рода соревнования, и они организовывали диспуты между представителями различных религий примерно так же, как и состязания по борьбе. Дебаты начинались в предварительно назначенный день, также предварительно назначались и судьи. В данном случае Мункэ-хан назначил троих судей: христианина, мусульманина и буддиста. Дебаты начинались очень формально и серьезно, а понаблюдать за ними обычно собиралась большая толпа. Правила, написанные самим ханом, гласили, что никто под страхом смерти не смел произнести ни слова оскорбления.

Рубрук и прочие христиане были в одной команде с мусульманами, их целью было опровержение доктрин буддизма. Эти люди, собравшиеся в шатрах

на пыльных равнинах Монголии, разодетые в рясы и мантии, делали то, что ни одно собрание ученых и теологов еще не делало никогда. Сомнительно, что представители многих направлений христианства собрались бы вместе, и практически невероятно то, что они бы дискутировали на равных с представителями различных течений мусульманства и буддизма. А этим богословам пришлось состязаться, пользуясь лишь идеями и мнениями, без оружия, без могущественных правителей или армий за спиной. Им позволялось использовать лишь слова и логику, чтобы доказать убедительность своих идей.

В первом туре Рубрук встретился с буддистом из Северного Китая, который начал поединок вопросами о сотворении мира и жизни души после смерти. Рубрук возразил, что буддист задал неправильные вопросы, так как первый вопрос должен был касаться Бога, от которого произошли все вещи. Судьи признали Рубрука правым и дали ему первые очки.

Обсуждение велось на различные темы: о борьбе добра и зла, природе Бога, о душах животных, существовании реинкарнации, и даже о том, создавал ли Бог зло. Во время спора духовники создавали коалиции с представителями других религий и перестраивали их в соответствии с темой разговора. И, так как по традиции Монгольские атлеты пили арак в перерывах между раундами в борьбе, ученые также делали перерывы и хорошо выпивали, готовясь к следующим этапам дискуссии.

Казалось, ни одна из сторон не могла убедить

другую в собственной правоте. Наконец, под действием алкоголя христиане бросили безуспешные попытки убедить оппонентов логическими аргументами и прибегли к пению. Мусульмане не пели, а пытались перекричать христиан, громко цитируя Коран. Буддисты же молча занялись медитацией. В конце дебатов, неспособные ни убить друг друга, ни убедить, все они завершили дискуссию так, как обычно заканчивались монгольские пирушки, когда все участники были слишком пьяны, чтобы продолжать.

Пока священники в Каракоруме дискутировали, их братья по вере резали и жгли друг друга в остальных частях света за пределами Монгольской империи. В то время как Рубрук спорил в Монголии с другими духовниками, его поручитель король Людовик IX был занят тем, что собирал все тексты Талмуда и другие еврейские книги. Набожный король складывал еврейские рукописи в большие кучи и сжигал их. Пока Рубрука не было во Франции, его соотечественники сожгли около двенадцати тысяч рукописных и украшенных рисунками еврейских книг. За эти и другие, благие для распространения Евангелия Иисуса Христа, деяния церковь канонизовала короля, сделав его Святым Людовиком, перед которым простые христиане должны благоговеть, которому должны подражать и молиться как посреднику между людьми и Богом.

В то же время и в христианских, и в мусульманских странах религиозная нетерпимость становится государственной политикой. Католическая церковь,

огорченная неудачными попытками завоевать Свя-
тую Землю и расшириться в Восточную Европу, на-
чала преследовать религиозное инакомыслие и у себя
дома. В 1255 году церковь официально санкциони-
ровала применение пыток к людям, подозреваемым
в ереси, и священники, в основном монахи-домини-
канцы, начали путешествовать из города в город, ис-
кать и пытаться подозреваемых. До этого времени пытки,
разумеется, применялись, но только в отношении
преступников, предателей и военнопленных, и свя-
щенники не применяли их в религиозных целях.

Через несколько дней после дебатов в Каракору-
ме Мункэ-хан вызвал к себе Рубрука и отпустил его
домой. Воспользовавшись случаем, он также объяс-
нил Рубруку, а через него и европейским правителям,
что сам он не был последователем какой-то конкрет-
ной религии. Хан рассказал монаху о монгольских ве-
рованиях, о терпимости и доброте: «Мы, монголы,
веруем в единого Бога, Которым мы живы и Кото-
рым мы умираем, и к Нему направлена сила наших
сердец». Затем он сказал: «Бог дал людям разные пу-
ти, как рукам — разные пальцы. Вам, христианам, он
дал ваше Священное Писание, а вы ему не следуете». Доказательством тому, по его словам, служит тот факт, что христиане охотно поставили деньги выше справедливости. Хан пояснил, что монголам Бог дал не Писания, а святых людей — их шаманов. В повседневной жизни «мы делаем то, что велят они, и живем в мире» друг с другом.

Мункэ-хан послал письмо королю Франции Лю-

довику IX. Оно гласило: На небе есть только один Вечный Бог, а на земле есть только один повелитель — Чингисхан, Сын Божий, и его потомки, правящие Монгольской империей. Не считая подобных высказываний мессианского толка, добавленных после смерти Чингисхана, основной смысл письма в точности повторял сказанное основателем Монгольской империи. Как только все люди подчинятся власти монголов, тогда «властью Вечного Бога весь мир от восхода до заката станет полон радости и мира». Но Мункэ предупредил французского короля и остальных христиан, что «если, узнав Божий указ, вы не внемлете ему, говоря «Наш край далеко, наши горы высоки, наш океан широк», и, уверенные в этом, приведете к нам войско, мы знаем, что мы сможем сделать».

Несмотря на их богословскую беседу, Рубрук интересовал Мункэ в первую очередь, с точки зрения коммерции и дипломатии, а не религии. Во время правления Мункэ вся мощь государства направлялась на задачи, которые оставались невыполненными еще с времен Чингисхана — на завоевание династии Сун и арабских государств Ближнего Востока. Чтобы лучше контролировать империю, Мункэ приказал провести несколько переписей населения. Таким образом, он точно узнал количество людей и животных, садов, ферм и другого имущества в империи. Чиновники на местах переправляли в Каракорум сведения в больших книгах, снабжая Мункэ подробным демографическим и экономическим описанием его ог-

ромного царства. Он использовал эту информацию для планирования дальнейших действий, сбора налогов и набора рабочих и солдат. Его централизованный контроль над информацией дал ему большую власть над регионами страны и большой контроль над местными чиновниками.

Чтобы продолжить завоевания, Мункэ было необходимо стабилизировать экономику, взять под контроль правительственные расходы и расплатиться огромными долгами, которые накопились за последние десять лет. За время своего короткого и разрушительного правления Гуюк приобрел значительное количество различных товаров, за которые расплачивался бумажными облигациями, которые по его уверениям можно было обменять на золото и серебро у любого купца в империи. После смерти Гуюка многие чиновники и наместники на местах отказались делать выплаты по обязательствам покойного хана. Тем не менее, Мункэ прекрасно отдавал себе отчет в том, что такая политика сильно уменьшит желание иноземных торговцев иметь дело с монголами. Решение хана Мункэ выплачивать долги предшественника заставило Джувайни в изумлении спрашивать: «И в какой только летописи можно было найти такое ... чтобы царь платил долги другого царя?»

В торговом мире, который еще не привык к хождению бумажных денег, Мункэ проявил удивительную проницательность, понимая необходимость поддерживать веру в честность и надежность денежной системы. Чингисхан разрешил выдачу бумажных об-

лигаций обеспеченных драгоценными металлами и шелком незадолго до своей смерти в 1227 году. Эта практика многократно возросла в последующие годы, поэтому ко времени правления хана Мункэ было необходимо ограничить выпуск бумажных денег. Мункэ понимал опасность, которую создал бесконтрольный массовый выпуск бумажных облигаций прежними правителями, и в 1253 создал Управление денежных дел, чтобы взять под контроль и стандартизировать выдачу новых бумажных облигаций. Начальник Управления централизовал контроль над денежной системой, чтобы предотвратить перевыпуск бумажных денег, который привел бы к инфляции их стоимости.

Монголы позволяли покоренным народам продолжать отливать собственную монету, но они ввели универсальную систему мер, основанную на «сухэ», серебряном слитке, который в свою очередь делился на пятьсот частей. К «сухэ» был привязан курс всех местных валют в провинциях. Такая привязка различных по весу денежных единиц значительно снизила трудности в расчетах и обмене валют, как для купцов, так и для местных администраций. Таким образом, стандартизация денежных расчетов позволила хану Мункэ провести монетизацию налогов, которые ранее принимались в основном в форме товаров местного производства. В свою очередь, такая монетизация позволила стандартизировать бюджетные процедуры монгольской администрации благодаря тому, что теперь налоги поступали все больше не в форме

товаров, а в форме денег. Вместо того, чтобы полагаться на правительственных чиновников, которые должны были собирать и перераспределять налоги в форме зерна, стрел, шелка, мехов, масла и прочих ценностей, правительство стало оперировать чистыми деньгами. Впервые в истории единая денежная единица имела хождение на территории от Руси до Персии. До тех пор, пока монголы контролировали денежную систему, они могли спокойно позволить купцам заниматься перевозкой товаров, не теряя при этом власти.

Весной 1253 года хан Мункэ созвал в Каракорум своих братьев и ближайшую родню на малый курултай, чтобы спланировать свои дальнейшие действия и предприятия. Теперь у них был полный контроль над Монгольской империей, но что с ней делать? Клань двух сыновей Чингисхана, Удегея и Чагатая, были сокрушены и лишены большинства своих земель и привилегий. Третья ветвь рода, семья потомков Джучи, с которой Соркокхани заключила политический союз, фактически получила независимость и право управлять Русью и другими европейскими владениями монголов по своему усмотрению. Хан Мункэ был готов продолжить расширение империи, но он хотел сделать это выгодным, прежде всего, для себя и своих братьев, а не для многочисленных двоюродных родичей, других внуков Чингисхана.

Несмотря на свое пристрастие к европейским механизмам и искусству, Мункэ явно не собирался продолжать завоевания в этом направлении. Он вер-

нулся к двум незаконченным кампаниям Чингисхана против династии Сун в Южном Китае и исламских стран арабов и персов. Мункэ назначил своего брата Хулагу, обладавшего самыми выдающимися военными талантами, главой над Армией Правого Крыла, которая отправлялась покорять арабские города Багдад, Дамаск и Каир. Своего менее склонного к войне, зато весьма сведущего в китайской культуре и обычаях брата Хубилая Мункэ назначил военачальником Армии Левого Крыла, которая должна была завоевать Южную Сун. Великий Хан Мункэ сам остался в центральной Монголии вместе с Ариком Буга, который, будучи младшим из братьев, стал Князем Домашнего Очага. В мае 1253 года Хулагу и Хубилай отправились в путь, чтобы завершить завоевания, заповеданные их прадедом и утвержденные их старшим братом.

По обычаю монгольских войн Хулагу выслал вперед отряды, которые должны были убрать с пути основной армии случайные стада, чтобы обеспечить обильные пастбища для множества коней. Он разрешил своему авангарду опробовать силы врага и завязать переговоры с потенциальными союзниками, прежде чем появятся основные силы монголов. Армия собралась летом, чтобы накормить досыта коней, и выступить в поход как обычно зимой. В отличие от воинов Чингисхана, которые передвигались со скоростью молнии и наносили удар с нескольких направлений одновременно, Хулагу наступал медленно и помпезно. Он вел не просто армию кочевников, но

войска самой могущественной империи в мире. У него был значительно более многочисленный китайский инженерный корпус, в который он зачислил также некоторое число европейских мастеров, которые должны были строить мосты, катапульты и прочие осадные машины. Он взял с собой и больше лекарей, писцов и чиновников, которые помогали ему управляться с огромной армией. В отличие от воинов его прадеда, которые во время похода кормились сами, войско Хулегу сопровождали повозки, груженные пшеницей, рисом и вином, чтобы кормить немонгольских представителей его многонациональной армии.

Главной целью Хулагу было покорение культурной и финансовой столицы арабского мира, города Багдада, но чтобы добраться до него, ему пришлось восстановить власть монголов на нескольких восставших территориях. Труднее всего было захватить цитадели гашишинов, еретической шиитской секты неомисмаилитов-низаритов, которых на Западе больше знают под именем ассасинов. Они закрепились почти в сотне горных крепостей, растянувшихся цепью от Афганистана до Сирии. Самой важной из них был Аламут, Орлиное гнездо, в северной Персии. Члены секты беспрекословно следовали приказам своего наследственного предводителя, носившего многие титулы, такие как Имам, Великий Мастер и Старец Горы. Они верили, что Имама избрал Аллах, а значит, он не может ошибаться в своих решениях. Ему не нужно получать никакого образования, по-

скольку, что бы он ни делал, и какими странными или даже еретическими ни казались его дела простым правоверным, его ведет высшая воля Аллаха. Его последователи принимали даже самые иррациональные его решения, включая нарушение самых основных заповедей ислама.

Несмотря на то, что у гашишинов не было настоящей армии, они приобрели невообразимую политическую власть, благодаря изощренной системе шантажа и заказных убийств, а необъяснимые успехи этого тайного общества породили вокруг него столько разнообразных мифов, что даже теперь практически невозможно вычлнить в них правдивое зерно. Секта практиковала простую и эффективную политику: убивать надо всех, особенно властителей и влиятельных людей, кто так или иначе противится воле Имама. Гашишины вербовали молодых людей, готовых умереть на службе Старцу Горы, будучи уверенными, что они, таким образом, получают мгновенный доступ в рай, как мученики ислама. Китайские, персидские и арабские источники сходятся в том, что их накачивали крепкой порцией гашиша, а затем на время поселяли в секретных садах внутри крепостей секты, где женщины, вино и роскошь давали правоверным предвкушение тех наслаждений, которые ждали их после смерти на службе у Имама. Впоследствии их постоянно снабжали гашишом, это было нужно, чтобы держать их в покорности и сделать бесстрашными.

Ранее, во времена первого нашествия Чингисха-

на, Старец Горы добровольно поклялся в верности монголам. В последующие десятилетия вакуума власти, созданного уничтожением султана Хорезма и быстрым отходом основных монгольских войск, гашишины процветали. К тому времени, когда на престол воссел хан Мункэ, они опасались, что возвращение большой монгольской армии может поколебать их собственную новоприобретенную власть.

Летописцы отмечают такой повод к походу Хулагу на юг: якобы Великий Мастер послал в Каракорум открытую делегацию от секты, которая якобы должна была вновь поклясться в верности монголам, а на самом деле — убить Великого Хана. Монголы прогнали убийц и предотвратили покушение, но хан Мункэ решил уничтожить секту полностью и разрушить их цитадели.

Прежде чем армия Хулагу достигла крепостей гашишинов, пьяного и распутного Имама убили его собственные раздосадованные приспешники. Его сменил его сын, который был ничуть не лучше отца. Хулагу понимал, как тяжело будет штурмовать прекрасно защищенные крепости одну за другой и поэтому придумал более простой план. Учитывая священную для секты роль Имама, Хулагу сосредоточил свои усилия на том, чтобы захватить его. Хулагу использовал большую военную силу в сочетании с обещанием прощения в случае, если он сам сдастся. Монголы обстреливали укрепления гашишинов, а их воины оказались способны вскарабкаться на практически неприступные стены, чтобы наносить по исмаилитам

неожиданные удары. Сочетание силы, артобстрела и обещания прощения сработало, и 19 ноября 1256 года в первую годовщину своего прихода к власти Имам сдался на милость монголов.

Как только Хулагу захватил Имама, он пошел с ним от одного замка гашишинов к другому, понуждая его последователей сдаваться. Чтобы усилить желание Имама сотрудничать, Хулагу удовлетворял его нездоровый интерес к наблюдению за тем, как верблюды дерутся и спариваются, а также поставлял ему женщин. Весной 1257 года, когда все замки гашишинов пали, Имам осознал, что больше не нужен монголам, и попросил разрешения лично отправиться в Каракорум, к Великому Хану Мункэ. Хулагу отправил его в далекий путь в Монголию, но когда Имам прибыл туда, хан Мункэ отказался его принять. Вместо этого монгольский эскорт отвез Имама и его спутников далеко в горы возле Каракорума и затоптал их там конями насмерть.

С уничтожением гашишинов для армии Хулагу открылся путь на Багдад, самый большой и богатый город исламского мира. Исмаилиты располагались на периферии исламского мира, а великий Багдад на реке Тигр был его полноправным центром, Матерью Городов. Мекка все еще оставалась священным городом для мусульман, но она была слишком изолирована от основных густонаселенных центров, чтобы стать политическим или торговым центром. После основания Багдада в 762 году, всего век спустя после возникновения ислама, арабский мир оказался под

властью династии Аббасидов, халифов считавшихся официальными правителями всех мусульманских земель. В то время в Багдаде правил халиф, тридцать седьмой наследник Пророка Мухаммада. Он был не только самым могущественным светским владыкой исламского мира, но являлся также верховным духовным лидером всех мусульман на земле. Он представлял собой нечто вроде совместителя должностей императора и Папы.

Багдад был городом Шахерезады, легендарной рассказчицы сказок «Тысячи и одной ночи». На протяжении пяти столетий богатства исламского мира стекались туда. Халифы жили в роскоши и возводили дворцы, мечети, медресе, сады и фонтаны. Багдад был городом роскошных бань и переполненных базаров. Несмотря на то, что большинство его жителей были мусульманами, Багдад стал важным религиозным центром для христиан, строивших там церкви, и культурным центром для иудеев, возводивших там синагоги и школы. Город раскинулся по обоим берегам Тигра, а сердце его защищали высокие каменные стены.

Согласно правилам классической монгольской дипломатии, прежде чем начать боевые действия против халифа, Хулагу послал к нему послов со списком законных претензий к нему. Хулагу обвинил халифа в том, что он не прислал войска для борьбы с гашишинами, хотя клялся в верности Чингисхану. С монгольской точки зрения халиф Багдада был точно таким же взбунтовавшимся вассалом, как и Имам ис-

маилитов. Если халиф немедленно не повиниться в своих преступлениях и не покориться власти монголов, Хулагу грозил завоевать его город и захватить его самого. Халиф также как и Имам недооценил опасность, которую представляли монголы, и презрительно отверг их «абсурдные требования».

Он гордо провозгласил, что весь исламский мир от Багдада до Магриба в Северной Африке как один человек поднимется на защиту своего халифа, и что он не позволит неверным захватить Багдад. Ни Бог, ни правоверные мусульмане не позволят Багдаду попасть в руки гяуров.

В ноябре 1257 года Хулагу, который сомневался в правах халифа говорить от имени Бога или всех мусульман, начал наступление на Багдад. Он приближался осторожнее, чем это сделал бы его дед, но с тем же набором проверенных временем монгольских приемов и стратагем. В дополнение к своим собственным войскам Хулагу призвал на помощь армии вассальных царств Армении и Грузии, а также нескольких тюркских племен. Таким образом, пока основная армия приближалась к городу по широкой дуге с севера и востока, союзники подходили с севера и запада. Хотя Тигр и Евфрат во все времена служили естественной защитой Месопотамии от завоевателей, монголы легко переходили через реки по понтонным мостам. Когда армии завоевателей приблизились, местное население обратилось в бегство и стало искать защиты за высокими стенами города. В последнюю неделю января 1258 года завоеватели окружили город

и заняли пригороды вне стен, доведя число беженцев внутри города до максимума.

Прежде чем начать штурм, Хулагу постарался как можно полнее использовать политическую, религиозную и этническую рознь в стане защитников. Он установил тайные сношения с христианами Багдада. Его мать, две жены и многие его воины исповедовали христианство, сам Хулагу всегда поддерживал дружеские отношения с христианскими общинами на Ближнем Востоке, а также с христианскими царствами Армении и Грузии. Это помогло Хулагу договориться с христианами в городе посредством множества тайных гонцов и переговорщиков. Он обещал всем религиозным меньшинствам города особо мягкое отношение со стороны монголов. В знак особого расположения он даже разрешил христианским священникам не кланяться перед монгольским двором, поскольку им пристало кланяться только Богу. Он умело играл на страхах христианского меньшинства, окруженного враждебным мусульманским обществом. Он подкармливал мечты христиан и иудеев избавиться от мусульманского владычества.

Халиф тоже постарался использовать связи между монголами и христианами себе на пользу. Он призвал Католикоса Макиху, патриарха христиан, и отправил его на переговоры с монголами.

Он предлагал формально признать власть монголов, заплатить огромную дань и читать в мечетях пятничные молитвы за здоровье Великого Хана в знак покорности. Хулагу презрительно отверг это предло-

жение. Он знал, что уже слишком близок к победе, чтобы принимать такие подачки — только не теперь, когда богатства самого пышного города на земле лежат почти у его ног.

Монголы снова проявили свою уникальную способность превращать все, что находилось под рукой, в высокоэффективное оружие. Самыми большими объектами в окрестностях города были высокие финиковые пальмы, которые арабы веками выращивали и лелеяли. Монголы срубили их и превратили в смертоносные снаряды для своих баллист. Деревя в округе было мало, и они не смогли окружить город стеной так, как сделали это на Руси. Тем не менее, Хулагу окружил город рвом и валом, а затем начал массовый артобстрел города. Арабы были знакомы с использованием в бою горючих жидкостей, но они впервые столкнулись с силой пороха.

Монголы изменили формулу пороха таким образом, чтобы он мгновенно взрывался при соприкосновении с огнем, а не медленно горел, как это было в традиционных китайских огненных копьях и ракетах. Монголы научились использовать силу такого взрыва для того, чтобы метать снаряды в противника. Мастера изготовили трубки достаточно маленькие для того, чтобы с ними мог управиться один человек. Из этих трубок во врага летели наконечники стрел и другие кусочки металла. Взрыв в таких трубках был сильным, а значит, требовался более прочный материал, чем бамбук, для их изготовления. Монголы стали делать эти трубки из железа, а для удобства пользо-

вания они приделывали к ним деревянные ручки, большие трубы они устанавливали на колеса для более удобной транспортировки. Такие большие трубы стреляли керамическими или металлическими емкостями, наполненными шрапнелью или порохом. Во время обстрела монголы использовали все виды снарядов и порохового оружия, включая дымовые бомбы, прото-гранаты, примитивные мортиры и зажигательные ракеты. Они изобрели взрывные устройства такой силы, что, вероятно, использовали даже пушки; одну такую трубу они направили на городскую стену и выстрелами развалили ее.

Обстрел с такого расстояния вызвал в жителях Багдада и его защитниках страх и смятение. Их никогда не атаковал враг, находящийся за пределами досягаемости для их собственного оружия. Кроме огнестрельного оружия, монгольские инженеры довели до совершенства практику использования пороховых зарядов для подрыва стен. Все эти военные нововведения прекрасно сочетались с пристрастием монголов оставаться как можно дальше от непосредственного боя и смертей. Хулагу разрушил дамбу и затопил лагерь армии халифа, вынудив ее искать спасения в городе. Стена воды вокруг Багдада, наверное, оказала на защитников такое же воздействие, как деревянная стена на воинов русских городов. Пятого февраля 1258 года монгольские войска ворвались в город, и пять дней спустя халиф вынужден был капитулировать. Чтобы подготовить город к разграблению, Хулагу приказал всему населению сложить ору-

жие, оставить свое имущество и покинуть город. Вместо того, чтобы исполнить приказ, армия защитников вырвалась и попыталась бежать, но монголы организовали погоню и перебили всех солдат.

Хулагу послал свои христианские отряды на разграбление города, но они обнаружили, что многие люди не выполнили приказ хана и прятались в своих домах. За неподчинение приказу они были убиты на месте. Монголы освободили от разграбления церкви и собственность христиан, а Хулегу подарил один из дворцов халифа Католикосу Макихе. Христиане Багдада присоединились к своим единоверцам в разграблении города и избиении мусульман. Века ненависти и гнева пролились полной чашей, когда они оскверняли и разрушали мечети, а многие из них превращали в церкви.

Христиане радовались и ликовали по всем землям Аббасидов. Армянский летописец описывает эту радость: «Пять сотен и еще пятнадцать лет прошли со времени основания города. Высоко он вознесся и как ненасытная пиявка поглощал все соки мира. Но теперь он отдал назад все, что было им проглочено». Теперь Багдад «был наказан за все кровь, что он пролил, и за все зло, что он причинил; мера беззакония его исполнилась». Разграбление длилось семнадцать дней. В это время захватчики случайно или намеренно подожгли город.

Хулагу позволил христианам разрушить гробницы рода Аббасидов, а затем призвал пленного халифа в свой лагерь за городом. Согласно армянскому исто-

рику Григору из Алканца Хулагу продержал его три дня без пищи и питья, а затем привел его к груде золота и других сокровищ, вынесенных из города. Он указал на нее и приказал халифу есть золото. Когда тот не сказал, что не может, Хулагу отчитал его за жадность, которая принудила халифа накапливать богатства, вместо того чтобы собрать для собственной защиты сильную армию. Затем он приговорил халифа и всех его потомков мужского пола к смерти, но в знак уважения к высокому положению позволил казнить их как монголов — без пролития крови. Источники расходятся в описании способа казни, видимо, их зашили в ковры или мешки и забили ногами или затоптали конями до смерти.

Всего за два года монгольская армия совершила то, что за двести лет непрерывных усилий не смогли сделать европейские крестоносцы и восточные турки-сельджуки, — они захватили сердце арабского мира. Немусульманские войска больше никогда не покоряли Багдад и Ирак вплоть до появления американских и британских сил в 2003 году.

Пока монголы побеждали арабов, крестоносцы, засевшие в нескольких небольших городах и замках по берегам Средиземного моря, с опаской наблюдали за ними. После падения Багдада они решили, что могут объединиться с монголами и получить свою часть славы и добычи. Когда монгольская армия покинула Багдад и двинулась дальше на запад, рыцарь Бозмунд, князь Антиохийский, двинул свои войска на Дамаск со стороны моря. Точно так же султан

сельджуков послал из Анатолии свою армию на помощь монголам.

Дамаск покорился добровольно и, таким образом, спас себя от судьбы, постигшей Багдад. Вскоре монгольские воины второй раз вышли на побережье Средиземного моря. Восемнадцатью годами ранее, в 1241 году, монголы хана Батыея вышли к морю через Европу, теперь они приблизились со стороны Азии. За семь лет Хулагу завоевал и покорил все земли на расстоянии почти четырех тысяч миль от Каракорума. Этот поход увеличил число подданных империи на несколько миллионов за счет арабов, турков, курдов и персов.

За шесть веков существования ислама эта религия широко распространилась по Ближнему Востоку, но никогда еще столько мусульманских земель не попадало в руки язычников. Четыре десятилетия между завоеванием Бухары Чингисханом и падением Багдада стали самой черной страницей в истории исламского мира. Крестоносцы смогли закрепиться только в нескольких портовых городах и княжествах, зато монголы завоевали все мусульманские царства от Инда од Средиземного моря. Они покорили почти все мусульманские земли в Азии; свободными от них остались только Аравийский полуостров и Северная Африка.

Торжеству христиан не было предела. Армянские летописи сообщают апокрифическую историю, которая больше иллюстрирует христианское презрение и ненависть к мусульманам, чем то, что на самом деле

делали монголы. Согласно этой истории после покорения арабов монголы выписали из Армении сто тысяч поросят и распределили по две сотни в каждый арабский город. Они якобы потребовали, чтобы мусульмане держали свиней в центре своих городов, заботились о них, регулярно кормили миндалем и финиками, и мыли с мылом каждую субботу. Историк утверждает, что монголы потребовали, чтобы все арабы ели свинину и отрубали голову всякому, кто отказывался.

Казалось, что монгольская империя сейчас поглотит все мусульманские страны, но на самом деле монголы уже покорили все, что могли на Западе. В этом направлении империя больше не разрасталась. Из Египта выступила армия рабов-мамлюков, большинство из которых были приобретены у итальянских купцов, то есть происходили из тех кипчаков и русичей, которых продавали в рабство монголы хана Бату. Они столкнулись с передовыми монгольскими подразделениями неподалеку от местечка Айн аль-Джалут или Голиафовых Источников возле моря Галилейского в современном Израиле. Ранним утром 3 сентября 1260, год спустя после смерти хана Мункэ, мамлюки одержали над монголами победу. Империя достигла своей западной границы.

По сравнению с победами и завоеваниями Хулагу на Ближнем Востоке успехи его брата Хубилая в борьбе против Южной Сун оставались весьма умеренными. Исполнению планов монголов на востоке мешало отсутствие у Хубилая заметного военного

опыта. В отличие от братьев, которые сражались в Европе и на Ближнем Востоке, Хубилай провел большую часть жизни в монгольских землях к югу от Гоби. Там он держал двор более пышный и благородный, чем даже в Каракоруме. Войнам и битвам он предпочитал пиры и увеселения. Он растолстел да еще и страдал от подагры, что, несомненно, не добавляло ему привлекательности в качестве военного предводителя на боевом коне. Получив приказ от брата, хана Мункэ, Хубилай начал вести открытые приготовления к войне, но его армия достигла только довольно скромных успехов в войнах против пограничных с Сун княжеств на западе Китая. Хубилай продвигался очень медленно. В дополнение к трудностям, которые возникли с расширением на юг, у него было множество трудностей с управлением уже подчиненных ему земель: их разрывала религиозная рознь. Буддисты и даосисты всюду боролись между собой и мешали хану готовиться к войне.

Вместо того, чтобы посылать в Каракорум вести о победах и караваны захваченных богатств, Хубилай посылал одно за другим письма с извинениями за задержки и описания неожиданно возникших осложнений. Ученые, благорасположенные к Хубилаю, объясняют это тем, что он был зрелым и благоразумным политиком и хотел действовать с осторожностью и в полном порядке, а не спонтанно, прекрасно сочетая монгольские и китайские стратегические и тактические приемы. Другие считают, что он был просто лишен обычного монгольского военного таланта, а не-

удач ему удалось избежать только благодаря общему импульсу монгольского нашествия и военному превосходству его воинов и военачальников.

Хан Мункэ был сильно разочарован. Он отправил особых людей расследовать все дела связанные с военным походом Хубилая.

Эти чиновники обнаружили достаточно доказательств коррупции и мошенничества при дворе Хубилая и казнили многих его приближенных, а также лишили его самого многих финансовых прерогатив и обязанностей. Следователи вели себя примерно так же, как и когда проводили чистку в клане Удегея, и казалось, что не только власть, но и сама жизнь Хубилая стоит сейчас на кону.

Мункэ призвал Хубилая в Каракорум, официально, чтобы разобраться с путаницей в налогообложении и других финансовых вопросах, а на самом деле, чтобы спросить с него за все, а особенно за отсутствие военных успехов в войне против Сун. Некоторые советники рекомендовали Хубилаю воспротивиться желанию брата, но он не послушал их и приехал в столицу, а там отдался на милость своего старшего брата. Хубилай униженно просил прощения и клялся в верности.

Он разжалобил Мункэ и тот открыто простил его и примирился с ним. Тем не менее, это мало помогло разрешить конфликт между ними и еще меньше — добиться успеха в завоевании земель династии Сун. Раздосадованному Мункэ пришлось придумать новый план.

Осенью 1257 года, когда войска Хулагу двигались к Багдаду, Хан Мункэ собрал небольшой семейный курултай в долине Хорхонаг на реке Онон, неподалеку от священной горы Бурхан Халдун. Там ему стало ясно — или, во всяком случае, он ясно объяснил это родичам — что ему придется вести кампанию против сунского Китая самому. Хан Мункэ много воевал в европейских походах, и учился военному делу у самого заслуженного монгольского военачальника Субэдея. После смерти его учителя в 1256 году он был, наверное, самым лучшим монгольским военным лидером в империи. На время своего отсутствия по военным делам он доверил управление империей и заботу о своих детях своему младшему брату Арик-Буге. Хан Мункэ приказал Хубилаю возвратиться в свои земли и положить конец религиозной распре между буддистскими и даосскими монахами.

Мункэ использовал старинную военную стратегию своего деда, которая заключалась в том, чтобы наносить удары сперва по меньшим и слабейшим целям, а лишь затем направлять все усилия на достижение главной цели. Для Мункэ это означало, что следует начать завоевание соседних земель, таких как Сычуань на западе и Юньнань на северо-западе. Если бы монголам удалось установить контроль над этими территориями, они смогли бы ударить по династии Сун со всех сторон одновременно. В мае 1258, всего через три месяца после того, как Хулагу разграбил Багдад, хан Мункэ перевел войска через Желтую реку. Меньше чем за год они прошли от холодной реки

Онон на границе Сибири до влажных и теплых южных земель.

Быстро подчинив себе соседние княжества, на второй год военной кампании Мункэ начал боевые действия собственно против династии Сун, но погода изменилась, стало невыносимо жарко. С таким климатом Мункэ и большинство его солдат не сталкивались ни в родной Монголии, ни в своих европейских походах. Многие монголы страдали от кровавого поноса, видимо, от дизентерии. Впоследствии по лагерю стали распространяться и другие инфекционные заболевания. Хан Мункэ тоже заболел, но выздоровел, — а затем, 11 августа 1259 года он неожиданно умер. Исторические источники расходятся во мнениях о причинах его смерти. Китайцы пишут, что он умер от холеры, персы — что от дизентерии, а другие утверждают, что его сразила вражеская стрела. Смерть Хана Мункэ парализовала империю, и завоевание остановилось.

Вместо того чтобы броситься сломя голову в Монголию, дабы принять участие в выборах нового Великого Хана, как это происходило до сих пор после смерти предыдущих трех Великих Ханов, каждая фракция старалась как можно более обезопасить свои земли. На Ближнем Востоке победоносный Хулагу оккупировал самые богатые земли и города в империи; он владел богатством большим, чем все остальные владыки империи вместе взятые. Он уже наложил руку на часть великолепных азербайджанских пастбищ, которые раньше принадлежали его двою-

родным родичам, правившим Русью. Опасаясь утратить и другие свои земли, они закрепились на своих территориях и не думали даже отправляться в Монголию на выборы. Ни Хулагу, ни Золотая Орда (так стали называться наследники Джучи в Европе) не хотели рисковать своими уже завоеванными вотчинами, чтобы бороться за титул Великого Хана.

Монгольская империя достигла своих наибольших размеров при Хане Мункэ, последнем из потомков Чингисхана, которого все монголы признавали Великим Ханом. Впоследствии разными частями империи правили многие ханы, и многие из них претендовали на то, что они полноправные наследники Чингисхана, но ни один из них не был признан всеми фракциями и кланами. Хан Мункэ начал, но так и не закончил вторую Монгольскую мировую войну. Она не закончилась ни победой, ни поражением; она просто потухла.

Его братья вели эпизодические войны, но они больше занимались друг другом, чем внешними врагами. Хубилай вдруг отвлекся от покорения династии Сун и стал бороться за титул Великого Хана со своим младшим братом Арик-Бугой, который правил Монголией из Каракорума. Каждый из них созвал отдельный курултай на своей территории. Разница между двумя кандидатами и, главное, их сторонниками была очевидной и прозрачной. Более образованный Хубилай получил земельные районы, где беспорной популярностью пользовалась китайская культура. Он никогда не пользовался особым доверием или

расположением других членов Золотой Семьи. Хубилай любил города и строения. Он, казалось, чувствовал себя удобнее во дворце, чем в традиционном гэре, и, вероятно, даже немного говорил по-китайски. Он настолько отошел от обычного монгольского образа жизни, что вокруг него образовалась некая аура чуждости, которая так никогда и не покинула его.

В отличие от космополита Хубилая Арик-Буга жил так же, как и остальные кочевники в степи. Как младший сын он получил титул Князя Домашнего Очага и теперь мог претендовать на титул Великого Хана, как его отец, которого Мункэ посмертно сделал Великим Ханом. К тому же Арик-Буга пользовался большим доверием внутри Золотой Семьи, так как представлял меньшую угрозу для их власти над их собственными царствами, а имперские настроения Хубилая вызывали некоторые опасения. В полном согласии с монгольским законом Арик-Буга созвал курултай на родине в Монголии. Вдова Мункэ и его сыновья поддержали его кандидатуру, также как и большинство родичей, кроме двух братьев, Хулагу и Хубилая. В июне 1260 года представители всех ветвей семьи провозгласили Арик-Бугу Великим Ханом на курултае в Каракоруме.

Тем не менее, Хубилаю удалось осуществить государственный переворот. Следуя совету своих китайских придворных, Хубилай созвал курултай на своей земле. Вряд ли кто-то еще приехал, кроме его приверженцев, но все равно этот маленький совет провозгласил его Великим Ханом. Чтобы добиться верности

и подчинения от своих китайских подданных, он еще провозгласил себя императором в том же году и принял имя Чжунтун, Срединный Властитель. Этот титул был переводом-калькой монгольского обозначения Великого Хана, как управителя центрального лагеря между войсками Левого и Правого крыла.

Каким бы необычным ни казалось избрание Хубилая с точки зрения монгольских законов, он твердой рукой управлял китайской армией и своим собственным военным контингентом монголов. Но что важнее всего, он контролировал поставки пищи и продуктов в Каракорум. Население степной столицы монголов сильно разрослось и уже никак не могло прокормиться только за счет стад скота в округе. Несмотря на попытки начать обрабатывать вокруг города землю, Монгольский климат оказался слишком суровым для сельского хозяйства. Без постоянных и обширных поставок из земледельческих территорий, которые контролировал Хубилай, Каракорум оказался бы на грани голода.

Хубилай прекратил поставки и отправил армию на захват Каракорума. Арик-Буга отчаянно сопротивлялся, но его войска постоянно отступали под давлением огромных китайских армий Хубилая. Каракорум быстро пал, но в 1261 году Арик-Буга сумел ненадолго восстановить контроль над городом. Войска враждующий ханов встречались в битве еще два раза, но армия Арик-Буги скоро ослабла и стала разваливаться, союзники его покинули, убедившись, что молодой хан никогда не сможет справиться со своим

старшим, опытным и, вероятно, более умным братом. Окончательно подкосила его самая страшная напасть, которую знали монголы — падеж скота. В 1250-1270 гг. в Монголии снизилась среднегодовая температура. В такой хрупкой экологической системе как монгольская это имело ужасающие последствия: сократилось количество осадков, выросло меньше травы и животные стали умирать от голода. Без сильных коней и дополнительных поставок пищи из обильных земель Хубилая Арик-Буга оказался просто не в силах вести затяжную войну. Зима 1263 года выдалась особенно холодной и жестокой, и когда пришла весна, Арик-Буга понял, что проиграл. Не в силах накормить своих сторонников, он отправился в Шанду, где и сдался на милость Хубилая в 1264 году.

Когда после многолетней борьбы брата, наконец, встретились, Хубилай принудил Арик-Бугу провести прилюдный ритуал изъявления покорности. Перед собравшимися придворными Хубилай стал допрашивать брата, требуя ответить на чьей стороне была правда в их борьбе за титул Великого Хана. Арик-Буга еще не потерял своей гордости и ответил: «Раньше — на нашей, теперь — на твоей». Другие члены семьи, даже Хулагу, были настолько оскорблены тем, как Хубилай прилюдно унизил своего брата, что они послали ему официальные жалобы. Хубилай созвал еще один курултай, теперь уже на территории Монголии, чтобы решить судьбу Арик-Буги и подтвердить свой титул. Несмотря на потрясающее численное превосходство китайской армии Хубилая, Зо-

лотая Семья не прибыла на совет. Родичи готовы были признать власть Хубилая над захваченными им землями, но они не хотели принимать участие в суде над Арик-Бугой, которого они сами утвердили на престоле Великого Хана, а также они не собрались рисковать, отправляясь на курултай, с которого могли и вовсе не вернуться. В отсутствие кворума Хубилай публично простил своего брата. Он судил и казнил многих его приверженцев, но единственным наказанием, которое он наложил на Арик-Бугу, был запрет появляться при дворе. Вскоре в 1266 году, к вящему удобству Хубилая, Арик-Буга, не достигший еще старости, вдруг заболел и умер. Можно с большой уверенностью утверждать, что его отравили.

Теперь Великим Ханом Монгольской империи стал Хубилай. Он владел самой многочисленной армией на планете и правил самой густонаселенной территорией. Однако, победа далась ему дорогой ценой: некоторые члены монгольской Золотой Семьи отказались признать его законным правителем, или в лучшем случае, только на словах признали его верховенство, но в остальном не обращали на него внимания и продолжали вести между собой бесконечные пограничные войны.

Как и четыре фонтана Серебряного Древа, Монгольская империя разделилась теперь на четыре основных зоны влияния. Хубилай правил Китаем, Тибетом, Манчжурией, Кореей и восточной Монголией, но постоянно вынужден был подавлять восстания в Монголии и Манчжурии. Золотая Орда правила сла-

вянскими землями и постоянно отказывалась признавать Хубилая Великим Ханом. Земли, которыми правил Хулагу и его потомки, от Афганистана до Турции стали известны как Ильханат или «вассальная империя». Именно там после веком арабского владычества вновь расцвела персидская культура, заложившая основу для появления современного Ирана. Наиболее традиционные монголы жили в центральной степи, которая получила имя Могулистан и располагалась на территории современных Казахстана и Сибири на севере и через Туркестан и Среднюю Азию до Афганистана на юге. На некоторое время они объединились под властью правнука Удегея и Туракины, Хайду. Он правил из Бухары и соперничал с властью Хубилая, но вскоре эти земли рассыпались на множество небольших княжеств.

Более трех десятков лет Каракорум служил столицей Монгольской империи, но теперь монголы под предводительством Хана Хубилая сами разграбили и практически разрушили его. На короткое время он стал центром, сердцем всего мира. Во время разграбления Каракорума монголы разобрали Серебряное Древо и увезли его.

ЧАСТЬ III

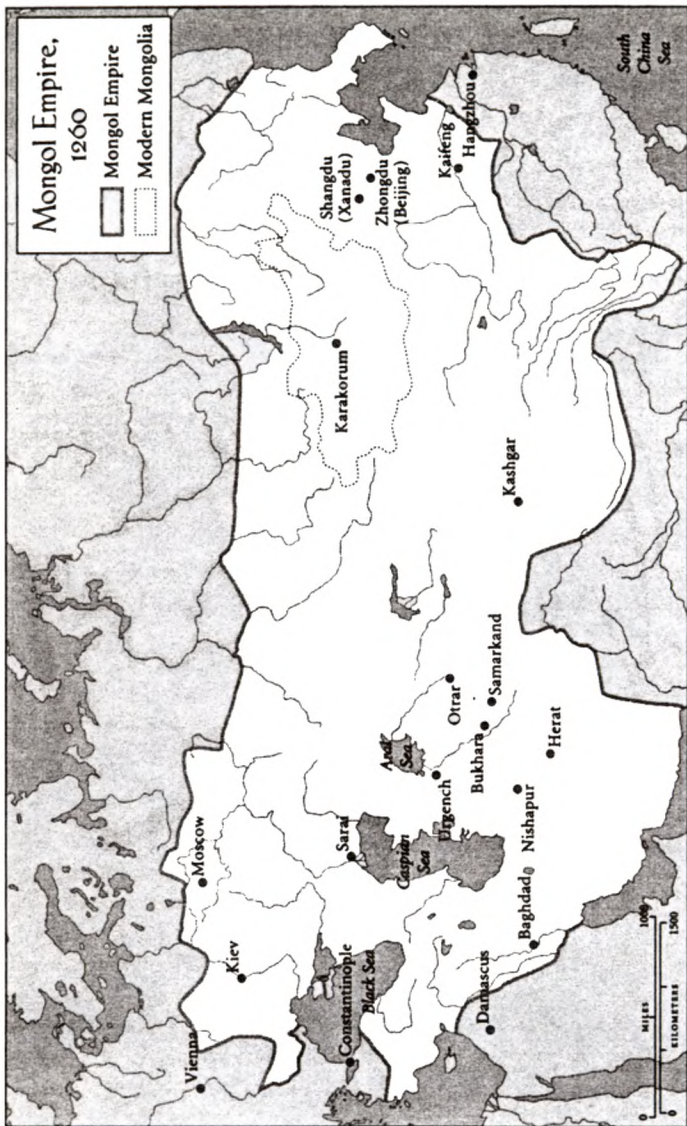
ВСЕОБЩЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ:

1262

Азия пожирает нас. Татарские лица
повсюду — куда ни глянь.

Томас Манн

Волшебная гора

8

ХУБИЛАЙ-ХАН И НОВАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Сей Великий Каан — наимогущественнейший
человек во всем, как в уважении подданных,
так и в обширности земель
и несметности сокровищ

Марко Поло

Гений хана Хубилая ярче всего проявился тогда, когда он пришел к выводу, что монголам не удастся покорить весь Китай одной только военной силой, вне зависимости от размера армии и совершенства ее вооружения. Хотя он и не был наделен военным талантом своего деда, он все равно превосходил умом всех других членов рода.

Он был прекрасным стратегом, и умел не только находить блестящие решения политических и военных задач, но и воплощать их в действительность.

Все свои умения он направил на управление своими землями и, что самое главное, на расширение их на юг. В конце концов, ему удалось достичь политическими средствами того, что не удалось его непобедимому деду, — покорить и объединить весь Китай, самую густонаселенную страну в мире. Он одержал победу, умело манипулируя общественным мнением, при этом военная мощь монголов играла важную, но далеко не ведущую роль. Он возвел китайскую столицу, принял китайское имя, и установил китайскую чиновничью систему. Он завладел Китаем, так как стал большим китайцем, чем сами китайцы, во всяком случае, больше, чем династия Сун.

На протяжении всей своей прежней истории Китай всегда был великой цивилизацией, но никогда не был единым централизованным государством. Хотя образованная элита владела единым письменным языком, читала одни и те же классические тексты и восхищалась одними и теми же стилями в искусстве, простолюдины говорили на совершенно разных языках и жили в изменчивой мозаике княжеств и династий-однодневок.

Образованная элита мечтали о едином централизованном государстве. Временами глава той или иной местной династии, которая в тот момент набирала значительную силу, умудрялся покорить несколько соседних царств и вновь пробуждал надежду на объединения всей страны. В перерывах между такими короткими периодами общей государственности идея единого Китая оставалась романтическим

идеалом в поэзии, каллиграфии и эссе китайской интеллигенции.

В отличие от всех прежних властителей, Хубилай предоставил образованному сословию возможность воплотить в жизнь их давнюю мечту о государственном единстве. Несмотря на его низкое происхождение из степных варваров, он показал себя более способным достичь этой цели, чем цари династии Сун. Все, что он делал, казалось, было направлено на то, чтобы убедить китайский народ в том, что само Небо даровало ему и только ему свое благословение, а значит, старая династия Сун скоро падет, потому что ей уже не хватает необходимой жизненной силы.

Хан Хубилай, казалось, отдавал себе отчет в том, что он столкнулся с трудностями схожими с теми, с которыми в свое время столкнулся его великий дед, объединяя разрозненные племена степи. Хотя Чингисхану с огромным трудом удалось объединить несколько племен, численность каждого из которых не превышала ста тысяч человек, Хубилаю пришлось иметь дело с многомиллионными царствами. Как и Чингисхан, Хубилай начал трудный процесс создания государства вокруг базовой этнической группы, только для него такой группой стали не монголы, а китайцы.

Он должен был получить преданность китайского народа, а для этого ему приходилось восстанавливать, а зачастую и изобретать различные институты, которые превратили бы разрозненные народы в жизнеспособное и сильное целое.

Во время борьбы за власть со своим братом Ариком Буге в 1260 году Хубилай принял китайский титул, являющийся переводом монгольского: Чжи Юань, то есть «Совершенное начало». В 1264 он использовал его для династического имени Да Юань («Великое начало»), под которым монгольская династия известна в китайской истории. Это имя означало не только новое начало для китайских подданных хана, но и для самих монголов. Хубилай не был новым Чингисханом, но он совершил деяния сравнимые по сложности и масштабу с подвигами его деда.

Как император и основатель новой династии Хубилай старался китаизировать свой образ и, таким образом, сделать его не только приемлемым, но даже притягательным для его китайских подданных. В 1263 году Хубилай приказал возвести храм, посвященный его предкам. Он приказал своим чиновникам совершать в храме традиционные китайские ритуалы почитания предков, но сам старался в них не участвовать. В этом, видимо, отразилась обычная монгольская неприязнь ко всему связанному со смертью. В следующем году он поставил несколько стел, посвященных предкам, в обычном китайском стиле. В 1277 году, после того как он объявил о создании новой монгольской династии, он посмертно присвоил китайские имена всем своим предкам и построил большой по размеру храм, в котором было восемь отдельных покоев: один для основателя семьи Есугей-багатура и Оэлун, другой для Чингисхана, по одному для каждого из сыновей Чингисхана, и по од-

ному для Гуюк-хана и Монке-хана. В новой официальной версии истории рода Джучи, чей род был одним из самых верных союзников Хубилая, был признан полноправным членом семьи. Так же как Монке возвел посмертно их отца Тулуя в чин Великого Хана, Хубилай сделал его китайским императором. Он заказал портреты всех членов семьи, сделанные в китайском стиле. На них все они выглядят больше похожими на китайских мандаринов, чем на монгольских воинов.

Хубилай признавал высокую эффективность сильной армии и настойчивой пропаганды, но третьим составляющим его стратегии стало умелое управление и создание новой администрации. Он не придерживался обязательных конфуцианских принципов, которые имели силу закона для высших классов, но мало значили для простого люда. Хубилай старался создать эффективную систему управления, которая помогла бы ему добиться широкой популярности среди своих подданных-китайцев и отменить свое иноземное происхождение. С этой целью он создал институт Уполномоченных миротворцев, которые должны были улучшить отношения новой власти с ханьцами на новопокоренных территориях. Эти миротворцы стали постепенно восстанавливать то, что разрушила война, и в первую очередь — важные общественные строения, такие как храмы, часовни и другие важные для народа здания.

Чтобы выступать как могущественный китайский правитель, Хубилай должен был создать пыш-

ный двор, который располагался бы в настоящем городе, а не в кучке кочевых шатров и не в целевых строениях в Шанду в современной Внутренней Монголии. Это место было для него важно, так как именно там курултай провозгласил его Великим Ханом, но другими преимуществами оно явно не обладало. Столица находилась не только в области, населенной кочевниками, чуждыми оседлым китайцам, но и на месте обычных военных лагерей, из которых Чингисхан наносил удары по цивилизованным городам Китая. Хубилай же хотел как можно меньше ассоциироваться с этими аспектами монгольской истории.

Сохранив Шанду в качестве летней столицы и личных императорских охотничьих угодий, Хубилай приказал возвести новый город, настоящую китайскую имперскую столицу, на юге, где было бы легче использовать сельскохозяйственные ресурсы долины Желтой реки. Он избрал место прежней чжурчженьской столицы Чжунду, которую Чингисхан разрушил в 1215, как раз в год рождения Хубилая. В 1272 он издал указ о начале строительства новой столицы, которая затем была соединена каналом с Желтой рекой. Монголы называли ее Ханбалык, то есть Город Хана. Китайцы называли ее Даду, то есть Великая Столица, теперь она называется Пекином. Хубилай призвал мусульманских архитекторов и среднеазиатских ремесленников для постройки своей столицы. Они должны были выработать новый стиль, который стал бы компромиссом между вкусами степных кочевников и оседлых цивилизованных народов.

Большинство китайских городов эпохи были пронизаны узкими переплетающимися улочками, но в столице Хубилая улицы были прямыми и широкими. Они шли под прямыми углами друг к другу, так что стража возле южных ворот могла видеть стражу у северных, на другом конце города. От императорского дворца расходились широкие проспекты, более приспособленные для маневров степной кавалерии, чем для тачек и повозок китайских тружеников. В случае народного восстания против власти монголов по такому проспекту могли проехать в ряд девять вооруженных всадников.

Учитывая интерес монгольской империи в торговле, Хубилай-хан отвел отдельные городские кварталы людям с Ближнего Востока, монголам, а также всем народностям современного Китая. В город стекались торговцы даже из Италии, Индии и Северной Африки. Как отмечает Марко Поло, в городе с таким огромным населением появились огромные веселые кварталы, обслуживающие всех жителей и гостей столицы. Ученые и врачи с Ближнего Востока приезжали в город, чтобы заниматься своими науками. Римо-католические, несторианские и буддистские священники присоединялись к своим даосским и конфуцианским коллегам, которые уже отправляли свои культы в Китае. Исламские священнослужители, индийские мистики и в некоторых областях Китая даже иудейские раввины придавали непередаваемый колорит многообразию народов, языков и идей, царившему в империи. Город был значительно больше Каракору-

ма, но сохранял многие из его интернационалистических принципов, он был настоящей мировой столицей и мог бы стать столицей всего мира.

И, наконец, в самом сердце города Хубилай создал монгольское прибежище, куда был заказан доступ всем инородцам, включая китайцев. За высокими стенами, которые охраняли отборные монгольские воины, царская семья продолжала жить по монгольским обычаям. В самом центре города были выделены огромные пространства для стад скота и табунов коней, — прецедентов такому в китайском градостроительстве до тех пор не было. Этот Запретный город представлял собой маленький кусочек дикой степи в центре монгольской столицы. Во времена правления монголов весь этот комплекс представлял собой набор гэров, где члены ханской семьи предпочитали жить, питаться и спать. Беременные жены ханов следили за тем, чтобы их дети рождались именно в кочевых гэрах, там же детей учили, когда они подрастали. В то время как Хубилай-хан и его наследники вели общественную жизнь китайских императоров, внутри Запретного города они продолжали оставаться степными монголами.

Когда францисканский монах Одорик из Порденона побывал в землях монголов в 1320-х годах, он описал Запретный город в Ханбалыке: «В пределах указанного имперского дворца, стоит прекрасная гора, усаженная густо деревьями, за что и называется Зеленой горою, а на ней воздвигнут великолепный и царственный дворец, в котором большую часть вре-

мени и живет Великих Кан». В следующем абзаце он приводит описание, весьма напоминающее Каракорум: «На одном из склонов указанной горы есть большое озеро, через которое тянется державный мост, а в озере том полным-полно гусей, уток и прочей птицы; а в лесах на другом склоне кишмя кишат птицы и дикие звери». Деревянный дворец, построенный Хубилаем, кажется, весьма похожим планировкой на дворец Угедея в Каракоруме. Вероятно, Хубилай привез великолепное Серебряное древо с собой из дворца в Каракоруме и установил, по меньшей мере, часть его в Ханбалыке. Марко Поло описывает его так: «В некоем зале, поблизости от того, где Великий Каан держит свой стол, установлено прекрасное произведение искусства — большой квадратный сундук в три шага длиной и шириной, изысканно украшенный изображениями животных, прекрасно вырезанных и позолоченных». Внутреннее устройство также напоминает Серебряное древо: «внутри он полый и стоит там сосуд из чистого золота ... и с каждого угла большого сосуда стоят чаши подобные ему по размеру, и из него течет в них вино или другие напитки обильно приправленные пряностями».

В пределах Запретного Города Хубилай и его семья продолжали вести себя как монголы во всем, включая одежду, речь, пищу и развлечения. Это означало, что они пили много веселящих напитков, громко чавкали и резали мясо ножами прямо на столе, что считалось у китайцев крайне непристойным. При учете особого пристрастия монголов к алкоголю при

дворе наверняка разыгрывались странные сцены, когда вольнолюбивые и непостоянные монголы пытались подражать выверенным и строго предписанным ритуалам китайского двора. В отличие от традиционного китайского имперского уклада, согласно которому чиновники располагались за столом согласно рангу и званию, монголы рассаживались как придется, и что еще больше возмущало китайцев, монгольские женщины свободно ходили среди мужчин даже в самых торжественных и важных ситуациях. Церемониал при монгольском дворе временами настолько нарушался, что личные телохранители Хана вынуждены были отгонять столпившихся чиновников и гостей палками.

Как и его дед Хубилай понимал, что в центре стойкой системы управления должны стоять четкие и ясные законы. Именно при помощи создания и поддержания новых законов степные вожди и китайские правители оправдывали свою власть в глазах подданных. Создавая свой свод законов, Хубилай не столько заменял китайские законы монгольскими, сколько приспособлял их и добивался соответствия с Законом Чингисхана.

Таким образом, он одновременно добивался поддержки со стороны монголов и его китайских сторонников. Закон стал еще одним оружием в его борьбе за верность и преданность его подданных и помог ему одержать верх над династией Сун.

Администрация хана Хубилая гарантировала землевладельцам их право собственности, снижала нало-

ги и чинила дороги и мосты. В борьбе за народную любовь монголы серьезно смягчили жесткий уголовный кодекс Сун, сократив количество преступлений, каравшихся смертной казнью, с 233 до 135. Хубилай-хан редко допускал казни даже тех, кто обвинялся и в этих преступлениях. Записи о таких казнях не сохранились только за четыре года из тридцати четырех лет его правления. Высшим показателем было число казней за 1283 год — 278. Низшим — всего 7 в 1263. Впрочем, вероятно, что отсутствие таких записей за четыре года объясняется тем, что в эти годы казней не было вовсе. В целом за тридцать лет правления Хубилая было казнено менее чем 2,500 преступников. Число ежегодных казней в его царстве несколько ниже, чем в современных цивилизованных странах, таких как Китай или Соединенные Штаты.

В целом, Хубилай установил более последовательную, мягкую и гуманную систему законов и наказаний, чем династия Сун. Там, где это было приемлемо, он заменял телесные наказания штрафами, а также ввел нормы амнистирования преступников, которые покалялись в своих прегрешениях. Точно так же монгольские власти старались отменить использование пыток или хотя бы значительно сократить его.

Монгольские законы предписывали чиновникам применять пытки для получения признания только в тех случаях, когда у них были уже обоснованные свидетельства преступления, а не просто подозрения. Монгольский кодекс от 1291 года гласит, что чиновники «должны сперва использовать разум, чтобы по-

стигать и расследовать, а не применять тут же пытки». Для сравнения приведем тот факт, что в то же самое время Церковь и государство в Европе расширяли число преступлений, в расследовании которых пытки могли применяться без дополнительных улик против подозреваемого.

Монголы отвергли кровавые формы пыток, такие как растягивание на дыбе, колесование, сажание на кол и многообразные вариации сожжений, которые широко использовались в других странах, и заменили их избиванием бамбуковыми палками.

Мягкость монгольского закона и обычаев степной культуры иногда проявлялась довольно странно. Китайские власти довольно часто татуировали наименование преступления на лбу у преступника. Монголы считали голову священным вместилищем души и потому запретили таким образом уродовать голову даже преступника. Монгольские власти позволили сохранить такую практику в тех областях, где она уже имелаась, но приказали наносить татуировку за первые два преступления на предплечья, а за третье на шею, но только не на голову. Они также не позволяли этой форме наказания распространяться в другие области. Вместо того, чтобы писать список преступлений на теле преступника, они предпочитали отмечать их на стене, возведенной напротив его дома. Таким образом, вся община могла бы внимательно следить за ним. Была введена система досрочного и условного освобождения преступников, в обязанность им вменялось дважды в месяц являться на прием к

местным чиновникам, чтобы те наблюдали за их поведением. Согласно монгольскому принципу групповой вины и ответственности освобождение заключенного зависело, в частности, и от того, захочет ли он вступить в дополнительные подразделения стражи, чтобы обратить свои знания и воровские умения на поимку других преступников. Преступники и часто их семьи в полном составе обязаны были подписывать документы, подтверждающие принятие приговора и отметить свои возражения или жалобы по поводу процесса. Для установления подлинности документов на них ставились также и отпечатки пальцев. Всюду, где только возможно, монголы предпочитали добиваться того, чтобы дела решались на самом низком уровне, без привлечения чиновников высокого ранга. Преступление внутри семьи могло быть разобрано самой семьей, разногласия между монахами одной веры могли разрешать их духовные отцы, а преступления внутри одной профессиональной группы — рассматриваться советом мастеров.

В помощь частным гражданам и небольшим судебным советам монгольские власти поощряли издание книг по криминологии и юриспруденции. В области уголовных преступлений были установлены минимальные требования к чиновникам, которые осматривали место преступления, в том, что касается сбора, анализа и предоставления улик. В них объяснялось, как обращаться с мертвыми телами и как их осматривать, чтобы получить наиболее полное представление о происшедшем. Отчет о таких осмотрах

должен был подаваться в трех экземплярах, учитывая рисунки, на которых изображались раны убитого. Такие процедуры, введенные монголами, не только улучшили обеспечение правопорядка, но и вполне вписывались в общую монгольскую политику, направленную на то, чтобы не только образованные и богатые, но и самые низшие слои населения могли действовать при помощи закона. Для монголов законность была более способом решения проблем, создания единства и поддержания мира, чем просто инструментом определения вины и наказания того или иного человека.

Вместо того чтобы обучать чиновников классическим искусствам поэзии и каллиграфии, монголы ввели более эффективную систему подготовки. Они установили минимальные профессиональные требования к каждой профессии от свахи и торговца до врача и судьи. На всех фронтах политика монголов была неизменной: они старались стандартизировать и повысить уровень профессий, одновременно привлекая к ним большое число людей, и открывая доступ к их услугам широких слоев населения.

В ситуации, когда такое малое число монголов правило таким невообразимым количеством китайцев, казалось, у хана Хубилая просто нет другого выхода, кроме как обратиться к услугам профессиональных чиновников мандаринов, которые согласно вековой традиции избирались в процессе долгих экзаменов и проверок. Тем не менее, он пошел иным путем. Он отверг древнюю систему управления и стал

назначать на административные должности иностранцев, чаще всего мусульман и, реже, европейцев, таких как Марко Поло. Как и его дед, который считал мусульманских чиновников искусными «в законах и обычаях городов», Хубилай ввозил большое количество таких людей из земель своего брата в Персии. Он неоднократно обращался к Папе и европейским государям с просьбой присылать к его двору людей ученых и образованных, но ответа так и не получил.

Он осознавал опасность оказаться зависимым от какой-то одной этнической группы и собирался использовать одних в игре против других. Хубилай постоянно назначал разных по происхождению людей на чиновничьи должности, среди них были широко представлены тибетцы, армяне, кидани, арабы, таджики, уйгуры, тангуты, турки, персы и европейцы. Монголы набирали в каждую управу определенное число северных китайцев, южных китайцев и иностранцев, так что каждый чиновник на рабочем месте был окружен людьми другой культуры и веры. Так же как Чингисхан назначал на высокие должности людей за их личные дарования, невзирая на происхождение, Хубилай часто отдавал важные посты бывшим поварам, привратникам, писцам и толмачам. Эта политика в сочетании с переселением в другую страну повышала верность и зависимость чиновников от их монгольских властителей и уменьшала их связь с народом, которым они управляли.

Вырвавшись за пределы жесткой иерархии назначенных мандаринов, Хубилай-хан стал использовать

чингисханову систему советов и голосований. Всюду, где это только было возможно, монголы старались заменить бюрократию советами, организованными так же, как малые курултаи в степи. Местные советы должны были собираться ежедневно, а каждое новое решение должно было быть одобрено как минимум двумя чиновниками. Члены совета должны были обсуждать вопросы и конфликты и достигать по ним компромисс. Решение должно было принимать всей группой, а не одним каким-то чиновником. По китайским стандартам это была крайне непрактичная и неэффективная система, которая требовала огромных затрат времени и энергии для принятия решения, с которым легко бы справился и один профессиональный чиновник. Монголы по-разному поощряли использование таких советов. Пациенты, которых не удовлетворяли результаты лечения, могли обратиться за разбирательством в совет, состоящий из врачей и нескольких других чиновников. Подобные группы были созданы для ряда профессий — от воинов до музыкантов.

Так, где старинная система управления полагалась на ученых-чиновников, которые зарабатывали себе на жизнь, сдирая взятки с людей, которым была нужна их подпись или одобрение, монголы назначили чиновникам на низших постах постоянные зарплаты. Они установили одинаковые зарплаты для чиновников по всей территории монгольских владений, с небольшой дифференциацией по регионам с разным уровнем жизни.

Такая система местных советов и государственных служащих на содержании у правителя не пустила крепких корней в Китае и не пережила монголов. Как только к власти пришла династия Мин, она тут же вернулась к традиционным институтам бюрократической власти. Больше подобных экспериментов в Китае не предпринимали до XX века, когда основатели республики и коммунисты попытались снова породить местные советы и начать выдавать чиновникам зарплату.

В целях развития торговли на территории империи Хубилай радикально расширил сферу использования бумажных денег. Ко времени путешествия Марко Поло эта система была уже на полном ходу. Он пишет, что деньги изготавливали из коры тутового дерева, в этом описании мы узнаем бумагу, которая до того времени была мало известна в Европе. Бумажные деньги представляли из себя прямоугольничка разных размеров, на которых указывалась их стоимость и ставилась киноварная печать. Одним из главных преимуществ бумажных денег была легкость в использовании и транспортировке, особенно по сравнению с большими монетами того времени. Марко Поло пишет, что деньги имеют хождение по всей империи: «Отказаться принять такие деньги — значит обречь себя на смертную казнь», но многие люди и так «охотно принимают их, потому что могут купить на них все, включая золото, серебро и драгоценные камни». Монгольские власти в Персии попытались ввести и там монгольскую систему бумажных денег,

но потерпели неудачу, поскольку сама эта концепция была совершенно чужда местным купцам, чье недовольство привело страну на грань открытого бунта. Монголы в то время не были уверены в том, что они смогут подавить восстание, и поэтому они предпочли изъять бумажные деньги из оборота.

Там, где появляются бумажные деньги, тут же возникают кредит и разорение. Монгольские законы стабилизировали рынок, разрешив купцам и торговцам объявлять себя банкротами, но делать это каждый мог не более двух раз, на третий ему грозила смертная казнь.

Хотя монголы отвергали определенные аспекты традиционной китайской культуры, такие как конфуцианство или практика перетягивания ступней женщинам, введение такой сложной денежной системы показывает, что они очень высоко ценили другие ее аспекты. Хубилай извлекал из забвения древние китайские идеи и институты, которые казались ему практичными.

Хубилай строил школы и вновь открыл Академию Ханьлинъ, под эгидой которой самые блестящие умы страны занимались развитием некоторых традиционных наук и искусств. В 1269 он основал монгольскую языковую школу, в 1271 — открыл Монгольский национальный университет в Ханбалыке. Он открывал новые управления и нанимал ученых, чтобы они записывали происходящие события, редактировали и переиздавали древние тексты, и заботились о ведении архивов.

Монгольским писцам приходилось записывать отчеты не только на монгольском языке, но и на арабском, персидском, уйгурском, тангутском, чжурчженьском, тибетском, китайском и еще нескольких менее известных языках. Тем не менее, у них все равно возникали трудности с тем, чтобы разобраться в таком количестве наречий. Используя только свой старый монголо-уйгурский алфавит, монголы должны были записывать административные сведения со всей огромной империи. Каждый чиновник должен был уметь записывать имена русских князей, китайских городов, персидских гор, индийских пророков, вьетнамских военачальников, мусульманских священнослужителей и венгерских рек. В связи с таким языковым разнообразием в пределах своей огромной империи Хубилай-хан пошел на самый смелый и передовой эксперимент в интеллектуальной и административной истории. Он решил создать единый алфавит, который можно было бы использовать для записи всех языков мира. Он дал такое поручение тибетскому ламе по имени Пхагба, который в 1269 году представил хану алфавит из сорока одной буквы, созданный на основе тибетского. Хубилай-хан сделал письмо Пхагбы официальным алфавитом в империи, но вместо того чтобы насильно насаждать его в покоренных землях, он позволил разным народам пользоваться теми системами письма, что и раньше, в надежде, что со временем новый шрифт покажет свое удобство и постепенно заменит старые алфавиты. Китайские ученые слишком зависели от своего

древнего языка, чтобы позволить какому-то новому варварскому письму отрезать себя от него. Большинство других монгольских подданных тоже перестали использовать монгольское письмо как только монгольское владычество в их странах ослабло.

Крестьяне обычно находились в полной зависимости от огромной череды правительственных чиновников, которые управляли самыми насущными аспектами их жизни. Монголы уничтожили эту древнюю иерархию и стали объединять крестьян в группы по примерно пятьдесят домов. Такие группы назывались «ши». Такие местные объединения несли ответственность за жизнь своих членов. Они обладали правом контролировать обработку и орошение земель, и делали запасы пищи на случай голода. В общем, они представляли собой систему местного самоуправления, сочетавшую в себе элементы десятиричной организации Чингисхана и традиции китайских крестьянских общин.

«Ши» также отвечали за начальное образование крестьянских детей; монголы старались добиться всеобщей грамотности в качестве способа улучшить уровень жизни населения. Хубила-хан создавал средние школы, чтобы предоставить возможность всем детям в империи получить среднее образование. До сих пор только у богатых было время и желание обучать своих детей. Таким образом, власть имущие из поколения в поколение укрепляли свою власть над неграмотным большинством. Монголы поняли, что зимой у крестьянских детей есть время, чтобы учиться. Вме-

сто того чтобы учить их классическому китайскому языку, учителя в крестьянских школах использовали народное наречие для более практических уроков. Согласно монгольским записям за время правления Хубилая было создано 20,166 таких общеобразовательных школ. Вероятно, чиновники слегка раздули это число, но это никак не преуменьшает умопомрачительного достижения монголов на фоне остальных государств мира. На Западе потребовался еще целый век, прежде чем писать стали на романских языках, а не на латыни, и прошло еще более пяти сотен лет, прежде чем государство приняло на себя ответственность за общее образование для детей всех слоев населения.

В традиционном Китае литературное ремесло всегда было направлено на развитие определенного стиля, который практиковался во время проведения государственных экзаменов. Это означало, что литература всегда представляла интересы китайской бюрократии. Монголы раскрыли двери для большего стилистического разнообразия в литературе. Они поощряли создание текстов на разговорном языке, поскольку их вкусы были ближе к пристрастиям простого народа, чем к изысканным упражнениям ученых чиновников. Монголы успешно сочетали народную и придворную культуру и получали новые еще невиданные развлечения.

В подражание великому церемониалу, которым сопровождалось восшествие на престол Чингисхана, монголы устраивали церемониальные постановки, в

которых были задействованы тысячи людей. В 1275 году они таким образом показали всю военную историю монголов. Постановка состояла из шести частей, отражающих основные этапы создания Монгольской империи от Чингисхана до хана Мункэ.

Как прирожденный импресарио, тонко чувствующий интересы публики, Хубилай увлеченно занялся развитием драматургии, которая была незаслуженно забыта в традиционной китайской культуре. В его время пьесы очень часто ставились в ханском дворце. Монгольские придворные любили пьесы, в которых было много акробатических номеров, энергичной музыки, яркого грима и разноцветных костюмов. Драматурги монгольской эпохи подобно Шекспиру в Европе старались развлекать публику, исследуя в то же время такие вопросы как, например, соотношения власти и добродетели. Хотя мы и не можем это проверить, источники сообщают, что во времена монгольского владычества цензура не касалась ни одной новой пьесы, поэтому она и вошла в историю как Золотой век китайской классической драмы. За время правления династии Юань было написано примерно 500 новых пьес, из которых до наших дней дошло только 160.

По традиции исполнительское мастерство в Китае считалось таким же низким занятием как проституция. Монгольские владыки повысили социальный статус представителей исполнительских профессий и даже строили особые театральные кварталы, чтобы представления не давали на площадях и рынках. Со-

четание китайской драмы и монгольского пристрастия к музыке заложило основу того, что стало потом Пекинской оперой.

Хотя монголы всячески покровительствовали массовой культуре своего времени, они крепко держались за свой древний культурный запрет на пролитие крови.

Они очень любили соревнования по борьбе и стрельбе из лука, но не создали ничего подобного гладиаторским боям древнего Рима, обычным европейским петушиным или собачьим боям, или борьбе человека с животными, вроде корриды. Монголы не сделали казни преступников общественным торжеством, как это было в средневековой Европе. Подданные монголов не могли даже развлечься на таком доступном европейцам мероприятии, как сожжение людей живьем.

Хубилай не искал быстрого и скоротечного успеха у китайских крестьян, более двадцати лет он проводил в жизнь последовательную политику, которая позволила ему получить доверие и поддержку со стороны всей этой континентальной цивилизации. Монголы старались показать себя могучими властителями, которым Небом было дано право объединить всех китайцев, и противопоставляли себя бледным и разобщенным правителям династии Сун, которые погрязли в роскоши и склонны более гордиться своим богатством, чем военной мощью. Хотя монголы сильно отличались от китайцев во многих аспектах, тем не менее, китайские массы нашли больше обще-

го с ними, чем с собственными придворными и чиновниками.

Год за годом солдаты, чиновники и крестьяне покидали земли Сун и уходили жить под рукой монголов или помогали им покорить свои местные территории. Все больше торговцев начинали на постоянной основе торговать с монголами, все больше священников и ученых обрели защиту и большую свободу передвижений в юаньском Китае, а иногда даже сунские военачальники и целые военные подразделения переходили на стороны противника. Падение династии Сун не было быстрым уничтожением завоеванной династии, скорее оно произошло постепенно, в результате многолетнего разложения и разъединения земель.

Все это время монголы не переставали осуществлять и военное давление на Сун. Каждая маленькая победа служила на пользу широко распространяемой мысли о том, что само Небо завещало будущее монголам и оставило династию Сун. Хан Хубилай сам направлял кампанию по связям с общественностью, а военную полностью поручил своему доверенному военачальнику по имени Баян, который был почти настолько же искусен в военном деле как Субэдей. В 1276 году монгольские войска, наконец, взяли сунскую столицу Ханчжоу и на протяжении нескольких лет подавили последние очаги сопротивления на местах. При помощи настойчивой пропаганды и прозорливой политике Хубилаю удалось то, что не удалось его деду Чингисхану при помощи грубой силы.

Поддерживая свой образ воплощения всех китайских добродетелей, Хубилай стал заботиться о вдовствующей императрице Сун и позволил большей части императорской фамилии и дальше жить в своих роскошных дворцах. Он позаботился о том, чтобы наследник правящей фамилии не стал центром освободительного движения, отослав его на обучение в Тибет, где тот стал монахом в 1296 году.

Для китайских ученых и литераторов времена правления поверженной династии Сун очень скоро стали воспоминанием о золотом веке. Поэт Сье Яо выражает это чувство в проникнутом ностальгией по старым временам стихотворении «Посетил прежний императорский дворец в Ханчжоу».

Как в давних руинах, трава поднялась высоко.
Ни привратников нет, ни стражи.
Обрушились башни и дворцы опустели, как и моя душа.
Под древними сводами лишь ласточки ныне летают,
А внутри — тишина. Ничего больше не слышно.

Хан Хубилай отлично понимал каким сокровищем завладел, покорив столицу династии Сун и ее чиновников. Они представляли высшую точку китайской цивилизации, и в последующие годы он старался сохранить их высокие достижения, одновременно реформируя и расширяя их империю. Японский ученый Хидехиро Окада пишет: «Самое великое наследие, которое Монгольская империя оставила китайцам, — это сам китайский народ». Монголы не только объединили все княжества, где говорили на разных диалектах китайского, но и присоединили в им-

перии соседние царства тибетцев, уйгуров и других малых народов. Новая страна, которую они создали, почти в пять раз превышала по размерам территорию китайскоговорящих народов. Официальная культура этой новой китайской империи, разумеется, не была монгольской, но она не стала и традиционно китайской. Хан Хубилай создал некую смежную культуру, которая впоследствии оказала несравненное влияние на весь остальной мир.

Когда власть хана распространилась почти на все царства, до которых можно было добраться по суше, Хубилай обратил свой взор в море. Его торговцы привезли ему подробные сведения о Яве, Цейлоне и близлежащих островах северной Японии. Хан хотел включить эти земли в свою растущую Монгольскую империю. В 1268 году он отправил посольство в Японию, чтобы оговорить условия покорения страны, но японцы отвергли требования монголов. Тогда Хубилай был все еще слишком занят окончательным завоеванием земель династии Сун и потому продолжал посылать одно посольство за другим, чтобы мирно убедить японцев покориться.

Как только Хубилай завладел флотом покоренной династии Сун, он сразу же получил средства и обученных людей, которые позволили ему начать вторжение на непокорные острова. Он обновил сунские военно-морские силы, и попытался превратить их из простых защитников прибрежных территорий в самую настоящую армаду, способную проводить боевые операции и в открытом море. Он превратил

Корейский полуостров в одну огромную судостроительную верфь и военно-морскую базу, с которой и собирался реализовать завоевание Японии. Хотя построенные им корабли были одними из самых больших в ту эпоху, спешка, в которой их строили, снижала их боевые качества. Археологические находки позволяют утверждать, что для ускорения строительства монголы соединяли два куска камня в один якорь, вместо того, чтобы вытесать его из одного блока, что, несомненно, сделало бы якоря прочнее. Монголы погрузили на корабли пищу, доспехи и вооружение, включая большие снаряды с порохом и шрапнелью для обстрела японских городов.

Хубилай отправил еще несколько послов, которые должны были убедить островитян покориться мирно, но японские дайме вновь отвергли все требования. В 1274 году Хубилай собрал флот размером около девятистот кораблей, чтобы перевезти на острова армию, состоящую из 23 тысяч корейских и китайских пехотинцев, а также неизвестное число монгольских всадников. В ноябре они вышли в коварные воды пролива, отделяющего Корею от Японии. Монголы легко захватили Цусиму в середине пролива, а также остров Ига неподалеку от Кюсю. Армада вошла в залив Хаката и высадила воинов и коней.

Самураи выехали к монгольским войскам в ожидании битвы один на один, как это было принято по правилам японской войны, но монголы и не думали ломать ряды. Как обычно, они собирались сражаться, как единая боевая сила, а не как воины-одиночки.

Вместо того чтобы устраивать благородные дуэли, монголы забрасывали японцев снарядами и осыпали их стрелами. Монголы перебили множество славных японских воителей, а оставшиеся войска отступили, чтобы укрыться в крепостях. Монголы не стали преследовать отступающих врагов по землям, о которых у них не было точных разведанных. Они одержали победу, хотя и понесли потери, но затем они погрузились обратно на корабли. План монголов до сих пор остается загадкой. Собирались ли они на следующий день начать преследование? Или хотели нанести удар по другой прибрежной точке? Или их послали только, чтобы опробовать боевые качества японского войска? Или их потери были серьезнее, чем казалось, и монголы собирались отступить обратно в Корею?

Той ночью Божественный Ветер или, как называли его японцы, Камикадзе пришел с моря и поднял ужасную бурю. Во время бури многие спешно построенные корабли развалились или были разбиты о берег. Более тринадцати тысяч человек утонули. Величайший флот в истории превратился в самую массовую, хоть и бескровную, бойню на море.

Хубилай и его придворные утверждали, что вторжение завершилось успехом, так как Монголы победили японскую армию в кратком сражении на суше; последующие жертвы и уничтожение почти всего флота казалась им менее важными. Поэтому он вновь отправил послов в Японию в следующем году и потребовал, чтобы император сам приехал в монгольскую столицу в знак покорности, после чего Ху-

билай утвердил бы его в качестве монгольского наместника в Японии. Однако японцы тоже считали, что они победили, хотя и потерпели поражение в битве, и отклонил требования монголов. С новой верой в свои силы и защиту со стороны своих богов японцы совершили самое страшное с точки зрения монголов преступление — они казнили посланников, отрубив им головы и пролив их кровь на землю, а затем выставили головы для всеобщего осмеяния.

Хубилай приготовился к новой экспедиции. Японцы начали строить собственный небольшой флот, чтобы бороться с захватчиками на воде, а вдоль берега они возвели каменную стену, чтобы затруднить высадку монгольских войск.

В 1279 году от Хубилая в Японию прибыла последняя дипломатическая миссия, японцы казнили всех послов, и обе стороны, стали готовиться к неизбежной войне. На сей раз монголы вторглись с двух направлений. Они отправили еще один флот из Кореи, а вслед за ним должны были прибыть из Китая 3 500 судов, с 60 000 моряков и 100 000 солдат на них. Теперь они вышли в море летом, а не осенью.

В конце мая 1281 года корейский флот прибыл на место, и, несмотря на отчаянное сопротивление японцев, в течение нескольких дней, они снова захватили острова в проливе. Но монгольские планы на море оказалось не так легко и просто осуществить как на суше. Китайские суда столкнулись с многочисленными трудностями и задержками. Когда корейский флот приплыл в залив Хаката, монголы ждали,

что с юга их поддержит китайская армия, но та все не появлялась. Японские укрепления помешали успешной высадке войск, и завоеватели оказались запертыми на своих кораблях. Духота и июльская жара привели к быстрому распространению эпидемий среди солдат. По ночам корабли подвергались нападениям небольших японских лодок, в задачу которых входило более сеять панику и беспорядки, чем наносить врагам какой-либо серьезный ущерб. В виду невозможности высадки измотанный ночными нападениями корейский флот 30 июня отплыл, чтобы возвратиться на остров Такасима и ждать там прибытия южного флота. Тот прибыл две недели спустя. Войска были измотаны, больны и провели в море гораздо больше времени, чем планировалось. Тем не менее, вся армада все же вновь приплыла в Японию в середине августа. И вновь разыгрался шторм, который переворачивал корабли и разбивал их о берег. В этот раз погибло более ста тысяч человек. Несколько судам удалось спастись, чтобы затем поведать историю этого несчастливого похода.

Вторжения Хубилая в Японию потерпели неудачу, но они оказали огромное влияние на японскую социальную и политическую жизнь, подтолкнув Японию к культурному объединению под властью военной элиты. Монголы, тем временем, сделали вид, будто ничего вообще не произошло, и забыли про Японию. Они стали искать более легкие цели для дальнейших завоеваний.

Монгольские завоевания на суше продолжались.

Несмотря на ужасающие трудности, возникшие из-за тропической жары и неизвестного ландшафта, монгольская армия успешно воевала в Бирме, Аннаме, северном Вьетнаме, и Лаосе. Несколько юго-восточных азиатских царств, включая Чампу в южном Вьетнаме и Малабар на побережье Индии, добровольно приняли власть монголов. На самом деле это покорение было скорее номинальным, чем реальным, так как монголам не хватало людей, чтобы эффективно управлять этими странами. Впрочем, новые подданные исправно посылали дань к монгольскому двору, включая слонов, носорогов, и даже, как говорят, зуб самого Будды. Обмен данью и подарками служил тонкой церемониальной маскировкой для обычной торговли, которая постоянно набирала в обороты.

Монголы не только преуспели в объединении китайского государства; в то же самое время, их влияние помогло сплотить небольшие царства на границах империи. Монголы начали с того, что объединили вечно враждующие царства Корейского полуострова. Точно так же в Юго-восточной Азии, которая оставалась вне зоны прямого управления монгольскими чиновниками, под их влиянием сформировались новые нации, ставшие основанием для рождения современных Вьетнама и Таиланда. До монгольской эры та область, которая сегодня составляет Таиланд, Лаос, Вьетнам и Камбоджу, была подчинена индийской культуре и подражала архитектурным стилям, религиозным методам, и мифологии индуистской Индии. Монголы и китайские иммигранты, ко-

торых они привезли с собой, создали новую гибридную культуру, которая впоследствии стала известна как индокитайская.

На островах современной Индонезии монголам повезло меньше. В 1289 году Хубилай отправил посла на Яву, чтобы тот предложил тамошнему монарху те же условия сдачи, что и соседним царствам, но он опасался, что монголы могут ослабить яванский контроль над торговлей специями с Молуккских островов. Яванский монарх заклеил лицо посланника и послал его назад к Хубилаю, который приказал готовить армию вторжения, чтобы покорить Яву и отомстить ее царю. В 1292 году новопостроенный флот в одну тысячу судов и лодок с двадцатью тысячами солдат на борту отплыл с годовым запасом пищи в трюмах. Он прибыли на Яву в 1293 году. Монголы легко одерживали одну победу за другой и вскоре даже убили преступного царя Явы. Но именно тогда они попали в ловушку. Будучи уверенными, что новый царь Явы готовится церемонно заявить о своей покорности, монгольские предводители угодили в засаду, многие из них погибли, а оставшиеся войска с позором отступили с острова.

Хубилай не смог приспособить успешную военную стратегию монголов к заморским кампаниям. Древние методы верхового охотника, которые его дед положил в основу монгольских войн на суше, нельзя было перевести на язык морских походов. В отличие от прежних морских государств, вроде Рима и Афин, которые контролировали замкнутый океан

Средиземного моря, монголы превратили Китай в океанскую сверхдержаву. В этом отношении, монголы предвосхитили новый тип имперской власти, основанный на военно-морских армадах, которые появились в Испании, Англии, и Нидерландах в последующих столетиях.

Однако, в то время поражения Хубилая в Японии и на Яве положили восточный предел Монгольской империи. Точно так же поражение в битве с египетскими мамелюками в 1260 году отметило юго-западную границу, как и добровольный отказ от Польши и Венгрии — северо-западную. Таким образом, между 1242 и 1293 годами Монгольская империя достигла своего его высшего предела. Четыре сражения отметили внешние границы Монгольского мира — ими стали Польша, Египет, Ява и Япония. Земли внутри этих границ перенесли разрушительные завоевания и радикальные политические перемены, но теперь их ждали столетие мира и беспрецедентный коммерческий, технологический и интеллектуальный взрыв, подобного которому еще не было в истории.

Каждую весну, когда стаи журавлей пролетали через северный Китай, хан Хубилай ждал их, растянувшись на шелковой кушетке, покрытой шкурами тигров, в красивом позолоченном павильоне, установленном на спинах четырех слонов, которые достались ему как часть дани из Бирмы. Он был уже слишком толст, чтобы ехать верхом, и его мучила подагра. Поэтому хан выезжал на охоту таким образом. Когда он был готов охотиться, крыша павильона опускалась и

открывала его взору небо, усеянное тысячами летящих журавлей. По знаку Хубилая, сотни сокольников, выстроившихся по обе стороны от слонов, снимали кожаные колпачки с голов птиц, и охотничьи соколы, сапсаны и орлы взлетали вверх. Они мчались за журавлями, хватали их одного за другим и приносили своему хозяину.

Хотя его дед завещал монголам охотиться только зимой, Хубилай не любил охотиться в холодное время года и изменил закон. Даже в своей белой шубе из горностая, под соболиными одеялами, и тигриными шкурами на полу, ему все равно было холодно на резком зимнем ветру. Поэтому он передвинул охотничий сезон на начало весны, когда погода казалась ему более приятной.

В охотничьей процессии ехали солдаты на лошадях. Верблюды перевозили вещи, а другие слоны несли меньшие павильоны на случай, если хан захочет преследовать дичь по территории, где его передвижной дворец на слонах просто не пройдет. Караван шел за имперскими знаменами Хубилая и был украшен яркими цветными шелками.

Процессия включала охотничьих тигров в клетках, которые тянули волы, а также леопардов и рысей. Когда добыча появилась в пределах видимости, Хубилай послал одного из своих обученных хищников, чтобы схватить ее.

Собаками травили медведей и меньшую добычу, леопардов использовали для охоты на оленей, а тигров — на больших диких ослов или быков. Фаланга

лучников была готова выпустить тучу стрел по любой цели, которую укажет им их господин.

В охотничьем поезде Хубилая было большое число астрологов, предсказателей, монгольских шаманов и тибетских монахов, работа которых состояла в разгоне облаков, отвращении дождя и любого другого ненастья, которое могло бы помешать могущественному охотнику. Шум и запах такого огромного каравана давал диким животным достаточно времени, чтобы сбежать. Поскольку застать их врасплох было очень трудно, караван Хубилая двигался как традиционная армия монголов. В то время как император, его двор и зверинец двигались в центре, по правую и по левую руку от него были расположены тумены загонщиков. Хотя в них должны были состоять по десять тысяч человек, вероятно, в этом случае число было заметно скромнее. Один из туменов одевался в алые цвета, а другой — в синие. Согласно Марко Поло, они разъезжались на расстояние одного дня пути в обоих направлениях. В сопровождении собак и охотничьих птиц загонщики гнали животных перед собой к центру, так чтобы они оказались прямо перед слонами Хубилая.

Чтобы угождать потребностям охотников, впереди следовал авангард слуг, который должен был заранее разбить лагерь, напоминающий небольшой город. Наибольший павильон мог вместить тысячу гостей на шумных монгольских пирах. Соседние шатры служили спальнями. Труппа музыкантов сопровождала двор, чтобы аккомпанировать певцам, акробатам,

жонглерам и акробатами, которых так любили пир дворе.

На ежевечернем празднестве каждый носил дэл предписанного для этого дня покроя и цвета; однако, чтобы все не казались равными друг другу, чин и власть символизировались числом и ценностью драгоценностей и жемчуга, которыми украшали костюм. Они носили золотые кушаки, а серебром вышивали ботинки. Во время празднования один из прирученных тигров входил в павильон, медленно шел среди гостей к хану, кланялся ему и затем занимал место около его трона до конца вечера. Пищу подавали на блюдах из золота и серебра. Каждый слуга носил шелковую салфетку с золотой каймой как вуаль на лице, чтобы своим дыханием или запахом не осквернить пищу хана. Рецепты блюд, которые подавали хану Хубилаю, дошли до наших дней. Они довольно разнообразны, но в целом придерживаются традиционных монгольских блюд из мяса и молочных продуктов. Члены монгольского двора ели такие деликатесы, как полосы жира с хвоста барана, посыпанные мукой и запеченные с луком-пореем, бычьи яички, жаренные в горячем масле с молотым шафраном и кориандром, баранину с кардамоном и корицей, с гарниром из риса и турецкого гороха, молодые баклажаны, наполненные бараниной, жиром, кефиром, апельсиновыми корками и базиликом.

Как истинные монголы они отдавали должное своему любимому напитку — араку, который делали из молока, полученного от специального имперского

стада белых кобыл, которые совокуплялись только с белыми жеребцами. Этот напиток был предназначен только для Хубилая и его двора. Когда приходило время отходить ко сну, хан мог выбрать одну из красивых молодых женщин, каждая из которых была проверена на то, что она не храпит, не имеет зловонного дыхания и не издает других неприятных телесных запахов.

Следующим утром, чтобы оправиться от чрезмерного питья, обжорства и потворствования другим порокам, хан призывал свой передвижной отряд лекарей и травников, которые подавали ему особый чай, сделанный из шкурок апельсинов, виноградного цвета, женьшеня, сандала и кардамона. Принимая этот чай на пустой живот, хан надеялся, что он поможет ему преодолеть похмелье и стать пригодным для еще одного дня охоты, пиров и питья.

Всего несколько поколений тому назад предки Хубилая использовали охоту только как средство прокормить себя. Его прадед Есугей охотился со своим соколом, когда впервые увидел Оэлун, ставшую затем его женой. Дед Хубилая, Чингисхан, охотился, чтобы прокормить свою семью после смерти отца, и убил своего сводного брата Бегтэра якобы после охотничьей ссоры из-за добычи.

Позднее Чингисхан с помощью Субэдея и других хороших охотников приспособил охотничьи стратегии, методы и оружие к задачам войны, рассматривая своих врагов как дичь. Таким образом он завоевал обширную империю.

Охота стала одновременно и приятным времяпрепровождением, в котором нуждался Хубилай, и имперским церемониалом — великолепным и расточительным зрелищем. Хубилай все еще поддерживал некоторые аспекты монгольского образа жизни — стрельбу из лука, приручение хищников, питье арака, ночевки в шатрах и создание армий Левого и Правого крыла. Но он превратил все это в упадническое роскошное развлечение для монгольской элиты и непосредственно для него самого. Его огромный караван был более видимостью, чем существенной силой. Единственная польза от него заключалась во впечатлении, которое он производил на подданных и иностранных послов.

Как и отряд монголов в степи, караван Хубилая следовал за всадником, несущим Духовное Знамя перед ним. Духовное Знамя вело его на развратный круг развлечений, которые, в конечном счете, не означали ничего и ничем не заканчивались. Монгольская империя просуществовала еще сто лет, но спустя лишь три поколения со времени своего основания, она утратила правый путь. Каждому было ясно, что Духовное Знамя Чингисхана больше не ведет его потомков и людей, которые утверждают, что были его последователями.

9

ЗОЛОТОЙ СВЕТ

Художники Китая и Парижа соперничали друг с другом в том, чтобы усладить Великого Хана.

Эдвард Гиббон

Зимой 1287-1288 года во время мессы король английский Эдуард I поднялся с трона в честь Раббана Бар Саумы, недавно прибывшего посланника от императора Хубилай-хана. Добравшись до двора английского короля, Раббан Бар Саума вероятно поехал дальше, чем любой официальный посланник в истории, он покрыл приблизительно семь тысяч миль на пути от столицы монголов через главные города Ближнего Востока до столиц Западной Европы.

Король Эдуард встал перед послом не для того, чтобы заявить о покорности, а лишь чтобы получить из его рук причастие. Поскольку раньше европейские послы монголов преимущественно были священниками, хан Хубилай выбрал Раббана Бар Сауму, пото-

му что он был не только верным слугой монгольского престола, но и христианским священником ассирийского обряда.

Миссия Раббана Бар Саумы началась с паломничества в Иерусалим, но когда он добрался до Багдада в 1287 году, его руководство направило его в Европу. Он посетил монгольского Илхана в Персии, византийского императора Андроника II Палеолога в Константинополе, Коллегию Кардиналов в Риме и французского короля Филиппа IV в Париже. Он преподнес письма и подарки каждому монарху на своем пути, и при каждом дворе он оставался на несколько недель или даже месяцев. В это время он осматривал достопримечательности и встречался с учеными, политическими деятелями и официальными представителями церкви, чтобы поведать им о Великом Хане Монголов, его подчиненном Илхане и об их стремлении к мирным отношениям с внешним миром. Когда он уже ехал назад, Римский папа Николай IV пригласил Раббана Бар Сауму принять причастие на католической мессе; и затем, в вербное воскресенье 1288 года, Папа собственноручно причастил посла монголов.

Хотя коронованные особы Европы радушно приняли Раббана Бар Сауму, многие прежние послы не могли добиться даже единственной аудиенции у них. Уже в 1247 году, во время правления Хана Гуюка, Матье Пари пишет о послах монголов, которые прибыли к французскому двору. Летом следующего года еще «два посланника приехали от татар, посланные к

Его Святейшеству Папе их князем». Раньше европейские чиновники, казалось, боялись раскрывать какую бы то ни было информацию о монголах. Пари пишет, что «цель их прибытия хранится в секрете от курии, она неизвестна клеркам, нотариусам и всем прочим, даже личным знакомым Папы». В 1269 году, когда братья Поло возвратились из своего первого путешествия в Азию, они принесли Папе просьбу Хана Хубилая послать к монголам сто священников, которые могли бы разделить свое знание монгольским двором.

Привыкший к религиозной свободе в Монгольской империи Раббан Бар Саума был удивлен, обнаружив, что в Европе царит только одна вера. Но его особенно поразило то, что религиозные лидеры в Европе обладали такой огромной политической властью над народами и даже вполне мирскими полномочиями, которые непосредственно влияли на обыденную жизнь людей. Будучи христианином, он, конечно, одобрял всевластие своей веры в Европе, но был поражен контрастом, который представляла европейская религиозно-политическая модель по сравнению с монгольской.

Несмотря на то, что его открыто и радушно приняли в европейских столицах, Раббан Бар Саума добился ненамного большего, чем прежние послы: он не смог заключить договор ни с одним из европейских монархов или официальных представителей церкви. Его единственным успехом стало то, что он сумел добиться от Папы обещания посылать учите-

лей к монгольскому двору, о чем Хубилай уже неоднократно его просил. Потерпев в своей дипломатической миссии неудачу, Раббан Бар Саума возвратился ко двору Ильхана в Персии, и поведал обстоятельства своих странствий, которые были записаны на арамейском языке как «История жизни и путешествий Раббана Бар Саумы, Посланника и Полномочного представителя монгольских Ханов при королевских дворах Европы». Само путешествие Раббана Бар Саумы и то, что он причастил английского короля и даже сам принял причастие лично из рук Папы Римского, отлично показывает, насколько монголы изменили мир за пятьдесят лет, прошедших с тем пор, как их войска вторглись в Европу. Цивилизации, которые раньше были отдельными мирами сами в себе и в значительной степени оставались неведомы друг другу, стали частью единой межконтинентальной системы связи, торговли, технологии и политики.

Вместо того чтобы посылать в другие страны верховых воинов и ужасные осадные орудия, монголы теперь послали скромных священников, ученых и послов. Время монгольских завоеваний закончилось, но эпоха Монгольского Мира еще только начиналась. Благодаря тому, что монголы принесли мир и процветание стольким землям и царствам, западные ученые позже называли четырнадцатое столетие *Pax Mongolica* или *Pax Tatarica*.

Монгольские ханы теперь стремились при помощи мирной торговли и дипломатии создать те торговые и дипломатические связи, которых они не могли

добиться силой оружия. Монголы все еще стремились к достижению своей великой цели — объединения всех людей под Вечно Синим Небом.

Коммерческое влияние монголов распространялось намного дальше, чем их военное присутствие, и переход от Монгольской империи к Монгольской корпорации произошел уже во время правления Хана Хубилая. В XIII-XIV вв. монголы поддерживали торговые пути, идущие через всю империю. Они создали сеть станций на этих путях на расстоянии 20-30 миль друг от друга. На этих станциях можно было получить ездовых животных, а также проводников, которые могли провести караван через труднопроходимую местность. Марко Поло, который жил при монгольском дворе в то же время, когда Бар Саума был в Европе, часто использовал такие монгольские станции в своих путешествиях. Вероятно, несколько преувеличивая, он пишет, что они были «прекрасны» и «роскошны», потому что там путешественнику предоставляли «шелковые простыни и прочие роскошества, подходящие больше королям». Для развития торговли на этих маршрутах монгольские власти создали некое подобие паспорта и кредитной карточки. Монгольская «пайза» представляла собой пластину из золота, серебра или дерева, размером больше ладони, предназначенную для ношения на шее или на одежде. В зависимости от материала и изображенных на ней символов, таких как тигры или соколы, неграмотные люди могли узнать о чине путешественника и таким образом предоставить ему соответствующий

прием. «Пайза» позволяла своему владельцу свободно путешествовать по всей империи и быть уверенным в защите, жилье, перевозке и освобождении от местных налогов или обязанностей.

Расширение и улучшение торговых путей не были вызваны только идейным стремлением монголов к торговле. Скорее это произошло благодаря глубоко укоренившейся системе долей «хуби», которую укрепил в монгольской племенной организации еще Чингисхан. Каждая сирота и вдова, каждый воин-монгол получал право на определенную часть всех товаров, захваченных на войне, и точно так же каждый член Золотой Семьи имел право на долю богатства каждой провинции империи. Вместо жалования, которое выплачивали чиновникам-немонголам, монгольские руководители просто получали свою долю в товарах империи, часть которых они перепродавали на рынке, чтобы выручить за них деньги или услуги. Как правитель персидского Ильханата Хулагу все обладал двадцатью пятью тысячами домашних хозяйств китайских шелкопрядов на землях его брата Хубилая. Хулагу также владел несколькими долинами в Тибете и получал долю мехов и соколов из северных степей, и, конечно же, ему принадлежали пастбища, кони и воины на родине, в Монголии. Каждый род в монгольской правящей семье требовал также свою долю астрономов, врачей, ткачей, горняков и акробатов.

Хубилаю принадлежали земледельческие угодья в Персии и Ираке, а также стада верблюдов, лошадей,

овец и коз. Армия священнослужителей постоянно курсировала по империи, проверяя качество товаров в одном месте и точность составления счетов в другом. Монголы в Персии снабжали своих родственников в Китае специями, сталью, драгоценностями, жемчугом и тканями, а монгольский двор в Китае послал им фарфор и лекарства.

Монголы в Китае, конечно, сохраняли три четверти товаров для себя; впрочем, они экспортировали значительное их количество в земли своих родственников. Хан Хубилай ввозил персидских переводчиков и лекарей, а также приблизительно десять тысяч русских воинов, которых использовал для колонизации земель к северу от столицы. Русичи остались там жить и пропали из китайских летописей только в 1339 году.

Несмотря на политические разногласия между разными ветвями семьи из-за титула Великого Хана, экономическая и торговая система продолжала работать бесперебойно. Только иногда случались краткие перерывы в связи со спорадическими конфликтами. Иногда даже во время войны воюющие поддерживали обмен такими «хуби». Хайду, внук Хана Угедея и правитель центральной степи, часто восставал против своего двоюродного брата Хубилая. Но тем не менее, у Хайду все равно оставались также имел обширные владения вокруг китайского города Наньцзина. В перерывах между войнами с Хубилаем Хайду требовал пересылки ему Наньцзинских товаров, и, по-видимому, в обмене он позволял Хубилаю получать свою до-

лю лошадей и других товаров от степных племен. Разделение Монгольской империи на четыре части — Китай, Могулистан, Персию и Русь — никак не уменьшил потребность в товарах из других областей. Политическая раздробленность увеличила необходимость сохранения старой системы долей «хуби». Если бы один хан отказался делиться с другими членами семьи, то и они перестали бы посылать товары на его земли. Взаимные финансовые интересы перевешивали политические раздоры.

Постоянное движение товаров постепенно преобразовало военные маршруты в монгольские торговые пути. Благодаря постоянному расширению «орту» или «ям», сообщения, людей и товары можно было бы послать караванами из Монголии во Вьетнам и из Кореи в Персию. Поскольку объемы перевозки товаров увеличились, монгольские власти искали более быстрые и легкие маршруты, чем традиционные. Именно с целью разведать новые пути Хан Хубилай и организовал в 1281 году экспедицию, которая должна была обнаружить и нанести на карту истоки Желтой реки, которую монголы называли Черной Рекой. Ученые использовали эту информацию, чтобы создать подробную карту реки. Экспедиция открыла маршрут из Китая в Тибет, и монголы использовали его как средство включения Тибета и Гималаев в монгольскую почтовую систему. Новые связи сделали больше для торгового, религиозного и политического присоединения Тибета к Китаю, чем любые другие усилия монголов.

Во время военных кампаний монгольские чиновники старались четко определять местонахождение городов и приспособлять карты, атласы и другие географические работы, найденные во вражеских лагерях или городах, для своих целей. По приказу Хубилая, ученые сводили воедино китайские, арабские и греческие познания в географии, чтобы создать самую сложную картографическую систему в истории. Под влиянием арабских географов, приглашенных Ханом Хубилаем, особенно Джамала ад-Дина, мастера делали для Хубилая глобусы уже в 1267 году. На них были изображены Европа, Африка и Азия, а также соседние тихоокеанские острова.

Несмотря на то, что первичные торговые пути совпадали с теми, которые проложило монгольское завоевание, скоро стало очевидно, что хотя конные армии двигаются быстрее по суше, большие объемы товаров лучше сплавать водным путем. Монголы расширили и удлиннили Великий Канал, который уже соединял Желтую реку и Янцзы, чтобы перевозить зерно и другие сельскохозяйственные продукты в северные районы. Приспосабливая китайские инженерные технологии к новым условиям, они строили водные каналы по всей территории империи. В Юньнани, монгольский правитель создал дюжину дамб и бассейнов соединенных каналами, которые сохранились до наших дней.

Неудавшиеся вторжения в Японию и на Яву многому научили монголов в области судостроения, и когда их военные усилия потерпели неудачу, они

обратили эти знание на пользу мирной торговли. Хан Хубилай принял стратегическое решение перевозить пищу в пределах его империи, прежде всего, на кораблях, поскольку понимал, что водные пути более дешевы и эффективны. В первые годы монголы перевозили на кораблях приблизительно 3 000 тонн товаров, но к 1329 году объемы возросли до 210 000 тонн. Марко Поло проплыл от Китая до Персии и по возвращении домой описал суда монголов как большие четырехмачтовые джонки с тремястами матросами на борту и шестьдесятю каютами для торговцев. Согласно Ибн Баттуте, на некоторых из судов даже были даже специальные растения в кадках, их плоды использовались в пищу моряками. Хан Хубилай начал строительство еще больших мореходных джонок, которые могли перевозить тяжелые грузы в дальние порты. Они улучшили устройство компаса и научились делать более точные навигационные диаграммы. Маршрут от порта Цзайтунь в южном Китае до Хормуза в Персидском заливе стал главной морской артерией между Дальним и Ближним Востоком. Именно по нему плавали Марко Поло и Ибн Баттута.

По пути корабли монголов заходили также в порты Вьетнама, Явы, Цейлона и Индии, и в каждом монгольские купцы столкнулись с большим количеством новых товаров, вроде сахара, слоновой кости, корицы, и хлопка. Из Персидского залива корабли выходили в моря неподвластные монголам и вели регулярную торговлю с Аравией, Египтом и Сомали. Правители и торговцы в этих странах не признавали

системы «хуби»; вместо этого монгольские власти установили с ними долгосрочные торговые отношения. Под защитой монголов их вассалы показали себя достойными конкурентами в торговле, так же как сами монголы показали себя прекрасными завоевателями. Поэтому они стали доминировать в торговле на берегах Индийского океана.

Чтобы расширить торговлю на новые земли вне монгольского протектората, они поощряли некоторых из своих вассалов, особенно южные китайцев, эмигрировать и обустраивать торговые станции в иноземных портах. За время правления монгольской династии тысячи китайцев уехали из дому, чтобы обосноваться в городах Вьетнама, Камбоджи, Малайского полуострова, Борнео, Явы и Суматры. Они работали главным образом в области погрузки товаров и торговли, но постепенно стали проникать и в другие профессии.

Чтобы выйти на европейские рынки непосредственно, без длинного обхода через южные мусульманские страны, монголы поощряли иностранцев создавать торговые посты на границах империи по берегам Черного моря. Хотя изначально монголы грабили такие торговые посты, уже в 1226 году во время правления Чингисхана они разрешили генуэзцам держать торговый дом в Каффе в Крыму, а позже и еще один в Тане. Чтобы защищать эти торговые посты на земле и на море, монголы выслеживали пиратов и рабителей. В книге «Практика торговли», коммерческом руководстве, изданном в 1340 году, фло-

рентийский торговец Франческо Бальдуччи Пеголотти подчеркивает, что маршруты в монгольский Китай «совершенно безопасны и днем, и ночью».

Открытие новых торговых маршрутов в сочетании с разрушением производства в Персии и Ираке монгольским нашествием, создало новые возможности для китайского производства. Завоевание монголами Китая было намного менее разрушительным, чем военные кампании на Ближнем Востоке, и Хубилай начал усиленно проталкивать традиционные китайские товары на эти рынки, а также занялся приспособлением арабских и индийских технологий в Китае. Благодаря своим «хуби», члены монгольской правящей фамилии контролировали большую часть производства по всей Евразии, но они зависели от торгового класса, который перевозил и продавал эти товары. Монголы превратились из воинов в акционеров, но они не имели никакого таланта или желания становиться еще и торговцами.

Такая привязанность монгольской элиты к торговле представляла собой заметный разрыв с традицией. От Китая до Европы аристократы обычно презирали торговое ремесло как недостойное, грязное и безнравственное. Кроме того, экономический идеал феодальной Европы того времени требовал не только, чтобы каждая страна была абсолютно самостоятельной экономически, но даже чтобы отдельные поместья могли существовать сами по себе. Прибыли от торговли не должны были тратиться на приобретение других товаров, которые могли бы пригодиться

крестьянам, их следовало использовать для покупки предметов роскоши для аристократов или реликвий для церкви. В феодальной системе зависимость от привозных товаров была равносильна разорению.

Традиционные китайские царства столетиями существовали под целым рядом ограничений на торговлю. Возведение стен на границах было одним из способов ограничить торговлю. Тамошное правители считали продажу своих товаров соседям чем-то вроде подачки и, соответственно, старались этого избегать. Монголы отвергли китайское предубеждение, которое полагало торговцев лишь немногим лучшими людьми, чем грабители, и официально установили их статус выше всех вероисповеданий и профессий. Торговцы уступали по положению только правительственным чиновникам. Монголы снизили ранг конфуцианских ученых с самого высокого до девятого, то есть поставили их ниже проституток и выше нищих.

Со времен Чингисхана монголы поняли, что товары общепринятые в одном месте, становятся роскошью в другом. Последние десятилетия тринадцатого века стали временем лихорадочного поиска новых предметов потребления, которые могли быть проданы где-нибудь в расширяющейся сети монгольской торговли. В дело шло все от красок, бумаги, и наркотиков до фисташек, фейерверков и яда. Удовлетворяя потребности мирового рынка, мануфактуры монголов в Китае, в конечном счете, производили не просто традиционные китайские товары для мирового

рынка, но создавали совершенно новые товары для специализированных рынков, включая изготовление изображений Мадонны с младенцем, вырезанных из слоновой кости для экспорта в Европу.

Даже самые тривиальные товары могли давать большую прибыль. С удивительной скоростью по миру распространились карточные игры. По сравнению с более тяжелыми фигурами и досками, необходимыми для игры в шахматы и другие настольные игры, карты были куда более удобны и легки для перевозки. Новый рынок потребовал ускорить и упростить производство карт.

Решение было найдено путем печати карт при помощи единой вырезанной формы, которые ранее использовались только для размножения священных текстов. Рынок печатных карт оказался намного больше, чем для священного писания.

Большинство империй в истории наложили свой культурный отпечаток на завоеванные страны. Римляне принесли латинский язык, своих богов и предпочтение к вину, оливковому маслу и сельскому хозяйству даже в те места, где эти ремесла не процветали. Каждый римский город от Эфеса в Турции до Кельна в Германии был построен по одному и тому же шаблону и в том же архитектурном стиле. В другие эпохи британцы строили Тюдоровские здания в Бомбее, голландцы — ветряные мельницы на берегах Карибского моря, испанцы строили свои соборы и площади от Мексики до Аргентины, а американцы построили свои жилые кварталы от Панамы до Сау-

довской Аравии. Просто изучая остатки сооружений, археологи могут проследить рост индийской, ацтекской или арабской империи.

По сравнению с ними монголы мало меняли мир, который они завоевали. Они не принесли никакого особого архитектурного стиля. И при этом они не стремились наложить свой язык и религию на завоеванные страны и даже часто запрещали немонголам изучать свой язык. Монголы не заставляли подданных выращивать чужеродные растения и вообще не меняли радикально их общинный образ жизни.

Умения монголов в области перемещения большого количества людей и использования новых технологий в военных целях сослужили им службу и во время Монгольского Мира. Монголы распределяли между своими родами не только товары, но и переводчиков, писцов, лекарей, астрономов и математиков, а также музыкантов, поваров, ювелиров, акробатов, и живописцев. Эти профессии ценились монгольской элитой, и потому они тоже отправлялись в составе караванов во все уголки империи.

Традиционные империи накапливали богатство в одном городе. Все пути вели к столице, и все лучшее там и оставалось. Столица была так важна для этих империй, что ее название даже стало названием всего государства, как в Риме или Вавилоне. Империя монголов никогда не создавала единого главного города, и в пределах империи люди и товары постоянно перемещались с одного места на другое.

В 1261 году хан Хубилай создал Управление по

сельскому хозяйству, которое подчинил восьми специальным уполномоченным, которые искали способы улучшить жизни крестьян и увеличить урожаи. Управление отвечало также за защиту и повышение благосостояния крестьян. Такая политика в отношении крестьян отметила существенное изменение отношения со стороны монгольской администрации, которая раньше относилась к ним со свойственным кочевникам пренебрежением. До завоевания Китая большинство крестьян в пределах любой провинции выращивало тот же самый набор зерновых культур; зерновые культуры могли варьироваться от одной провинции к другой, но никогда — внутри одного региона. Монголы поощряли крестьян выращивать те зерновые культуры, которые казались наиболее подходящими для местного климата, типа почвы и системы орошения. Это привело к большому разнообразию культур и повышению производительности.

Монгольские власти поощряли распространение традиционных китайских культур, таких как чай и рис в новых землях, особенно, в Персии и на Ближнем Востоке. Благодаря монголам в Китае стали использовать улучшенный треугольный плуг, завезенный из Юго-восточной Азии.

Как только монголы захватили власть в Персии, они создали подобное управление и там. После многих тысяч лет обработки в Персии были разрушены почвы и урожаи были низки. Монголы стали бороться с этими проблемами при помощи обширного ввоза семян из Китая. Иногда они ввозили даже по-

беги, ветви и целые деревья, которые они прививали в недавно созданных сельскохозяйственных угодьях. Они создали новые культуры риса и проса, а также плодовых деревьев и корнеплодов. Индия, Китай, и Персия выращивали некоторые культуры цитрусовых раньше, но монголы старались создать максимальное разнообразие культур в каждой области. Около Кантона в южном Китае власти монголов высадили сад из восьмисот лимонных деревьев, импортированных с Ближнего Востока. В Тебризе в Персии монголы точно так же высаживали рощи различных видов лимонных и других деревьев. В дополнение к зерновым культурам власти монголов испытывали постоянную потребность в разных видах хлопка и других зерновых культур для того, чтобы изготавливать ткани и другие материалы для производства веревок, красок, масла, чернил, бумаги и лекарств.

Торговля тканями была весьма выгодной и поэтому правители монголов были заинтересованы в производстве шерсти. Для развития выращивания хлопковых культур они создали Бюро по содействию выращивания хлопка в 1289 году. Благодаря этому Бюро были изобретены способы выращивания хлопка в более холодных северных областях и новые технологии производства тканей. Хотя шелк всегда пользовался более высоким престижем, хлопок, как оказалось, тоже стал ценной культурой. Каждое новшество в той или иной области вызывало нововведения в других. Новые зерновые культуры требовали новых методов вспахивания, ирригации, сбора урожая, мо-

лотьбы, помола, транспортировки, сохранения, пивоварения, дистиллирования и кулинарии. Новые или несколько измененные методы требовали использования новых инструментов и орудий, которые, в свою очередь, нуждались в новых методах изготовления.

Монголы сделали культуру мобильной. Было недостаточно просто обменивать товары, так как целые системы знания должны были также переправляться с места на место. Лекарства, например, было невыгодно продавать там, где никто не знал, когда и сколько их принимать. Монгольский двор выписывал персидских и арабских лекарей в Китай, а китайских врачей посылали на Ближний Восток. Было очевидно, что китайцы обладали превосходными знаниями фармакологии и нетрадиционной медицины. Лекари мусульман, однако, обладали намного более сложными познаниями в области хирургии, зато китайцы лучше разбирались в устройстве и назначении внутренних органов. Монголы создали больницы и учебные центры в Китае, используя лекарей из Индии и ближневосточных стран, а также китайских целителей. Хан Хубилай основал отдел для исследования западной медицины под руководством некоего христианского ученого.

Монголы создали Дом Целительства около Тебриза, чтобы он мог служить одновременно больницей, исследовательским центром и учебным заведением для медиков Востока и Запада. В Персии в 1313 году Рашид ад-Дин издал первую известную книгу по китайской медицине, изданную вне Китая. Китай-

ское иглоукалывание не обрело последователей на Ближнем Востоке, потому что требовало слишком близкого контакта между врачом и пациентом. С другой стороны, китайская практика диагностики по пульсу оказалась очень популярной на Ближнем Востоке и Индии, потому что позволяло врачу просто коснуться запястья пациента и сразу поставить диагноза и предписать лечение. Используя этот новый метод, лекари могли осматривать пациенток, не оскорбляя честь их семей.

Только спустя несколько лет после объединения Китая Хубилай создал Академию по Исследованию Календарей. Вместе с ней была создана особая типография, которая издавала разнообразные календари и альманахи. Правитель, которому Небо дало власть над землей, должен был уметь предсказывать фазы луны, смену времен года и время лунных и солнечных затмений. Однако с календарями возникли еще более сложные проблемы. В обычной империи властители устанавливали всюду свой собственный календарь. Но в многоголовой империи монголов разные столицы и провинции использовали разные календари. Нужно было привести их все к единому знаменателю, чтобы управлять движением армий и потоков товаров. Жители восточной Азии использовали двенадцатилетний цикл, в то время как мусульмане — лунный календарь, отсчитывающий годы от основания ислама. Персы отмечали начало года по весеннему равноденствию. Некоторые события отмечались по движению планет, особенно Марса и Венеры, или во-

обще по звездам. Европейцы использовали солнечный календарь, но праздники, такие как Пасха или Крещение, вычислялись по лунному календарю. Даже сами христианские секты не могли свести воедино свои календари и потому в Восточной и Западной Церквях праздники постоянно приходились на разные дни.

Поскольку монгольская империя быстро превратилась в торговую корпорацию, монголам был необходим универсальный календарь, который бы работал на территории всей империи. Монголы создавали обсерватории, чтобы точно измерять движение планет и звезд. Одну из них они возвели около Тебриза, но огромному Китаю нужны были несколько обсерваторий в разных концах страны. Монгольские власти искали астрономов и книги по астрономии на всех новозавоеванных территориях. Хулагу послал многих из астрономов, захваченных в персидских и арабских городах, в Монголию. Среди них был и Джамаль ад-Дин, один из самых блестящих астрономов эпохи; он принес с собой проекты различных астрономических устройств и новые средства точного измерения, неизвестные ранее в Китае.

Монголам требовалось вести учет огромному количеству людей, животных и товаров. Новые формы сельского хозяйства, требования астрономии, система переписей и несметное число других проблем требовали от администрации умения обращаться с большими цифрами. Требовался новый подход к обработке чисел. В вычислениях монгольские чиновники

все больше полагались на счеты, которые передвижением нескольких бусин позволяли им легко и эффективно проводить сложные вычисления.

Монголы всегда были весьма скрупулезны в отношении числовых показателей, так как управляли многомиллионной империей. Поэтому они стали искать более простые методы и способы вычислений. Возникла необходимость и в новой системе записи числовой информации, сведении воедино различных диаграмм и унификации счетных систем разных народов. Монгольские чиновники отвергли европейскую и китайскую математику, так как она показалась им слишком простой и непрактичной, но взяли много полезных новшеств из арабской и индийской математики. Города Хорезма были особенно важным центром математической науки; само слово «алгоритм» происходит от названия ал-Хорезм. Монголы распространяли новые знания по всей своей империи. Они быстро поняли преимущества счета в столбик и вообще использования арабских цифр, они нашли применение нулю, отрицательным числам и вообще алгебре в Китае.

Но унификация требовалась не только в области счета и календарей, она была необходимо почти на каждом уровне внутренней жизни новой империи. Историография была слишком важным делом, чтобы монголы могли позволить каждой цивилизации заниматься ею на свой лад. Чтобы контролировать свой собственный образ в глазах подданных монголы должны были добиться того, чтобы письменная

история освещала в правильном свете историю монголов. Письменная история была не просто средством записи сведений; она служило инструментом, который узаконить правящую династию и распространить пропаганду о ее завоеваниях и достижениях. Монголам письменная история помогла многое узнать о других народах. Хан Хубилай создал Национальное Историческое Управление в 1260-х. В соответствии с китайскими традициями, он приказал составить компиляцию полной истории чжурчженьских и киданьских царств, а также династии Сун. Это был, наверное, самый объемный проект по созданию сводной летописи в истории. На его реализацию ушло почти восемьдесят лет. В Персии Ильхан Газан заказал первую всемирную историю Рашиду ад-Дину, преемнику Джувайни. Рашид занялся этим невиданным трудом, который привлек много различных ученых и переводчиков, чтобы создать истории китайцев, турков и франков, как тогда называли европейцев.

Объемы информации, которые теперь производились в Монгольской империи, требовали новых форм распространения. Писцы больше не могли справляться с новым потоком документации. Они собирали отчеты, писали письма и послали информацию тем, кто нуждался в этом, но у них не было времени, чтобы переписывать сельскохозяйственные руководства, медицинские трактаты, атласы и астрономические таблицы. Информация должна была стать массовой, и поэтому монголы вновь обратились к технологии, то есть к книгопечатанию.

Монголы восприняли эту технологию довольно давно. Кроме заказов Туракины еще в 1236 году Удгей распорядился создать несколько типографий в подчиненной монголам части северного Китая. Техника печати с подвижными литерами появилась в Китае, вероятно, в середине двенадцатого столетия, но именно монголы использовали это изобретение в массовом масштабе и поставили его на службу государству. Вместо наборов из тысяч литер, которыми пользовались китайцы, монголы приняли алфавит, в котором часто повторялся определенный набор букв. Это позволяло мастеру не вырезать каждый раз целый текст на доске, а просто набирать его из уже готовых литер, а затем те же буквы можно было использовать уже в другом письме или книге.

Всеобщая грамотность существенно возросла во время правления династии монголов, и объем литературного материала вырос пропорционально. В 1269 году Хан Хубилай основал типографию, которая должна была печатать правительственные решения, чтобы они широко и быстро распространялись среди населения. Впрочем, он поощрял все виды книгопечатания. В его время в Китае публиковались священные тексты, романы и прочие неправительственные тексты. Число книг настолько быстро возрастало, что за время владычества монголов цены на них постоянно падали. По всей империи печатали брошюры не темы сельского хозяйства, альманахи, священные писания, законы, истории, медицинские трактаты, новые математические теории, песни и поэзию на многих языках.

Во всех своих свершениях, будь то политика религиозной терпимости, создание универсального алфавита, система почтовых станций или печать альманахов, денег или астрономических схем, правители империи монголов проявляли универсализм. Поскольку собственной развитой культуры у них не было, они были готовы принимать и объединять все другие. У них не было собственных культурных предпочтений, поэтому они принимали вполне прагматические, а не идеологические решения. Они искали самые эффективные изобретения и методы, а когда находили, распространяли их по территории всей империи. Их ничуть не волновало, совпадает ли их астрономия с библейским каноном, придерживаются ли их писцы классических принципов первых китайских мандаринов, и одобряют ли мусульманские имамы их скульптуру и живопись. Монголы обрели власть, по крайней мере, временно, создать новые международные стандарты в области технологии, сельского хозяйства и научного знания, которое заменило им склонности или культурные предубеждения любой одиночной цивилизации; и таким образом, они нарушили монополию на мысль, которой века обладали местные элиты.

Монголы не только создали новую систему ведения войны, но и сформировали ядро новой универсальной культуры и мировой системы. Эта новая глобальная культура продолжала расти и после упадка империи монголов. Она прошла длительное развитие в последующие века и легла в основу современ-

ной мировой системы, которая отмечена характерно монгольским интересом к свободной торговле, открытому обществу, общедоступным знаниям, светской политике, веротерпимости, международному праву и дипломатической неприкосновенности.

Хотя монголы так и не покорили Европу именно она больше всех других стран выиграла от их нового мирового порядка. Европейцы получили все выгоды свободной торговли и обрели новые технологии Всемирного Пробуждения, и при этом сумели избежать потрясений монгольского нашествия. Монголы перебили аристократическое рыцарство Венгрии и Германии, но они не разрушали и не оккупировали там города. Европейцы, которые были оторваны от господствующей тенденции мирового развития, начиная с падения Рима, упивались новыми знаниями, примеряли новую одежду, слушали новую музыку, вкушали новые блюда и наслаждались быстро возрастающим уровнем жизни.

Европейцы легко забыли истеричные комментарии летописцев, вроде Маттье Пари и Фомы из Спалато, которые писали о вторжениях монголов в 1240 году. Теперь монголы приехали, чтобы привести европейцам новую роскошь и новые удовольствия. Слово «татары» больше не ассоциировалось с черным ужасом, наоборот итальянские авторы, такие как Данте и Боккаччо, а также англичанин Чосер, использовали словосочетание *Panni Tartarici*, «татарская ткань» или «татарский атлас» как поэтический образ самой прекрасной ткани в мире. Когда король Англии Эду-

ард III приказал изготовить 150 подвязок для своих Рыцарей Подвязки, он решил, что они должны быть «татарского синего цвета». Очевидно, что эти термины не относились к тканям и краскам, которые делали сами монголы, а к тем, которыми они торговали или которые производились на их землях.

Одно технологическое новшество за другим прибывало в Европу. Самые трудоемкие профессии, такие как ремесло рудокопа, мельника и кузнеца, почти полностью зависели от рабочей силы человека или его животных. Очень быстро в них стали проникать различные механизмы, которые уже использовали энергию ветра и воды. Технология, которая позволила усовершенствовать доменную печь также прибыла в Европу из Азии по торговым путям монголов, и это позволило сталеварам достигать более высоких температур и таким образом улучшить качество металла. В результате монгольского Всемирного Пробуждения европейские плотники усложнили и отточили свое ремесло, введя в него новый инструментарий; строители использовали новые типы подъемных кранов и блоков.

Быстро распространялись новые сельскохозяйственные культуры, которые было легче выращивать и нужно было меньше обрабатывать после сбора урожая: морковь, репа, салат, гречка и пастернак вошли почти во все европейские блюда. Новые инструменты, машины и механические устройства помогли строить все, от кораблей и доков до складов и каналов, быстрее и лучше, так же, как монгольская воен-

ная технология позволила армиям овладеть разрушительной огневой мощью.

Раньше даже подготовка одностраничного документа требовала длительных усилий большого числа людей. Пастух пас овец, мясник их резал, кожевник снимал шкуру, а затем несколько недель очищал ее, сушил на солнце и обрабатывал в нескольких химических составах. Затем пергамент разрезали на страницы подходящего размера. А уж чтобы сделать из пергамента книгу, нужно было приготовить чернила, переписать текст, снабдить его иллюстрациями, раскрасить их и, наконец, переплести в кожаный переплет, производство которого тоже требовало сложных усилий и особых процедур.

Замена пергамента бумагой, этим китайским новшеством, которое уже было известно в Европе до монголов, но редко использовалось, требовала больших навыков от одного работника, зато значительно упрощала весь процесс. Бумагодел готовил рваные тряпки и прочие волокнистые материалы, натягивал их на каркас, который опускал в чан с определенным составом, а затем высушивал готовую бумагу.

С распространением книгопечатания остро возрос спрос на бумагу. Одной из самых трудоемких задач в средневековом обществе было переписывание книг и документов. Все делалось вручную особыми монахами, которые весь день напролет трудились в специальных скрипториях. Поскольку никаких затрат кроме пропитания на них не требовалось, огромные суммы полученные от продажи книг исполь-

зовались церковью по своему усмотрению. Иоганн Гуттенберг напечатал в 1455 году двести изданий Библии на своем станке и начал, тем самым, информационную революцию на Западе. Новая технология сделала книготорговлю одной из самых мощных сил общественной жизни. Она стимулировала возрождение греческой классики, развитие письменных форм народных языков, рост национализма, вспышку Реформации, рождение науки и фактически каждый аспект жизни и науки от агрономии до зоологии.

Сведения об империи монголов дали Европе новые идеи и новые возможности мысли. Новые знания, полученные из записок Марко Поло или звездных штудий Улугбека, доказали, что многое в классическом наследии Европы было неверно, и одновременно открыли новые пути интеллектуального поиска. Поскольку Монгольская империя была в первую очередь основана на новых идеях и способах организации общественной жизни, а не на простой технологии, эти идеи вызвали новые теории и эксперименты в Европе. Часть общих принципов империи монголов обрела непреходящую важность — бумажные деньги, верховенство государства над церковью, свобода вероисповедания, дипломатическая неприкосновенность и международное право определили развитие Европы на века вперед.

Уже в 1620 году английский ученый Фрэнсис Бэкон признал уникальное воздействие, которое новые технологии произвели на Европу. Он выделил три технологических новшества, на которых был постро-

ен современный мир — книгопечатание, порох и компас. Хотя они были «неизвестны древним... эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира; сначала в литературе, затем в войне, и, наконец, в навигации». Но важнее самих этих изобретений были «неисчислимые изменения, от них произошедшие». Ясно осознавая их важность он написал, «что никакая империя, секта или звезда, кажется, не оказала большего влияния на человеческие дела, чем эти механические открытия». Все они были принесены на Запад во времена Монгольской империи.

Под влиянием этих изобретений в Европе началось Возрождение. Но Ренессанс не стал эпохой возрождение античного римского или греческого наследия, он был воскрешением принципов и идей, положенных в основу Монгольской империи, принципов, которые европейцы приспособили для своих целей и на свой вкус.

В мае 1288 года вскоре после встречи с Раббаном Бар Саумой и получения письма и подарков от монгольского Хана, Папа Николай IV выпустил папскую буллу, призывающую к строительству новой церкви Богоматери в Ассизи. Как первый Папа-францисканец, Николай IV со своими приверженцами-францисканцами, видимо, хотел провозгласить приход эпохи своего ордена. В этом соборе они хотели воплотить не только силу ордена, но и отразить его свершения в истории. Орден Св. Франциска был наиболее осведомлен о монголах и их обычаях. Монахи в составе делегации Пьяно ди Карпини и даже Вильям из

Рубрука — все они были францисканцами. Художники заимствовали темы и методы в китайском и персидском искусстве, моду на которое ввели монголы.

Все эти картины имели общий источник в работах Джотто ди Бондоне и его учеников, а они, кажется, исходят от ряда картин в монастыре францисканцев в Ассизи. Хотя фрески в церкви изображают события из жизни Христа или житие Святого Франциска, художники изобразили многие из их вещей в монгольском стиле или даже одели в платье монголов: «В цикле фресок жизнь Святого Франциска буквально обернута в шелка, почти в каждой сцене мы видим раскрашенные ткани — либо на фигурах, либо в форме драпировок». В дополнение к простым шелкам художники изображают парчу, которую монголы любили и послали Папе и европейским королям в подарок. Художники ввели монголов в разнообразие христианских картин, с их отличительной одеждой, головными уборами и луками. Лошади начали появляться в европейском искусстве в духе китайских рисунков, которые получили популярность благодаря торговле с монголами. Картины также показали сильное азиатское влияние в изображении скал и деревьев. Европейское искусство, которое было плоским и одномерным всюду в Средние века, произвело новый гибрид, который не был ни строго европейским, ни азиатским; это был стиль глубины, света, ткани и лошадей, стиль, который впоследствии стали называть искусством Возрождения.

Возможно, эти изображения были не больше

чем новым художественным пониманием европейских творцов, но изображение Одежний Христовых в церкви в Падуе украшено монгольскими литерами из алфавита Пхагбы. В той же самой церкви, Грех Неверности изображен как женщина в высокой шлемообразной шапке, которую носил Хан Хубилай. Пророки Ветхого Завета изображены со свитками с длинным непонятным текстом, написанным монгольскими литерами. Эти прямые свидетельства связи с двором Хана Хубилая доказывают непосредственную и бесспорную связь европейского Ренессанса и Монгольской империей.

Влияние монголов прослеживается и в литературных и философских работах эпохи. Провокационная природа идей монголов и их политики проявилась решительно в работах немецкого философа Николая Кузанского, чье эссе «Об ученом незнании» можно было бы рассмотреть как первый цвет европейского Возрождения. Он провел некоторое время по церковным делам в Константинополе незадолго до его падения, и, как показывают его письма, был хорошо знаком с идеями персидской, арабской и монгольской цивилизаций. В 1453 году он пишет длинное эссе «О мире и согласии веры», в котором он представил воображаемые речи представителей семнадцати народов и религий относительно лучшего способа достигнуть всеобщего мира и согласия. Автор показывает глубокое понимание монгольской идеологии, когда вкладывает в уста татарина такое описание его народа — «многочисленные и простые

люди, которые поклоняются одному Богу, что выше других, изумлены разнообразием обрядов, которые имеют другие, кто поклоняется тому же Богу, что и они. Они высмеивают закон, который требует от некоторых христиан, всех иудеев и арабов делать обрезание, от других — ставить точку меж бровей, а от третьих — крестить детей». Он также отмечает замешательство монголов при столкновении с христианскими ритуалами и богословием, в особенности, «среди всех различных форм жертвы есть христианская жертва, в которой они предлагают хлеб и вино, и говорят, что это — тело и кровь Христа. То, что они едят и пьют эту жертву после жертвоприношения, кажется отвратительным. Они пожирают то, чему поклоняются».

Вымышленный татарин в споре точно повторил слова хана Мункэ, сказанные французскому посланнику, когда тот осудил пагубную вражду среди религий мира: «Надлежит исполнять заповеди Бога. Но иудеи говорят, что они получили эти заповеди от Моисея, арабы говорят, что им дал их Мухаммад, а христиане — что Иисус. И есть, возможно, другие народы, которые чтят своих пророков, которые, как они утверждают, дали им божественное слово. Поэтому, как мы достигнем согласия?» Ответ монголов был таков: религиозное согласие достижимо только, если объединить все веры под властью светского государства.

Визиты посланников монголов, таких как Раббан Бар Саума, дало европейцам представление о далеких и таинственных монголах. Европейцы больше

не боялись империи Чингисхана и начали видеть в ней альтернативу обществу, в котором жили. Принимая во внимание, что авторы использовали мусульман, чтобы представить все, ненавистное европейцам, они насыщали историю монголов романтикой лучшего мира, который до некоторой степени стал Утопией, идеальным обществом. Приблизительно в 1390 году Джеффри Чосер, много ездивший по Франции и Италии по дипломатическим делам, дал самое яркое утверждение романтического образа монголов. В «Кентерберийских рассказах», первой книге, написанной на английском языке, самая длинная история содержит романтический и причудливый рассказ о жизни и приключениях Чингисхана.

В татарском граде Сарра проживал
Царь, что нередко с Русью воевал,
Губя в ожесточенных этих войнах
Немало юных витязей достойных.
Он звался Камбусканом, и полна
Молвой о нем была в те времена
Вселенная,— везде народ привык
В нем видеть лучшего из всех владык.
Хотя в язычестве он был рожден,
Но свято чтит им принятый закон;
К тому же был отважен, мудр, богат,
Всегда помочь в беде любому рад,
Был крепко верен слову своему
И волю подчинять умел уму.
Красив и молод, он превосходил
Всех юных родичей избытком сил.
Во всем его сопровождал успех,
И роскошью, что чаровала всех,
Любил он украшать свой царский сан.

10

ИМПЕРИЯ ИЛЛЮЗИЙ

Когда Христофор Колумб отплыл из Испании в 1492 году, он надеялся достичь Китая, земли Великого Хана

Дэвид Морган

В 1332 году в монгольской столице Шанду царили сумятица, неразбериха и страх. Правящая семья задержалась в летней столице до глубокой осени, и несмотря на попытки сохранить тайну, всем стало очевидно, что внутренние конфликты внутри клана уже всерьез угрожают существованию династии.

У нас довольно мало информации об этом периоде, но, похоже, титул Великого Хана очень быстро переходил от брата к брату и от отца к сыну во время волны убийств, исчезновений и необъяснимых смертей. С 1328 по 1332 по крайней мере четыре члена Золотой Семьи занимали трон, а один из них, семилетний Хан Ринчинбал пробыл на престоле только два месяца в 1332 году.

Всеми овладел страх. Смерть грозила каждому, кто был связан с семьей Великого Хана.

Вне столицы царила почти такая же суматоха и беспорядок, но их вызвали не иностранные захватчики и не мятежники. Опасность пришла из другого источника, зловещего и таинственного — началась чума. Человек мог казаться здоровым утром, но днем внезапно слечь с приступом лихорадки, сопровождаемой рвотой и поносом. Люди, которые только вчера казались здоровыми, внезапно и необъяснимо умирали, а их тела начинали разлагаться. Кровь замедляла свой бег, появлялись нарывы и опухоли под мышками и в паху. Эти опухоли стали называть греческим словом «бубоны», а болезнь стала известна медицине как бубонная чума. Когда опухоли достигали большого размера, они разрывались. Кровь сворачивалась прямо в жилах, и поэтому лица умирающих чернели, по этому признаку болезнь стали именовать Черной Смертью. Человек сторал от нее буквально за несколько дней. В некоторых случаях, болезнь поражала легкие, а не лимфоузлы, в результате больные просто задыхались. Умирая, они заражали сам воздух вокруг кашлем и чиханием.

Согласно наиболее правдоподобному, но неподдающемуся проверке, отчету, болезнь, появилась на юге Китая, а воины-монголы принесли ее на север. Чуму разносят блохи, которых в северные регионы привезли на себе крысы, сопровождавшие караваны с продовольствием и другими товарами с юга. Хотя блохи обычно не заражают людей, а запах лошадей

отпугивает их, они могут жить в мешках с зерном, одеждой и в других местах неподалеку от людей и ждать момента, чтобы запрыгнуть на них. Как только зараженные блохи прибыли в Гоби, они нашли убежище в норах сурков и обширных колониях грызунов, где с тех пор и обитают. Чума не потеряла своей силы в открытой степи Монголии, но из-за небольшой плотности населения она была менее опасна. Даже сегодня чума уносит несколько жертв в год, но монгольский образ жизни не дает ей перерасти в эпидемию. В густонаселенных городских областях Китая, а позднее и в других городских областях, болезнь свила себе гнездо в поселениях крыс, которые жили в непосредственной близости от людей уже так давно, что никто не видел в них источник болезни.

В 1331 году летописцы зафиксировали смерть 90% жителей провинции Хэбэй. К 1351 году Китай потерял от половины до двух третей населения. В начале XIII в. население страны составляло приблизительно 123 миллиона жителей, но к концу XIV в. это число снизилось до 65 миллионов.

Китай был производственным центром монгольской Мировой Системы, и поскольку товары шли из зараженного Китая, болезнь, по-видимому, распространялась во всех направлениях сразу. Археологические свидетельства указывают, что в 1338 чума вышла из Китая, пересекла Тянь-Шань и уничтожила христианское торговое сообщество около озера Иссык-Куль в Кыргызстане. Чума стала эпидемией торговли. Те же самые монгольские дороги и караваны, которые

пронизывали евразийский мир XIII и XIV столетий, перевозили теперь не только шелк и пряности. Дороги и почтовые станции, построенные Монголами для торговцев, стали перевалочными пунктами для блох и, таким образом, для эпидемии. Вместе с роскошными тканями, экзотическими ароматами и великолепными драгоценностями караваны привезли блох, которые распространяли чуму от одного лагеря к другому, от одной деревни к другой, от одного города к другому и от одного континента к другому. Если чума уничтожала всего только одну станцию на каком-нибудь горном перевале, это могло привести к изоляции большой области в пределах империи.

Чума достигла столицы Золотой Орды в Сарае в низовьях Волги в 1345. В это время Янибег, хан кипчаков, готовился осадить крымский порт Кафу (современная Феодосия), торговый пост, созданный торговцами из Генуи для экспорта русских рабов в Египет. Монголы иногда сотрудичали с итальянскими работорговцами, а иногда пытались подавить их торговлю. Власти монголов закрыли торговый пост и несколько раз изгоняли генуэзцев, но каждый раз впоследствии смягчались и позволяли им вернуться. Чтобы защититься от дальнейших угроз со стороны монголов и обезопасить свою торговлю, генуэзцы построили мощную защитную стену вокруг города и вторую внутреннюю стену, чтобы защитить сердце своей фактории.

Когда чума вспыхнула в рядах монгольской армии, Янибег был вынужден снять осаду и отступить,

но болезнь к тому времени добралась и до защитников крепости. Согласно единственному сообщению европейского хрониста, Янибег приказал забрасывать катапультами за стены города тела умерших от чумы, и хотя генуэзцы пробовали избавиться от тел, бросая их в море, эпидемия вспыхнула. Хотя у нас часто повторяют, что история не должна основываться только на свидетельствах очевидцев; единственный известный источник этой истории — это бумаги адвоката, Габриеля де Муссиса, который работал около Генуи в городе Пьяченце. Он утверждал, в свою очередь, что услышал эту историю от некоего матроса. Поскольку трупы не могли дышать и таким образом заражать своих жертв, на них, видимо, были живые блохи, которые и разнесли по городу заразу. Нам эта история кажется сомнительной, не столько потому, что монголы бы не захотели способствовать распространению эпидемии, сколько потому, что это не была бы верная стратегия для победы.

По воле человека или вопреки ей, болезнь уже распространялась и остановить ее было невозможно. Когда генуэзцы и другие беженцы покинули Каффу, они увезли с собой чуму в Константинополь, а оттуда она быстро перекочевала в Каир и Мессину на Сицилии. Если город был идеальным домом для чумы, замкнутая окружающая среда судна была идеальным инкубатором, местом, где люди, крысы и блохи жили бок о бок, и где не было лошадей и огня, то есть тех двух вещей, которых блохи больше всего не любят. Освобожденный от сравнительно медленного движе-

ния по торговым путям, где болезнь должна была ждать подходящей телеги или груза товаров, чума теперь распространялась со скоростью ветра в парусах. В 1348 она razорила города Италии, а к июню того же года пришла и в Англию. К зиме 1350 чума пересекла Североатлантическое побережье от Фарерских островов через Исландию и достигла острова Гренландия. Она, вероятно, погубила 60% жителей Исландии, и стала самым важным фактором в заключительном исчезновении последней колонии викингов в Гренландии.

За шестьдесят лет с 1340 до 1400, согласно некоторым оценкам, население Африки уменьшилось с 80 до 68 миллионов жителей, а Азии с 238 до 201 миллиона. Полное мировое население — включая обе Америки, куда чума доберется еще только через два столетия, упало за один век приблизительно с 450 миллионов до 350-375 миллионов жителей. Это чистая потеря по крайней мере 75 миллионов жизней, то есть больше чем по миллиону человек в год. По мере получения новых научных данных ученые называют все более высокие цифры. Население Европы уменьшалось с приблизительно 75 миллионов до 52 миллионов. Смертность на одном только европейском континенте была примерно такая же, как полные международные потери от СПИДа в двадцатом столетии. Для Европы XIV века, однако, эта цифра означала гибель половины или трети всего населения. Для сравнения, в огромном разрушении Второй мировой войны в Европе, Великобритания потеряла

меньше чем 1% населения, а Франция, сцена напряженной борьбы, — 1.5% населения. Немецкие потери достигли 9.1%. Голод поднял показатели смертности в Польше и Украине до 19%, но даже они оставались значительно ниже того урожая, который собрала чума в XIV веке.

Чума почти полностью опустошила некоторые области, в то время как несколько городов остались фактически невредимыми. Одна из редких эффективных мер была принята в Милане. Как только чума вспыхивала в доме, чиновники мчались, чтобы запечатать весь дом со всеми обитателями внутри — больными и здоровыми, друзьями и слугами. Другие города пробовали менее эффективные средства, они звонили в колокола или наоборот запрещали звонить в колокола. Чума фактически разрушила общественный строй, который доминировал в Европе, начиная с падения Рима, и оставила континент в опасном беспорядке. Болезнь убивала толпами горожан и таким образом уничтожала образованный класс и квалифицированных мастеров. Внутри и снаружи городов, закрытые и загрязненные монастыри предоставляли чуме прекрасную возможность выкашивать всех своих обитателей до единого. От такой трагедии европейское монашество и сама римско-католическая церковь вообще так и не смогли отправиться. Опасность грозила также густонаселенным деревням, закрытым замкам и уездным владениям.

Социальное воздействие чумы было лучше всего отмечено во Флоренции, где она вспыхнула в 1348 го-

ду, в произведении Джованни Боккаччо, который потерял многочисленных членов семьи и близких друзей. В его «Декамероне» десять молодых благородных леди и десять мужчин бегут от чумы и находят убежище в сельском имении, они коротают время, рассказывая друг другу истории. В мире, описанном Боккаччо, муж покинул жену, а мать оставила ребенка, только чтобы избежать чумы. Столь многие умерли, что священники уже не успевали их отпевать, могильщики не успевали выкапывать могилы и трупы сваливали в кучи или скармливали собакам и свиньям. «Почтенная власть законов, человеческих и божественных, ослабла и была почти полностью уничтожена». Чиновники были «исполнять свою службу; по-сему каждый человек был свободен делать то, что сам полагал правильным».

Не понимая истинную причину болезни и способности ее передачи, люди быстро осознали ее связь с торговлей и передвижением людей между городов. Тексты Боккаччо, Петрарки и других людей того времени показывают, что две первичных реакции на болезнь состояли в том, чтобы покинуть город, если возможно, или, по крайней мере, закрыть город для посторонних. Любой из этих вариантов означал немедленную остановку торговли, сообщения и транспортировки грузов. Местные власти всюду в Европе вели законы чумного времени, чтобы ограничить ее распространение и предотвратить панику. В 1348 году маленький город Пистойя в Тоскане закрыл вход в город людям из зараженных областей, запретил им-

порт всех видов тканей и продажу фруктов, а также забой скота, который мог бы вызвать запах смерти, подстегивающий, по их мнению, чуму. Точно так же они запретили работать дубильщикам, и торговля кожаными товарами прекратилась. Граждане, возвращающиеся из других мест, могли внести с собой в город только около тридцати фунтов вещей. Никто не мог послать подарок в дом человека, который умер от чумы или заходить туда, никому не разрешали покупать новую одежду.

Прекратился обмен дипломатическими делегациями и письмами. Без монгольской транспортной системы Католическая церковь потеряла контакт со своими миссиями в Китае. Напуганные люди всюду обвиняли иностранцев в распространении заразы, что еще больше повредило международной торговле. В Европе христиане еще раз ополчились на евреев, которые были явно связаны с торговлей и с востоком, откуда пришла чума. Некоторых евреев заперли и сожгли в их собственных домах; других пытали на дыбе, пока они не признавались во всех грехах. Несмотря на папскую буллу от Клементя VI в июле 1348 года, которая вставала на защиту иудеев и приказывала христианам прекратить преследования, кампания против них набирала обороты. В День святого Валентина 1349 года, власти Страсбурга согнали две тысячи евреев к еврейскому кладбищу за городом и устроили массовое сожжение «преступников». Некоторым иудеям позволили спасти свою жизнь, при условии покаяния и крещения, а детей крестили насильно. Бо-

лее тысячи человек погибло за шесть дней, а затем городские власти запретили иудеям появляться или селиться в городе. Один город за другим использовал публичные сожжения евреев в качестве противоэпидемиологического средства. Согласно показаниям одного летописца между ноябрем 1348 и сентябрем 1349 были сожжены все евреи от Кельна до Австрии. В христианских частях Испании люди начали преследования против мусульманского меньшинства, принудившие многих из них искать убежища в Гранаде и Марокко.

Чума не только изолировала Европу, но и отрезала Монголов в Персии и на Руси от Китая и Монголии. Правители-монголы в Персии больше не могли получать товары со своих земель и мануфактур в Китае. Золотая Семья в Китае не могла получить свою долю дани с Руси или из Персии. Разрушилась взаимосвязанная система собственности. Чума опустошила страну, деморализовала население и, оборвав торговлю обмен данью, лишила монгольскую Золотую Семью ее первичного источника доходов. В течение почти ста лет монголы использовали свои взаимные материальные интересы для преодоления политической раздробленности.

Даже, жертвуя политическим единством, они поддерживали объединенную культурную и коммерческую империю. Чума уничтожила это единство, и сложная система разрушилась. Империя монголов зависела от быстрого и постоянного передвижения людей, товаров и информации всюду по территории

империи. Без этих связей, не было уже никакой империи.

Как иноземные завоеватели, монголы правили народами превосходящими их по численности в тысячи раз. Подданные мирились с их властью, после того как сила монгольской армии истаяла, постольку, поскольку они продолжали производить огромный поток товаров. Из-за чумы прекратилась торговля, а надежды на военную помощь со стороны других ветвей семьи не было, так как им тоже приходилось противостоять враждебной среде покоренных народов. Лишенные своих двух главных преимуществ — военной силы и коммерческой прибыли, монголы на Руси, в Средней Азии, Персии и на Ближнем Востоке искали новые способы сохранить власть и законность, вступая в браки со своими подданными и сознательно подражая им в языке, религии и культуре. Монгольские власти вычистили в своих семьях остаточные следы шаманства, буддизма и христианства и, фактически, приняли ислам, который был главной религией их подданных, или, в случае Золотой Орды на Руси, религию тюркской армии, которая помогала семье удерживать власть.

Когда члены монгольских правящих семейств стали принимать разное вероисповедание, разлад между ними усилился. Когда Золотая Орда на Руси стала мусульманской, в глазах своих родичей в Иране и Ираке они тут же стали союзниками Египта в борьбе с монгольским Ильханатом. А когда и сами Ильханы приняли ислам, они бесконечно метались между сун-

нитской и шиитской его разновидностями, меняя веру в зависимости от политической ситуации. Во время правления Оджейту, самого фанатичного из ханов-шиитов, были развязаны серьезные преследования против буддистов и евреев. Универсальные принципы империи Чингисхана исчезли как пепел на ветру.

Становясь мусульманами, монголы на Ближнем Востоке, казалось, следовали примеру Хана Хубилая, который добился власти в Китае, притворившись китайцем. Все же преемники Хана Хубилая в Китае были не в состоянии следовать и, вероятно, даже понимать хитрость и гениальность его метода. Вместо того, чтобы становиться китайцами, монгольские власти усилили репрессии и изолировали себя. В течение этого бурного времени, некоторые члены монгольского двора сообщали о снах, в которых Чингисхан, казалось, требовал введения строгих новых мер в отношении китайцев. Чиновники решили, что они выделили китайцам слишком большие свободы и что монголы позволили себе слишком привязаться к китайской жизни. Они еще больше отделили себя от китайского языка, религии, культуры и смешанных браков. Паранойя при дворе крепчала: монгольские власти приказали провести конфискацию не только всего оружия у китайских крестьян, но и железных сельскохозяйственных орудий, также они ограничили использование ножей. Власти запретили китайцам использовать лошадей. Они так боялись заговоров и тайных сигналов, которые заговорщики могли передавать друг другу, что практически прекратили суще-

ствование китайской оперы и традиционного искусства устного повествования. Перед лицом таких чрезвычайных мер, китайские подданные испытывали недовольство и страх перед своими правителями-монголами. Распространялись слухи о массовом истреблении китайских детей монголами или о готовящемся приказе казнить всех носителей той или иной китайской фамилии.

Теперь монголы старались как можно меньше походить на китайцев. В связи с этим они отошли от традиционной монгольской политики веротерпимости и предоставили широкие привилегии буддизму в лице его тибетской конфессии, противопоставив буддийский канон традиционным конфуцианским идеалам китайцев. Китайцы обратили свою ненависть не на монголов, а на иностранцев, которые помогали монголам управлять империей. Тибетские буддистские монахи стали объектом особой ненависти, так как местные жители были обязаны не просто кормить, селить и перевозить монахов, но и транспортировать их товары. Монахи, часто вооруженные, заслужили дурную славу, притесняя своих китайских слуг. Бюро Буддийских и Тибетских Дел настоятельно защищало монахов в суде и предоставило им набор особых прав. Однажды бюро пробовало провести в жизнь законы, которые предусматривали отсечение руки для любого, кто дерзнет ударить монаха, и отсечение языка для того, кто возводил на монахов хулу. Монгольские чиновники, в конечном счете, отклонили эти законы как несовместимые с монгольским

правилом, которое запрещало калечить тела людей в наказание за преступления.

Монгольские ханы Китая все более отдалялись от своих подданных. Они не могли остановить распространение эпидемии, и нашли спасение в духовности тибетских монахов, которые призывали их отвернуться от внешнего мира иллюзий и искать личного спасения. Монахи убедили монгольскую правящую фамилию, что освобождение узников дарит особые духовные заслуги. Вскоре монахи превратили духовное возвеличивание монголов в процветающий бизнес. Во время одной причудливых церемоний, монах в платье монгольской императрицы проехал через ворота дворца, а затем освободил заключенных как птиц из клеток.

Тибетское духовенство поощряло новые формы религиозной практики. Особое распространение при дворе получила практика тантризма, помогающая постигать духовные истины посредством особых половых актов. Ханская семья стала принимать участие в сложных сексуальных ритуалах с участием самого Великого Хана, которые проводились под неусыпной опекой опытных лам. Слухи о распущенности монголов и их тайных оргиях еще больше настроили китайцев против них. Китайцы подозревали даже, что ламы совершают для монголов человеческие жертвоприношения, чтобы продлить жизнь Хана и поддержать его власть.

В то время как монгольские правители Китая сосредоточились на выражении своей духовности и сек-

суальности, общество за стенами Запретного Города разваливалось на куски. Монгольские власти потеряли контроль над денежно-кредитной системой, которую они так трудолюбиво и придирчиво создавали. Принципы, согласно которым использовались бумажные деньги, оказались более сложными и непредсказуемыми, чем мог понять рядовой чиновник, и система постепенно вышла из-под контроля. При наименьшем признаке слабости в монгольской администрации, доверие к бумажным деньгам падало, увеличивая ценность меди и серебра. Инфляция росла отчаянно, а в 1356 году бумажные деньги просто потеряли всякую стоимость.

В Персии и Китае, крах произошел раньше — в 1335 и 1368 гг., соответственно. Монголы персидского Илханата исчезли, были убиты или ассимилированы их бывшими подданными. В Китае, Великий Хан Тогун Тумур и приблизительно шестьдесят тысяч монголов сумели спастись от мятежников Мин, но они оставили позади приблизительно четыреста тысяч человек, которых захватили и убили или ассимилировали китайцы. Те, кому удалось добраться до Монголии, стали снова вести традиционный кочевой образ жизни, как будто весь китайский эпизод с 1211 до 1368 года был просто затянувшимся пребыванием в южном летнем лагере. Золотая Орда на Руси развалилась на меньшие орды, которые постоянно теряли власть и влияние на протяжении четырех долгих столетий. За долгие годы сотрудничества монголы и их тюркские союзники слились в несколько различных

этнических групп тюрко-монголов, которые считали друг друга инородцами, такими же, как и соседние славяне.

После ниспровержения монгольского правления торжествующие правители династии Мин выпустили указы, запрещающие китайцам носить монгольские одежды, давать летям монгольские имена и тому подобное. Чтобы оживить китайские принципы управления и социальной жизни, правители Мин последовательно отказались от многих монгольских принципов и институтов. Они выслали мусульманских, христианских и иудейских торговцев, которые при монголах обосновались в Китае. Властители династии Мин отменили бумажные деньги и возвратились к металлу. Они отвергли тибетский буддизм, который поддерживали монголы, и обратились к традиционным даосизму и конфуцианству. После неудавшейся попытки воскресить монгольскую систему заморской торговли новые правители сожгли их океанские суда, запретили иностранцам въезд на территорию Китая и потратили большую часть валового национального продукта на построении массивных новых стен, которые держали бы чужеземцев снаружи, а китайцев — внутри. Таким образом, новые китайские власти отрезали тысячи своих граждан, живущих в портах Юго-Восточной Азии.

Чтобы обезопасить себя на случай нового монгольского вторжения, правители Мин сначала перенесли столицу на юг в Наньцзин, но внутренняя инфраструктура объединенного Китая была уже устрое-

на таким образом, что вскоре пришлось вернуть столицу в монгольский Ханбалык. Династия Мин стремилась перестроить город, уничтожить в нем все, что напоминало бы о монголах, и возвести новый Запретный Город в собственном стиле. С небольшими перерывами столица оставалась с тех пор там всегда ; и даже сейчас Пекин является столицей Китая, который занимает примерно те же самые национальные границы, что и при монголах.

В одной стране за другой местные восстания сбрасывали власть монголов, и местные элиты захватывали бразды правления. В то время как Корея, Русь и Китай возвратились во власть национальных династий, мусульманские территории испытали более сложный переход. Вместо того, чтобы возвращаться под контроль арабов, которые были торговцами, посредниками, банкирами и караванщиками, они породили новый культурный гибрид, объединивший тюркско-монгольскую систему вооруженных сил с юридическими учреждениями ислама и древними культурными традициями Персии. Восточная часть мусульманского мира получила новую культурную свободу, позволившую им оставаться мусульманами, но без доминирования арабов. Новые династии, такие как Оттоманы Турции, Сафавиды в Персии, и Могулы в Индии, которые иногда называют Пороховыми империями, полагались, прежде всего, на обширные монгольские новшества в вооружении, их военную организацию, основанную и на коннице и на вооруженной пехоте, а также на использование огнестрель-

ного оружия, чтобы бороться с чужеземными врагами и, что более важно, чтобы поддерживать внутреннюю власть над своими этнически разнородными подданными.

Несмотря на чуму и крах коммерческой системы, восстания и последующее расчленение Монгольской империи, даже мятежники, казалось, не хотели полного разрушения старой империи. Новые правители прибегали к атрибутам и иллюзиям старой системы, чтобы узаконить свое собственное владычество. Фасад Монгольской империи продолжал стоять, когда ее внутренняя структура уже разрушилась, а монголов уже и след простыл.

Династия Мин после своей чистки всего монгольского потратила множество усилий на поиски монгольской государственной печати и сохранила монгольский язык в дипломатии, чтобы не рвать с прошлым. Даже когда турки покорили Константинополь в 1453 году, китайский двор посылал письма на монгольском языке. В свою очередь, маньчжуры, которые свергли Мин в 1644 году, стратегически вступали в браки с потомками Чингисхана, чтобы узаконить свое право на императорскую власть.

В сердце Средней Азии потомки Чингисхана продолжали править в стране, известной как Могулистан. К концу четырнадцатого столетия монгольские владения в Средней Азии подпадали под власть Тимура, также известного как Тимур Хромой или Тамерлан, тюркского воина, который также не слишком обоснованно объявлял себя потомком Чингисха-

на. Он стремился восстановить Монгольскую империю и завоевал большую часть ее прежней территории от Индии до Средиземноморья. Тимур заказал много книг, которые связывали бы его с Чингисханом. Чтобы окончательно утвердить эту связь, его семья породнилась с несколькими истинными потомками Чингисхана. Несмотря на то, что Эмир Тимур стремился восстановить Монгольскую империю, он не следовал пути Чингисхана. Он убивал без причины и, казалось, находил извращенное удовольствие в пытках и унижениях пленников. Когда он захватил сельджукского султана, он заставил его смотреть на то, как его жены и дочери обнаженными прислуживали Тимуру во время обеда и, по некоторым сообщениям, удовлетворяли его сексуальные желания. Говорили, что Тимур использовал султана как животное и заставил его тянуть царскую колесницу, а затем показывал его в клетке.

Поскольку Тимур утверждал, что был монголом и законным зятем династии Чингисхана, его дела стали неразрывно переплетаться с делами настоящих монголов в умах людей. Когда Тимур устраивал публичные казни или возводил пирамиды из мертвых голов подле завоеванных городов, казалось, что следует традиции своего народа. Методы Тимура, таким образом, переносились на Чингисхана.

Потомки Тимура стали известны в истории как Могулы Индии. Бабур, основатель новой династии, был тринадцатым по поколению в роду второго сына Чингисхана, Чагатая. Империя Могулов достигла

зенита при внуке Бабуре, Акбаре, который правил с 1556 до 1608. Он унаследовал гений Чингисхана в управлении и торговле. Он отменил ненавистный налог «джизья», налог на немусульман. Акбар организовал свою конницу по традиционным десятичным принципам монголов и назначал чиновников на основании их личных качеств. Так же, как монголы превратили Китай в самый крупный центр производства и торговли своей эры, Могулы превратили Индию в самый большой в мире производственный и торговый центр. Пойдя против мусульманских и индусских традиций, он поднял в обществе статус женщин. Он поддержал универалистскую позицию в вопросах религии и пытался объединить их все в одну Божественную Веру, Дин-и-Илла, с одним Богом на Небесах и одним императором на земле.

Столь многие сильные мира сего поддерживали иллюзию Монгольской империи во всем от политики до искусства, что общественное мнение, казалось, было свято убеждено в ее существовании. Нигде эта вера не была сильнее и долговечнее, чем в Европе. В 1492 году, спустя больше ста лет со времени правления последнего хана в Китае, Христофор Колумб убедил монархов Изабеллу и Фердинанда в том, что он сможет вновь установить морской контакт и торговлю с двором Великого Хана Монголов. С падением монгольской системы коммуникации, европейцы не могли знать о падении империи и ниспровержения Великого Хана. Колумб, поэтому, настаивал, что, хотя мусульмане закрыли маршрут из Европы до Монго-

лов по суше, он сможет проплыть через Мировой Океан и прибыть на земли, описанные Марко Поло.

Колумб предпринял свое путешествие, чтобы найти монголов, взяв с собой печатную копию книги путешествий Марко Поло, в которые он кратко записывал обильные примечания и наблюдения для запланированного прибытия к их двору. Для Колумба, Марко Поло был не просто вдохновителем, но также и практическим гидом. Когда он достиг Кубы после посещения нескольких меньших островов, то полагал, что был уже на краю царства Великого Хана и скоро найдет царство китайских монголов. Колумб пребывал в убеждении, что земли хана лежат только немного дальше к северу. Так как он не нашел земли Великого Хана Монголов, он решил, что люди, которых он встретил, должны быть южными соседями монголов, и поэтому назвал коренное население обеих Америк индейцами, то есть индейцами, как их и до сих пор именуют.

Принимая во внимание, что относящиеся к эпохе Возрождения авторы и исследователи описывали Чингисхана и монголов с неприкрытой лестью, Просвещение породило антиазиатский дух, который часто сосредотачивал свой гнев именно на монголах, как символу всего злого или дефективного. Уже в 1748 году французский философ Монтескье задал тон в своем трактате «О духе законов» он обливает азиатов презрением и возлагает ответственность за большую часть их дурных качеств на монголов, которых он называет «наиболее исключительным наро-

дом на земле». Он описал их и как подлых рабов и жестоких господ. Он приписывал им все основные нападения на цивилизации от древней Греции до Персии. Он отменил всю азиатскую цивилизацию: «Там царит рабский дух, от которого они никогда не были в состоянии избавиться».

Чингисхан стал главной мишенью нападок. Вольтер приспособил монгольскую пьесу «Сирота из рода Чжао», написанную Цзи Цзюньсяном к своим личным политическим и социальным задачам. В образе Чингисхана Вольтер критиковал короля Франции, представив его невежественным и жестоким злодеем. Его пьеса «Китайский сирота» дебютировала на парижской сцене в 1755 году, в то время как Вольтер наслаждался безопасным изгнанием в Швейцарии. «Я свел мой план к великой эпохе Чингисхана, — объяснял он. — Я пытался описывать манеры татар и китайцев: самые интересные события — ничто, когда они не живописуют манеры; и эта живопись, которая является одной из самых больших тайн искусства, является не более, чем праздным развлечением, если не склонна вдохновлять понятия чести и достоинства.» Вольтер описал Чингисхана как «царя царей, огненного Чингиза, разорившего плодородные поля Азии». Он назвал его «диким, кровожадным скифом». В ревизионистской истории Вольтера, монгольские воины предстают не более, чем «дикарями, живущими в шатрах среди полей». Они «ненавидят наше искусство, обычаи и законы и желают изменить их все и разорить нашу империю, как разорили свою».

Единственное положительное качество Чингисхана в пьесе Вольтера заключается в том, что он неохотно признает моральное превосходство более образованных людей. «Чем больше я вижу, — диктует Чингисхану Вольтер, — тем сильнее восхищаюсь этим народом, превосходным как в искусствах, так и в войне; их правители превзошли всех прочих мудростью». Чингисхан заканчивает пьесу вопросом: «...чего добился я своими победами, орошенными кровью?» И сам Вольтер отвечает: «...слез, стенаний, проклятий рода людского». Этими словами Вольтер начал проклинать монголов. Скоро к нему присоединилось вся Европа Нового Времени.

Несмотря на все отрицательные черты в изображении Чингисхана, настоящей мишенью Вольтера был французский король, которого он боялся критиковать напрямую. Другие авторы быстро взяли на вооружение метод воплощения в монголах всего мирового зла, и монголы стали жертвами широкой литературной и научной кампании. Новый критический анализ косвенно проявился в работе итальянского поэта и драматурга Джованни Касти, который провел много времени при Габсбургском дворе и позже при дворе Екатерины II в России. Не желая открыто критиковать монархов, которые поддерживали его, он использовал монголов в поэме «Тартаро», а в 1778 году в опере «Кублай, Великий Хан татар», для которой музыку написал сам Антонио Сальери. Император почуял в пьесе опасные бунтарские нотки и запретил ее.

Самое пагубное объяснение азиатской неполноценности происходило не столько от европейских философов и художников, сколько от ученых, новой породы интеллигенции, порожденной Просвещением. В середине восемнадцатого столетия французский натуралист граф де Бюффон создал первую энциклопедию естествознания, в которой предложил научное описание главных человеческих групп, где монголы занимали самое важное место в Азии. Его описания походили на истеричные писания Матье Парис и Фомы из Спалато. «Губы у них большие и толстые, с поперечными трещинами. Язык длинный, толстый и очень грубый. Нос маленький. Кожа имеет грязно-желтый оттенок и несовершенна в эластичности, она кажется слишком большой для их тел». Он объявил женщин-татарок «столь же уродливыми, как мужчины». Их культура казалась ему такой же отвратительной, как их лица: «Большинство этих племен враждебны к религии, этике, и благопристойности. Они — профессиональные грабители». Переведенный с французского на все главные европейские языки, его труд стал одним из классических источников информации в течение XVIII и XIX столетий.

Европейские ученые стремились классифицировать всё, от пород собак и лошадей до видов роз и одуванчиков. Немецкий зоолог Иоганн Фридрих Блюменбах, профессор медицины в Геттингенском университете, создал зоологическую классификацию людей, основанную на сравнительной анатомии, особенно на пигментации кожи, цвете глаз и волос, типе

черепе и лицевых особенностях. Согласно его исследованию, люди разделились естественно на три первичных расы, соответствующие Африке, Азии и Европе, а также на две менее важные подкатегории — американских индейцев и малайцев. Исходя из теории монгольского происхождения всех азиатских народов, он всех их разместил под рубрикой «Монголы». Европейские ученые быстро приняли его теорию, сделав ее научным евангелием.

Категории, конечно, подразумевали эволюционное расположение различных рас, как это ясно сформулировал шотландский ученый Роберт Чамберс в 1844 году. «Ведущие черты различных рас», объясняет он, «являются просто показателями специфических стадий в развитии высшего или кавказского типа». По сравнению с белой расой монгол — «недоразвитый ребенок, едва только рожденный».

Скоро этим теоретикам стало ясно, что монголоидная раса весьма походит на азиатского орангутанга. Подобие было очевидно не только в чертах лица, но и в позах. Выходцы из Азии, как и орангутанги, сидели со свернутыми ногами в положении «Будды» или «монгола». Категория монголоидов расширилась и смогла включить всех индейцев и эскимосов, так же в нее вошли «северные китайцы, южные китайцы, жители Тибета, племенные народы южного Китая, монголы, некоторые тюрки и тунгусцы, корейцы, японцы и палеоазиатские народы».

Вскоре ученым стало очевидно, что сходство лицевых черт недоразвитых детей с монголоидными яв-

но указывает на их принадлежность к этой расе. Первая связь между отсталыми детьми и «монголоидной расой» отслеживается в 1844 году в исследовании Роберта Чамберса, который связал болезнь с кровосмешением: «Родители слишком близкие родственно могут производить потомство монгольского типа, то есть людей, которые в зрелости все еще являются своего рода детьми». В 1867 году доктор Джон Лангдон Хэйдон Даун, Главный врач сумасшедшего дома Эрлсвуд в Суррее, формализовал новую систему категорий в «Наблюдениях по поводу этнической классификации идиотов» в «Бритиш Джорнал оф Ментал Сайнс». В дополнение к кровосмешению и другим формам девиантного поведения врачи также предложили в качестве причин заболевания плохое питание, материнское беспокойство, чрезмерное использование духов, отеческий алкоголизм и оплодотворение двухголовым сперматозоидом.

Более четкое объяснение было найдено в истории. Веками племена грабителей гуннов, аваров и монголов насильствовали белых женщин. Остатки этих генов иногда прорываются в современную эпоху, когда «нормальные» европейские женщины рожают ребенка-монголоида. Сын доктора Дауна дополнил теорию отца, показав, что эти ненормальные происходят из прамонгольского этноса и должны считаться скорее «предчеловеком, а не человеком».

В популярной книге 1924 года «Монгол внутри нас» британский врач Фрэнсис Г. Крукшанк легко прыгает между монголами как расой и как умствен-

ной категорией, благодаря тому что он назвал «монгольским клеймом», куда входили маленькие мочки уха, выдающиеся задние проходы и маленькие гениталии как среди мужчин, так и среди женщин. Очевидным выводом стало то, что такие отсталые дети вообще не принадлежат к белой расе и тем более к семьям, в которых они родились. Крукшанк объяснил, что эти люди «являются расой обособленной. Они — действительно “монгольские экспатрианты”». Поскольку эти дети принадлежали к иной расе, чем родители, их следовало удалять из семей.

Отсталые дети были только частным примером распространенного явления — «атавистического монголизма (или оранжизма)». Согласно этой теории, Западные монголы несли ответственность не просто за отсталость детей, но и за большую часть преступлений и глупостей на западе Европы. Согласно этой теории евреи, в частности, более монголоидны, так как смешивались с хазарами и другими племенами степи, а затем принесли свой испорченный генетический код в Европу.

В течение девятнадцатого столетия страх Европы перед выходцами из Азии усилился. В 1894 году русский поэт Владимир Соловьев написал стихотворение, которое назвал «Панмонголизм». Угроза ценностям современной цивилизации со стороны Китая и Японии была, на его взгляд, сопоставимой эре Чингисхана, когда «он поднял от Востока народ безвестный и чужой». То же произойдет и теперь: «Готовит новые удары/Рой пробудившихся племен./От вод

малайских до Алтая/Вожди с восточных островов/У
стен поникшего Китая/Собрали тьмы своих пол-
ков./Как саранча, неисчислимы/И ненасытны, как
она,/Нездешней силою хранимы,/Идут на север пле-
мена.» И вот уже «Орел двухглавый сокрушен,/И
желтым детям на забаву/Даны клочки твоих знамен».
«Панмонголизм» — дикое для Соловьева слово.

Со времени Ренессанса и Монгольской империи
Чингисхан превратился в отщепенца истории. В его
новооткрытой колониальной державе и в его самона-
значенной миссии управления миром современная
Европа не отвела пространства для азиатских завоева-
телей. Христианские колониалисты и коммунистиче-
ские комиссары одинаково стремились спасти азиа-
тов от ужасного наследия варварской диктатуры и
кровожадной дикости, принесенной им Чингисха-
ном и его ордами монголов. Как только монголы
стали главным источником всех проблем Азии, они
помогли европейцам обосновать необходимость ее
завоевания от Японии до Индии, превратив его в
благородную миссию белого человека. Воображае-
мые ужасы Чингисхана и монголов стали частью оп-
равдания власти цивилизованных англичан, русских
и французов в колониях.

В прямой оппозиции европейским ученым и по-
литическим деятелям жертвы их идеологии, азиатская
интеллигенция и активисты нашли нового героя в
Чингисхане. Во всей Азии, от Индии до Японии, но-
вое поколение азиатов двадцатого столетия, желая ос-
вободиться от европейского колониализма, искали

утешения в образе Чингисхана и его монголов, самых великих азиатских завоевателей в истории, которые ярко опровергли все доктрины европейского превосходства.

Одним из первых переосмыслил личность Чингисхана Джавахарлал Неру, отец индийской независимости. Сидя в тюремной камере зимой 1931 года, он узнал, что британские колониальные власти только что арестовали его жену и заключили ее в другую тюрьму, и что согласно газетам, с нею плохо обращались. Понимая, что их тринадцатилетняя дочь Индира, которая впоследствии стала премьер-министром Индии, будет одинока и напугана, Неру начал писать ей длинные письма, чтобы преподать ей историю как противоядие к тому, что она выучила в колониальных школах. Следующие три года он писал такие письма на четыре-пять страниц почти ежедневно; в них, он делал попытку понять место Индии и всего континента Азии в мировой истории. Это был его путь к «мечте о прошлом, и поиск нашего способа сделать будущее большим, чем прошлое». Он написал ей в первом письме: «Будет глупо не признавать величия Европы. Но было бы так же глупо забыть величие Азии».

Одна из его интеллектуальных задач заключалась в том, чтобы понять историческую роль Чингисхана, которого Запад использовал в качестве страшилки. Неру изображает путь Чингисхана как часть древней борьбы азиатских людей против европейского господства. В связи с монгольским нашествием он пи-

шет: «Можно хорошо вообразить, как были изумлены жители евразийского мира при этом вулканическом извержении. Нашествие походило больше на стихийное бедствие, такое как землетрясение, перед которым человек бессилён. Сильные мужчины и женщины они были, эти кочевники из Монголии, привыкшие к тяготам, живущие в палатках в широкой степи северной Азии. Но их сила и твердость не помогли бы им, если бы они не получили предводителя, который был самым замечательным человеком из всех». Неру тогда описал Чингисхана как «осторожного и разумного человека средних лет, склонного тщательно обдумывать любое крупное свое начинание прежде, чем взяться за него».

Неру понял, что, хотя монголы и не жили в городах, они создали замечательную цивилизацию. «Они не знали, конечно, многих из городских искусств, но они развили образ жизни, подходящий для их мира, и они создали сложную организацию». Неру признал, что, хотя они были маленьким народом, они «одержали большие победы на полях сражений» благодаря «их дисциплине и организации. И прежде всего это происходило из-за блестящего руководства Чингиза». Повторяя описание Чосера, Неру заключил, что «Чингиз, без сомнения, самый большой военный гений и лидер в истории». «Александр и Цезарь кажутся мелкими по сравнению с ним». И все же, несмотря на все военное мастерство, он хотел дружественные отношения с миром: «Его воля должна была объединить цивилизацию с кочевой жизнью».

Но это было и остается невозможным». Монгольский хан верил в «неизменный закон навсегда и для всех, и никто не мог не повиноваться ему. Даже император был подчинен закону». Неру добавляет: «Я привел тут больше деталей и информации о Хане Чингизе, чем, наверное, было необходимо. Но этот человек просто очаровывает меня».

Поскольку страх Запада перед Желтой Угрозой рос, азиаты все более близко рассматривали понятие панмонголизма, как путь к созданию общей идентичности для себя. Если бы они могли все объединиться так же, как и во времена монголов, им было бы легче отразить натиск западных наций. Во Внутренней Монголии этот новый дух привел к временному созданию календаря, который брал за первый год — 1206, год создания монгольской нации Чингисханом. По новому календарю монголов 1937 стал Годом Чингисхана 731.

Особенно популярен панмонголизм оказался в Японии, которая все более и более видела себя лидером всей Азии. В схватке за лидерство образ Чингисхана стал ценным призом. Тот кто смог бы утвердить свою власть над его останками, захоронением или его родиной, мог бы уверенно претендовать и на власть на территории его империи. Некоторые японские ученые распространяли историю о том, что Чингисхан фактически был воином-самураем, который сбежал из Японии после борьбы за власть и нашел убежище среди кочевников степи, которых он тогда вовлек в завоевание мира.

В годы предшествующие Второй мировой войне Чингисхан опять стал важен, но уже не только как тема для пропаганды, но и в смысле практического военного дела. Советы, японцы и немцы бросились расшифровывать и переводить недавно найденное «Сокровенное сказание монголов» в надежде, что она могла бы предоставить полезный ключ к пониманию тактики монгольских войск, которая позволила им победить Китай и Русь.

Развитие оружия в XX в. позволило объединить в одно подразделение конницу и артиллерию, что стало практически полезным впервые со времен монгольских конных лучников. Военные умы всех стран оглядывались на монгольский опыт ведения войны. Немцы приняли на вооружение монгольскую стратегию блицкрига, который не позволял защитникам опомниться.

Они даже стали переводить «Сокровенное сказание» на немецкий. Эрих Хениш, профессор социологии в университете Фридриха-Вильгельма в Берлине, подготовил немецкий перевод. Хениш съездил в Монголию, чтобы отыскать оригинальную монгольскую версию «Сказания», но не смог найти ее. Он сумел сделать перевод и словарь на основе китайской версии текста. Военные издержки затруднили публикацию работы и задержали ее выход до 1941, когда маленький выпуск был напечатан; но даже тогда, трудности в транспортировке задержали распределение экземпляров.

Коробки книг оставались в Лейпциге до 1943, ко-

гда они сгорели во время налета Союзников. Сокровенные тайны не открылись нацистам.

В СССР тоже активно исследовали историю монголов. Благодаря навязчивому стремлению Сталина понять двух азиатских завоевателей, Чингисхана и Тимура, тело последнего было эксгумировано, а также он послал несколько неудачных военных экспедиций в область горы Бурхан Халдун, чтобы найти и тело Чингисхана. Другие ученые занялись переводами и некоторыми весьма необычными интерпретациями монгольской истории, вроде угла освещения и силы солнечного излучения на территории Монголии. В этой смеси абсурдного и серьезного Советы следовали собственному пониманию монгольской стратегии во Второй мировой войне. В крупномасштабной адаптации излюбленной тактики Субэдея Советы смогли заманить немцев глубоко на территорию России, а когда они оказались безнадежно растянуты по большой площади, русские начали контратаковать и разбивали их части одну за другой.

Фактически незамеченный в бурном 1944 году в Кабуле после четверти века изгнания умер последний эмир Бухары Саид Алим Хан. Эмир, претендовавший на родство с кланом Джучи и Золотой Ордой, пережил другие ветви семьи. В 1857 году британская армия лишила власти последнего императора Могула в Индии, Багадур-шаха II, а в следующем году сослали его в Бирму, чтобы присвоить его титул королеве Виктории, которая стала императрицей Индии в 1877 г.

Когда Хан Алим династии Мангит стал эмиром

Бухары в 1910 году, русские управляли его родиной уже два поколения, так что он был скорее марионеткой, чем верным сыном своих вольных предков. Спустя семьсот тридцать один год после того, как первый племенной курултай собрался на берегу Голубого озера в 1189 году, собралась весьма иная по составу группа состоящая из делегатов Коммунистической партии Бухары, но тоже называющая себя курултай. Они собрались, чтобы отстранить от власти последнего потомка Чингисхана.

В последние дни августа он сбежал из Бухары, и после неудачной попытки организовать сопротивление из Таджикистана нашел убежище под британской защитой в Афганистане, где и жил до конца жизни. Поскольку эмир бежал, большевистские силы под командой Михаила Васильевича Фрунзе напали на цитадель в Бухаре, ту же самую крепость, которую семью столетиями ранее штурмовал сам Чингисхан. 2 сентября 1920 года Фрунзе сообщил Ленину, что «крепость старой Бухары была взята сегодня после мощного штурма». Он добавил, что «тирания и угнетение были побеждены, красный флаг революции теперь развивается над Регистаном».

В течение большей части XX в. Россия и Китай поддерживали договор, делящий родину Чингисхана между ними: Китай занимал Внутреннюю Монголию и часть страны к югу от Гоби, а СССР — Внешнюю Монголию, к северу от Гоби. Советы превратили Монголию в буферную зону между собой и китайцами. Советы произвели чистку известных потомков

Чингисхана в Монголии. Целые семьи уводили в густой лес, чтобы там расстрелять и похоронить в безымянных братских могилах, или отправляли в ГУЛАГ в Сибири, где они работали до смерти, или просто таинственно и бесследно исчезали.

В апреле 1964 года газета «Правда» выпустила строгое предупреждение против попыток «возвести кровожадного дикаря Чингисхана на пьедестал прогрессивного развития общества». Китайские коммунисты противостояли советским нападкам, утверждая, что русские должны быть скорее благодарны монголам, поскольку их «иго» позволило России ознакомиться «с более высокой культурой». Но как бы ни были монголы оскорблены русскими нападками на своего величайшего национального героя, они почему-то оставались отчаянно верны русским.

Следующая волна гонений уничтожила целое поколение монгольских историков, лингвистов, археологов и других ученых, которые работали над темами, как-то связанными с Чингисханом и Монгольской империей. Примерно в 60-х годах, спустя 800 лет после рождения Чингисхана, его сульдэ, Духовное Знамя, исчезло из хранилища, где его держали коммунисты. С тех пор о сульдэ Чингисхана нет никаких сведений. Многие ученые полагают, что власти уничтожили знамя в последнем акте ненависти к его душе. Другие еще надеются, что сульдэ просто лежит на каком-нибудь пыльном чердаке или в подвале, и однажды появится, чтобы снова вести монголов к светлomu будущему.

Эпилог

ВЕЧНЫЙ ДУХ ЧИНГИСХАНА

Наша ли вина в том, что мы забыли
свою историю?

Д. Джаргалсайхан

Империя Чингисхана была последней великой племенной империей в мировой истории. Он был наследником десяти тысяч лет войны между кочевыми племенами и цивилизованным миром, древней борьбы охотника и пастуха против земледельца. Это была история такая же старая, как история бедуинских племен, которые следовали за Мухаммадом, чтобы ниспровергнуть языческое идолопоклонство в городах, римских кампаний против гуннов, греческих — против кочевых скифов, горожан Египта и Персии — против иудейских пастухов, и, в конечном счете — история землепашца Каина, убившего своего брата, животновода Авеля.

Противостояние между кочевыми и городскими культурами не закончилось Чингисханом, но оно уже

никогда не достигнет такой напряженности. Цивилизация вынесла кочевников на задворки мира. Такие вожди как Сидящий Бык и Неистовый Конь из племени сиу, Красный Орел из племени маскоги, Текумсах из племени шони и Шака Зулу из Южной Африки, отважно, но безуспешно продолжали борьбу Чингисхана в последующие столетия. Не зная ничего о монголах или Чингисхане, они оказались втянуты в ту же войну и вели ее в Африке и обеих Америках, но история прошла мимо них. В конце концов, оседлая цивилизация выиграла длинную мировую войну; будущее принадлежало цивилизованным детям Каина, которые вечно вторгались в открытые всем ветрам земли кочевых племен.

Хотя он и был порождением древнего племенного прошлого, Чингисхан сформировал современный мир торговли, коммуникации и больших светских государств больше чем любой другой человек. Он был полностью современным человеком в своей мобилизованной и профессиональной войне и в своей верности ценностям всемирной торговли и верховенству светского права и международного законодательства.

То, что началось как война между кочевником и крестьянином, закончилось как объединение монгольской культуры. Его видение взросло вместе с ним и обогащалось его многообразным опытом.

Он трудился не покладая рук, чтобы создать что-то новое и лучшее для своего народа. Армии монголов уничтожили уникальность цивилизаций вокруг

себя, разрушая защитные стены, которые изолировали одну цивилизацию от другого и связывая все культуры воедино.

Великие деятели истории не уместаются в тесный книжный переплет, их не запихнешь в кляссер для марок. Их действия не столь регулярны и предсказуемы как прибытие пригородных поездов. Большие исторические события, особенно те, которые прорываются внезапно и яростно, растут медленно, и, однажды начавшись, долго не заканчиваются. Их последствия переживают их на века. Как колокол, который продолжает покачиваться, хотя уже давным-давно не звонит, Чингисхана уже давно умер, но дело его живет в нашем времени.

В апреле 2000 года я шел по пути, который Тэмуджин и его семья, вероятно, избрали восьмью столетиями ранее, когда бежали от меркитов после похищения Бортэ. Обнаружив вероятное место нападения на лагерь Тэмуджина, направление, откуда прибыли меркиты и путь отступления группы, мы отправились в путь к горам. Местные мальчишки-пастухи сами в том же возрасте, что и те, чей путь мы теперь повторяем. Они так же искусны в обращении с лошадьми, как и их древние пращурсы, и одеты в традиционный монгольский дэл, затянутый ярким поясом золотого шелка. За исключением случайной бейсболки, темных очков или джинсов, их одежда точно такая же, как и у Тэмуджина.

Наши девять лошадей, как те, что несли семью Оэлун, были меринами, а описания лошадей в «Со-

кровенном сказании» настолько точны, что мы могли бы легко подобрать таких же по возрасту, масти и другими особенностям. Вместо этого мы просто поехали на конях, которых старый и пьяный пастух назвал самыми подходящими для нашей задачи. Мы не должны были искать маршрут, поскольку просто следовали интуиции кочевников. Они всегда знали точно, как лошадь и наездник доберутся отсюда дотуда. Они знали, где лед был слишком тонок, чтобы пересечь реку, где снег был слишком глубоок, и где норы сурков могла бы повредить коньям.

Ветер танцевал танец снега вокруг копыт лошади, поскольку мы медленно поднимались по скалистому склону Бурхан Хаддун, самой священной горы в Монголии. Лошадь нервно фыркала. Ее голова дергалась. От напряжения долгого подъема на такую высоту ее сердце стучало так громко, что чувствовал его ногами.

Когда мы остановились в ярком совершенно прозрачном свете, мы полностью обзрели горизонт во всех направлениях — поверх вершин холмов, гряд камней, вьющихся рек и замерзших озер.

Каждый раз по окончании похода Чингисхан возвращался сюда, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Он изменил мир, но не позволил ничему измениться на земле его рождения. В наши дни, ястребы так же взмывают в небо весной, а насекомые так же поют летом, как и в его годы. Кочевники переходят в холмы осенью, и волки бродят зимой. Когда я закрываю глаза, я все еще могу услышать отдален-

ный топот копыт его лошади, которая скачет к Китаю, Европе и Индии.

Покинув заснеженные горы и вернувшись к нашим джипам, мы решили возвратиться к месту начала нашей экспедиции, туда, где меркиты похитили Бортэ. Степь раскинулась во все стороны до горизонта, неискаженная зданиями, дорогами, заборами, электрическими проводами или другими уродствами современного мира. Когда я вновь приезжал туда, я учился определять землю по цвету времени года, как это делают монголы. Краткое зеленое лето созывало множество птиц; желтая осень отправляла лошадей в гон. Белая зима нашла бы верблюдов, блуждающих медленно вверх и вниз по замороженной реке в поисках участков сухой травы, а коричневая весна даст только время ожидания новой травы для животных и людей, которые живут за счет нее. Изолированный, отдаленный и неизменный в течение веков, этот край — тот, где Тэмуджин стал мужчиной и превратил монголов из племени в нацию.

Вернувшись к ветреному месту, где как мы думали, произошло похищение, наша группа притихла на яростном ветру, который бесновался вокруг нас. Мы выполнили свою миссию и возвратились обратно с новым чувством изумления от того, что случилось здесь. Череда многих старых мест разбивки лагеря была ясно отмечена большими камнями, которые использовались, чтобы привязывать гэры на жестоких ветрах. Теперь монгольские стойбища холодны и пусты. И все же казалось, что если бы я только разво-

рошил пыль, то почувствовал бы теплоту тлеющего пепла, оставшегося от последнего походного костра. Камни, кажется, оставлены весьма небрежно, как если бы в любое время владелец мог возвратиться, взять их, и еще раз разбить зимний лагерь для его яков и овец или возвести имперскую столицу мира — то, что было бы необходимо именно в это время.

Один за другим, члены группы ушли, чтобы собрать несколько камней и сложили их на этом месте, так кочевники отмечают важные для них места в течение тысяч лет. Старший всадник, местный предводитель, собрал несколько кизяков, сложил их перед камнями, и, пока другие сдерживали ветер, распахнув полы своих дэлов, разжег костер почти так же как это делает мать рода прежде, чем семья устанавливает свой гэр вокруг него.

Как только огонь разгорелся, профессор. О. Сухбатор бросил в огонь несколько кусков кедрового ладана. Запах произвел на нас успокоительный эффект. Дым, доносящийся от ладана и кизяков, подтверждал успех и заключение этой фазы в наших поисках. Мужчины приободрились и затянули пояса. Каждая культура имеет свой надлежащий способ одеваться. Для монголов три нагрудных пуговицы должны были быть надежно закреплены, воротник — стоять стоймя, а рукава дэла — покрывать часть ладони.

Когда мы впервые нашли это место, местные пастухи попросили, чтобы профессор Сухбатор установил на нем камень, чтобы каждый знал, что тут случилось. Леди, которая жила поблизости объяснила,

что раз уж это знание было так долго под запретом, пусть теперь их дети это знают. Следовало выбить надпись на камне. Все пастухи уважали пожилого профессора. Они знали его еще со времен чистки ученых, когда один, с большим риском для жизни, он отправлялся в свои походы более чем на миллион километров, прослеживая маршрут Чингисхана и полагаясь на гостеприимство пастухов во время пути.

Теперь профессор Сухбатор согласился выполнить их просьбу и установить камень, чтобы ознаменовать похищение Бортэ у Тэмуджина. Было быстро решено, что он напишет текст, профессор Т. Джамьянсурен написал бы каллиграфию старомонгольским шрифтом, а студенты найдут камень и выбьют на нем надпись. Тогда он послал студента за своим затасканным альманахом. Профессор Сухбатор смотрел искоса через свои запачканные очки на длинные ряды диаграмм и чисел. Он делал примечания коротким карандашом на маленьком кусочке бумаги, выполнил некоторые быстрые вычисления, и нашел еще какие-то диаграммы в альманахе. Затем он объявил самый благоприятный день для установки камня.

Когда эта часть дела была закончена, профессор Лхагвасурен вытянул бутылку водки из недр своего дэла, брызнул ею на камни и воздух и прикоснулся ко лбу. Так или иначе каждый из нас причастился той древней истории, которую мы все исследовали. Лхагвасурен путешествовал по этой области много раз со своим учителем и наставником, археологом Пэрлээ, а когда власти бросили Пэрлээ в тюрьму, они также

арестовали отца Лхагвасурена за национализм. Они послали его мачеху в ссылку, и как дети политических заключенных Лхагвасурена и его младших родных братьев выставили на улицы Улан-Батора. За месяцы до того, как власти приехали за ним, чтобы доставить его в тюрьму для несовершеннолетних, он успел сложить достаточно грязи в кучу поверх небольшого навеса за городом, чтобы он мог служить домом для его братьев в течение зимы. Он провел юность в тюрьме, а затем на срочной службе на далекой границе, но затем он вернулся и продолжил работу своего учителя.

Для каждого человека — пастуха или ученого — история вокруг нас не была ни абстрактна, ни отдаленна; история монголов текла через их жизни так резко, как будто все события случились только на прошлой неделе. Для меня, поиски в Монголии и путешествие назад во времени начались с искреннего любопытства, которое развилось в интеллектуальные и академические поиски, но для моих коллег-монголов каждый шаг в нашем поиске становился намного более личным и намного более эмоциональным. Каждый день мы все лучше понимали трудности и героизм их предков, мы скользили все дальше назад во время. Место, на котором мы стояли было не просто неким историческим памятником, — именно здесь на мать монгольской нации напали, похитили и изнасиловали. Юный Тэмуджин рисковал всем, включая свою молодую жизнь, чтобы вернуть ее. Он спас ее, и провел остаток жизни в борьбе, чтобы защитить сво-

их родных и близких от нападения, он был готов на все ради их безопасности, даже если это значило, что ему придется всю жизнь самому нападать на чужеземцев. В процессе, он изменил мир и создал нацию.

Все они становились на колени перед маленькой грудой фимиама и кизяка, всхлипывали и утирали скупые слезы. В золотом, но смутном свете сумерек восемь столетий истаяли, и боль того ужасного расцвета плыла в дыму вокруг нас. Когда ладан догорел, каждый отдельно подошел к камню, чтобы почтить это место. Они снимали шапки, становились на колени перед камнями, касались их головой, а затем вставал и три раза медленно обходил груды камней, брызгая в воздух водкой.

Каждый достал какое-то маленькое личное подношение, чтобы оставить его на камнях — кусочек сахара, несколько спичек, леденец, обернутый в мятую бумагу, несколько листьев чая. Казалось, они хотят проникнуть в глубь веков, чтобы передать эти крошечные частицы любви и тепла напуганной и одинокой Бортэ, которую ее похитители бросили на коня и мчали по степи к неведомому будущему. Казалось, все мои молчаливые спутники хотели сказать ей, своей прамати, что все будет в порядке, что она и они, ее дети, будут жить еще восемь веков. В конце концов, они — все еще дети Золотого Света, потомки волка и лани, а в тонких облаках Вечно Синего Неба Монголии, Духовное Знамя Чингисхана все еще вьется и вьется на вольном ветру.

ГЛОССАРИЙ

Аварга — первая столица Монгольской империи, основанная на месте базового лагеря Чингисхана на соединении рек Керулен и Ценкер.

Анда — названные братья. Андами были Тэмуджин и Джамуха, а также Есугей и Тогорил-хан.

Арак — алкогольный напиток из перебродившего конского молока.

Арик-Буга — младший сын Тулуя, которого победил в борьбе за титул Великого Хана его брат Хубилай. Родился приблизительно в 1217; умер в 1264.

Балджуна, озеро — место, где была дана Балджунская клятва или завет. Возможно, это была река.

Бату, Батый — сын Джучи, хан над Русью с 1227 по 1255 гг.

Бегтэр — сводный брат Тэмуджина, который его и убил. Сын Есугея от Сочигел.

Белугтей — сводный брат Тэмуджина, оставался предан ему на протяжении всей своей долгой жизни. Умер в 1255.

Беркэ — сын Джучи, стал ханом на Руси после смерти своего брата Бату. Правил с 1257 по 1267. Воевал со своими родичами в Ильханате и отказывался признавать Хубилая Великим Ханом.

Боорчу — один из самых давних спутников Тэмуджина, впоследствии военачальник монгольской армии.

Бориджин — клановое имя Чингисхана.

Бортэ — первая и любимая жена Тэмуджина. Годы жизни 1160-1222.

Бурхан Халдун — «Бог-Гора» расположенная в Хэнтэйском хребте.

Гур-хан — древний титул, означает «Верховный хан».

Гучлуг — сын Таян-хана из найманов, позднее правитель царства Черных киданей.

Гуюк — Великий хан Монгольской империи (1246-1248); сын Угедея.

Гэр — монгольская походная юрта. Изготавливается из войлочных одеял натянутых на деревянную основу.

Джадаран — лкан ведущий свое происхождение от первого сына Бодончара. (Клан Бориджин ведет свою родословную от его последнего сына).

Джамуха — анда Чингисхана, на короткое время Гурхан Монголии, впоследствии казнен Чингисханом.

Джуркины — клан, близкий по родству семье Чингисхана.

Джучи — старший сын Чингисхана и Бортэ. Его происхождение оспаривалось его братьями. Умер в один год с отцом (1227). Его потомки стали ханами Золотой Орды на Руси.

Дзанабадзар — буддийский лама, потомок Чингисхана и основатель монастыря Шанх.

Дэл — традиционная монгольская одежда, напоминающая халат.

Еке Монгол Улус — великий монгольский народ.

Еке Хатун — Великая императрица.

Есуген и Есуй — сестры-татарки, которых взял в жены Чингисхан.

Их-хориг — «Великий запрет», название местности вокруг тайного места захоронения Чингисхана.

Каракорум — вторая столица Монгольской империи (с 1235 по 1260). Был построен Угедеем на реке Орхон в центральной Монголии, на землях ранее принадлежавших Онхану.

Кераиты — племя или союз племен в центральной Монголии, на обширных пастбищах рек Орхон и Туул. Правителем кераитов был Он-хан Тогорил.

Керулен, река — одна из трех рек, берущих начало у горы Бурхан Халдун.

Кидани — племя родственное монголам. Правили в северной Китае как династия Ляо (907-1125), затем их покорили чжурчжени. Монголы называли этим именем всех северных китайцев.

Кипчаки — тюркские племена в южной Руси.

Курултай — монгольское народное вече или собрание, призванное утверждать правителей или выносить важные стратегические решения.

Меркиты — племя, жившее по берегам реки Селенгэ, на современной границе Монголии и Сибири.

Морин хуур — скрипка из конского черепа.

Мункэ-хан — старший сын Тулуя, Великий Хан с 1251 по 1259.

Наадам — празднество с пирами и играми.

Найманы — племя в западной Монголии, которым правил Таян-хан. В 1205 покорено Чингисханом.

Огул Гаймыш — жена Гуюка, став вдовой пыталась регентствовать в Монгольской империи, но была побеждена Соркоктани и ее сыновьями.

Онон, река — одна из трех рек, берущих начало у священной горы Бурхан Халдун. На ее берегах прошло детство Чингисхана.

Он-хан — правитель племени кераитов. Известен также как Тогорил или Ван-хан. Поскольку его племя и сам он приняли христианство, европейцы часто отождествляли его с легендарным Пресвитером Иоанном.

Орда — ханский двор. В тюркском звучании «орду» трансформировалось в название языка урду, военное наречие, ставшее официальным языком в Пакистане.

Ортоо — монгольская почтовая система; также известна как «ям».

Отчигин — самый младший сын в семье; Князь Домашнего Очага.

Оэлун — мать Чингисхана.

Соркокхани — жена Тулуя, мать Мункэ, Хубилая, Хулагу и Арик-Буги. Она оттеснила от власти род Удегея в 1251 и передала контроль над Монгольской империей своим сыновьям. Вскоре после этого она умерла.

Сочигел — мать Бегтэра и Белгутея. Их отцом был Есугей, за которым она могла быть, а могла и не быть замужем. Ее имя не упоминается в «Сокровенном сказании».

Сульде — знамя; душа; дух.

Таджиуты — близкие родичи семьи Тэмуджина, бросившие ее на произвол судьбы после смерти Есугея.

Тангуты — племенная династия царства Ся-Ся в верховьях Желтой реки, включая Ордос под властью Бурхан Хана, которого монголы убили в 1227.

Таян-хан — правитель найманов в западной Монголии.

Темуге — младший брат (Князь Домашнего Очага) Чингисхана.

Тулуй — младший сын Чингисхана (1193-1233). Женился на Соркокхани, которая сумела прибрать к рукам власть в империи после его смерти.

Тумен — военное подразделение в десять тысяч воинов.

Туракина — жена Хана Угедея, регент Монгольской империи в 1241-1246.

Тэб Тэнгери — шаман, вызвавший раскол в семье Чингисхана. Был убит Темуге, младшим братом Чингисхана.

Тэмуджин — первое имя Чингисхана.

Тэмуджин Уге — татарский воин, которого убил Есугей. Затем он дал это имя своему сыну.

Тэмулун — младшая и единственная сестра Чингисхана.

Удегей — третий сын Чингисхана и Бортэ, Великий Хан Монгольской империи с 1229 по 1241.

Уйгуры — тюркский народ живущий в западном Китае, первый народ, который добровольно покорился монголам.

Хайду — внук Туракины и Удегея (1236-1301); хан правивший большей частью Средней Азии и соперник Хубилая.

Хан — вождь или царь. Степные титулы очень запутанны. Кроме слова «хан», которое присутствует почти в каждом, монголы также использовали для обозначения императора в роду Чингисхана слово хаан (хаган, каган или ка'ан). В этой книге с именами используется только термин «хан», а для обозначения верховного правителя — титул «Великий Хан».

Ханбалык — монгольская столица построенная Хубилаем, современный Пекин. В монгольскую эпоху был известен также как Даду, ранее служил столицей чжурчженям и назывался Чжунду.

Хасар — младший брат Чингисхана; прекрасный борец и стрелок.

Хатун — монгольская царица.

Ходос Арал — название местности вокруг Аварги.

Хуби — доля в добыче на охоте или на войне.

Хубилай-хан — внук Чингисхана (1215-1294); присвоил себе титул Великого Хана и основал в Китае династию Юань.

Хулагу — покоритель Багдада, основатель персидского Ильханата. Умер в 1265.

Чагатай — второй сын Чингисхана от Бортэ (1183-1242); его потомки правили большей частью Средней Азии, а затем дали начало индийской династии Могулов.

Чжурчжени — маньчжурские племена, правившие северным Китаем. Известны также как династия Цзинь, 1115-1234.

Чиледу – меркитский воин, первый муж Оэлун до ее похищения Есугеем.

Чингисхан – титул присвоенный Тэмуджину в 1206 году, хотя, вероятно, он уже использовал его в 1189, когда впервые стал ханом.

Шанх – монастырь Буддийский монастырь основанный Дзанабадзаром как хранилище для черного сульде Чингисхана.

Шиги-Хутуху – татарский мальчик, которого вырастила Оэлун (1180-1262). Верховный судья Монгольской империи и, вероятно, автор «Сокровенного сказания монголов».

БИБЛИОГРАФИЯ

Abu-Lughod, Janet L. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250-1350*. New York: Oxford University Press, 1989.

Achenbacher, Joel. «The Era of His Ways: In Which We Chose the Most Important Man of the Last Thousand Years.» *Washington Post*, December 31, 1989.

al-Din, Rashid. *The Successors of Genghis Khan*. Trans. John Andrew Boyle. New York: Columbia University Press, 1971.

Allsen, Thomas T. *Mongol Imperialism: The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251-1259*. Berkeley: University of California Press, 1987.

—. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: A Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1997.

—. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2001.

Amitai-Preiss, Reuven. *Mongols and Mamluks*, Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1995.

Amitai-Preiss, Reuven, and David O. Morgan, eds. *The Mongol Empire and Its Legacy*. Leiden: Koninklijke Brill NV, 1999.

Arnold, Lauren. *Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250-1350*. San Francisco: Desiderata Press, 1999.

Atwell, William. «Volcanism and Short-Term Climatic Change in East Asia and World History, c 1200-1699.» *Journal of World History* 12, no. 1 (Spring, 2001).

Bacon, Francis. *Novum Organum*. Vol. 3, *The Works of Francis Bacon*. Ed. and trans. Basil Montague. 1620. Reprint, Philadelphia: Parry & MacMillan, 1854.

- Bacon, Roger. *Opus Majus*. 2 vols. Trans. Robert Belle Burke. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1928.
- Barfield, Thomas J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C. to a.d. 1757*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1992.
- . *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1993.
- Barthold. V. V. «The Burial Rites of the Turks and the Mongols.» Trans. J. M. Rogers. *Central Asiatic Journal* 14 (1970).
- Bawden, Charles R. *The Mongol Chronicle Altan Tobchi*. Weisbaden: Gottinger Asiatische Forschungen, 1955.
- Bazargiir, D., and D. Enkhbayar. *Chinggis Khaan Historic-Geographic Atlas*. Ulaanbaatar: TTS, 1997.
- Becker, Jasper. *The Lost Country: Mongolia Revealed*. London: Hodder & Stoughton, 1992.
- Beckingham, Charles F., and Bernard Hamilton, eds. *Presterjohn, the Mongols, and the Ten Lost Tribes*. Aldershot, U.K.: Variorum, 1996.
- Berger, Patricia, and Terese Tse Bartholomew. *Mongolia: The Legacy of Genghis Khan*. London: Thames & Hudson, 1995.
- Biran, Michal. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, U.K.: Curzon, 1997.
- Blake, Robert P., and Richard N. Frye. «History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc." *Harvard Journal of Asiatic Studies* 12 (December 1949).
- Boinheshig, *Mongolian Folk Design*. Beijing: Inner Mongolian Cultural Publishing House, 1991.
- Bold, Bat-Ochir. *Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia* New York: St. Martin's Press, 2001.
- Boldbaatar, J. *Chinggis Khaan*. Ulaanbaatar: Khaadin san, 1999.
- Bretschneider, E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*. Vol. 1. New York: Barnes & Noble, 1967.

Browne, Edward. G. *The Literary History of Persia*. Vol. 2. Bethesda, Md.: Iranbooks, 1997.

Budge, E. A. Wallis. *The Monks of Kublai Khan, Emperor of China; or, The History of the Life and Travels of Rabban Swama, Envoy and Plenipotentiary of the Mongol Khans to the Kings of Europe, and Markos Who as Mar Yabballaha III Became Patriarch of the Nestorian Church in Asia*. London: Religious Tract Society, 1928. —. *The Commentary of Gregory Abu'l Faraj, Commonly Known as Bar Hebraeus*. London: Oxford University Press, 1932.

Buell, Paul D. *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. Lanham, Md.: Scarecrow, 2003.

Buell, Paul D., and Eugene N. Anderson. *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-Hui's Yin-Shan Chang-Yao*. London: Kegan Paul, 2000.

Buffon, George Louis Leclerc. *Buffon's Natural History*. Vol. 1. London: Bishop Watson, J. Johnson, et al, 1792.

Bulag, Uradyn E. *Nationality and Hybridity in Mongolia*. Oxford, U.K.: Clarendon Press, 1998.

—. *The Mongols at China's Edge*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2002.

Carpini, Friar Giovanni DiPlano. *The Story of the Mongols Whom We Call the Tartars*. Trans. Erik Hildinger. Boston: Branding Publishing, 1996.

Chambers, James. *Genghis Khan*. London: Sutton Publishing, 1999.

Chan, Hok-Lam. *China and the Mongols*. Aldershot, U.K.: Ashgate, 1999.

Chan, Hok-Lam, and William Theodore de Bary, eds. *Yuan Thought: Chinese Thought and Religion Under the Mongols*. New York: Columbia University Press, 1982.

Ch'en, Paul Heng-chao. *Chinese Legal Tradition Under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979.

Christian, David. «Silk Roads or Steppe Roads?» *Journal of World History* 11, no. 1, (Spring 2000).

—. *A History of Russia, Central Asia, and Mongolia*. Vol. 1, *Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire*. Maiden, Mass.: Blackwell, 1998. *The Chronicle of Novgorod: 1016-1471*. Trans. Robert Michel and Nevill Forbes. Camden 3rd Series, vol. 25. London: Offices of the Society, 1914.

Cleaves, Francis Woodman. «The Historicity of the Baljuna Covenant.» *Harvard Journal of Asiatic Studies* 18, nos. 3-4 (December 1955).

—. trans. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

Conermann, Stephan, and Jan Kusber. *Die Mongolen in Asien und Europa*. Frankfurt: Peter Land GmbH, 1997.

Cook, Theodore E, Jr. «Mongol Invasion.» *Quarterly Journal of Military History* (Winter 1999).

Crookshank, Francis G. *The Mongol in Our Midst: A Study of Man and His Three Faces*. New York: Dutton, 1924.

Curtin, Jeremiah. *The Mongols: A History*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1907.

Dardess, John W. *Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China*. New York: Columbia University Press, 1973.

—. «Shun-ti and the End of Yuan rule in China.» In *The Cambridge History of China*, vol. 6, *Alien Regimes and Border States, 907-1368*, ed. Herbert Franke and Denis Twitchett. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1994.

Dawson, Christopher, ed. *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York: Sheed&Ward, 1955.

DeFrancis, John. *In the Footsteps of Genghis Khan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993. de Hartog, Leo. *Russia and the Mongol Yoke*. London: British Academic Press, 1996.

— . *Genghis Khan: Conqueror of the World*. New York: Barnes & Noble, 1999.

Delgado, James P. «Relics of the Kamikaze.» *Archaeology* (January 2003).

D'Encausse, Helene Carrere. *Islam and the Russian Revolution: Reform and Revolution in Central Asia*. Trans. Quintin Hjoare. Berkeley: University of California Press, 1988.

Di Cosmo, Nicola. «State Formation and Periodization in Inner Asian History.» *Journal of World History* 10, no. 1 (Spring, 1999).

DiMarco, Vincent J. «The Historical Basis of Chaucer's Squire's Tale.» *Edebiyat*, vol. 1, no. 2 (1989), pp. 1-22.

Dlugosz, Jan. *The Annals of Jan Dlugosz*. Trans. Maurice Michael, Chichester, U.K.: IM Publications, 1997.

Dols, Michael W. *The Black Death in the Middle East*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.

Dunn, Ross E. *The Adventures of Ibn Battuta*. Berkeley: University of California Press, 1989.

Elias, N., and E. Denison Ross. *A History of the Moghuls of Central Asia: Being the Tarikhi-I-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughltd*. London: Curzon Press, 1895.

Elverskog, Johan. «Superscribing the Hegemonic Image of Chinggis Khan in the *Erdeni Tunumal Sudur*." In *Return to the Silk Routes*, ed. Mirja Juntunen and Birgit N. Schlyter. London: Kegan Paul, 1999.

Endicott-West, Elizabeth. «Imperial Governance in Yuan Times.» *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46 (1986).

— . *Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.

Fernandez-Gimenez, Maria E. «Sustaining the Steppes.» *Geographic Review* 89, no. 3 (July 1999).

Fletcher, Joseph F. «The Mongols: Ecological and Social Perspectives.» *Harvard Journal of Asiatic Studies* 461 (June 1986).

Frank, Andre Gunder. *The Centrality of Central Asia*. Amsterdam: VU University Press, 1992.

— . *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: of University of California Press, 1998.

Franke, Herbert. «Sino-Western Contacts Under the Mongol Empire.» *Journal of the Royal Asiatic Society* (Hong Kong Branch) 6 (1966). — . *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimization of the Yuan Dynasty*. Miinchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Vol. 2, 1978.

— . *China Under Mongol Rule*. Brookfield, V: Ashgate, 1984. «The Exploration of the Yellow River Sources Under Emperor Qubilai in 1281.» In *Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata*, ed. G. Gnoli and L. Lanciotti. Rome: Istituto italiano per il medio ed estermo oriente, 1985.

Franke, Herbert, and Denis Twitchett, eds. *The Cambridge History of China*. Vol. 6, *Alien Regimes and Border States, 907-1368*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1994.

Gibbon, Edward. *Decline and Fall of the Roman Empire* Vol 5. London: J. M. Dent, 1910.

Ginsburg, Tom. «Nationalism, Elites, and Mongolia's Rapid Transformation,» *Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan*. Ed. Stephen Kotkin and Bruce A. Elleman. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1999.

Gluschenko, Nick. «Coinage of Medieval Rus.» *World Coin News* (June 1998). Gottfried, Robert S. *The Black Death*. New York: Free Press, 1983.

Gfousset, Rene. *Conqueror of the World*. Trans. Marian McKellar and Denis Sinor. New York: Orion Press, 1966.

— . *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. Trans. Naomi Walford. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1970.

Haenisch, Erich. *Die Kulturpolitik des Mongolischen Welstreichs*. Berlin: Preussische Akademie der Wissenschaften, 1943.

- Halperin, Charles J. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- , ed. *The Tatar Yoke*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985.
- Heissig, Walther. *A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered*. Trans. D. J. S. Thompson. London: Thames & Hudson, 1966.
- , ed. *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Dusseldorf: Eugen Diederichs Verlag, 1981.
- Herlihy, David. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
- Hildinger, Erik. «Mongol Invasion of Europe.» *Military History* (June 1997).
- , ed. *Warriors of the Steppe*. Cambridge, Mass.: Da Capo, 1997.
- Hoang, Michel. *Genghis Khan*. Trans. Ingrid Canfield. London: Saqi Books, 2000.
- Holmgren, J. «Observations on Marriage and Inheritance Practices in Early Mongol and Yuan Society, with Particular Reference to the Levirate." *Journal of Asian History* 20 (1986).
- Howorth, Henry H. *History of the Mongols*, pt. I, *The Mongols Proper and the Kalmuks*. London: Longmans, Green, 1876.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. «Mid-Yuan Politics.» In *The Cambridge History of China*, vol. 6, *Alien Regimes and Border States, 907-1368*, ed. Herbert Franke and Denis Twitchett. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1994.
- Humphrey, Caroline. *Shamans and Elders*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Hyer, Paul. «The Re-Evaluation of Chinggis Khan» *Asian Survey* 6 (1966).
- Jackson, Peter. «The State of Research: The Mongol Empire, 1986-1999, *Journal of Medieval History*. 26-2. (June 2000).
- Jagchid, Sechen. *Essays in Mongolian Studies*. Provo: Brigham Young University Press, 1988.
- Jagchid, Sechen, and Paul Hyer. *Mongolia's Culture and Society*. Boulder: Westview, 1979.

Jagchid, Sechen, and Van Jay Symons. *Peace, War, and Trade Along the Great Wall*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Jones, Eric L. *Growth Recurring: Economic Change in World History*. Oxford, U.K.: Clarendon Press, 1988.

Juvaini, Ata-Malik. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Trans. J. A. Boyle. Seattle: University of Washington Press, 1997.

Kahn, Paul. *The Secret History of the Mongols: The Origins of Chingis Khan*. Boston: Cheng & Tsui, 1998.

Kaplonski, Christopher. «The Role of the Mongols in Eurasian History: A Reassessment.» In *The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe*, ed. Andrew Bell. New York: St. Martin's Press, 2000.

Keegan, John. *A History of Warfare*. New York: Knopf, 1993.

Kessler, Adam T. *Empires Beyond the Great Wall: The Heritage of Genghis Khan*. Los Angeles: Natural History Museum, 1993.

Khan, Almaz. «Chinggis Khan: From Imperial Ancestor to Ethnic Hero.» In *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*, ed. Stevan Harrell. Seattle: University of Washington Press, 1995.

Khazanov, Anatoly M. *Nomads and the Outside World*. Madison: University of Wisconsin Press, 1994.

Khoroldamba, D. *Under the Eternal Sky*. Ulaanbaatar: Ancient Kharakhorum Association, 2000.

Klopprogge, Axel. *Ursprung und Auspraegung des abendlaendischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: Eine Versuch zur Ideengeschichte des Mitterlaters*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993.

Komarorf, Linda, and Stefan Carboni, eds. *The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York: Metropolitan Museum of Art, 2002.

Komroff, Manuel, ed. *Contemporaries of Marco Polo*. New York: Liveright, 1928.

Kotkin, Stephen, and Bruce A. Elleman, eds. *Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1999.

Kwanten, Luc. *Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500-1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.

Lamb, Harold. *Genghis Khan*. New York: Garden City Publishing, 1927.

Lane, George. *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance*. London: Routledge Curzon, 2003.

Lamer, John. *Marco Polo and the Discovery of the World*. New Haven: Yale University Press, 1999.

Latham, Ronald. Introduction to *The Travels of Marco Polo*, by Marco Polo, trans. Ronald Latham. London: Penguin, 1958.

Lattimore, Owen. *Studies in Frontier History*. New York: Oxford University Press, 1962.

—. «Chingis Khan and the Mongol Conquests.» *Scientific American* 209, no. 2 (August 1963).

Legg, Stuart. *The Barbarians of Asia: The Peoples of the Steppes from 1600 B.C.* New York: Dorset, 1970.

Levathes, Louise. *When China Ruled the Seas*. New York: Simon & Schuster, 1994.

Lhagvasuren, Ch. *Ancient Karakorum*. Ulaanbaatar: Han Bayan, 1995.

—. *Bilge Khaan*. Ulaanbaatar: Khaadin san, 2000.

Liu, Jung-en, ed. *Six Yuan Plays*. Middlesex, U.K.: Penguin, 1972.

Livi-Bacci, Massimo. *A Concise History of World Population*. 2nd ed., Trans. Carl Ipsen.

Maiden, Mass.: Blackwell, 1997. Lynch, Kathryn L. «East Meets West in Chaucer's Squire's and Franklin's Tales.» *Speculum* 70 (1995).

McNeill, William H. *Plagues and People*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1976.

— . *The Pursuit of Power*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Man, John. *Gobi: Tracking the Desert*. New Haven: Yale University Press, 1999.

Mandeville, Sir John, *The Travels of Sir John Mandeville, the Voyage of Johannes de Piano Carpini, the Journal of Friar William de Rubruquis, the Journal of Friar Odoric*. New York: Dover, 1964.

Marshall, Robert. *Storm from the East*. Berkeley: University of California Press, 1993.

Montesquieu, Baron de. *The Spirit of the Laws*. Trans. Thomas Nugent. New York: Hafner, 1949.

Morgan, David. *The Mongols*. Cambridge, Mass: Blackwell, 1986.

Moses, Larry, and Stephen A. Halkovic Jr. *Introduction to Mongolian History and Culture*. Bloomington, Ind.: Research Institute for Inner Asian Studies 1985.

Needham, Joseph. *Science and Civilization in China*, vol. 3, 4, 6. Cambridge: U.K. Cambridge University Press, 1954-1998.

Nehru, Jawaharlal. *Glimpses of World History*. New York: John Day, 1942.

Nicolaus of Cusa. *Toward a New Council of Florence: «On the Peace of Faith» and Other Works by Nicolaus of Cusa*. Ed. William F. Wertz Jr. Washington, D.C.: Schiller Institute, 1993.

Olbricht, Peter, and Elisabeth Pinks. *Meng-Ta Pei-Lu and Hei-Ta Shib-Lueh: Chinesische Gesandtenberichte iiber diefruben Mongolen 1221 und 1237*. Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1980.

Olschki, Leonardo. *Marco Polo's Precursors*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1943.

— . *Guillaume Boucher: A French Artist at the Court of the Khans*. New York: Greenwood, 1946.

Onon, Urgunge, trans. *The History and the Life of Chinggis Khan (The Secret History of the Mongols)*. Leiden: E. J. Brill, 1990.

— . *The Secret History of the Mongols: The Life and Times of Chinggis Khan*. Richmond, U.K.: Curzon Press, 2001.

Ostfowski, Donald. *Muscovy and the Mongols*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998. Paris, Matthew. *Matthew Paris's English History from the Year 1235 to 1273*. Trans. J. A. Giles, 1852. London: Henry G. Bohn. Reprint, New York: AMS Press, Vol. 1, 1968.

Pegg, Carole. *Mongolian Music, Dance, and Oral Narrative*. Seattle: University of Washington Press, 2001.

Petis de la Croix, Francois. *The History of Genghizcan the Great: First Emperor of the Ancient Moguls and Tartars*. London: Printed for J. Darby, etc., 1722.

Polo, Marco. *The Travels of Marco Polo*. Trans. Ronald Latham. London: Penguin, 1958.

—. *The Travels of Marco Polo: The Complete Yule-Cordier Edition*. 2 vols. New York: Dover, 1993.

Prawdin, Michael. *The Mongol Empire: Its Rise and Legacy*. Trans. Eden Paul and Cedar Paul. London: George Allen & Unwin, 1940.

Purev, Otgony. *The Religion of Mongolian Shamanism*, trans. Narantsetseg Pureviin and Elaine Cheng. Ulaanbaatar, Mongolia: Genco University College, 2002.

Rachewiltz, Igor de. *Papal Envoys to the Great Khans*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1971.

—. «The Secret History of the Mongols: Introduction, Chapters One and Two.» *Papers on Far Eastern History* pp. 115-163. (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University) no. 4 (1971).

—. «The Secret History of the Mongols: Chapter Three.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University) no. 5 (1972), pp. 149-175.

—. «Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University) no. 7 (1973), pp. 21-36.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Four.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University) no. 10 (1974), pp. 55-82.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Five.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University) no. 13 (1976), pp. 41-75.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Six.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 16 (1977), pp. 27-65.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Seven.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 18 (1978), pp. 43-80.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Eight.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 21 (1980), pp. 17-57.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Nine.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 23 (1981), pp. 111-146.

— . «Toregene's Edict of 1240.» *Papers on Far Eastern History* 23 (March 1981), pp. 39-63.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Ten.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 26 (1982), pp. 39-84.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Eleven.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 30 (1984), pp. 81-160.

— . «The Secret History of the Mongols: Chapter Twelve.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), no. 31 (1985), pp. 21-93.

— . «The Secret History of the Mongols: Additions and Corrections.» *Papers on Far Eastern History* (Canberra: Department of Far Eastern History, Australian National University), number 33 (1986), pp. 129-138.

Rashid al-Din. *The Successors of Genghis Khan*. Trans. John Andrew Boyle. New York: Columbia University Press, 1971.

Ratchnevsky, Paul. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Trans. Thomas Nivison Haining. Oxford, U.K.: Blackwell, 1991.

Reid, Robert W. *A Brief Political and Military Chronology of the Mediaeval Mongols, from the Birth of Chinggis Qan to the Death of Qubilai Qaghan*. Bloomington, Ind.: Publications of the Mongolia Society, 2002.

Riasanovsky, Valentin A. *Fundamental Principles of Mongol Law*. Uralic and Altaic Series, vol. 43. Bloomington: Indiana University Publications, 1965.

Ronay, Gabriel. *The Tartar Khan's Englishman*. London: Cassell, 1978.

Roosevelt, Theodore. Forward to *The Mongols*, by Jeremiah Curtin. Westport, Conn.: Greenwood, 1907.

Rossabi, Morris. *Khubilai Khan: His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988.

— . «The Reign of Khubilai Khan.» In *The Cambridge History of China*, vol. 6, *Alien Regimes and Border States, 907-1368*, ed. Herbert Franke and Danis Twitchett. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1994.

Roux, Jean-Paul. *Genghis Khan and the Mongol Empire*. Trans. Toulou Ballas. New York: Harry N. Abrams, 2003.

Sabloff, Paula L. W., ed. *Modern Mongolia: Reclaiming Genghis Khan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2001.

Saunders, J. J. *The History of the Mongol Conquests*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.

Schmieder, Felicitas. *Europa und die Fremden*. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.

Shen, Fuwei. *Cultural Flow Between China and the Outside World Throughout History*. Beijing: Foreign Languages Press, 1996.

Sinor, Denis, ed. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1990.

—. *Studies in Medieval Inner Asia*. Brookfield, Vt: Ashgate Publishing, 1997.

Skelton, R. A., Thomas E. Marston, and George D. Painter. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. New Haven: Yale University Press, 1965.

Soloviev, Sergei M. *Russia Under the Tatar Yoke, 1228-1389*. Vol. 4 of *History of Russia*. Trans. Helen Y. Prochazka. Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press, 2000.

Spence, Jonathan D. *The Chan's Great Continent*. New York: W. W. Norton, 1998.

Spuler, Bertold. *The Mongols in History*, Trans. Geoffrey Wheeler. New York: Praeger, 1971.

—. *History of the Mongols Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Trans. Helga and Stuart Drummond. Berkeley: University of California Press, 1972.

Stuart, Kevin. *Mongols in Western/American Consciousness*. Lampeter, U.K.: Edwin Mellen, 1997.

Sweeney, James Ross. «Thomas of Spalato and the Mongols.» *Florilegium: Archives of Canadian Society of Medievalists* 12 (1980).

Tanaka, Hedemichi. «Giotto and the Influence of the Mongols and Chinese on His Art.» *Art History* (Tohoku University) vol. 6 (1984).

—. «Oriental Scripts in the Paintings of Giotto's Period.» *Gazette des Beaux-arts* Vol. 113 (January-June 1989).

Togan, Isenbike. *Flexibility and Limitation in Steppe Formations*. New York: Brill, 1998.

Trubetzkoy, Nikolai S. *The Legacy of Genghis Khan*. Trans. Anatoly Liberman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991.

Vaughan, Richard. *Chronicles of Matthew Paris*. New York: St. Martin's Press, 1984.

Vladimirtsov, Boris Y. *The Life of Chingis-Khan*. Trans. Prince D. S. Mirsky. New York: Benjamin Blom, 1930.

Voltaire. *The Orphan of China*. In *The Works of Voltaire*, vol. 15, trans. William F. Fleming. Paris: E. R. DuMont, 1901.

Waldron, Arthur N. *The Great Wall of China*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1992.

Waley, Arthur. *The Travels of an Alchemist*. London: Routledge & Kegan Paul, 1931.

—. *The Secret History of the Mongols and Other Pieces*. New York: Barnes & Noble, 1963.

Wang, Edward. «History, Space, and Ethnicity: The Chinese Worldview.» *Journal of World History* 10, no. 2(1999).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение Пропавший завоеватель 9

ЧАСТЬ I

Степное «царство террора»: 1162–1206

1. Сгусток крови 51
2. История трех рек 97
3. Война ханов 136

ЧАСТЬ II

Монгольская мировая война: 1211–1261

4. Досада Золотого Хана 177
5. Султан против хана 220
6. Завоевание Европы 258
7. Война цариц 303

ЧАСТЬ III

Всеобщее пробуждение: 1262

8. Хубилай-хан и новая монгольская империя . 359
9. Золотой свет 397
- 10 Империя иллюзий 430
- Эпилог* Вечный дух Чингисхана 465
- Глоссарий* 474
- Библиография* 480

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Уэзерфорд Джек
ЧИНГИСХАН
и рождение современного мира

Художественный редактор Ольга Адаскина
Компьютерная верстка: Лариса Андреева
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Нина Ушинская

Подписано в печать 12.03.08.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,04.
С.: Ист. библиографическая (новая). Тираж 2000 экз. Заказ № 360и
С.: Ист. библиографическая (84)м. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 360и

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

Чингисхан.

Один из величайших завоевателей в мировой истории.

Правитель, покоривший множество стран и народов.

Сын нищих изгнанников, ставший могущественным монархом и непобедимым военачальником.

Но каким он был в реальности?

Ответ на этот вопрос вам предлагает великолепная книга Джека Уэзерфорда — известного американского ученого, работавшего в закрытых прежде для иностранцев районах Монголии — родины Чингисхана — и включившего в свое исследование уникальные материалы.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-17-031548-2

9 785170 315482